

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBIRIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

V.E. Medvedev, I.V. Filatova

**LOW AMUR LATE STONE AGE CERAMICS
(ornamental aspect)**

Editor
Academician RAS *A.P. Derevianko*

Novosibirsk
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В.Е. Медведев, И.В. Филатова

**КЕРАМИКА ЭПОХИ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ
(орнаментальный аспект)**

Ответственный редактор
академик РАН *А.П. Деревянко*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2014

УДК 903.02(57)

ББК Т4(2Р55)24

М 420

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты

доктор исторических наук *Д.Л. Бродянский*

доктор исторических наук *В.Н. Зенин*

доктор исторических наук *А.В. Табарев*

Медведев В.Е., Филатова И.В.

М 420 Керамика эпохи неолита нижнего Приамурья (орнаментальный аспект) / В.Е. Медведев, И.В. Филатова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 168 с.

ISBN 978-5-7803-0236-0

В книге на основе многочисленных археологических источников системно исследуется проблема зарождения и развития орнамента на керамике эпохи неолита всех культур, существовавших 3–13 тыс. л.н. в нижнем Приамурье. Представлен структурный анализ орнаментальных комплексов каждой культуры, выявлены признаки сходства и различия. Освещена систематика орнамента неолитического времени региона. Рассматриваются взаимоотношения и взаимовлияния орнаментальных традиций неолита Амура и сопредельных территорий российского и зарубежного Дальнего Востока. Органичной частью работы стал иллюстративный материал, увеличивающий ее информативность.

Издание адресовано археологам, этнографам, искусствоведам, историкам, востоковедам и всем, кто интересуется прошлым Восточной Азии.

Medvedev V.E., Filatova I.V.

Low Amur Late Stone Age ceramics (ornamental aspect) / Ed. A.P. Derevynko / V.E. Medvedev, I.V. Filatova; Rus. Acad. Of Scien., Sib. Branch. – Novosibirsk: Edition of Institute of archeology and ethnography, 2014. – 168 p.

ISBN 978-5-7803-0236-0

The problem of birth and development of ceramic ornament in late Stone Age Period in each cultures in 3–13 thousand years ago in Low Amur is firstly systematic learned in the book, according to various archeological sources. The structural analysis of ornamental complexes of each culture is shown; their similarity and difference are explored. The system of ornament of the late Stone Age of the region is presented. The relationship and influence of ornamental traditions of Amur Late Stone Age and nearby Russian and foreign Far Eastern territories are learned. The organic part of the book is an illustration material, which increase its informativeness.

The monograph is addressed to the archeologists, ethnographers, art explorers, historians, East-explorers and to everyone who is interested in Eastern of Asia' past.

УДК 903.02(57)

ББК Т4(2Р55)24

ISBN 978-5-7803-0236-0

© В.Е. Медведев, 2014

И.В. Филатова, 2014

© ИАЭТ СО РАН, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Нижнее Приамурье – пространство долины Амура и его притоков от низовьев Уссури до устья – в древности было зоной активного культурогенеза. Существование миграционных потоков, одним из магистральных путей которых, несомненно, служил Амур, наложило отпечаток на культуру населения, обитавшего на территории всего региона в эпоху неолита.

Начало изучения низнеамурских неолитических памятников связано, главным образом, с деятельностью Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Благодаря исследованиям А.П. Окладникова в 1930–1970-е гг., а также работе его учеников, последователей и других специалистов была сформирована источниковая база, включающая разнообразный материал. На ее основе археологами в обширной части низнеамурского ареала к настоящему времени выделены пять неолитических культур: осиповская, марийская, малышевская, кондонская и вознесеновская. По результатам стратиграфических наблюдений и радиоуглеродного датирования эти культуры соотнесены с определенными периодами неолита: *осиповская* (XII–IX тыс. до н.э.) – с начальным этапом, *марийская* (VIII–VII тыс. до н.э.) – с ранним, *малышевская* (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) – с ранним и средним, *кондонская* (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.) – с ранним и средним, *вознесеновская* (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) – с поздним.

В исследованиях древних миграций и культурных контактов значительная роль нередко отводится керамике – материалу серийному, обладающему сложным комплексом характеристик, которые могут быть использованы для сравнительного и иных видов анализа. При этом, как признают исследователи, орнаментация – сфера гончарства, отличающаяся наибольшей динамикой, восприимчивостью к внешним воздействиям и способностью к саморазвитию [Жущиховская,

1997, 2003]. Памятники малышевской, кондонской и вознесеновской культур характеризуются представительными коллекциями керамики с богатым и разнообразным декором. Достаточно информативны керамические коллекции осиповской и марийской культур.

В современной науке орнамент (от лат. *ornamentum* – «украшение») – узор, построенный на регулярном ритмическом чередовании и организованном расположении абстрактно-геометрических или изобразительных элементов, – является объектом специального изучения исследователей разного профиля: искусствоведов, культурологов, семиотиков, этнографов, археологов и др. Историография по данной проблематике весьма обширна, поэтому ограничимся характеристикой лишь основных подходов и методов изучения.

Традиционно орнамент определяется как область художественного творчества в рамках декоративно-прикладного искусства, поэтому одним из самых разработанных является искусствоведческий подход. В трудах Н.А. Иофан [1975], Т.К. Машуковой [1991], Ю.Я. Герчука [1998], Л.В. Фокиной [2005], Л.М. Буткевич [2005] и др. рассматривается в первую очередь художественная природа орнамента. Анализ художественного образа в декоре – один из главных моментов исследования – строится на основе характеристики различных аспектов, в том числе связанных с возвретиями народов разных эпох. К работам подобного плана, но с привлечением методов точных наук, примыкают исследования орнамента на основе законов ритма, симметрии. Этой проблеме посвящены работы А.В. Филиппова [1937], А.В. Шубникова [Шубников, 1940; Шубников, Кожин, 1972; Шубников, Копчик, 1986] и А.В. Скарбовенко [1988].

Проблемы возникновения и эволюции орнамента решаются на основе сравнительно-исторического подхода. Примером изысканий в его рамках являются фундаментальные труды С.В. Ива-

нова, написанные в 1960-е гг., но не утратившие значения до сих пор [1961, 1963]. В них дана подробнейшая характеристика орнаментики народов Сибири и Дальнего Востока, выделены орнаментальные типы и комплексы, охватывающие целые историко-культурные области. В русле сравнительно-исторического похода работали также Э.В. Кильневская [1968], Е.В. Волкова [1991] и др.

Ряд статей и монографий [Кашина, 1977; Саладзе, 1980; Евсюков, 1988; Голан, 1994] посвящен выявлению генезиса и раскрытию семантики древних орнаментальных мотивов. Примыкает к семантическому такое направление изучения орнамента, которое условно можно обозначить как «лингвистический» подход. В частности, А.А. Бобринский разбирает орнамент «по приему лингвистики», т.е., по его словам, «доискиваемся его этимологии» [1902, с. 5]. К семантическому же направлению исследований можно отнести и работы в рамках т.н. «семиотического» («информационного») подхода, где орнамент рассматривается как знаковая система и уподобляется «тексту», который несет определенным образом закодированную информацию. Мнение П.А. Путятиной об орнаменте как особой форме древнего «письма» [1886] получило развитие в работах Н.Я. Марра [1930], Ю.М. Лотмана [1998], в статьях В.Б. Ковалевской [1970], Ю.И. Михайлова [1990] и др.

На основе методов точных наук ведутся исследования орнамента в рамках формализованного подхода. Выявлению количественных показателей (при анализе собранного массового материала применяются статистические подсчеты) посвящены работы В.Б. Ковалевской [1965], Б.И. Маршака [1965], В.Ф. Генинга [1973, 1992], Д.В. Деопика и П.Е. Митяева [1981], Долуханова П.М. и Фонякова Д.И. [1989], И.Г. Глушкина [1991], З.В. Степаненковой [1992], О.М. Рындиной [1996] и др. Формализованный и системный подходы изучения орнамента нередко смыкаются [Рындина, Леонов, 1992; Жущиховская, 1996б; Скарбовенко, 1999].

Из работ зарубежных авторов, посвященных орнаменту, следует назвать исследования А.О. Шепард (отдельный раздел в гл. III монографии см.: [Shepard, 1965]), Дж.-К. Гардина [Gardin, 1978], А. де Морана (раздел монографии см.: [1982]).

Представленный обзор показывает, что по данной тематике накоплен обширный опыт в рамках самых различных подходов и методов. Такое разнообразие в целом определяется многоаспектностью самого орнамента на керамике как объекта исследования.

Своего рода обобщением историографии изучения орнамента на керамике являются работы Ю.Б. Цетлина [1996, 1998, 2000а-б, 2002, 2004, 2005, 2006, 2012], где общие принципы декорирования древней глиняной посуды возведены в ранг научной проблемы. Выводы, к которым пришел исследователь, сводятся к трем основным тезисам:

1. Возникновение орнамента базируется на трех основных компонентах: окружающем человека объективном мире; общей биологической природе человека; индивидуальных художественных способностях отдельных людей.

2. Орнамент – особое изображение объективного или субъективного мира человека.

3. Основными функциями орнамента являются: передача информации между людьми; интеграция родственных и дифференциация неродственных индивидов и коллективов [Цетлин, 2004, с. 93].

По мнению Ю.Б. Цетлина, все эти грани орнамента реализуются в культурных традициях («идеальная» форма), конкретных вещах и предметах («материальная» форма). Последние могут служить основой для реконструкции культурных традиций, регламентирующих «правила создания орнамента, его внешний облик и смысл» [Цетлин, 2004, с. 93].

В своем исследовании мы придерживаемся точки зрения Э.С. Маркаряна, понимавшего под *культурной традицией* «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [1981, с. 80]. В структуре традиции выделяются три системообразующих блока: 1) адаптация в форме накопления опыта о среде; 2) передача опыта (информации); 3) адаптация старой информации в новых условиях. Средствами фиксации, хранения, преобразования и передачи информации, помимо собственно «человеческого языка», может выступать и т.н. «язык культуры» – «совокупность культурных объектов, обладающая внутренней структурой (комплексом устойчивых отношений, инвариантных при любых преобразованиях), явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмыслиения и употребления ее элементов и служащая для осуществления коммуникативных и трансляционных процессов (производства культурных текстов)» [Шейкин, 1998, с. 423]. Каждому «языку культуры» соответствует, как правило, своя область действительности или человеческой деятельности, представленная в определенных смыслах, а так-

же собственно знаковая система – выразительное средство языка. На наш взгляд, одним из таких «языков культуры» в архаичном обществе являлся орнамент, в том числе и на керамике.

Есть точка зрения, что культурным традициям в керамике могут быть отнесены две совершенно независимые традиции – декоративная и технологическая. Декоративная традиция более мобильна, рефлексивна. Орнаментальный «текст» зависит, в первую очередь, от общекультурного стиля. Технологические стереотипы поведения, нашедшие отражение в материале, не обладают такой свободой связей и отношений [Глушков, 1996]. Г.С. Кнабе, сравнивая декоративный и технологический аспекты археологического материала, отмечал большую обособленность декоративных характеристик по сравнению с технологическими, их слабую связь с развитием производства [1959]. Именно это обстоятельство, по мнению данного исследователя, делает их более предпочтительными индикаторами в реконструкции этнокультурных явлений.

В свете вышеизложенного представленные в нашей книге результаты изучения орнаментальных традиций населения нижнего Амура в эпоху неолита представляются актуальными.

В качестве источника нами использовалась керамика – вылепленная из глины и обожженная посуда, полученная в разное время в ходе исследований в нижнем Приамурье. В настоящее время эти материалы хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Некоторая часть коллекций находится в фондах Хабаровского краеведческого музея им. Н.Н. Гродекова, городского краеведческого музея г. Комсомольска-на-Амуре. При количественных подсчетах применялась сплошная выборка орнаментированной керамики. В тех же случаях, когда привлекались данные публикаций других исследователей, учитывались все отраженные в таблицах материалы (поселения Гася, Сучу, Кольчем-2 и -3 и др.).

Другой источник информации – данные радиоуглеродного датирования, представленные в различных публикациях [Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. Всего на сегодняшний день получено около 100 радиоуглеродных дат для неолитических памятников нижнего Приамурья. Большая их часть откалибрована. В целом, данные по радиоуглеродному датированию названных выше пяти археологических культур нижнеамурского неолита довольно неравнозначны. Так, 45 дат по ^{14}C соотносятся с вознесеновской культурой,

26 – с малышевской, 20 – с осиповской, 6 – с кондонской, 3 – с мариинской. Малое количество дат по кондонской и мариинской культурам в значительной степени затруднило процедуру исследования, так как выделение групп внутри культур и сопоставление их между собой в первом случае вызвало затруднение, а во втором – невозможно.

В работе использовались структурный, сравнительно-исторический, типологический и семиотический методы для характеристики орнаментальных комплексов нижнеамурских неолитических культур. Применялся традиционный для археологии картографический метод, а также контент-анализ для статистической обработки керамики как массового материала, данные естественных наук (радиоуглеродное датирование).

В границах зоны распространения нижнеамурских археологических культур эпохи неолита выделены два ареала с довольно существенными природно-географическими различиями:

1) юго-западная часть нижнего Амура и близлежащие районы Среднеамурской низменности, низовьев р. Уссури;

2) северо-восточная часть нижнего Амура, которая включает приусьевую зону р. Амур и прилегающие к ней районы с бассейнами рек Горин и Амгунь.

Первый из названных ареалов отличается сравнительно мягкими и благоприятными природно-климатическими условиями, тогда как для второго характерен довольно суровый климат, близость к северным горно-таежным районам и морскому побережью. Нами использованы также материалы памятников сопредельных с нижним Приамурьем территорий российского (средний Амур, Приморье, Сахалин) и зарубежного (Китай, Япония) Дальнего Востока.

Большая часть изученного материала получена в ходе полевых экспедиционных работ авторов и сотрудников ИАЭТ СО РАН. На привлеченные источники и публикации других исследователей в тексте и подрисунковых подписях настоящей работы даны ссылки.

Было бы несправедливо не отметить, что большую помощь при получении и обработке керамического материала, а также в подготовке монографии к печати оказала О.С. Медведева. На протяжении ряда лет в раскопках рассматриваемых памятников принимали участие многие исследователи и студенты городов Новосибирска, Ленинграда, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, школьники сел Кондон и Марииинское. Всем им – огромная благодарность.

Глава 1

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ

1.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Нижнее Приамурье относится к числу культурных ареалов Дальнего Востока, памятники которого отличаются исключительной насыщенностью материалами гончарного производства, в том числе и эпохи неолита. Формирование источниковой базы исследования орнаментальных традиций нижнеамурского неолита связано с накоплением разнообразных источников и их изучением. Источники по орнаментике неолитических культур нижнего Амура – это, прежде всего, керамика – выпепленная из глины и обожженная посуда.

Формирование коллекций керамики и изделий из глины началось в середине XIX – начале XX в., когда на нижнем Амуре работали экспедиции (главным образом, этнографические). Первое сообщения о неолитических находках (в т.ч. керамике) в этом регионе (рч. Патха близ г. Николаевска-на-Амуре) появилось во второй половине XIX в. [Лерх, 1868].

Б.Р. Лауфер, работавший на нижнем Амуре в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции Американского музея естественных наук, в 1899–1902 гг. организовал раскопки в с. Кондон. Собранная коллекция, кроме прочего, включала фрагменты керамики с антропо-, зоо- и орнитоморфными изображениями [Окладников, 1980, с. 3; Деревянко, 1972, с. 39–40].

В 1902–1908 гг. В.К. Арсеньев выполнял археологическую съемку Уссурийского края. Им сделаны планы не менее двухсот памятников культурно-хронологического диапазона от неолита до средневековья, а некоторые частично описаны. Среди исследованных на нижнем Амуре местонахождений – шахты у с. Амгу, комплексы поселений на побережье Татарского пролива и др. [Арсеньев, 1947]. Среди собранных материалов есть неолитическая керамика.

В 1910 г. Л.Я. Штернберг осуществил подъемные сборы и раскопки в окрестностях сел Кальма и Верхний Амгун. Находки включали фрагменты керамики, украшенной вертикальным зигзагом [Окладников, 1979, с. 72]. В 1915–1916 гг. экс-

педиция под руководством С.М. Широкогорова наряду с этнографическими исследованиями провела археологическую разведку с частичными раскопками, в т.ч. и неолитических памятников [Деревянко, 1972, с. 40].

Делая обзор истории археологических исследований в регионе, А.П. Окладников писал: «...на огромной территории низовьев Амура, от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре... до 1917 г. ... проводились лишь отдельные несистематические сборы археологических предметов, случайные исследования...» [1980, с. 3].

В 1920–1930-е гг. работы на нижнем Амуре были продолжены. В 1926–1927 гг. М.М. Герасимов проводил разведочные работы в районе г. Хабаровска. Обнаружены стоянки, давшие «интересный и выразительный инвентарь», среди которого названа керамика [Герасимов, 1928, с. 138]. Тогда же Е.Р. Шнейдер собрал коллекцию в с. Кондон, В.К. Арсеньев – на поселении у с. Вознесенского. Среди находок фигурировали фрагменты неолитической керамики.

В 1933–1935 гг. на поселениях о-ва Сучу и у с. Калиновка А.М. Золотарев провел частичные раскопки двух жилищ. В ходе работ в жилище на о-ве Сучу обнаружены сосуды, поверхность которых окрашена красной краской и залощена [Золотарев, 1939, с. 6–7].

В целом, разведочные и раскопочные работы 1920–1930-х гг., в ходе которых собран представительный археологический материал, показали перспективность дальнейшего изучения данного района.

В 1935 г. Институт антропологии, этнографии и археологии АН СССР в низовья р. Амура направил Амурскую комплексную экспедицию под руководством А.П. Окладникова (в то время аспиранта). Цель работ – «общая подготовка более широких исследований ближайших лет», а важнейшая задача – «выявить и систематизировать вещественные археологические материалы... низовьев Амура» [Окладников, 1980, с. 4].

Разысканиями была охвачена долина Амура на протяжении более тысячи километров (преимущественно по правому берегу, но в ряде пунктов – и по левому), по маршруту г. Хабаровск – г. Николаевск-на-Амуре. Предпринимались раскопки наиболее показательных местонахождений (близ Хабаровска и в его окрестностях, на о-ве Сучу, в местности Малый Дурал у с. Н. Тамбовка и пр.). Позже А.П. Окладников писал: «Центр тяжести работ 1935 г. лежал в области изучения памятников амурского неолита, как наиболее древних для данной территории» [1980, с. 4].

В общей сложности было обнаружено и обследовано 135 неолитических памятников. Кроме прочего, в составе собранной коллекции была и неолитическая керамика разной культурной принадлежности.

Исследования на нижнем Амуре продолжились в 1950-е гг. В 1953 г. была организована Дальневосточная археологическая экспедиция (ДВАЭ), с 1974 г. – Северо-Азиатская комплексная археологическая экспедиция (САКАЭ). Возглавляли ее А.П. Окладников, а затем А.П. Деревянко. Деятельность экспедиции была направлена на изучение памятников широкого культурно-хронологического диапазона. Главным образом Хабаровский (он же – Амуро-Уссурийский, 1969–2010 гг.; рук. В.Е. Медведев), а также Нижнеамурский (1983–1990 гг.) отряды ДВАЭ (САКАЭ) выявили новые и обследовали уже известные неолитические местонахождения района.

В 1959 г. А.П. Окладников открыл и обследовал неолитические поселения в районе с. Шереметьево (правый берег р. Уссури). Найденные обломки сосудов показали, что наряду с малышевской керамикой здесь много материала, который можно отнести к кондонской культуре [Медведев, 2003а, с. 166]. Тогда же проводились раскопки на многослойном поселении у Амурского санатория в г. Хабаровске. К неолитическому слою были отнесены фрагменты сосудов с орнаментом из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа и с узором «плетенка» [Окладников, Деревянко, 1973, с. 113–114]. У с. Казакевичево собран подъемный материал, датированный неолитом. Проведены раскопки неолитического местонахождения у с. Бычиха. Как было отмечено, найденная здесь керамика близка посуде, обнаруженной у с. Казакевичево и Амурского санатория [Окладников, Деревянко, 1973, с. 144]. В.Е. Ларичев опубликовал материалы с местонахождения у с. Казакевичево [1961, с. 259–266].

В 1960 г. А.П. Окладников изучал памятник у д. Осиповка близ г. Хабаровска [Окладников, Деревянко, 1973, с. 189], а Ю.А. Мочанов обследовал р. Амгунь и оз. Чукчагирское (выявлены памятники разной культурно-хронологической принадлежности). На двух памятниках на оз. Чукчагирском (о-в Святого Витуса, Чукчагирское-1) и местонахождении на протоке Ольджикан (в устье р. Кокульни) обнаружена керамика, орнаментированная гребенчато-пунктирными зигзагами [Мочанов, 1970].

В 1960–1963 гг. исследовались местонахождения в районе с. Кондон в бассейне р. Горин. На неолитическом памятнике Кондон-Почта были раскопаны 7 жилищ (№ 1–3, 6–9). Керамика, обнаруженная на полу и в ямах жилищ 1, 2, 6, 8 и 9, в основном орнаментирована вдавлениями гребенчатого штампа, составленными в концентрические горизонтальные пояса, с прочерченными желобками-«каннелюрами». Наиболее яркий элемент декора керамики из этих жилищ – «амурская плетенка». На полу жилищ 3 и 7 выявлена керамика, украшенная вертикальным зигзагом с прочерченными поверх него спиралями [Окладников, 1984, с. 21, 23]. В ходе работ получена радиоуглеродная дата – 4 520±60 л.н.

На многослойном поселении Сарголь (Сорголь) в 1962 г. раскопано 5 жилищ полностью или почти полностью, а 6 – частично. Четыре жилища верхнего слоя отнесены к раннему железному веку. Глубже располагалось уничтоженное впоследствии поселение неолитической культуры с плоскодонной керамикой, орнаментированной криволинейным узором и зигзагом [Медведев, 2003а, с. 168].

Работы на неолитических памятниках региона велись практически ежегодно. Так, в 1965 г. обследование под руководством А.П. Окладникова окрестностей с. Малышево показало наличие ряда древних поселений. Изыскания проводились в трех пунктах: 1) на правом берегу протоки Малышевской на верхней окраине села («У мастерских» РЭБ флота – Малышево-1); 2) на склоне невысокой возвышенности на нижней окраине села («Утес» – Малышево-2); 3) в 400 м от нижней окраины села по течению протоки («У кладбища» – Малышево-3) [Окладников, Деревянко, 1973].

Как отметили авторы исследований, наиболее древнее поселение в районе с. Малышево располагалось на правом мысу небольшого ручья в районе ремонтных мастерских РЭБ флота. Керамика одного из жилищ является собой единый выдержаный комплекс. Укращена она в основном гребенчатым штампом или «амурской плетенкой» из тонких

глиняных жгутов, наложенных друг на друга и образующих ромбическую сетку. В верхней части террасы располагалось многослойное поселение. Для жилища верхнего горизонта получены радиоуглеродные даты – $3\ 875\pm120$ и $3\ 590\pm60$ л.н., а для жилища нижнего горизонта – $5\ 115\pm160$ л.н. Керамика из нижнего жилища украшена резным вертикальным зигзагом, налепными рассечеными валиками, ромбическими и округлыми вдавлениями [Окладников, Деревянко, 1973, с. 199, 200].

В 1965 г. А.П. Окладников при участии А.П. Деревянко исследовал многослойное поселение у с. Вознесенского. Здесь собран подъемный материал, в том числе фрагменты краснолощеного сосуда с «личиной», зачищен и зарисован обрез террасы [Окладников, 1967, с. 175; 1972б, с. 21–22]. В 1966 г. раскопки были продолжены вдоль расчищенного обреза террасы.

По особенностям орнамента на керамике, собранной в ходе работ, А.П. Окладников выделил несколько групп, связав их на основе стратиграфии памятника с определенными этапами развития неолита. Отдельные группы составили керамические комплексы среднего и нижнего культурных слоев. Керамика среднего слоя декорирована вертикальным зигзагом и спиралью. Орнамент керамики нижнего слоя – «поставленные вертикально и объединенные в горизонтальные пояса, прямые и короткие вдавления гребенчатого штампа», «вписаные друг в друга треугольники» [Окладников, 1967, с. 177; 1972б, с. 21–22; Окладников, Деревянко, 1973, с. 112–113]. А.П. Окладников выделил также кондонский горизонт, залегавший между малышевским (снизу) и Вознесеновским слоями [1967, с. 178; 1972б, с. 21].

В 1968 г. этот исследователь предпринял новую (после 1935 г.) экспедицию по Амуру: от с. Сакачи-Аляна до г. Николаевска-на-Амуре. Изучались как уже известные, так и новые местонахождения [Окладников, Деревянко, 1973, с. 42; Медведев, 2002, 2008в], в т.ч. поселения у сел Иннокентьевка и Калиновка. Работы на многослойном поселении у Иннокентьевки велись на двух участках. Установлено, что памятник многослойный, а нижние культурные горизонты содержат материалы, соотносимые с эпохой неолита. Неолитическая керамика представлена двумя группами разной культурно-хронологической принадлежности. В декоре первой преобладают угольчатые оттиски, оттиски гребенчатого штампа, а второй – каннелюры, «амурская плетенка», защипы [Медведев, Филатова, 2001а]. На местонахождении у с. Калиновка были заложены шурфы, давшие многочисленный керамический материал, который типологически

относится к неолиту. Керамика памятника в основном орнаментирована оттисками гребенчатого штампа [Медведев, Филатова, 2001б].

Тогда же А.П. Окладниковым и В.Е. Медведевым проведена шурфовка, а в 1969 г. – раскопки части поселения у с. Тахта. Два жилища были вскрыты полностью, а пять – частично. В жилище-святилище 1 обнаружена краснолощеная керамика, орнаментированная прочерченными спиральюми, оттисками многозубчатой гребенки и барельефными изображениями, а также предметы искусства [Медведев, 2005а, с. 254; 2005б].

В ходе работ экспедиции исследовано многослойное поселение у с. Максим Горький. В 1969 г. памятник изучался под руководством А.П. Деревянко. Материалы из «верхнего поселения» по декору керамики (в т.ч. прочерченному криволинейному орнаменту) и дате ($3\ 760\pm70$ л.н.) были отнесены к позднему неолиту [Деревянко, 1976, с. 200].

В полевые сезоны 1970–1973, 1975–1976, 1979–1980, 1986–1990 гг. изучались местонахождения у с. Сакачи-Алян. Первый пункт (Госян) располагался примерно в 0,5 км выше села, второй – на береговом утесе Гася, в 350 м от первого, третий – на нижней окраине села. В 1970–1973, 1975–1976, 1979–1980 гг. руководил экспедицией А.П. Окладников, а в 1986–1990 гг. – А.П. Деревянко. Руководителем отряда был В.Е. Медведев.

По масштабам раскопок и представительности собранной коллекции среди исследованных местонахождений выделяется многослойное поселение Гася. Здесь работы велись в восьми раскопах общей площадью 851 м². Культурный горизонт эпохи неолита на памятнике представлен большим количеством разрозненных фрагментов и почти целыми сосудами. Керамика коррелирует с разными культурно-хронологическими отрезками.

В состав коллекции из жилищ малышевской культуры вошли фрагментированные и целые изделия. Основные элементы орнамента – ямочные, гребенчатые, скобковидные и дугообразные (чешуйчатые) оттиски. Зафиксирована также Вознесеновская керамика, украшенная вертикальным и горизонтальным зигзагом, изображением «личины». Помимо малышевской и Вознесеновской посуды на поселении обнаружена принципиально отличная керамика (в т.ч. развал сосуда). Практически все фрагменты такой керамики имели слаборифленую внешнюю и внутреннюю поверхности. Узкие же лобки были аккуратно нанесены мелкозубчатым предметом [Медведев, 1995а, с. 228–229, 234].

Даты, полученные у с. Сакачи-Алян, соотносятся с осиповской ($12\ 960\pm120$, $11\ 340\pm60$,

10 875±90 л.н.), малышевской (7 950±80, 6 900±260 л.н.) и вознесеновской (3 840±40 л.н.) культурами [Медведев, 1995а, с. 234, 237; 2007б, с. 131–132, 135]. Научная ценность добытых на поселении вещественных источников, радиоуглеродных данных, стратиграфических, планиграфических и иных наблюдений распространяется далеко за пределы нижнеамурского ареала [Медведев, 1995а, с. 228].

В 1971–1972 гг. изучение памятника Кондон-Почта было продолжено под руководством А.П. Окладникова и В.Е. Медведева. Вскрыто пять жилищ (№ 4, 5, 10, 13 и 14) полностью, а три (№ 9, 11 и 12) – частично. На полу и в ямах жилищ 4 и 10 найдена керамика, декорированная вдавлениями гребенчатого штампа, а также прочерченными желобками-«каннелюрами». Как и в раскопах 1960-х гг., самый выразительный орнамент керамики – «амурская плетенка». Керамика с пола жилищ 5, 13 и 14 декорирована вертикальным зигзагом с прочерченными поверх него спиральюми [Окладников, 1984, с. 118, 120]. Из очага жилища 14 получена дата – 3 770±30 л.н.

В результате раскопок 1960–1970-х гг. на памятнике собрана весьма представительная коллекция керамики, включающая 45 целых сосудов. В 1972 г. начаты стационарные исследования на о-ве Сучу, которые продолжались до 1977 гг. под общим руководством А.П. Окладникова (руководитель отряда В.Е. Медведев). Пять жилищ (В, Г, Д; № 1, 2) вскрыты полностью, а четыре (А, Б, Е, Ж) – частично. Найдено более 41 тыс. артефактов, в т.ч. керамика в виде целых сосудов и разрозненных фрагментов [Деревянко, Медведев, 2002, с. 55].

Жилища А–Ж и 1, исследованные в 1972–1975 гг., отнесены к малышевской культуре. Ведущие технико-декоративные элементы орнамента на керамике – ямочные, скобковидные, прямоугольные и ромбовидные отиски. Небольшая часть керамики орнаментирована «амурской плетенкой» [Деревянко, Медведев, 1996, с. 217].

Жилище 2 (вознесеновское) изучено в 1977 г. Основные технико-декоративные элементы керамики из него – налепные валики вдоль кромки венчика, вертикальный или горизонтальный зигзаги. По пробам древесного угля установлены даты: 5 455±155, 3 950±90, 3 875±60, 3 260±75 л.н.

Во второй половине 1980-х гг. Нижнеамурский отряд САКАЭ под руководством А.К. Конопацкого проводил раскопки на многослойном поселении Малая Гавань [1993]. В ходе работ изучено неолитическое жилище, собрана коллекция керамики. Зафиксированы фрагменты сосудов с «редкозуб-

чатым» вертикальным зигзагом, а также с гребенчато-пунктирным зигзагом и спирально-ленточным или геометрическим узором [Конопацкий, 1993, с. 295–301]. Для памятника получены даты: 4 855±65 и 4 210±75 л.н.

Этот же отряд частично раскопал многослойный памятник Сусанино-4. Керамика эпохи неолита представлена здесь фрагментами сосудов, орнаментированных вертикальным зигзагом в различных его вариациях; встречаются следы кри-волинейного орнамента типа спирали, меандра [Конопацкий, 1990, с. 9–10, 14–15].

В 1992–1995 и 1997–1999 гг. Амуро-Уссурийский отряд САКАЭ продолжил начатые в 1970-е гг. исследования на о-ве Сучу. Работы проходили под руководством А.П. Деревянко и В.Е. Медведева. Было вскрыто 6 жилищ и святилище. Общая площадь раскопок составила 927 м². Сделанные в ходе работ находки вошли в коллекцию из почти 29 тыс. предметов, включая керамику [Деревянко, Медведев, 2002, с. 53].

Жилища 3 и 5 принадлежат малышевской культуре. Основные элементы декора найденной керамики – чешуйчатые (скобковидные), ямочные и прямоугольные отиски [Медведев, 1994, с. 177], а также гребенчатый штамп, квадратные и ромбовидные углубления [Деревянко, Медведев, 1997, с. 53]. Исследованное на острове святилище, а также жилища 4, 6, 7 и 84 оставлены носителями вознесеновской культуры. В святилище «на подавляющем большинстве черепков – видны элементы... антропоморфного, зооморфного, а также растительного орнамента. Орнаментальные мотивы керамики из жилищ – пунктирно-гребенчатый зигзаг, спирали, резные углы, полосы и ямки» [Медведев, 1995б, с. 290; Деревянко, Медведев, 1997, с. 56]. В ходе работ получены даты для святилища (4 200±80 л.н.) и жилища 84 (3 825±80, 3 795±50, 3 735±60, 3 695±65, 3 690±50 л.н.).

Особенностью раскопа 1999 г. стало открытие нового неолитического культурного пласта, который предшествовал здесь малышевской культуре. Важным диагностирующим признаком культуры, названной мариинской, стал узор на керамике. Орнамент (четырехугольные и круглые гребенчатые отиски, косые желобки) нанесен пояском только под кромкой венчика. Такой же декор обязательно присутствует в верхней части сосудов. Стенки не декорированы [Медведев, 1999, с. 178, 180].

В 2000–2002 гг. о-в Сучу стал местом совместных российско-корейских исследований, организованных Институтом археологии и этнографии СО РАН и Государственным институтом культурного наследия Республики Корея. Вскрыты

5 жилищ (№ 24–27, 83). Найдено свыше 21 200 артефактов, в т.ч. керамика, включая целые сосуды [Деревянко, Медведев, 2002, с. 55].

В частности, в жилищах 24–27, относящихся к малышевской культуре, выявлена керамика, орнаментированная различными оттисками гребенчатого штампа, ямками, скобками. Часть керамики украшена спиральями и меандром [Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2000а-б, 2001, 2002а]. Обнаружена также керамика вознесеновской культуры, оформленная вертикальным зигзагом и криволинейным орнаментом [Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2002а].

В комплексе керамики из жилища 83 авторами раскопок выделены 2 основные группы: 1) сосуды, орнаментированные сочетанием вертикального зигзага и спирального узора; 2) сосуды, украшенные только зигзагом (вертикальным или горизонтальным). Керамика маринской культуры, зафиксированная в раскопе, декорирована оттисками гребенчатого штампа, составленными в прямые горизонтальные линии [Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2002б, 2003]. В ходе работ для всех жилищ получена серия дат.

Сучу – один из наиболее изученных нижнеамурских памятников, на котором в общей сложности раскопано 2,7 тыс. м², исследовано святилище, 16 жилищ полностью и 4 частично, собран вещественный материал общим количеством свыше 91 тыс. артефактов, включая керамику [Деревянко, Медведев, 2002, с. 56].

Таким образом, почти за 50 лет работы отрядов САКАЭ СО РАН на нижнем Амуре открыты сотни памятников неолитического времени, накоплен значительный объем вещественных материалов, среди которых особое место занимает керамика.

Преимущественно с 1980-х гг. в работе по формированию источников базы нижнеамурского неолита помимо отрядов САКАЭ начали участвовать археологические отряды, организованные на базе краеведческих музеев, вузов Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, а также Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР.

В 1982 г. Амгуньский отряд Хабаровского краеведческого музея под руководством В.Н. Копытко осуществлял разведочные работы в долине р. Амгунь. В ходе исследований (подъемные сборы, зачистка обнажений) осмотрены уже известные и открыты новые памятники с керамикой разной культурно-хронологической принадлежности, в т.ч. и эпохи неолита [Копытко, 1984, с. 164].

Несколько позже отряд Е.М. Лосан того же музея провел разведку на побережье Амурского ли-

мана, пролива Невельского. В 1985 и 1988 гг. обследовались местонахождения в районе оз. Орель и Чля, в т.ч. Старая Какорма, Какорма-2, Новгородово, Озерная, Михайловское-2. Здесь найдена керамика, орнаментированная, в частности, зигзагом [Лосан, 1989]. Стационарно исследовалось многослойное поселение Старая Какорма. В нижнем (неолитическом) слое поселения обнаружены остатки жилища. Найденная в жилище и за его пределами керамика орнаментирована налепными валиками, а также вертикальным гребенчато-пунктирным зигзагом [Лосан, 1991].

В 1990-е гг. археологический отряд Городского краеведческого музея и Государственного педагогического института г. Комсомольска-на-Амуре исследовал открытое в 1989 г. многослойное поселение Хумми [Лапшина, 1994, 1995, 1998, 1999]. Раскопки показали, что в верхнем культурном горизонте памятника залегал «материал эпохи неолита с керамикой, украшенной вертикальным зигзагом», а в нижнем обнаружена плохо сохранившаяся керамика [Лапшина, 1994, с. 15; 1995, с. 55; 1999, с. 47]. Для нижнего (осиповского) горизонта памятника получены даты: 13 260±100, 12 425±850, 12 150±110, 12 010±105, 10 345±110 л.н.

В 1991 г. отряд Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, возглавляемый В.И. Дьяковым, проводил разведывательные работы в районе с. Кондон. Были составлены описания группы археологических памятников, в т.ч. эпохи неолита [Дьякова, Дьяков, Сакмаров, 2002].

Работы в районе р. Девятки (бассейн р. Горин) продолжены в 1995–2006 гг. научными сотрудниками Хабаровского краеведческого музея (руководитель отряда А.В. Малявин). Ими описана группа поселений эпохи неолита и раннего железного века, проведены раскопки неолитического поселения Кондон-38 (Мари-5), обследован памятник Харпичан-4, в котором выявлено наличие стратифицированных комплексов осиповской, кондонской и белькачинской культур [Малявин, 1996, 1999, 2008].

В 1990–2003 гг. отряд Хабаровского краеведческого музея (руководитель И.Я. Шевкомуц) исследовал местонахождения в Ульчском и Нанайском районах Хабаровского края. Были учтены памятники с керамикой неолитического облика: Голый Мыс-1–3, -5 и -6, Кольчем-1–3, -7 и -9, Солонцы-3 и -5, Савинское-2–5, Большемихайловское-5, Белоглинка-1 и др. Наряду с разведкой велись раскопки некоторых многослойных поселений. На поселении Кольчем-3 вскрыты жилища с керамическим материалом различных периодов

неолитической культуры III – первой половины II тыс. до н.э. [Шевкомуд, 2004].

В полевые сезоны 1995–2006 гг. тот же отряд обследовал археологические памятники на участке берега протоки Амурской между селами Новотроицкое – Корсаково. Памятники условно объединены в две группы – новотроицкую и осиновореченскую. На памятниках Гончарка-1, Новотроицкое-3, Гончарка-3, Осиновая Речка-10 и -16 проведены раскопки. Практически на всех комплексах обнаружена керамика, коррелирующая с осиповской культурой (заметим, что первый памятник осиповской культуры со значительным количеством каменного инвентаря в районе с. Осиновая Речка открыл и обследовал в 1977–1978 гг. В.Е. Медведев [2011, 2012б]). Найдена орнаментированная керамика, ярко-представленная в Гончарке-1: с волнистыми венчиками, имеющими сквозные отверстия, с гребенчато-пунктирной орнаментацией (в т.ч. в виде вертикальных и горизонтальных зигзагов) [Шевкомуд, 2002, с. 179–181; 2005, с. 9–10]. Для шес-

ти памятников получены радиоуглеродные даты в диапазоне 10,0–12,5 тыс. л.н.), в т.ч. для местонахождения Гончарка-1, выделяющегося «количеством и разнообразием» керамики.

В 2006 и 2009 гг. тем же отрядом Хабаровского краеведческого музея велись раскопки ранее открытого О.В. Поляковым [1994] поселения Князе-Волконское-1. В результате получена коллекция керамики кондонской культуры [Шевкомуд, Горшков, 2007]. Предпринимались также дополнительные исследования поселения Малая Гавань с целью уточнения некоторых дискуссионных моментов неолитических культур (в т.ч. по орнаменту на керамике) [Шевкомуд и др., 2008, с. 249–250].

Таким образом, к настоящему времени в археологии нижнеамурского неолита сформирован значительный корпус керамического материала. Коллекции с памятников насчитывают многие тысячи единиц керамики, включая целые и археологически целые глиняные сосуды, обломки верхних и нижних частей, отдельные фрагменты.

1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ

Насчитывающая уже более ста лет история изучения нижнеамурского неолита освещена в статье А.П. Деревянко [1972], а также в соответствующих разделах монографий А.П. Окладникова и А.П. Деревянко [1973, 1977], а также В.Е. Медведева [2005а] и других археологов, занимающихся данной проблемой. Истории изучения дальневосточной керамики уделено внимание в статье Е.И. Деревянко [1989], а нижнеамурской неолитической керамики – в главе работы Л.Н. Мыльниковой [1999]. Однако специальное исследование историографической направленности по проблеме орнаментальных традиций неолита нижнего Приамурья не предпринималось. Обзор, представленный ниже, затрагивает по преимуществу те работы, в которых нашли отражение рассматриваемые нами вопросы.

В развитии взглядов исследователей на орнаментальные традиции нижнеамурского неолита можно выделить четыре этапа. Их обособление определяется состоянием источников базы, характером интерпретации и степенью обобщения изучаемого материала.

Первый этап приходится на середину XIX – начало XX в. Условно его можно назвать «предварительным», поскольку основные изыскания проводились учеными-этнографами, которые, изучая

традиционную культуруaborигенного населения Приамурья, по мере необходимости привлекали и археологические источники. Так, Л.И. Шренк, Р. Маак, Б.Р. Лауфер, Л.Я. Штернберг, Р.Е. Шнейдер и др. в своих исследованиях орнаментального искусства нижнеамурских народов обращались к наскальным изображениям, предметам искусства, а также керамике. Использование археологического материала позволяло, кроме прочего, ответить на вопрос о происхождении орнаментики нижнеамурских народов. На этот счет сложились две основные точки зрения. У истоков первой стоял Л.И. Шренк [1899]. По его наблюдениям, несмотря на то, что «орнаментика развилась значительно под влиянием древне-китайских, а отчасти и древне-японских образцов... но при этом замечательно, что вкус к орнаментике и развитие ея... не уменьшаются, а возрастают по мере удаления от китайцев... и наконец достигают наивысшего развития у гиляков, населяющих самую отдаленную часть страны» [Шренк, 1899, с. 90–91]. Именно у них, в низовьях Амура, вдали от прямого контакта с маньчжуро-китайской культурой, отметил Л.И. Шренк, художественный стиль имеет наиболее выдержаный характер.

Противоположной позиции придерживался Б.Р. Лауфер. Пытаясь объяснить развитый, слож-

ный орнамент амурских племен, он видел в нем отражение китайской орнаментики и результат культурного влияния со стороны цивилизации Китая. Сравнивая художественный материал собственной коллекции и сборы Л.И. Шренка, Б.Р. Лауфер писал, что «формы в этой сфере остаются неизменными, несмотря на культурные влияния». Отсюда видно, делал он заключительный вывод, что старые «художественные концепции имеют глубокие корни... и обладают высокой ценой в интеллектуальном мире» амурских народов (по: [Окладников, 1971а, с. 9]).

Значимость данного этапа в становлении взгядов на проблему орнаментальных традиций нижнеамурского неолита определяется привлечением археологических материалов для решения задач этнографического исследования. Не ставя перед собой цели специального изучения археологических источников, ученые-этнографы конца XIX – начала XX в. понимали необходимость их использования при исследовании культуры аборигенных народов Приамурья.

Второй (первая половина – середина XX в.) и *третий* (середина – вторая половина XX в.) этапы связаны с деятельностью А.П. Окладникова, его последователей и учеников. А.П. Окладников, проявляя постоянный интерес к древнему искусству в целом и нижнего Амура в частности, при решении различных проблем археологии неолита региона, кроме прочего, обращался к характеристике орнамента на керамике.

Материалы, полученные в ходе Амурской экспедиции 1935 г., дали возможность А.П. Окладникову выделить в древнейшей истории Амура неолитическую стадию. Сравнив нижнеамурскую керамику с находками из Японии, Китая и Восточной Сибири, исследователь пришел к выводу, что, несмотря на некоторые сходные черты, она заметно отличается. К таким отличительным признакам А.П. Окладников отнес «совершенство и пышность» орнамента, применение ангоба и лощения фона малинового цвета. Типичные орнаментальные мотивы – спираль, меандр и меандровые узоры, вертикальный зигзаг, «плетенка»; техника нанесения – стек и чеканка [Окладников, 1936, 1939]. Чтобы подчеркнуть главную стилистическую особенность декора – криволинейность – и для более точной характеристики, по мнению исследователя, необходимо было ввести специальные термины – «ленточная орнаментика», «плетенка» [Окладников, 1941, с. 12]. Местонахождения, где обнаружена керамика с подобным орнаментом, исследователь отнес к амурской неолитической культуре, а район ее распростране-

ния определил как второй (после байкальского) мощный центр этногенеза неолитической эпохи в азиатской части России. В сопоставлении с китайским и японским вариантами предлагался возраст амурского неолита – III–II тыс. до н.э. [Окладников, 1936, с. 276; 1941, с. 9].

Таким образом, к началу 1950-х гг. – моменту организации и началу деятельности Дальневосточной археологической экспедиции – у А.П. Окладникова сложилась определенное мнение относительно орнаментики нижнеамурского неолита. Материалы, открытые в результате работ ДВАЭ (с 1974 г. САКАЭ) на нижнем Амуре в 1950–1970-е гг., позволили А.П. Окладникову уточнить некоторые положения по нижнеамурскому неолиту, в т.ч. по проблеме орнаментальных традиций его носителей.

Анализируя точку зрения А.П. Окладникова, в целом можно определить, что орнамент на керамике, по его мнению, является одним из основных культуроопределяющих признаков. Так, нижний Амур, наряду с верхним и средним, следует рассматривать как одну из областей амурских неолитических культур. Здесь сложилась нижнеамурская культура с характерными спирально-ленточными узорами и вертикальным гребенчато-пунктирным зигзагом [Окладников, 1964б, с. 50–51].

В работе «Неолит Сибири и Дальнего Востока» А.П. Окладников уточнил, что в нижнеамурской культуре «отлична от остальной сибирской прежде всего орнаментика... она имеет в своей основе не прямую линию, а кривую – тугие завитки спиралей, сложную вязь амурской плетенки» [1970]. Чтобы подчеркнуть своеобразие и происхождение специфических для нижнеамурской керамики орнаментальных мотивов, были введены термины «амурская плетенка» и «спираль амурского типа» [Окладников, 1964б, с. 50; 1968а, с. 55]. Диагностирующим признаком орнамент выступает и в стадиальной характеристике культуры. В работе «Археологические коллекции Л.Я. Штернберга с Нижнего Амура» А.П. Окладников, назвав два этапа неолита нижнего Амура – мальшевский и кондонский, в качестве основного признака мальшевского этапа указал орнамент с «косо поставленными параллельными полосами, нанесенными широкозубой гребенкой» [1979]. Для кондонского этапа таковым, по мнению А.П. Окладникова, был узор в виде «параллельных вертикальных зигзагов и спиралей» [1979, с. 70–76].

Позднее в рамках нижнеамурской неолитической культуры он выделил уже три хронологических этапа – мальшевский (ранний), кондонский (средний) и вознесеновский (поздний). Каждый

этап характеризовался определенным типом керамики, специфические признаки которого основывались на результатах раскопок поселения у с. Вознесенское [Окладников, 1967, с. 177–178; 1970, с. 187–188, 191; 1972б]. «Для наиболее раннего этапа, – отметил А.П. Окладников, – типичны сосуды, нередко покрытые тонким слоем малиново-красной краски наподобие ангоба с наружной стороны и лощенные до блеска. Характерными для этого этапа являются ямочный и штамповый узор, в том числе нанесенный штампом-гребенкой с крупными зубцами. Мотивы орнамента – широкие горизонтальные полосы, а также фестоны в сочетании с треугольными элементами, заполненными внутри косыми полосками» [1970, с. 187]. «Выше, в Вознесеновке залегает слой с еще более богатой по орнаментике керамикой <...> Появляются четко выдержаный меандр и как его вариант меандровый узор с округленными выступами – предшественник спирали». Последнее имело принципиальное значение: из обычного меандра рождается спираль, по существу, тот же меандр, только округленный. Керамика, орнаментированная меандром, дополнялась сосудами, декорированными рельефной, типично «амурской плетенкой», фоном которой служат оттиснутые штампом ромбы. Еще выше обнаружились следы углубленных в землю жилищ. «С ними связана та керамика, которая является наиболее распространенной и характерной для нижнего Амура: сосуды с поверхностью, покрытой чеканным пунктирно-гребенчатым узором в виде параллельных друг другу вертикальных зигзагов. Поверх этого чеканного фона нанесены широкие, свободно развертывающиеся концентрические спирали, выполненные резными линиями». Вместе с такими богато орнаментированными сосудами встречаются фрагменты еще более пышно украшенных изделий: по краснолощеному блестящему фону на них в скульптурной технике нанесены странные личины [Окладников, 1970, с. 187, 188].

Таким образом, в характеристике орнамента на керамике А.П. Окладников определяет основные технико-декоративные элементы, орнаментальные мотивы, а также специфические способы обработки поверхности. Так, для керамики раннего (малышевского) этапа названы ямочный и штамповый узор, горизонтальные полосы и фестоны в сочетании с треугольниками, окрашивание и лощение; для керамики среднего (кондонского) этапа – меандр и «амурская плетенка»; для керамики позднего (вознесеновского) этапа – чеканный пунктирно-гребенчатый узор и резные линии, вертикальный зигзаг, спирали и личины, окра-

шивание и лощение. Отметим, что соотнесение с кондонской керамикой мотива меандра в данном случае является ошибочным: описанные выше «меандр» и «меандровый узор с округленными выступами» связаны с малышевской керамикой.

В наследии А.П. Окладникова проблема культурной и стадиально-хронологической характеристики орнаментики неолита нижнего Амура тесно смыкается с вопросом об истоках орнаментальных традиций аборигенных народов Приамурья. Исследователь считал, что амурская неолитическая культура является древней палеоазиатской, предковой для современных амурских народов ульчей, нанайцев, нивхов [Окладников, 1972а, с. 115–116]. Соответственно, искусство современных народов региона уходит своими корнями в орнаментальные традиции неолита Приамурья. В свете этого А.П. Окладников выделил два основных элемента, которые, по его мнению, вошли в современное искусство амурских народов: 1) имитация «плетенки»; 2) спиральный декор [1959б, с. 39]. Вообще же, по мнению А.П. Окладникова, в неолите нижнего Амура сложился «орнаментально-декоративный стиль, тонкий и богатый по тем временам художественный вкус». В терминологии исследователя этот орнаментальный стиль получил название «криволинейно-ленточный» [Окладников, 1954, с. 240].

Оценивая взгляды А.П. Окладникова по различным проблемам неолитического искусства нижнего Амура, включая и орнаментику керамики, можно отметить, что в своей основе они не потеряли значения до сих пор.

Исследования орнаментальных традиций нижнеамурского неолита были продолжены его учениками и последователями. А.П. Деревянко актуализировал вопрос о корреляции орнамента на керамике с этапами развития неолита нижнего Амура. Он считал, что три этапа, выделенные А.П. Окладниковым, соответствуют трем сменяющим друг друга культурам, причем каждой свойственен свой комплекс керамики. Характеристика керамических комплексов дается по морфологии форм сосудов и орнаменту [Деревянко, 1972, с. 45–46]. К первому периоду А.П. Деревянко отнес малышевскую культуру, для которой характерна керамика двух типов: 1) профицированные сосуды, богато украшенные штампованным узором и отпечатками колотушки, обмотанной шнуром, а также некоторые изделия, покрытые красной краской; 2) слабо профицированные сосуды усеченно-конической формы, декорированные горизонтальными полосами гребенчатого штампа. Датируется малышевская культура по аналогии с нижним слоем поселения Вознесенское IV тыс. до н.э. Второй пери-

од, по мнению исследователя, связан с кондонской культурой. Она отличается разнообразием керамики, среди которой выделяются ситуообразные сосуды с широкими венчиками, украшенные «различными комбинациями спирального орнамента и плетенки». Кондонская культура существовала в первой половине III тыс. до н.э. Заключительный этап неолита нижнего Амура, с точки зрения А.П. Деревянко, соотносится с вознесеновской культурой. Форма сосудов остается прежней – слабо профицированная, без четких горла и плечиков. Орнамент – зигзаг, оттиски сетчатого штампа и др. «Есть ритуальные сосуды с особым орнаментом – личинами». Время существования вознесеновской культуры – конец III – начало II тыс. до н.э. [Деревянко, 1972, с. 46, 47].

В целом, описание орнамента на керамике отличается большей четкостью, хотя принципиально не меняется: как и у А.П. Окладникова, спираль ошибочно соотнесена с керамикой кондонской культуры. Впрочем, позднее исследователи указывали, что ко второму этапу неолита нижнего Амура отнесены жилищные комплексы с керамикой, украшенной тисненым орнаментом в виде ромбов, образующих «амурскую плетенку» [Окладников, Деревянко, 1977, с. 26]. Таким образом, были уточнены признаки орнамента нижнеамурских неолитических культур, общие характеристики которых не менялись.

В дальнейшем эволюция взглядов А.П. Деревянко определилась, главным образом, результатами раскопок поселений Гася и Сучу. Об этом свидетельствуют совместные с В.Е. Медведевым публикации [Деревянко, Медведев, 1992а-б, 1993, 1994, 1995а-б, 1996, 1997, 2002], в которых дана характеристика орнамента на керамике не только трех вышеназванных культур, но и предшествующей им осиповской культуры. Как уже отмечалось, почти во всех раскопах на многослойном поселении Гася в осиповском слое обнаружены обломки керамики. По мнению авторов раскопок, все или почти все фрагменты имеют слаборифленую внешнюю и внутреннюю поверхности. Отмечено, что желобки могли наноситься мелкозубчатым предметом или краем раковины. С учетом ситуации залегания материала и полученных радиоуглеродных дат сделан следующий вывод: носители осиповской культуры первыми, по меньшей мере, на российском Дальнем Востоке, научились изготавливать керамическую посуду [Медведев, 1995а, с. 234].

В публикациях также изложена общая характеристика орнаментальных комплексов малышевской культуры. В частности, указано, что для ма-

лышевской культуры характерен «типологически устойчивый комплекс керамики». Вся керамика декорирована: поверхность сосудов украшена почти целиком – от кромки венчика до придонной части. Композиции создавались обычно горизонтальными поясами. Орнаментальные мотивы разнообразны: от простых рядов оттисков, до волнистых, спиралевидных и меандровых рисунков, различных их сочетаний. В качестве основных элементов орнамента названы ямочные, гребенчатые, угольчатые и скобковидные оттиски. Особый отличительный признак малышевской керамики – «некоторые сосуды... частично украшены ярко-красной краской» [Медведев, 1995а, с. 229].

Результаты раскопок названных поселений позволили уточнить время существования малышевской культуры. Она сформировалась в более раннее время, чем традиционно считалось, и существовала в VI – середине или второй половине IV тыс. до н.э. Начало формирования этой культуры – вторая половина VII тыс. до н.э. При определении ареала малышевской культуры отмечено, что первоначально малышевцы расселялись на сравнительно ограниченной территории в пределах Среднеамурской равнины: с нижнего течения Уссури вниз по Амуру. Затем носители малышевской культуры, видимо, значительно расширили сферу воздействия, прежде всего, в южном и северо-восточном направлениях [Медведев, 1995а, с. 229–230].

В начале 1980-х гг. в двух монографиях были изданы результаты раскопок поселения Кондон-Почта [Окладников, 1983, 1984]. Еще ранее А.П. Окладников предварительно отнес этот памятник к кондонскому этапу [1967]. Однако позднее, на основе материалов раскопок В.Е. Медведева в 1972 г. жилищ 13 и 14 необычной для поселения формы, были высказаны предположения о неоднородности данного комплекса [Окладников, 1983, с. 67–68, 75]. За монографиями последовала серия работ о характере керамического комплекса памятника. Материалом для анализа, кроме прочего, послужил и орнамент на керамике. В частности, Д.Л. Бродянский подтвердил, что поселение Кондон – композитный памятник. «Очевидно, что спирали Кондона... принадлежат другой культуре, которую А.П. Окладников назвал... вознесеновской» [Бродянский, 1987, с. 128]. Разрабатывая проблемы периодизации и хронологии неолита Приморья, Д.Л. Бродянский выделил две традиции орнаментики: одну с преобладающими оттисками штампа, другую – с использованием гребенчато-пунктирной техники [1979]. По аналогии с соответствующим керамическим комплексом по-

селения Кондон-Почта керамику с преобладанием штампа исследователь отнес к кондонской культуре. Проанализировав неолитические памятники Приморья и соседних территорий (нижний Амур, северо-восток Китая, Корея), Д.Л. Бродянский предложил обозначить данный регион как Приамурско-Маньчжурсскую археологическую провинцию, одним из главных элементов которой является керамика [1975; 1987, с. 127].

На основе данных, полученных в результате раскопок многослойного поселения Малая Гавань, А.К. Конопацкий предложил внести некоторые корректизы в периодизацию культур нижнеамурского неолита. Выводы автора, главным образом, построены на типологической характеристики керамики. По его мнению, можно говорить о большем числе культурно-хронологических подразделений (порядка шести-семи). Эти подразделения А.К. Конопацкий сгруппировал в три крупных этапа: ранний, развитый («этап классических культур») и поздний неолит. Хронологические рамки – XIII – IV–III тыс. л.н. [Konopatski, 1993; Конопацкий, Мыльникова, 1994].

Здесь следует пояснить, что названные этапы ранее были выделены А.П. Окладниковым и соотнесенные А.П. Деревянко с малышевской, кондонской и вознесеновской культурами. Исследования Гаси и других памятников осиповской культуры с керамикой позволили в неолите нижнего Приамурья выделить также начальный этап (культуру) [Медведев, 1995а, с. 236].

Оценивая второй и третий этапы изучения орнаментальных традиций нижнеамурского неолита, отметим, что они были направлены не только на формирование источников базы, но и на анализ, интерпретацию и обобщение обнаруженного в ходе работ материала.

Четвертый этап изучения орнаментов нижнеамурского неолита (конец XX – начало XXI в.) связан с деятельностью активно работающих сейчас исследователей. На данном этапе сохраняется заложенное А.П. Окладниковым общее направление исследований, ориентированное на характеристику орнамента как культурно-стадиального признака, но и появляется принципиально новая проблематика. В частности, следует отметить попытки на основе анализа орнаментальных и технологических традиций керамики решить проблемы генезиса и эволюции нижнеамурских неолитических культур.

Одной из основных причин появления новых проблем в исследованиях и попыток решить их явилось изменение источников базы. Ранее уже отмечалось, что за последние двадцать лет изуче-

ния ключевых памятников нижнеамурского неолита количество первоисточников увеличилось более чем в три раза. Все это повлияло на углубление наших знаний о новокаменном веке, на пересмотр некоторых прежних и возникновение новых идей [Медведев, 2003а, с. 164]. Другой причиной стало формирование качественно новой методологии и методики изучения вещественного материала. К настоящему времени в сибирско-дальневосточной археологии выделились направления специализированного исследования археологических источников (камень, керамика и пр.), но с применением, как правило, комплексного подхода.

Комплексное исследование гончарства юга Дальнего Востока России (прежде всего Приморья) на основе системного подхода было предпринято И.С. Жущиховской. В ряде ее статей [Жущиховская, 1994, 1996б, 1997, 2003] и монографии [Жущиховская, 2004] предложена реконструкция развития гончарства как одного из важнейших производств в социально-экономических структурах Дальнего Востока в эпоху первобытности. Автор отмечает, что «процесс изготовления керамической посуды, помимо решения технических, технологических и морфологических задач, может включать также операции по орнаментации изделия». Однако «орнаментальный декор не определяет возможность получения продукта производства и его основные свойства и потому развивается и существует по законам, отличным от законов техники, технологии и морфологии» [Жущиховская, 1996а, с. 7–8].

Исследовательница придерживается точки зрения, что результаты изучения древнего гончарства представляют интерес для выявления таких этно-культурных процессов, как контакты и миграции. «Наиболее весомы в качестве индикаторов вероятных миграций технико-технологические стереотипы гончарства... в отличие от морфологических и орнаментальных стандартов». Соответственно, особенности динамики технологии формовочных масс позволяют наметить две миграционные волны на юге Дальнего Востока, одна из которых приходится на период неолита. «Обе эти волны маркируются археологическими комплексами с керамикой, отощеной пресноводной органикой (протовознесеновская культура неолита Нижнего Амура...)» [Жущиховская, 1996а, с. 31–32]. Вероятный исходный район миграции в неолите на нижний Амур – Северо-Восточный Китай, где технология отощения раковиной была известна еще в VI тыс. до н.э. Отметим, что для обозначения керамического комплекса группы памятников типа Старая Какор-

ма нижнего Амура И.С. Жушиховская использует термин «протовознесеновская культура» (вслед за предложенным Л.Н. Мыльниковой определением «протовознесеновская традиция» [1991]).

И.С. Жушиховская, затрагивая в некоторой степени проблемы развития древнего гончарства в бассейне нижнего Амура, уделила основное внимание технике, технологии и морфологии керамики. Она согласна с другими исследователями: «...Нижний Амур выделяется как регион наиболее прогрессивных тенденций в развитии гончарства» [Жушиховская, 1996а, с. 30]. По ее мнению, это связано с существованием стимулирующих условий для развития гончарства на нижнем Амуре: высокой степенью оседлости и относительной хозяйственной стабильностью, основанной на рыбном промысле, концентрацией населения на ограниченной береговой территории, возможностью общения и обмена информацией, благоприятными климатической и сырьевой ситуациями.

На ограниченном нижнеамурском материале подобные исследования проводились Л.Н. Мыльниковой (по материалам А.П. Окладникова и В.Е. Медведева). Прежде всего, за основу взяты коллекции керамики с поселения Кондон-Почта и некоторых других памятников.

Ознакомившись с керамическим материалом поселений Сучу (раскопки 1970-х гг.), Малышево (пункт 2) и Малая Гавань, Л.Н. Мыльникова высказала предположение о двух гончарных традициях, существенно отличных друг от друга [1986, 1988, 1991]. Различия между ними она проследила в этапах изготовления сосудов, а также в орнаментике. Характерные признаки первой гончарной традиции, по ее мнению, следующие:

1. Большинство сосудов орнаментировано (84 %).

2. Орнамент подразделяется на рельефный и плоский. Первый выполнялся с помощью штампов и налепом, а второй наносился краской темно-красного цвета.

3. Для орнамента характерна концентрическая структура.

Она пришла к выводу, что керамика этой гончарной традиции по технологии изготовления и орнаментации соответствует изделиям с поселения Малышево. Именно на их основе А.П. Окладников выделил древнейший малышевский этап нижнеамурской неолитической культуры [Мыльникова, 1986, с. 84; 1999, с. 68].

Вторая гончарная традиция, как отмечает Л.Н. Мыльникова, по всем характеристикам отличается от первой:

1. Орнаментировано 70 % сосудов.

2. Орнамент «прост и единообразен»: композиции из вертикальных зигзагов, выполненные зубчатым колесиком или прочерчиванием.

3. Венчик орнаментирован.

Эта гончарная традиция названа предварительно «протовознесеновской» [Мыльникова, 1988, с. 85; 1999, с. 68–69].

Л.Н. Мыльникова изучала керамику поселения Кондон-Почта. Она уделила внимание технологии изготовления и орнаменту сосудов (последнему в меньшей степени). Был поставлен вопрос о наличии на поселении двух групп керамики: штампово-фигурной и спиральной [1999, с. 70]. Выделяя общие стилевые особенности кондонской керамики, Л.Н. Мыльникова отметила, что для орнаментики сосудов характерны: 1) концентрическая структура декора; 2) украшение двух верхних третей изделия; 3) отсутствие орнамента в придонной части. По способу композиционного оформления орнамент подразделяется на бордюрный и сетчатый [1999, с. 62–63, 70]. Различия отмечены и в основных мотивах (элементах) узора.

Отдельно освещены проблемы происхождения выделенных гончарных традиций. Вопрос о формировании вознесеновской культуры на основе анализа керамики затрагивался в небольшом сообщении [Мыльникова, Варенов, 1991]. Утверждается, что «первая традиция, скорее всего, местная». Вторая же гончарная традиция «сформировалась на базе местного субстрата и привнесенной керамической традиции, которая была адаптирована к новым условиям, восприняла многие аборигенные черты, но при этом сохранила и свои». Как считает Л.Н. Мыльникова, «протовознесеновский» слой фиксируется в чистом виде на поселениях Малышево, Малая Гавань, на Сучу [1999, с. 70–71, 79]. Следовательно, вознесеновская культура возникла как результат смешения пришлых носителей органогенной традиции и автохтонных племен.

Говоря о характеристиках орнаментальных традиций керамических комплексов с памятника Кондон-Почта, данной Л.Н. Мыльниковой, закономерным представляется включение их в общий контекст исследования (анализ техники и технологии орнаментации).

Использование комплексной методики нашло выражение не только в изучении керамики как археологического источника, но и в характеристике археологического объекта – поселения Хумми-1 осиповской культуры [Яншина, Лапшина, 2008].

Проблемы генезиса и эволюции нижнеамурских неолитических культур на основе анализа орнамента на керамике нашли отражение в исследованиях И.Я. Шевкомуда. Проанализировав

поздненеолитические комплексы с керамикой гребенчато-пунктирной и криволинейно-прочерченной орнаментикой, он выделил две большие группы керамики, разделив их на три типа [Шевкомуд, 2004, с. 114].

Первая группа включает комплексы «горинского варианта вознесеновской культуры». В характеристики И.Я. Шевкомуда, керамика горинского типа отличается доминирующей орнаментацией в виде гребенчато-пунктирных вертикальных зигзагов и широких прочерченных спиралей. Особое место занимают сосуды с красным лощением и рельефными узорами зоо- и антропоморфной тематики, в т.ч. с личинами.

Вторая группа поздненеолитической керамики представлена материалами с памятников «удыльского варианта вознесеновской культуры». Она неоднородна: можно выделить «орельский», «удыльский» и «малогаванский» культурные типы. Маркером «удыльского варианта» вознесеновской культуры, по мнению И.Я. Шевкомуда, являются «гребенчато-пунктирная, криволинейно-прочерченная, а также геометрическая орнаментика» [2004, с. 116–117]. Причину формирования «удыльского варианта» вознесеновской культуры он видит во взаимовлиянии нижнеамурского (комплексы «горинского типа» вознесеновской культуры) и северосахалинского этнокультурных компонентов. Потом палеоэтнокультурная ситуация стабилизировалась. Это нашло отражение в широком распространении в Приамурье и Приморье комплексов керамики «малогаванского типа». Керамика «малогаванского типа», по И.Я. Шевкомуду, отличается гребенчато-накольчатой орнаментикой в виде зигзагов, треугольников и др. [2004, с. 119].

Исследователь обратился к материалам других неолитических культур нижнего Амура – осиповской, малышевской и кондонской. Был проанализирован орнамент и определены его типологические признаки.

В комплексах осиповской культуры, согласно И.Я. Шевкомуду, наиболее яркий признак – гребенчато-пунктирная орнаментика: зигзаги двух разновидностей (вертикальные и горизонтальные), что «для позднего неолита является одним из главных признаков керамики». В осиповской культуре встречены и другие типы орнаментов, имеющие аналоги на керамике малышевской культуры и «раннекондонского» типа. Однако влияние осиповской культуры на поздний неолит региона признается только опосредованным, через генетически родственные культурные образования раннего и среднего неолита [Шевкомуд, 2004, с. 59].

И.Я. Шевкомуд вычленил сходные и отличительные признаки орнаментики керамики малышевской и вознесеновской культур с памятников определенного круга. К сходным признакам он отнес: 1) прочерченные и налепные элементы; 2) характер расположения орнаментальной зоны на сосудах; 3) окраска деталей декора ярко-красным окраистым составом с последующим залощением. Отличительные признаки таковы: 1) характерные для керамики малышевской культуры штамповье и тисненые композиции, которые не проявляются в вознесеновских комплексах; 2) редкость прочерченных и гребенчато-пунктирных элементов, особенно зигзагов – важнейшего вознесеновского маркера.

В керамике кондонской культуры исследователь считал возможным выделить ранний и поздний комплексы. Так, в «раннем комплексе» (жилища 4, 5, 10) в отдельных случаях прослеживаются архаичные признаки, которые проявились в несложности орнаментики. (Надо заметить, что подобная керамика, как показали раскопки, залегала только в заполнении жилищ, но не отмечена на полу. Это свидетельствует о нарушении более раннего, докондонского слоя.) Для орнаментальной композиции использовались две зоны: кромка венчика (обрез устья сосудов) и туло. Венчик украшали разнообразными насечками (в основном гребенчатыми).

В орнаменте второй зоны господствует простейшая композиция из поясов отступающей гребенки или чередующихся поясов отступающей гребенки и разнофигурных штампов. И.Я. Шевкомуд считает, что сходство данного типа керамики с материалами малышевской культуры можно оценить как принципиальное, т.к. детальные сходные признаки не прослеживаются [Шевкомуд, 2004, с. 60–61].

Поздний комплекс (жилища 8 и 9) отличается развитой орнаментикой. В орнаментальной композиции задействованы две зоны: внешний край венчика и туло. Зона венчика орнаментирована «каннелюрами» либо широкими поясами отступающей лопаточки. Для туло характерна «амурская плетенка» из ромбов разных модификаций, чешуйчатый орнамент, композиционно аналогичный «плетенке», узоры в технике отступающей лопаточки. Существенная корреляции между кондонской и вознесеновской культурами не обнаружена [Шевкомуд, 2004, с. 61].

Исследования по вопросу генезиса и взаимовлияния И.Я. Шевкомуд проводил на материалах известных нижнеамурских неолитических культур, исключая марийскую. Орнамент на керами-

ке служил одним из критериев для решения проблем общей хронологии и внутренней периодизации нижнеамурских культур неолита [Шевкомуд, 2002–2005, 2008; Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. К орнаментации глиняной посуды исследователь обращался и при «сравнительно-корреляционном анализе» раннего комплекса керамики громатухинской культуры среднего Приамурья и осиповской культуры нижнего Приамурья [Шевкомуд, 2005, с. 11; Шевкомуд, Яншина, 2010, с. 68–69; 2012].

В последние три с лишним десятилетия исследователями ИАЭТ СО РАН дана обобщающая характеристика традиций нижнеамурских неолитических культур в сфере искусства, включая орнамент на керамике. В работах в той или иной степени уделено внимание орнаменту всех выделенных на сегодня нижнеамурских неолитических культур [Медведев, 1995а, 1999, 2000а, 2001а, 2003а, 2005а-б, 2008а; Деревянко, Медведев, 2002].

Осиповской керамике посвящен ряд статей В.Е. Медведева [1995а, 2003а, 2003б, 2008а, 2008 г]. В них не только дано общее описание декора, но и говорится о возможных связях орнаментальных традиций осиповской культуры с более поздней керамикой малышевской культуры, а также с хронологически близкой или синхронной ей керамикой самых ранних периодов дзёмана Японии [Медведев, 2003а, с. 165; 2008а, с. 161–162]. По поводу керамики с оттисками плетеного изделия с местонахождения Госян высказано предположение: истоки «амурской плетенки» связаны с техническим декором, появившимся на осиповских сосудах [Медведев, 2003а, с. 165]. Характер расположения малышевского материала на Гасе позволяет говорить о наследовании малышевцами осиповских традиций, в т.ч. в орнаментации керамики.

Описание декора мариинской керамики из-за сравнительной ее немногочисленности включает самые общие признаки [Медведев, 1999, 2005а, 2007а, 2008б; Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2003]. В частности, отмечено, что глиняные сосуды архаичного облика «отличаются скопостью орнамента в виде узкого пояса-бордюра гребенчатых оттисков ниже края венчика...» [Медведев, 1999, с. 174, 178; Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2003, т. 1, с. 391]. Открытие мариинской культуры раннего неолита, начало которой хронологически близко финалу осиповской культуры, показало беспersпективность выявления родства между ними [Медведев, 2007б, с. 131]. Вместе с тем, мариинская культура «представля-

ется сейчас <...> в образе “недостающего звена”, как бы стыкающегося в своей ранней фазе с древнейшей дальневосточной неолитической осиповской культурой, а в поздней – с малышевской...» [Медведев, 2008г, с. 116].

Отдельное внимание уделено орнаменту на керамике малышевской и вознесеновской культур нижнеамурского неолита [Медведев, 1995б, 1999, 2000а, 2003а, 2005а; Деревянко, Медведев, 2002].

Подробный сравнительно-типологический анализ вещественного материала малышевских памятников (в т.ч. ряд особенностей, прослеженных в орнаментации керамики) и уточнение хронологии с выделением внутренних стадий развития позволило разбить памятники малышевской культуры на две группы – юго-западную и северо-восточную [Деревянко, Медведев, 2002, с. 55]. Основные особенности орнаментики керамики этих групп следующие:

1. На керамике юго-западной группы узор в виде плетенки встречается чаще, чем на керамике северо-восточной группы.

2. Юго-западная группа не содержит керамического материала, украшенного рельефными или плоскими спиральями – весьма распространенным узором на сосудах северо-восточной группы.

3. На керамике юго-западной группы нет фигурных рисунков, сделанных красной краской.

4. Вместо спиралей на некоторых сосудах юго-западной группы можно видеть волнообразный узор или орнамент в виде растянутой пружины.

Есть мнение, что северо-восточный вариант малышевской культуры более поздний. Комплекс керамики из жилищ на острове Сучу отражает финальный этап малышевской культуры. Это подтверждает и предположение, что «волнообразная орнаментальная композиция древня..., предшествует спиральному узору» [Деревянко, Медведев, 2002, с. 57, 58].

Проанализирован орнаментальный комплекс вознесеновской культуры. В частности, указано, что вознесеновская керамика по функциональному признаку отчетливо, хотя и достаточно условно, делится на две группы. Первая группа включает посуду для бытовых нужд, а вторая – сосуды культового характера. От назначения изделия зависел характер орнамента. Набор технико-декоративных элементов бытовой керамики довольно однообразен: оттиски многозубчатой гребенки, зубчатого колесика, прочерченные желобки, линии, ямки. Орнаментальные композиции различны: вертикальный (реже горизонтальный) зигзаг, спираль, меандр. Парадная керамика украшена

антропоморфным, зооморфным и растительным орнаментом [Деревянко, Медведев, 2002, с. 62, 63]. Таким образом, орнаментальные традиции малышевской и вознесеновской культур нижнеамурского неолита получили вполне конкретные и достаточно объемные характеристики.

Керамике кондонской культуры посвящен раздел сводной монографии. Отмечено, что орнамент выполняли при помощи различных штампов, гребенок, лопаточек и других инструментов. Наиболее распространенными названы «тип орнамента в форме оттиснутых ромбов и треугольников», «амурская плетенка», «гребенчатый орнамент», «чешуйчатый орнамент» [Медведев, 2005а, с. 252].

Вопрос о взаимодействии носителей малышевской и кондонской культур неолита нижнего Амура предположительно решен на основе сравнительного анализа орнамента керамики. В частности, орнаментированную «амурской плетенкой» малышевскую керамику с поселения Гася В.Е. Медведев назвал «гибридной, а точнее малышевской», т.к. с «амурской плетенкой» сочетаются характерные для малышевцев технико-декоративные элементы. По вопросу о взаимоотношении кондонской и вознесеновской культур отмечено, что «кондонская и вознесеновская культуры также сосуществовали» [Медведев, 2003а, с. 166, 167]. Это предположение подтверждено наличием характерной вознесеновской керамики со спираль-

ным орнаментом (чаще на фоне пунктирно-нанесенного вертикального зигзага) в жилищах кондонцев.

Говоря в целом о четвертом этапе исследований неолитических орнаментальных традиций нижнего Приамурья, его можно оценить как стадию поиска наиболее адекватных методических приемов и способов изучения проблемы в соответствии с требованиями современной археологии.

Итак, мы вправе отметить, что по ряду рассмотренных нами вопросов накоплен важный теоретический багаж:

1. Четко обозначены позиции авторов исследований по вопросу культурно-стадиальной и территориальной принадлежности той или иной керамики.

2. Высказаны определенные точки зрения о генезисе и взаимосвязи керамических комплексов.

Однако многое пока остается нерешенным:

1. Недостаточно четко вычленены и систематизированы общие и специфические признаки орнаментальных комплексов рассматриваемых нижнеамурских неолитических культур, не раскрыты во всей полноте связи между ними, не определен их характер.

2. Не выявлена в комплексе семантика орнамента на керамике.

3. Не проведен детальный сравнительный анализ находок с материалами с сопредельных территорий.

Глава 2

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ

2.1. ОРНАМЕНТ НА КЕРАМИКЕ КАК СИСТЕМА: ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашем понимании орнамент представляет собой систему с четко выраженной структурой и определенными функциями [Филатова, 2001, 2008б, 2009]. Для исследований орнамента (в т.ч. на керамике) при описании его структуры достаточно традиционным является выделение трех основных составляющих: элемента, мотива, композиции. Технико-декоративный элемент – исходная неделимая составляющая декора – выступает как наименьшая структурная единица. Определенная комбинация элементов образует мотив – следующую структурную единицу. На основе же совокупности мотивов создается композиция – художественно-выразительная система орнамента, обеспечивающая эстетически воспринимаемое равномерное размещение всех мотивов и элементов. Композицию можно рассматривать как наибольшую единицу структуры.

Таким образом, орнамент представляет собой систему, построенную по иерархическому принципу, на основе соподчинения элементов. В его структуре можно выделить *микроуровень* (элементарный), единицей построения которого является технико-декоративный элемент, и *макроуровень* (композиционный) со структурной составляющей в виде орнаментальной композиции. Связующим звеном между ними служит мотив – *макроуровень* структуры. Каждая низшая ступень является потенциально последующей высшей и, наоборот, каждая высшая ступень, как минимум, состоит из одной низшей. Например, композиция минимально может быть выстроена из одного мотива, а он – из одного технико-декоративного элемента. Соответственно, каждый из выделенных уровней является обязательным компонентом уровня предшествующего.

Орнамент нельзя рассматривать вне связи с изделием (в нашем случае, это – глиняный сосуд), на поверхность которого он был нанесен. При характеристике сосуда помимо элемента, мотива и композиции необходимо учитывать потенциально возможные зоны размещения орнамента. При их выделении принимаем во внимание

номенклатурную схему деталей, предложенную О.И. Горюновой и Н.А. Савельевым (рис. 1, *A*, *B*) [1981, с. 119].

В структурной характеристике орнамента на керамике, на наш взгляд, одинаково важны как декоративные, так и технические составляющие.

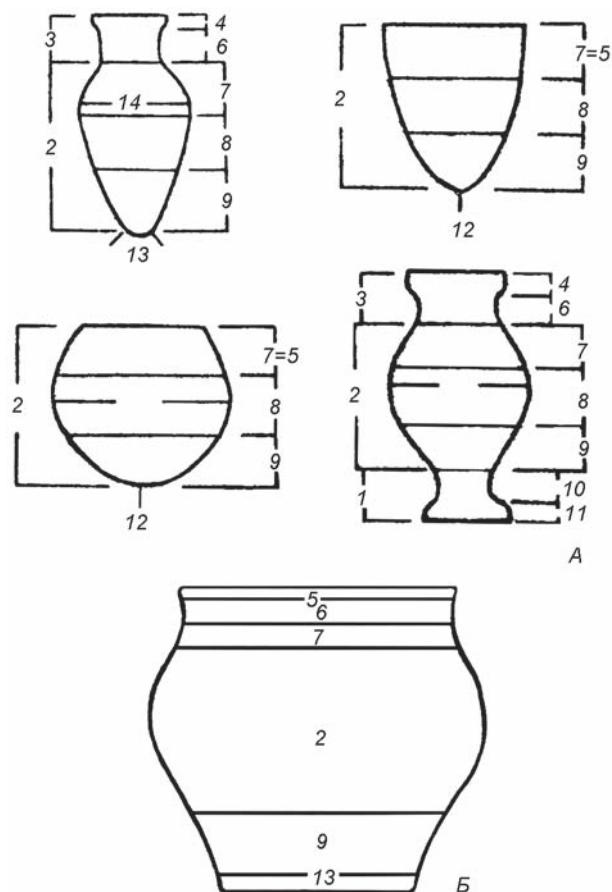

Рис. 1. Зоны орнаментации глиняного сосуда.

A – номенклатурная схема деталей сосудов: 1 – базис (ножка); 2 – туло; 3 – надстройка; 4 – венчик; 5 – зона венчика; 6 – шейка; 7 – зона транзита; 8 – медиальная зона; 9 – зона дна; 10 – ствол; 11 – основание; 12 – экстремальная точка дна; 13 – дно; 14 – экватор (по: [Горюнова, Савельев, 1981, рис. 2, 1–14]).

B – модель сосуда с потенциальными зонами размещения декора.

Существенным представляется способ взаимодействия с поверхностью сосуда. Соответственно, выделяют два вида орнамента: рельефный и плоскостной [Сайко, 1982, с. 33–35; Shepard, 1965, р. 194–213]. Рельеф представляет собой результат контакта с поверхностью сосуда твердых орудий, оставляющих многочисленные следы [Глушкин, 1996, с. 63]. В целом же, по аналогии со скульптурным и архитектурным декором, можно выделить две основные разновидности рельефа.

Контррельеф, или негативный рельеф (с углубленным изображением). Для его создания применялись различные способы декорирования: штамповение, накалывание, насекание, «шагание», прокатывание, протаскивание (протягивание) (рис. 2, 1–6). Они, как правило, определялись использованием разнообразных орнаментированных искусственно-го или естественного происхождения.

Барельеф (горельеф), или позитивный рельеф (с выпуклым изображением). Технические способы, которыми он выполнялся (налепивание, вылепливание, зашипывание), не требовали применения специальных инструментов, хотя последние и могли использоваться.

Плоскостной орнамент получали при нанесении красок инструментами типа кистей. Такой декор не деформировал поверхность сосуда [Глушкин, 1996]. Окрашивание, раскраска и роспись как способы декорирования могли служить для выделения какой-либо части сосуда или создания изображения.

Для технико-декоративного элемента как минимальной единицы структуры орнамента технические характеристики определяет способ его нанесения. Таковым может служить рельеф и/или роспись, единый оттиск без микроэлементов или с таковыми. В самом общем виде в качестве нормы (типа) можно рассматривать модель, образованную одним движением, с замкнутой формой, заданной изначально инструментом. Прочие модели могут быть определены как отступления от нормы (варианты).

1. Простой тип создается единичным оттиском, заполненным внутренними элементами; форма замкнутая.

2. Сложный тип образуется путем соединения нескольких микроэлементов; форма разомкнутая.

В характеристике декоративных качеств орнамента в первую очередь важны формальные признаки его основных структурных единиц: пространственное строение, форма, характер очертаний. Соответственно, по строению технико-декоративные элементы могут быть простыми и сложными, по характеру очертаний – прямоли-

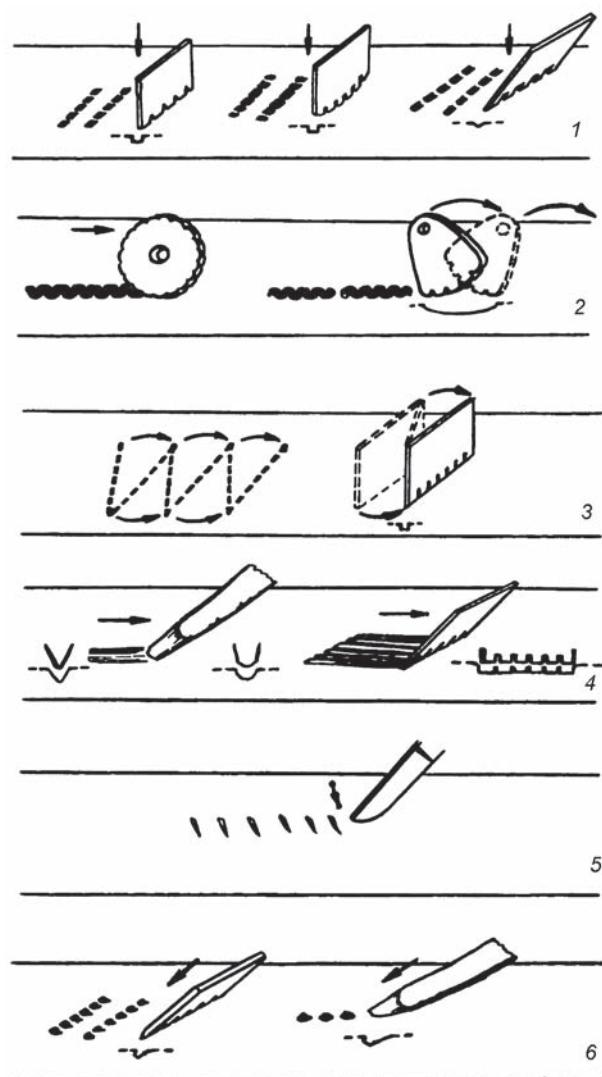

Рис. 2. Схемы основных способов орнаментирования.
1 – штамповение; 2 – прокатывание; 3 – «шагание»; 4 – протаскивание; 5 – насекание; 6 – накалывание (по: [Глушкин, 1996, рис. 132, 1–6]).

нейными и криволинейными, по форме – замкнутыми и разомкнутыми. На основе этих признаков выделены две группы элементов. К первой отнесены простые по строению элементы, различные по характеру очертаний (прямолинейные, криволинейные), форма которых, как правило, разомкнута. Вторая группа представлена сложными по строению элементами, образованными различного рода линиями (параллельными перпендикулярными, параллельными неперпендикулярными, непараллельными и неперпендикулярными) и являющимися фигурами вращения или имеющими криволинейные поверхности. Характер очертаний элементов различен: прямолинейные, криволинейные, с переменным радиусом кривизны; форма в основном замкнутая.

Повторение элементов, образующих орнаментальный ряд, дает простые по строению, форме и характеру очертаний мотивы. Это – разнообразные линии: прямые (горизонтальные, вертикальные, наклонные) и кривые (дуги, углы). Использование различных принципов построения (повтор, чередование) не только элементов, но и орнаментальных рядов, приводит к созданию сложных мотивов (зигзаг, меандр, спираль и пр.).

В композиции средствами выражения формальных признаков служат метр, ритм, симметрия и тектоника.

Неоднократное повторение какого-либо элемента с одинаковым интервалом называется *метрой* (*метрическим рядом*) (рис. 3, 1–4) [Барташевич и др., 2004, с. 100–101]. Метрические ряды могут иметь различную сложность. Простые ряды построены, как правило, на основе двух схем: 1) повтор одного элемента; 2) чередование элементов. В более сложных могут сочетаться, например, 3–4 ряда или сразу развиваться нескольки-

ко метрических повторов. При слишком большой протяженности метрического ряда с одинаковыми элементами для достижения композиционной выразительности отдельные элементы могут быть скомпонованы в группы. Тогда ряд усложнится: будут чередоваться не только элементы, но и группы.

Ритм (*ритмический повтор*) – это закономерность композиции, которая основана на постепенных количественных изменениях в ряду чередующихся элементов (рис. 4, 1–5) [Барташевич и др., 2004, с. 101]. Он также различается по степени сложности. Простой ритм, построенный на повторении одной формы, выражен четырьмя схемами: 1) чередование равных элементов с изменяющимися (возрастающими или убывающими) интервалами между ними; 2) возрастание (убывание) элементов при неизменном интервале между ними; 3) возрастание (убывание) как элементов, так и интервалов между ними; 4) элементы и интервалы между ними возрастают (убывают) при радиальном расположении. Сложный ритм строится на повторении групп форм или на сочетании нескольких простых рядов.

Одним из принципов организации элементов, основанных на правильном (зеркальном) их размещении вокруг общего центра или оси, выступает симметрия. Различают несколько симметричных принципов построения орнаментальных композиций: 1) плоскость симметрии – воображаемая плоскость отражения, делящая фигуру на две симметричные части; 2) ось симметрии (центр вращения) – точка, вокруг которой фигура перемещается на определенный угол; 3) ось переносов – линия, вдоль которой повторяются мотивы на равных расстояниях друг от друга; 4) плоскость отражения – перенос мотива вдоль оси переноса с отражением от продольной плоскости симметрии. Принцип организации композиции, противоположный симметричному, называется *асимметричным* [Сензюк, 1988, с. 60]. Асимметричная композиция может складываться из симметричных частей, связь которых не подчиняется закономерностям симметрии.

На основе метрических и ритмических повторов, симметрии или асимметрии орнамент организуется в пространстве. По тектонике орнаментальные композиции подразделяют на

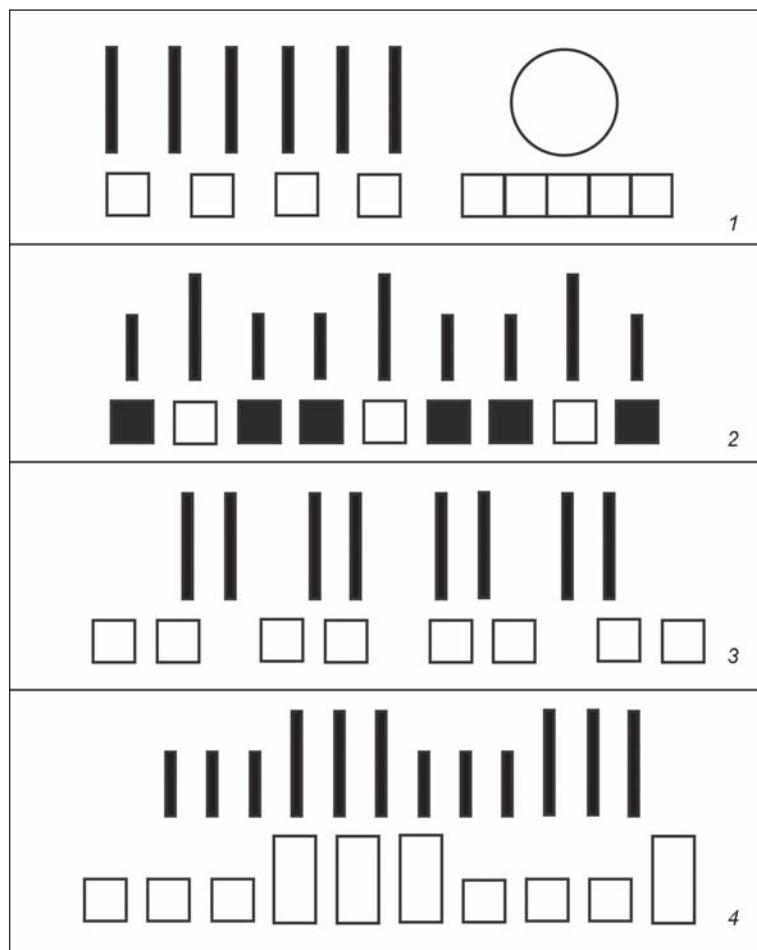

Рис. 3. Основные схемы решения метрических порядков.

1 – повтор одного элемента; 2 – чередование элементов; 3 – повтор группы элементов; 4 – чередование групп элементов (по: [Барташевич и др., 2004, рис. 3.22]).

следующие типы: 1) неограниченные закрытые (бордюр); 2) неограниченные открытые (сетка); 3) ограниченные закрытые (розетка). Таким образом, бордюр как вид пространственного построения орнамента занимает промежуточное положение между сеткой и розеткой.

Можно выделить три основные схемы решения метрических и ритмических повторов для бордюра, сетки и розетки: 1) повторение равных форм через равные интервалы; 2) повторение равных форм, для которых интервалом является граница членения формы; 3) радиальные ритмы как разновидность метрического порядка (рис. 5, 1–9).

В целом, на основе метрических и ритмических порядков, симметрии / асимметрии, специфики организации декора в пространстве может быть создано значительное число вариантов композиций. Именно поэтому выделение эталонных моделей построения орнаментальных композиций представляет известную сложность. При выделении соответствующих моделям групп сосудов учитывался критерий зонального размещения узора.

Согласно тем задачам, которые ставились порядком традиционного социума, орнамент – организованная по определенным правилам система – выполнял специфические функции.

Поскольку, как уже отмечалось выше, в нашем понимании, орнамент в архаичном обществе выступал в качестве одного из «языков культуры», основной его функцией была функция семантическая или знаковая. Как всякая система знаков, орнамент фиксировал, кодировал, сохранял и передавал информацию, выступая специфическим текстом. В этом проявлялась его семантическая функция. Таким образом, говоря о семантической функции декора, мы исходим из следующего представления: знаковая природа орнамента подобна знаковой природе письменного текста. Семантическая структура орнамента как текста, на наш взгляд, состоит из трех компонентов – фона, мотива и разграничительной линии.

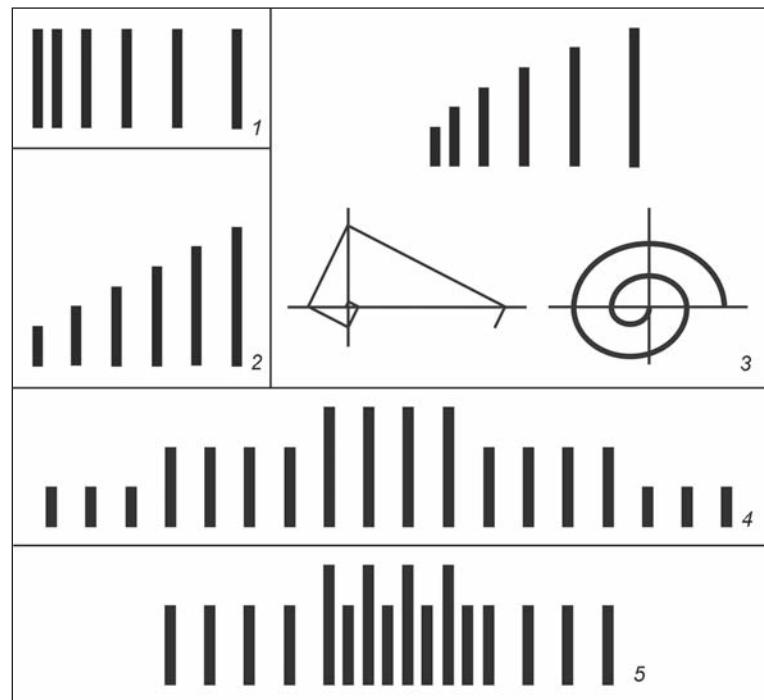

Рис. 4. Основные схемы решения ритмических порядков.

1 – ритмический ряд равных элементов, повторяющихся на возрастающих интервалах; 2 – ритмический ряд с возрастающими элементами на равных интервалах; 3 – ритмические ряды с возрастающими величинами форм и интервалов; 4 – ритмический ряд, образованный сочетанием метрических рядов; 5 – ритмический ряд, образованный наложением двух метрических рядов (по: [Барташевич и др., 2004, рис. 3.25]).

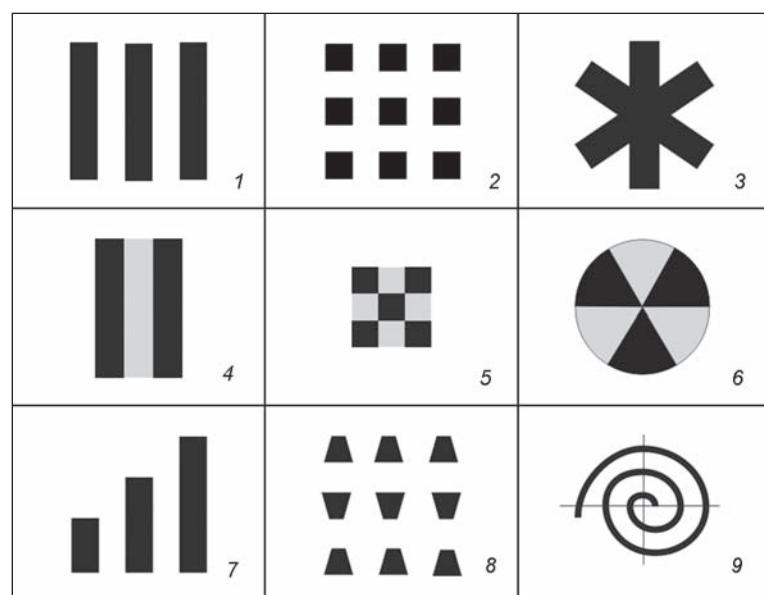

Рис. 5. Основные схемы решения метрических порядков для бордюра (1, 4, 7), сетки (2, 5, 8) и розетки (3, 6, 9).

1–3 – повторение равных форм через равные интервалы; 4–6 – повторение равных форм, для которых интервалом является граница членения формы; 7–9 – элементы формы возрастают (убывают), интервал не меняется.

Фон – внешняя поверхность сосуда, которая является базой для изображения мотива. Он может быть представлен тремя основными типами:

1) пустая (гладкая), не заполненная элементами поверхность; 2) поверхность, заполненная оттисками технико-декоративных элементов, составленных в различные комбинации; 3) окрашенная поверхность.

Мотив – простейшая единица сюжетного развития; определенная комбинация из элементов, ритмично повторяющаяся в узоре.

Разграничительная линия отмечает сорасположение мотива и фона, а также различных мотивов.

Определяя функции основных компонентов семантической структуры орнамента, можно предположить, что мотив следует рассматривать как собственно «текст»: на него приходится основная доля информации орнамента. Фон выступает базой для изображения мотива (т.е. пространства, на котором расположен «текст») и имеет определенное семантическое значение. Разграничительная линия отделяет различные элементы сообщения, указывает на их относительную обособленность и связь в рамках целого. Отметим, что если мотив, в котором заключена основная доля информации, выполняет основную функцию, то фон и разграничительная линия – функции служебного свойства.

Орнаментированные глиняные сосуды, функционировавшие в бытовой и культовой сферах, естественно, несли определенный смысл. Понять его – значит «перевести» информацию с одного языка на другой, т.е. дать возможность выразить смысл средствами других языков. Разнообразие выразительных средств «языков культуры» делают вопросы «переводимости» весьма сложными. В нашем случае ситуация усугубляется двумя обстоятельствами: 1) орнамент, при всем сходстве структуры и функций, все-таки не является письменным языком с присущей ему точностью смыслов; 2) существенна удаленность во времени. В связи с этим возникает проблема понимания смыслов орнамента как «языка культуры». При коммуникации, обмене знаками (а наше исследование можно рассматривать как своего рода «диалог в диахронном аспекте») неизбежно присутствует определенная неадекватность понимания, момент интерпретации, искажающий исходный смысл. Избежать этого полностью, на наш взгляд, не представляется возможным. Другое дело, что с помощью разработанной нами модели, а также привлекая материалы другого «языка культуры» архаического общества нижнего Приамурья – изобразительного искусства,

мы предпринимаем попытку максимально приблизиться к смыслу орнамента на неолитической керамике.

Итак, орнамент на керамике, будучи специфическим текстом, нуждается в дешифровке, т.к. написан на неизвестном нам языке. Декодировка такого текста предполагает учет по возможности большего количества характеризующих его параметров, среди которых функции, инвентарь единиц, их синтаксика и семантика. Выявление и формулировка семантического содержания компонентов орнамента базировалась на следующих положениях:

1. Значимость позиций компонентов в рамках композиционного целого.

2. Перед нами знаки-копии, которые в силу техники воспроизведения (примитивизм, схематизм) обнаруживают признаки знаков-индексов, а в некоторых случаях, возможно, трансформируются в индексы.

3. Компоненты фиксируют важные актуальные реалии окружающего мира.

4. Семантика таких знаков при конкретности может быть описана преимущественно через абстрактные категории.

5. Не каждый отдельный элемент орнамента семантичен.

Последнее может быть связано с высокой степенью вероятности того, что какие-то компоненты заимствованы и использовались в качестве индексов или даже символов с неясной семантикой. Элементы могли также выполнять собственно технологические или декоративные функции.

Мы предлагаем модель описания орнамента по следующим позициям:

1) имя мотива;

2) разновидность (указывается в случае наличия и описывается отдельно, если проявления не совпадают по своим характеристикам);

3) чем образован орнамент;

4) общее количество употреблений;

5) место расположения (венчик, шейка, туло, придонная часть, днище);

6) ориентация (вертикальная, горизонтальная, неопределенная);

7) самостоятелен или во взаимодействии с др.;

8) с чем выступает контактно;

9) с чем выступает дистанто (Дистанты называется такое сорасположение мотивов, при котором между ними существует другой мотив или разграничительная линия.);

10) ориентированы ли контактные или дистантные расположения на позиции верха, низа или середины;

- 11) наличие фиксированной позиции;
- 12) инвариант расположения (бордюр, сетка, розетка);
- 13) существует ли координация между фоном и мотивом.

Описание по этой модели позволяет составить словарь мотивов и эксплицировать характер их взаимодействия, т.е. выявить набор семиотических характеристик.

Информация, которую орнамент передавал при помощи специального кода, могла носить магический или опознавательный (идентифицирующий) характер. В первом случае орнамент мог играть роль оберега, поскольку реализовывал традиционную для оберега опоясывающую композицию, а во втором – сигнализировать о различном предназначении сосудов, в т.ч. ритуальном. Помимо этого представляется, что в рамках семиотического аспекта орнамент выполнял функцию трансляции межпоколенного опыта в рамках данной культуры, а в случае межкультурного взаимодействия – передачи культурного кода данной традиции, индикатора культурной или этнической принадлежности.

Не менее важна, на наш взгляд, эстетическая функция орнамента. В этом случае орнамент являлся способом оформления вещи, посредством которого создавался определенный художественный образ, несущий художественно-эстетическую нагрузку. Средствами эстетической организации орнамента выступают симметрия / асимметрия, контраст / нюанс / тождество, динамичность / статичность.

Характер восприятия композиции зависит от взаиморасположения элементов. Так, симметричные близко расположенные элементы воспринимаются как единое целое, асимметричные – как отдельные формы. Можно сказать, что симметрия обладает группирующими свойством.

Необходимым условием достижения гармонии является соблюдение меры контраста, создание плавных переходов между контрастирующими элементами. Контраст – резкое противопоставление характеристик – выступает как наиболее распространенное средство выделения и повышения выразительности композиционного элемента. В решении эстетических задач контраст может дополняться нюансом, сущность которого заключается в плавном переходе характеристики элемента композиции в сторону усиления или ослабления. Если нюанс усилить, он может перейти в контраст, если же его сильно ослабить, то он окажется зрительно неразличимым, т.е. станет тождеством [Барташевич и др., 2004, с. 99–100].

Композиции орнамента могут быть динамичными, где внутреннее движение частей может создавать впечатление неустойчивости, и статичными, где нет внутреннего движения. Как правило, впечатление устойчивости создается использованием таких геометрических фигур, как треугольник, квадрат и трапеция. Эллипс и круг придают композиции динамику, т.к. эти формы неустойчивы.

Орнамент на глиняной посуде не всегда выполнял только эстетическую функцию. Зачастую его нанесение на поверхность изделия становились такой же технологической операцией в изготовлении керамики, как подготовка глины, приготовление формовочных масс, лепка, обработка поверхности и обжиг [Бутковская, 1987; Глушков, 1996]. Поэтому еще одной, не менее важной, чем прочие, можно считать техническую функцию орнамента.

Двойственность функционального предназначения орнамента (эстетическая и техническая), как отмечают исследователи, чаще всего прослеживается в орнаментальных композициях, располагающихся в проксимальной зоне сосудов (венчик, «плечико», «шейка»). Связано это в первую очередь с тем, что перед древним мастером при изготовлении сосуда возникала проблема преодоления естественного процесса механического ослабления глины в верхней зоне изделия. Ослабление приводит к растрескиванию изделия при сушке, вплоть до разрушения его при обжиге. По мнению керамистов, занимающихся изучением технологии древнего гончарства, укреплению сосуда в этом случае отчасти способствовало выколачивание стенок изделия колотушкой или лопаточкой [Бутковская, 1987, с. 36; Глушков, 1996, с. 71]. При этом на внешней и внутренней поверхностях сосуда образовывалась «сетка», т.н. «технологический декор». Проблему укрепления верхней части сосуда решал и орнамент, опоясывающий привенчиковую зону или покрывающий венчик. Зачастую полосы орнамента располагаются и внутри сосуда, покрываая привенчиковую зону. Такое покрытие изнутри и снаружи спрессовывало глину, препятствуя возникновению трещин [Бутковская, 1987, с. 36]. Укреплению верхней части сосуда, дополнительной фиксации стыковочных швов между лентами, снижению вероятности раз渲а сосуда в процессе сушки и обжига помогало применение налепных валиков. Д.А. Бутковская отмечает, что зачастую валик на керамике выглядит довольно небрежно, имеются многочисленные дефекты, что наводит на мысль об изначально

утилитарном предназначении валика, а не о его декоративной функции. Однако в процессе эволюции керамического производства валик, помимо технологического и утилитарного назначения, стал элементом декора.

Выше нами указывалось, что по способу взаимодействия с поверхностью изделия выделяются два основных типа орнаментации – рельеф и роспись. По мнению исследователей, многие виды рельефа позволяют улучшить некоторые свойства готового изделия. Так, рельефная орнаментированная поверхность снимает напряженность глины, особенно пластичной при формовке, сушке и обжиге, а также помогает скрыть недостатки, приобретенные в ходе формовки. Кроме того, укрепляется черепок, уменьшается пористость изделия, выравнивается толщина стенок, уменьшается величина механической усадки, скрываются швы между лентами, различные дефекты поверхности, оставшиеся после ее обработки, убираются выступающие на поверхность минеральные отощители, а сосуд сильнее прогревается во время обжига, что улучшает эксплуатационные характеристики изделия [Бутковская, 1987, с. 37; Глушков, 1996]. Отметим применение в качестве элемента орнамента различного рода отверстий: продавленных или просверленных. Просверленные отверстия использовались еще и для скрепления треснувших в процессе эксплуатации сосудов. Таким образом, декоративный элемент выполнял в этом случае исключительно технологическую функцию.

Исследователи считают, что применение только технологических операций не удовлетворяло эстетические потребности древних мастеров. Так, восстанавливая древнейшие технологии, С.А. Семенов и Г.Ф. Коробкова отмечали: «...даже сравнительно удачные сосуды после высыхания внешне неприятны, если не украшены орнаментом. Безобразный по форме и отделке поверхности горшок, неудачный с позиции самых снисходи-

тельных требований, постепенно захватывает внимание “мастера”, как только по венчику наносится ряд накалываний, черточек, или ямок косточкой или кончиком пруттика» [1983, с. 217].

Рассматривая техническую функцию орнамента, следует отметить взаимосвязь декора глиняных сосудов с технологией плетения и ткачества, на что указывают археологи-керамисты [Глушков, 1996, с. 71; Жущиховская, 1996а, с. 24; 2004; 2011, с. 104]. По мнению И.Г. Глушкова, «имитативный (связанный с плетением и ткачеством) характер посуды ранней развитой бронзы Западной Сибири проявляется не только в обработке (декорировании) поверхности, но и в наиболее распространенных орнаментальных схемах» [1996, с. 72]. Существует мнение, что «ряд орнаментальных мотивов и композиций керамики культур неолита», в т.ч. Приамурья (сетка-«плетенка»), «аналогичны технологическим схемам плетеных изделий» [Жущиховская, 1996а, с. 24]. Принцип имитации заложен и в посуде, воспроизводящей в декоре схему конструктивных элементов раскroя кожаных сосудов [Бородовский, 1983].

В целом, в функционировании орнамента можно выделить внутреннюю и внешнюю направленность. В первом случае действие функций направлено на реализацию задач внутри системы, для нормального функционирования которой необходимо поддерживать определенный «режим работы». Это выполняли структурные компоненты – элемент, мотив, композиция. Во втором случае требовалось решение внешних задач функционирования системы как способа реализации целей культуры, поэтому их осуществлял собственно орнамент как целостность.

Таким образом, орнамент представляет собой целостную систему, которая характеризуется четко выраженной иерархичной структурой, неоднозначными внутренними и внешними связями, определенными функциями.

2.2. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Осиповская культура

Начало формирования орнаментальных традиций в гончарстве неолитического населения нижнего Приамурья связано с осиповской археологической культурой.

Ареал этой культуры простирается на 550 км вдоль долин Амура и Уссури: от поселений на северо-востоке нижнего Приамурья (Кондон-Поч-

та, Харпичан-4 и др.) до памятника Сяонаньшань у г. Жаохэ (КНР, низовья р. Уссури).

На сегодняшний день известны многие десятки осиповских археологических комплексов, большинство которых сосредоточено примерно в центре ареала – в районе Хехцира или на его ближайшей периферии – от устья р. Уссури до

района современного с. Сакачи-Алян. Основные памятники: эпонимное поселение Осиповка-1, Гася, Хумми, стоянки Гончарка-1, Новотроицкое-10, Осиновая Речка-10 и -16. Прочие местонахождения: стоянки Венюково, на правом берегу Амура (протоки Амурской) на участке между селами Казакевичево и Корсаково, в районе сел Бычиха, Новотроицкое, Осиновая Речка (Гончарка-2–4, Новотроицкое-1, -3, -4 и -8, Осиновая Речка-1 и др.), поселение Госян, Сакачи-Алян (нижний пункт), Харпичан-4, стоянки Кондон-Школа, на берегу р. Кии в местности Чёртово Плесо и др. [Медведев, 2005а; Шевкомууд, Яншина, 2010].

Возраст опорных памятников осиповской культуры определен: 13 300–10 300 л.н., что с учетом калибровки ^{14}C дат составляет около 14 200–9 900 гг. до н.э. [Медведев, 1995а-б; Шевкомууд, Кузьмин, 2009, с. 19].

По данным исследователей, керамика найдена на четырнадцати памятниках осиповской археологической культуры: Осиповка-1, Гася, Хумми, Гончарка-1 и -3, Госян, Амур-2, Новотроицкое-3, -7 и -10, Осиновая Речка-10 и др. [Окладников, Медведев, 1983; Деревянко, Медведев, 1993; Медведев, 1995а; Лапшина, 1999; Шевкомууд, 2002, 2005; Шевкомууд, Яншина, 2010, 2012]. Остатки осиповских глиняных сосудов встречены в стратиграфически четких условиях на памятниках Гася, Госян, Хумми и Гончарка.

Коллекция осиповской керамики представительная (см. цв. вкл., рис. I): не менее пяти разновидностей сосудов (3 из них в реконструкции) и около 2 тыс. фрагментов, среди которых 30 обломков венчиков, 1,6 тыс. стенок и 10 донцев [Медведев, 2008а, 2008г; Шевкомууд, 1998; Яншина, Лапшина, 2008; Маявин, 2008; Шевкомууд, Яншина, 2012]. Исследователи отмечают наличие как орнаментированной осиповской керамики, так и неорнаментированной, для которой характерны узкие горизонтальные трасы на внутренней поверхности фрагментов. В керамистике подобное явление получило название «технологическая (или недекорированная) поверхность» и «технологически-декорированная поверхность» [Цетлин, 2000б, с. 257; 2012, с. 186–188; Медведев, Цетлин, 2013]. В целом характер найденных керамических материалов позволяет сделать предварительный, но детальный анализ орнаментальных традиций осиповской культуры.

Принципы и способы декорирования керамики. Единственный принципом декорирования осиповской керамики – рельеф, представленный обеими разновидностями (рис. 6). На долю негативного рельефа приходится подавляющее боль-

шинство орнаментированных образцов. Для создания такого рельефа применялись различные способы декорирования: протаскивание, прочесывание, прокатывание, тиснение, штампованием, «шагание», насекание, прокалывание и, возможно, накалывание.

Реконструкции осиповских сосудов и фрагменты венчиков позволяют сделать вывод, что при оформлении керамики применялись как один, так и 2–3 способа декорирования. Пример односоставной «рецептуры» – реконструированный сосуд с поселения Гася (раскоп I). Вся внешняя поверхность изделия покрыта вертикальными желобками шириной не более 0,15–0,20 см, а внутренняя часть опоясана такими же желобками, но направленными по горизонтали [Медведев, 2005а, с. 242]. Подобный «желобчатый» декор характерен для стенок осиповских сосудов. Желобки наносили на одинаковом расстоянии друг от друга посредством протаскивания или прочесывания мелкозубчатой гребенкой, а также «отпечатками шнура (видимо, намотанного на стержень)» [Медведев, 2008а, с. 159, 160]. Более правильные и ровные ряды желобков зафиксированы на внешней поверхности фрагментов сосудов. Для оформления стенок, судя по опубликованным материалам, на памятниках Гончарка-1 и -3, Новотроицкое-10, Осиновая Речка-10 и др. могла использоваться и «гребенчато-пунктирная орнаментация» в виде вертикального и горизонтального зигзагов [Шевкомууд, 2005, с. 10; Шевкомууд, Яншина, 2012, рис. 185]. Только один способ декорирования – прокалывание – применялся и при оформлении некоторых венчиков. Так, два сосуда с Хумми имели под венчиками сквозные отверстия. У одного из этих изделий относительно ровная и гладкая внешняя поверхность, а на внутренней стороне, чуть ниже отверстия, сохранился след от узких параллельных трасс, идущих под небольшим наклоном к горизонтальной оси сосуда [Яншина, Лапшина, 2008, с. 165]. Сходным образом оформленные венчики есть среди материалов с Гончарки-1. Можно считать, что в односоставной «рецептуре» орнамента осиповской керамики доминирующим способом декорирования было протаскивание. В меньшей степени использовалось прокалывание, штампованием.

Для двусоставной «рецептуры» отмечены следующие сочетания способов декорирования: протаскивание + тиснение, прокалывание + шагание. Примером первого «рецепта» может служить обломок венчика с Гаси. «На внешней поверхности вдоль венчика сделан горизонтальный желобок, здесь же – легкие углубления. Ниже черепок по-

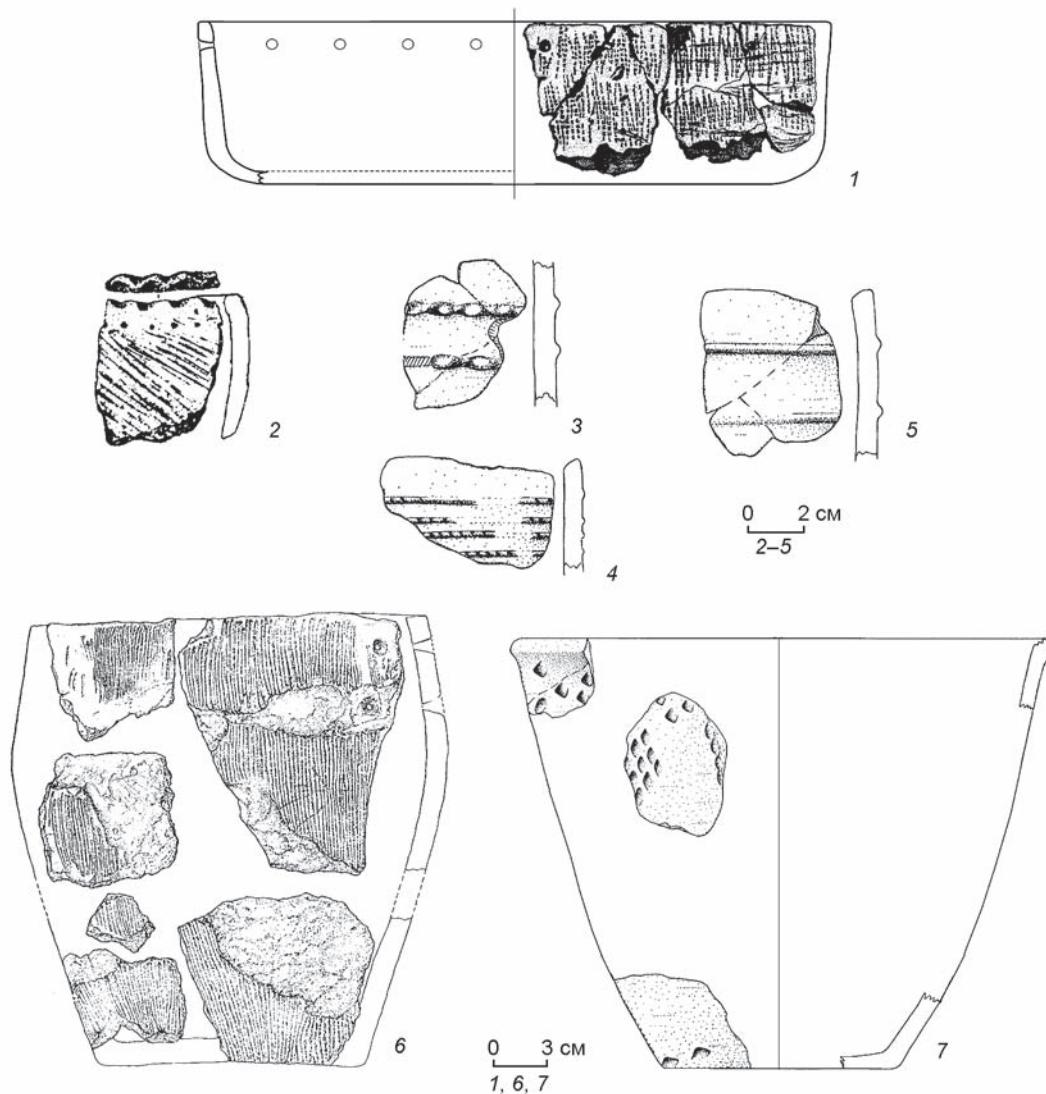

Рис. 6. Осиповские сосуды, оформленные негативным (1, 6, 7) и позитивным (5) рельефами и их сочетанием (2–4). 1, 3–5, 7 – Гончарка-1; 2 – Харпичан-4; 6 – Гася (1, 3–5, 7 – по: [Шевкомулд, Яншина, 2012, рис. 85, 91, 94–96]; 2 – по: [Маявин, 2008, рис. 2, 11]).

крыт рядами полукруглых вдавлений, сделанных концом ногтя. На обратной стороне фрагмента – узкие горизонтальные желобки» [Медведев, 2005а, с. 241]. Второму «рецепту» соответствуют венчики с Гончарки-1.

Для трехсоставной «рецептуры» характерно сочетание прокалывания + протаскивания + штампований. Пример – венчики с поселения Харпичан-4: прямые, иногда с волнистой кромкой, с рядом сквозных отверстий (в одном случае – два ряда глубоких вдавлений снаружи) [Маявин, 2008, с. 155]. Сходным образом украшен венчик с поселения Гася (раскоп I), на котором помимо желобчатого орнамента есть прокольчатый декор: ниже верхнего края изделия, на расстоянии 1,4–1,7 см друг от друга, тонкой трубкой или полой косточ-

кой сделаны круглые отверстия. Они выполнены после нанесения желобчатого орнамента. Данный фрагмент весьма примечателен еще и тем, что на его внешней поверхности оставлены косые параллельные ряды прямоугольных оттисков трехзубчатой гребенки. Длина каждого оттиска (т.е. ширина одного зубчика гребенки) составляет 0,2 см, а расстояние между оттисками – 0,1 см. Сопоставление оттисков гребенки на кромке венчика и желобков показало, что декор нанесен одним зубчатым орнаментиром.

В целом, в орнаментации осиповской керамики протаскивание – основной способ создания углубленного рельефа. Чаще всего так оформляли тулоно из изделий. Отметим, что этот же способ использовался при оформлении венчиков, хотя

основным для декорирования данной части сосуда было прокалывание. Орнаментирами служили специальные орудия – зубчатое колесико, гребенка (с прямым или дугообразным краем), возможно, широкая щепка с намотанной на нее веревкой, фигурный штамп и стек [Шевкомуд, Яншина, 2010, с. 67].

Согласно опубликованным данным, осиповцы также создавали на глиняных сосудах рельеф с выпуклым изображением, используя два способа декорирования – налепливание и защипывание. Доля образцов керамики с выпуклым рельефом среди орнаментированных образцов незначительна [Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 164–166].

Итак, для осиповского орнаментального комплекса характерен рельефный принцип декорирования керамики. Полученные данные указывают на преобладание углубленного рельефа, наносившегося различными способами, но с доминированием протаскивания. Последнее было самым распространенным способом оформления туловы изделия – основной зоны размещения орнамента.

Технико-декоративные элементы. В осиповской керамике, украшенной негативным рельефом, в первой группе технико-декоративных элементов нами выделены две подгруппы. Первая подгруппа представлена простыми разомкнутыми прямолинейными элементами (прямые желобки) (рис. 7, 1). В описаниях авторов, это – «длинные ровные линии» [Яншина, Лапшина, 2008, с. 159]. Вторая подгруппа – простые разомкнутые криволинейные элементы (волнистые желобки) (рис. 7, 2). Подобные образцы есть в коллекциях с поселений Гася (раскоп I и II), Осиповка, Хумми.

Во второй группе технико-декоративных элементов тоже выделены две подгруппы. Одна из них представлена сложными замкнутыми прямолинейными элементами: ромбовидными оттисками (рис. 7, 3), оттисками «зубчатой гребенки» с прямым или дугообразным рабочим краем, редкой (не менее четырех-пяти) или плотной (в количестве трех) постановкой уплощенных зубцов (рис. 7, 4). Вторая подгруппа включает сложные замкнутые криволинейные элементы: круглые оттиски (рис. 7, 5), круглые отверстия (рис. 7, 6).

В осиповской керамике, оформленной позитивным рельефом, первая группа технико-декоративных элементов представлена прямыми валиками (рис. 7, 7), а вторая – «защипами» (рис. 7, 8). Подгруппы не выделены. Валики различаются шириной налепа: узкие (0,3 см) и средние (0,4–0,5 см). Высота рельефа варьирует в пределах низких показателей (0,3–0,4 см).

Контур в сечении подтреугольный. Есть валики, оформленные мелкими налонными насечками, округлыми оттисками [Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 165, 166].

Позитивный рельеф на осиповской керамике выполнен с использованием комбинации негативного (штампованием) и позитивного (защипывание) рельефа. Это т.н. «ногтевые» оттиски (возможно, «пальцевые»). Как указывалось выше, на одном из фрагментов керамики с Гаси есть ряды полукруглых вдавлений, сделанных концом ногтя [Медведев, 2005а, с. 242].

Судя по опубликованным материалам, ведущий технико-декоративный элемент – простые разомкнутые прямые желобки. Различаются они шириной (0,1–0,2 см) и глубиной (не более 0,1 см) прочерчивания, хотя в целом варьирование показателей несущественно. Еще раз подчеркнем: не исключено, что это «технологическая (или недекорированная) поверхность» и «технологически-декорированная поверхность».

Для осиповской керамики характерно использование одного или двух-трех технико-декоративных элементов. «Стандарты» применения тех или иных элементов выявляются в их корреляции с основными зонами размещения декора. Так, верхняя плоскость венчика украшалась поперечными вдавлениями, выполненными в штамповой технике и придающими волнистый характер, а горловина – сквозными округлыми отверстиями. Туловы сосудов оформлены разнонаправленными желобками (возможно, вариант т.н. «технического» декора), а также гребенчатой орнаментикой в виде горизонтальных поясов [Шевкомуд, 2005, с. 9]. Примером могут служить обломки венчиков с поселения Харпичан-4, а также уже упоминавшийся выше фрагмент венчика с Гаси (раскоп I).

В целом технико-декоративные элементы осиповских узоров довольно разнообразны, если принять во внимание время формирования орнаментального комплекса осиповской культуры.

Орнаментальные мотивы. Для орнаментики осиповской керамики в группе простых мотивов нами выделена одна подгруппа: простые разомкнутые прямолинейные мотивы (прямая линия) (рис. 7, 9–12). Вариации простых мотивов в подгруппе определяются главным образом направлением: горизонталь, диагональ, вертикаль. В группе сложных мотивов выделены две подгруппы: 1) сложные разомкнутые прямолинейные мотивы – зигзаг горизонтальный (рис. 7, 13) и вертикальный (рис. 7, 14), сетка (рис. 7, 15), сетка-«плетенка» (рис. 7, 16); 2) сложные разомкнутые

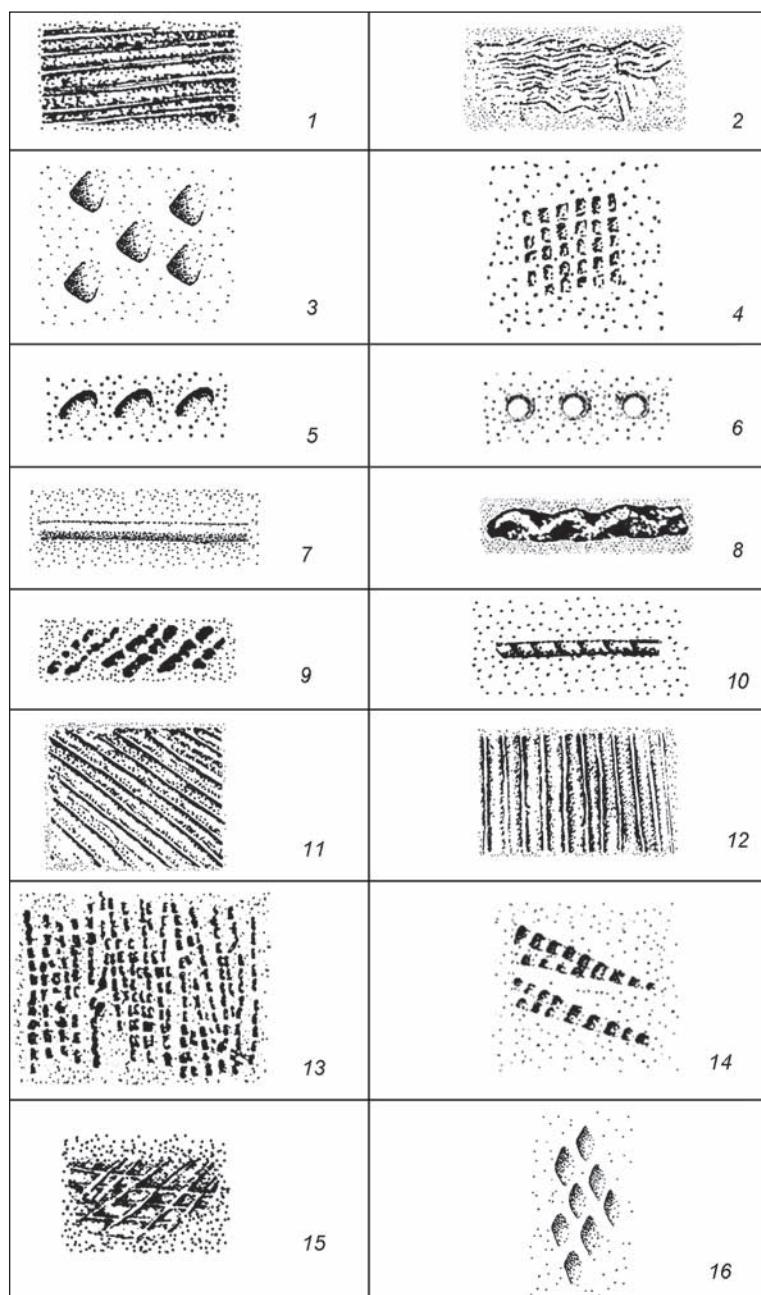

Рис. 7. Технико-декоративные элементы (1–8) и орнаментальные мотивы (9–16) на осиповской керамике.

1, 2 – прочерченные желобки: прямые (1) и волнистые (2); 3 – ромбовидные оттиски; 4 – отпечатки гребенчатого штампа; 5 – округлые отверстия; 6 – сквозные округлые отверстия; 7 – прямой валик; 8 – засипы; 9–12 – прямые линии: горизонтальные (9, 10), наклонные (11) и вертикальные (12); 13, 14 – зигзаги: горизонтальный (13) и вертикальный (14); 15 – сетка; 16 – сетка-«плетенка».

криволинейные мотивы (волнистая линия) (рис. 7, 2, 8). По сравнению с простыми сложные мотивы отличаются большим разнообразием. Критерием в данном случае служит не только направление, но и угол стыковки (для зигзага), протяженность (для сетки и волнистой линии).

Для осиповского орнаментального комплекса исследователи отметили «горизонтальный и вертикальный (встречается чаще) зигзаги, горизонтальные ряды оттисков, расположенных в шахматном порядке, свисающие «фестоны» из оттисков неясной конфигурации, горизонтальные ряды наклонных линий» [Шевкомуд, Яншина, 2010, 2012]. Ранее указывалось, что керамика, найденная в ходе раскопок поселения Госян, во многом близка гасинской посуде. Небольшая особенность – присутствие на некоторых черепках орнамента в виде косой сетки, образованной узкими желобками [Медведев, 2005а, с. 242].

Таким образом, орнаментальные мотивы осиповского керамического комплекса довольно разнообразны для культуры, время формирования которой определяется началом неолита.

Орнаментальные композиции.

Осиповская керамика представлена двумя реконструированными сосудами, двумя изделиями, которые можно реконструировать, и небольшим количеством фрагментов венчиков. Все это затрудняет анализ композиций декора.

Тем не менее, основными средствами выражения формальных признаков в композиции, как было указано выше, являются метр и ритм. В осиповском орнаменте метрические порядки подразделяются на две группы. К первой группе метрических порядков, основанных на принципе повторения равных форм через равные интервалы, относятся горизонтальные пояса и сетки. Вторая группа метрических порядков основана на повторении равных форм, для которых интервалом является граница членения формы. В этом случае образуется сплошное орнаментальное поле.

В ритмических порядках можно выделить лишь одну группу, в которой схема решения основывается на чередовании равных элементов с одинаковым интервалом между ними. Таким образом, метрические и ритмические повторы в композициях декора осиповской керамики не отличаются разнообразием.

В коллекции с поселения Гончарка-1 у двух сохранившихся сосудов узор начинался сразу у кромки венчика и достигал дна. По отдельным фрагментам можно судить, что декор всегда присутствовал в приустьевой части емкостей, но как далеко он спускался вниз – неизвестно [Шевкомуд, Яншина, 2010, с. 66–67; 2012, с. 184].

Реконструируемые сосуды и обломки венчиков демонстрируют, как минимум, четыре схемы построения орнаментальных композиций.

Первая схема (рис. 8) представлена реконструированным сосудом с Гаси. Принцип декорирования – негативный рельеф. Зоны размещения декора – венчик (внешний бортик), горловина, плечики, туло и придонная часть сосуда. Выполнен орнамент одним технико-декоративным элементом – желобками. Прямые вертикальные линии (мотив) образуют сплошное поле. Тип композиции по построению – бордюр.

Вторая схема (рис. 9) восстанавливается на основе фрагментов венчиков из Хумми и Гон-

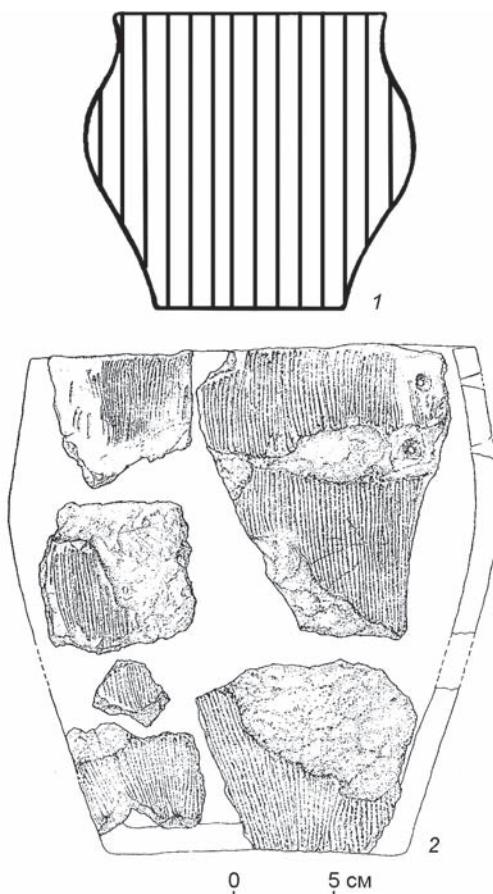
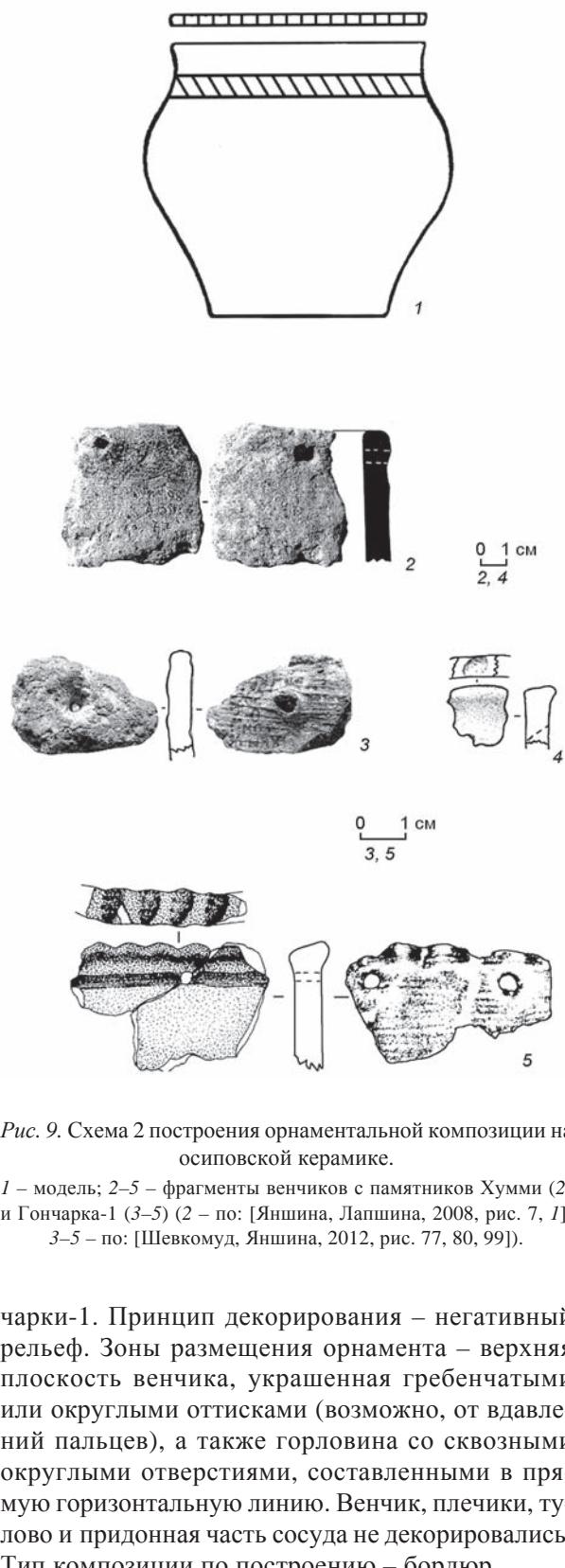

Рис. 8. Схема 1 построения орнаментальной композиции на осиповской керамике.

1 – модель; 2 – сосуд (реконструкция) с памятника Гася.

чарки-1. Принцип декорирования – негативный рельеф. Зоны размещения орнамента – верхняя плоскость венчика, украшенная гребенчатыми или округлыми оттисками (возможно, от вдавлений пальцев), а также горловина со сквозными округлыми отверстиями, составленными в прямую горизонтальную линию. Венчик, плечики, туло и придонная часть сосуда не декорировались. Тип композиции по построению – бордюр.

Третья схема (рис. 10) реконструирована по фрагментам венчиков с Гаси и Харпичана-4. Принцип декорирования – негативный и позитив-

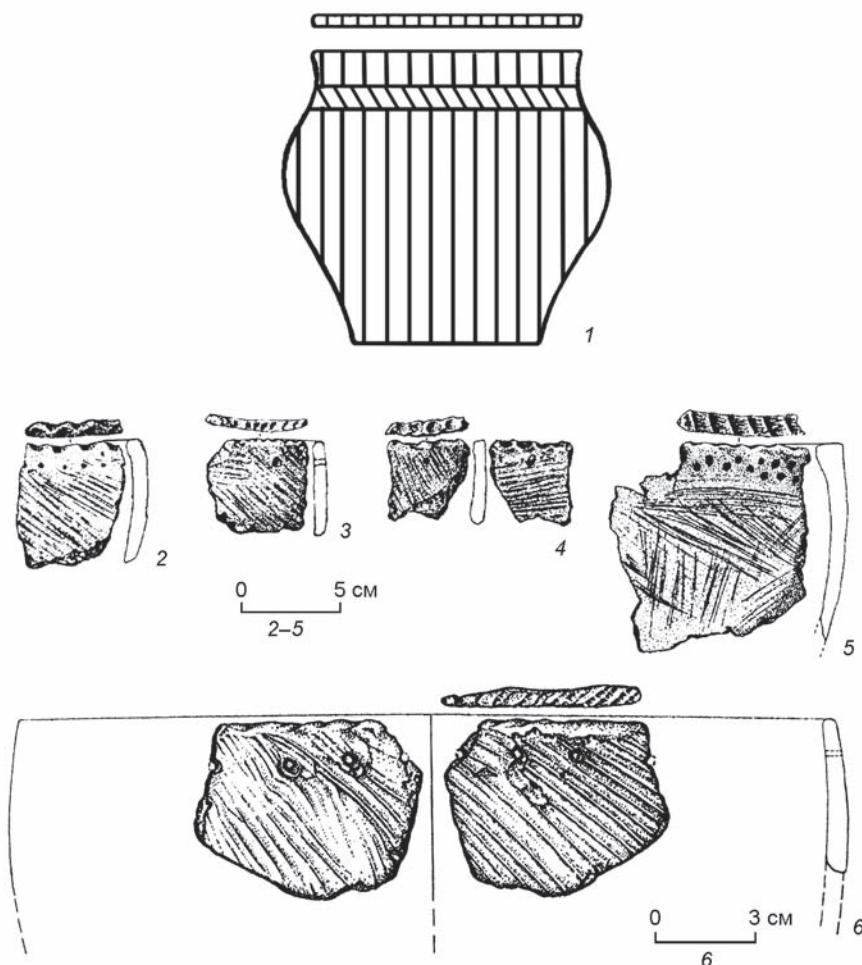

Рис. 10. Схема 3 построения орнаментальной композиции на осиповской керамике.

1 – модель; 2–6 – фрагменты венчиков с памятников Харпичан-4 (2–5) и Гася (6) (2–5 – по: [Маявин, 2008, рис. 2, 11–14]; 6 – по: [Медведев, 2008, рис. 3]).

ный рельеф. Зоны размещения орнамента – внешняя часть, горловина, плечики и, предположительно, туло. Внешний бортик венчика оставлен гладким. Верхняя часть венчика деформирована «вдавлениями пальцев или палочки», оттисками гребенки. Горловина сосуда украшена сквозными окружными отверстиями, составленными в прямую горизонтальную линию. Плечики и, предположительно, туло (возможно, до дна) оформлены желобками, ориентированными наклонно или разнонаправлено. Тип орнаментальной композиции по построению – бордюр + сетка.

Четвертая схема (рис. 11) представлена реконструированным сосудом, а также фрагментами венчиков с Гончарки-1. Принцип декорирования – негативный рельеф. Зоны размещения орнамента – верхняя плоскость и внешний бортик венчика, горловина, плечики и туло. Придонная часть сосуда оставлена гладкой. Верхняя

часть венчика украшалась оттисками гребенчатого штампа, вдавлениями палочки или пальцев, а горловина – сквозными окружными отверстиями, составленными в прямую горизонтальную линию. Плечики и туло оформлены оттисками гребенчатого штампа, скомпонованными в горизонтальный и/или вертикальный зигзаг. Тип орнаментальной композиции по построению – бордюр + сетка.

Таким образом, наличествующие материалы показывают, что структура осиповского декора по преимуществу концентрическая. Орнамент располагается единой полосой, охватывая основные зоны (венчик, горловину, плечики и туло) размещения орнамента (рис. 12, 1, 2). Реже встречается сетчато-концентрическая структура (рис. 12, 3). Единичны экземпляры сетчато-радиального декора (рис. 12, 4). Типы построения – бордюр, бордюр + сетка, единичны сетка + розетка. Последний тип представлен в реконструированном

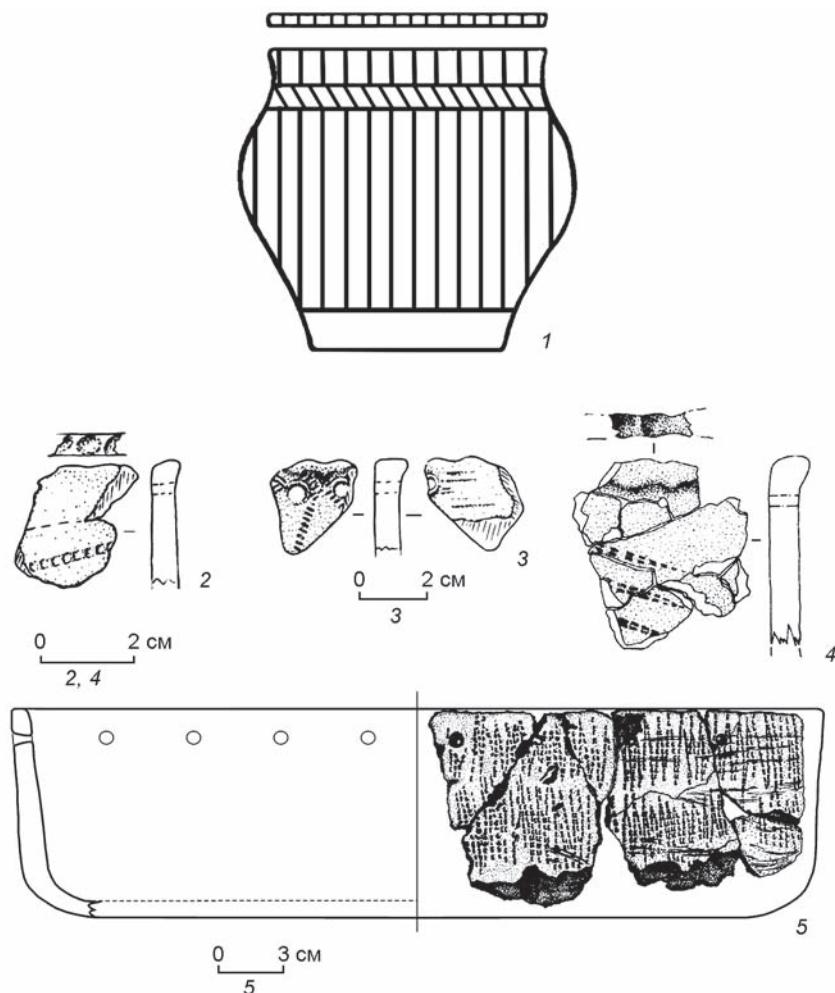

Рис. 11. Схема 4 построения орнаментальной композиции на осиповской керамике.

1 – модель; 2–5 – венчики и сосуд (реконструкция) с памятника Гончарка-1 (по: [Шевкомуд, Яншина, 2012, рис. 81, 85, 97, 99]).

сосуде с Гончарки-1, схема орнаментальной композиции которого полностью не восстановлена (см. рис. 12, 4).

Ведущие признаки орнаментального комплекса. Орнамент на осиповской керамике в первую очередь основан на рельефных изображениях, среди которых доминирует негативная разновидность. Создавался негативный рельеф протаскиванием (желобки), прокалыванием (округлые отверстия), штампованием (отиски зубчатого штампа, ромбовидные). Зафиксированы одно- и многосоставная «рецептуры» орнамента.

Выделенные технико-декоративные элементы компоновались в мотивы, которые можно считать характерными для осиповской орнаментики: прямые вертикальные, горизонтальные и наклонные линии, вертикальный и горизонтальный зигзаг.

Типы пространственных построений орнамента – бордюр, бордюр + сетка. Структура

орнамента по преимуществу концентрическая. Основные зоны размещения декора – венчик, горловина, плечики и туло. Можно предположить, что придонная часть чаще всего оставалась гладкой.

В целом, для осиповской культуры характерен довольно развитый для начального этапа неолита орнаментальный комплекс.

Хронологические и территориальные группы. Характер материалов и публикаций по керамике с различных памятников осиповской культуры не дает возможности объединять их в какие-либо территориальные группы.

Однако коллекция с поселения Гончарка-1, возможно, позволит исследователям проследить некоторую динамику в развитии осиповского гончарства. Для глиняной посуды из заполнения криогенных клиньев характерно отсутствие декора как такового: на ее поверхностях отмечен только

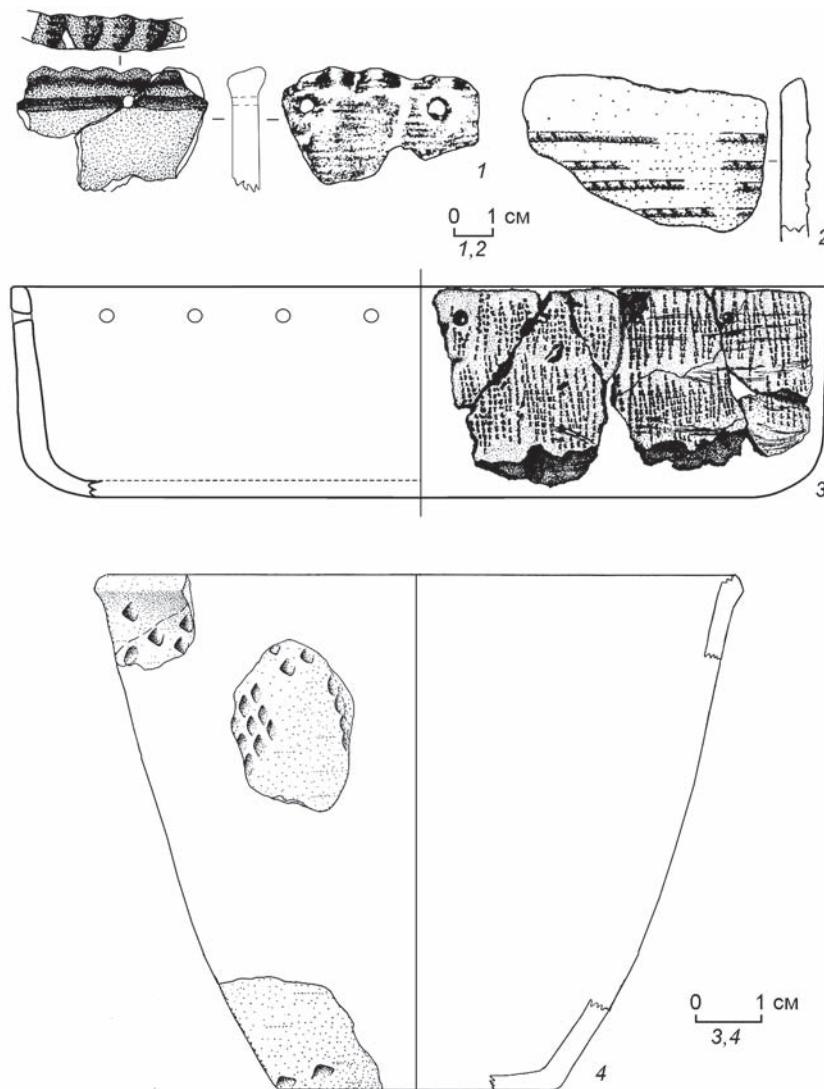

Рис. 12. Осиповские венчики и сосуды (реконструкция) с памятника Гончарка-1 с концентрической (1, 2), сетчато-концентрической (3) и сетчато-радиальной (4) тектоникой композиции орнамента.

«технический орнамент» [Шевкомуд, Яншина, 2010, 2012].

Учитывая типологические характеристики керамики и имеющиеся радиоуглеродные даты, можно предварительно выделить три группы керамики: раннюю, развитую и позднюю. Ранняя в хронологическом отношении – неорнаментированная керамика из клиновидных жильных структур Гончарки-1, а также архаичные образцы керамики с желобками на внешней и внутренней поверхностях (т.е. с «технологической или недекорированной поверхностью») с Гаси (раскоп II) и Хумми.

Развитая группа – керамика с узкими желобками на внешней поверхности, составленными в сплошное поле или косую сетку, а также с оттисками гребенки на верхней плоскости венчиков

и сквозными отверстиями на горловине сосудов (т.е. с «технологически-декорированной поверхностью»). Представлена материалами с Гаси (раскоп I и II), Госяна и Харпичана-4.

Поздняя группа – керамика с оттисками гребенки на верхней плоскости венчика и сквозными отверстиями на горловине, с гребенчатыми поясами или гребенчато-пунктирным зигзагом (вертикальным и горизонтальным) по тулову сосудов. Найдена на Гончарке-1 и -3, Новотроицком-3 и -10, Осиновой Речке-10. Отметим, что орнамент поздней группы осиповской керамики имеет аналогии среди материалов более поздних культур – марииинской, мышевской и кондонской.

Таким образом, характерные признаки орнаментального комплекса осиповской культуры, скорее всего, обусловлены его постепенной эволюцией.

Мариинская культура

Следующий этап развития орнаментальных традиций неолитического населения нижнего Приамурья соотносится с мариинской культурой раннего неолита.

Мариинская культура в основном известна по двум местонахождениям – Сучу и Кондон-Почта. Отдельные образцы мариинской керамики (группа черепков) найдены в ходе разведочных работ на м. Заливном оз. Удышль* (рис. 13), при раскопках у сел Иннокентьевка и Петропавловка. Таким образом, об ареале культуры можно говорить лишь ориентировочно. Вероятно, помимо северо-восточной части нижнего Приамурья, где расположен о-в Сучу, культура могла охватывать районы выше по р. Амур, возможно, вплоть до р. Уссури. По материалам Сучу для мариинского комплекса были получены три ^{14}C даты в диапазоне 8 585–7 180 л.н. Три даты в калиброванном виде определяют хронологическое положение культуры в пределах 7750–6050 гг. до н.э. Таким обра-

зом, время бытования мариинской археологической культуры – VIII – конец VII тыс. до н.э.

Объем коллекции мариинской керамики сравнительно невелик: материалы раскопок 1999 и 2002 гг. на поселениях Сучу [Медведев, 1999; Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2003] и Кондон-Почта [Медведев, 2007а; Филатова, 2012], а также отдельные находки с м. Заливного и из Иннокентьевки. Материалы Петропавловки не учтены. Мариинская керамика о-ва Сучу, полученная при раскопках 1999 г., включает 150 разрозненных фрагментов, среди которых 25 обломков венчиков и 6 – донцев. Материалы раскопок 2002 г. – 1 реконструированный сосуд, 10 обломков верхних частей и 1 007 разрозненных фрагментов, среди которых 124 венчика, 807 стенок, 76 донцев. Что касается коллекции с поселения Кондон-Почта, то при вскрытии жилищ и пространства между ними найдено довольно много керамики и нуклеусов, аналогичных ма-

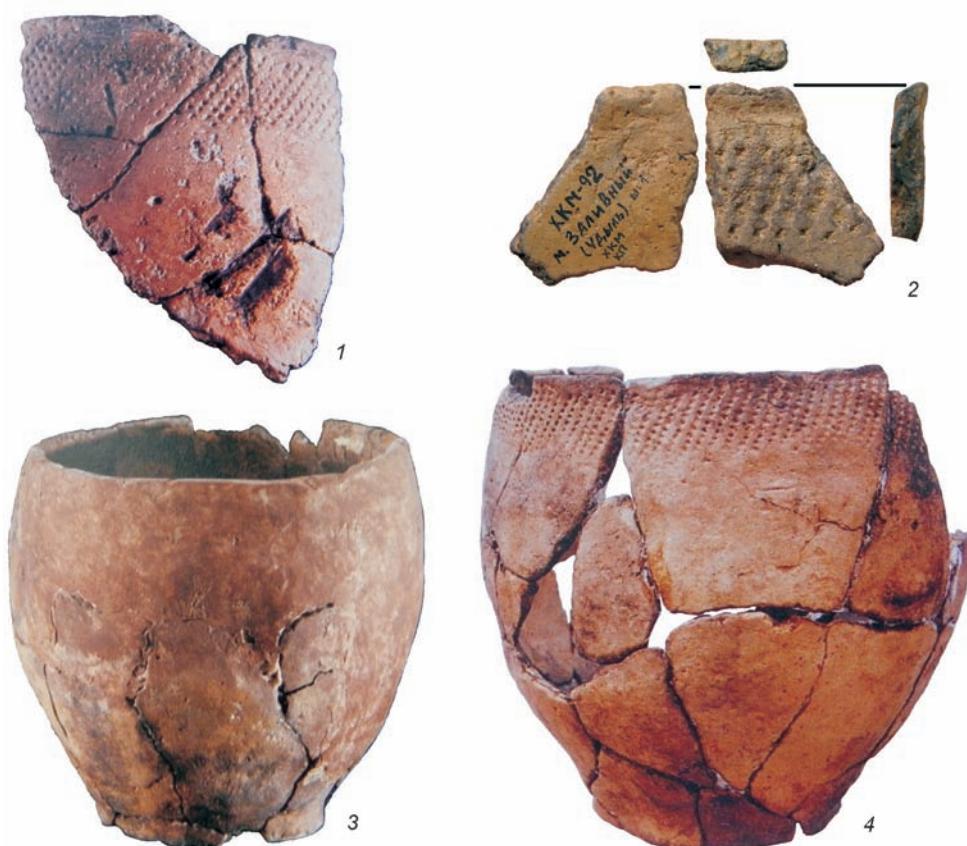

Рис. 13. Мариинская керамика с памятников Сучу (1, 4), м. Заливный (2) и Кондон-Почта (3).

* Устная информация И.Я. Шевкомуда, за которую авторы ему благодарны.

териалам Сучу [Медведев, 2007а, с. 423]. Общая доля орнаментированных образцов незначительна. Так, декорированная керамика, обнаруженная при раскопках 1999 г., составляет около 22 % (34 экз.), а полученная в 2002 г. – 18 % (183 экз.) от общего числа находок. Такие сравнительно низкие показатели определяются тем, что зонами размещения узора служили, как правило, верхняя часть (реже внешний и внутренний бортики) венчика, горловина и плечики. Тулово, придонная часть и донце оставались гладкими.

Принципы и способы декорирования керамики. Единственный принцип декорирования поверхности мариинских глиняных сосудов – негативный рельеф (рис. 14). Для его создания применялись такие способы нанесения узора, как штампованием и протаскивание, а в единственном случае – накалывание. Обычно использование только одного способа декорирования: штампованием, протаскивания, единично сочетание штампованием + накалывание. Отметим, что штампованием доминирует, т.к. на долю протаскивания приходится лишь 0,9 % декорированной керамики.

Штампованием и протаскивание выполняли зубчатым инструментом типа гребенки. Использовались как правило два штампа, хотя в материалах Сучу есть три образца керамики, оформленной только одним орнаментиром. При помощи одного зубчатого штампа – двух-, реже трех- и единично четырехзубчатой гребенки – декор наносился на верхнюю часть или внутренний бортик венчика. Доля их, соответственно, 21,6, 4,1 и 0,4 % орнаментированной керамики из Сучу. Другим штампом наносили декор на внешний бортик венчика, горловину и плечики сосуда. Количество «зубцов» этого инструмента могло составлять от четырех до двенадцати. Чаще всего употреблялась пяти- и шести-, реже четырех- и семизубчатая гребенка. Доля их от общего количества декорированной керамики из коллекции поселения Сучу распределяется соответственно: 9,2, 7,4, 4,1 и 3,7 %. Единично использование восьми- (2 экз.), девяти- (1 экз.), десяти- (1 экз.), одиннадцати- (1 экз.) и двенадцатизубчатых (2 экз.) гребенчатых штампов. Следовательно, количество «зубцов» гребенчатых штампов, применявшимся в мариинском орнаментальном комплексе, варьирует от двух до двенадцати. Для мариинской керамики с Кондон-Почты это тоже характерно. Что касается обломков венчиков, декорированных протащеннымми желобками, из Сучу, то на одном фрагменте орнамент выполнен двух- и четырехзубчатым штампом,

а на втором – трех- и пятизубчатым гребенчатым инструментом. Сходным образом оформлен обломок венчика из Иннокентьевки.

Из сказанного напрашивается вывод: для мариинского орнаментального комплекса характерен рельефный принцип декорирования керамики. Единственная его разновидность – углубленный рельеф, наносившийся в основном способом штампованием. Он же доминирует как способ оформления венчика, горловины и плечиков изделий – основных зон размещения орнамента.

Технико-декоративные элементы. На мариинской керамике представлены две группы технико-декоративных элементов – простые и сложные. Внутри групп элементы подразделяются следующим образом: по форме – разомкнутые и замкнутые; по характеру очертаний – прямолинейные и криволинейные. Первая группа – простые прямолинейные разомкнутые элементы – желобки (рис. 15, 1, 2). Вторая группа включает сложные прямолинейные замкнутые элементы – подпрямоугольные оттиски (рис. 15, 3), а также разомкнутые элементы – оттиски зубчатой гребенки (рис. 15, 4). Подгруппы не выделены.

Основные критерии вариабельности желобков – ширина, длина и глубина. Для мариинского орнамента характерны желобки шириной 0,1–0,2 см, длиной 1–5 см и глубиной 0,2–0,3 см. Оттиски «зубцов» гребенчатого штампа различаются размерами, формой и глубиной. Как правило, они небольшого размера (0,1–0,3 см), квадратной, прямоугольной, ромбовидной или округлой (реже) формы. В одном оттиске, как правило, форма однообразна, а глубина в основном средняя (0,1–0,2 см). В коллекции мариинской керамики Сучу при постановке гребенчатого штампа наблюдается чередование направлений наклонов вдавлений (вправо – влево). Чаще фиксируется наклон оттисков вправо (91,7 % декорированной керамики). Единичны (3 экз.) образцы с постановкой штампа строго перпендикулярно горизонтальной оси сосуда.

Количественные показатели желобков, подпрямоугольных оттисков и следов «зубчатой гребенки» варьируют. Так, в выборке орнаментированной керамики рассматриваемой культуры из коллекции Сучу подпрямоугольные оттиски представлены единственным экземпляром (0,46 %), а желобков два (0,9 %). Остальные декорированные обломки глиняных сосудов украшены вдавлениями гребенчатого штампа (98,64 %). В выборке мариинской керамики из коллекции Кондон-Почты и Иннокентьевки доля желобков

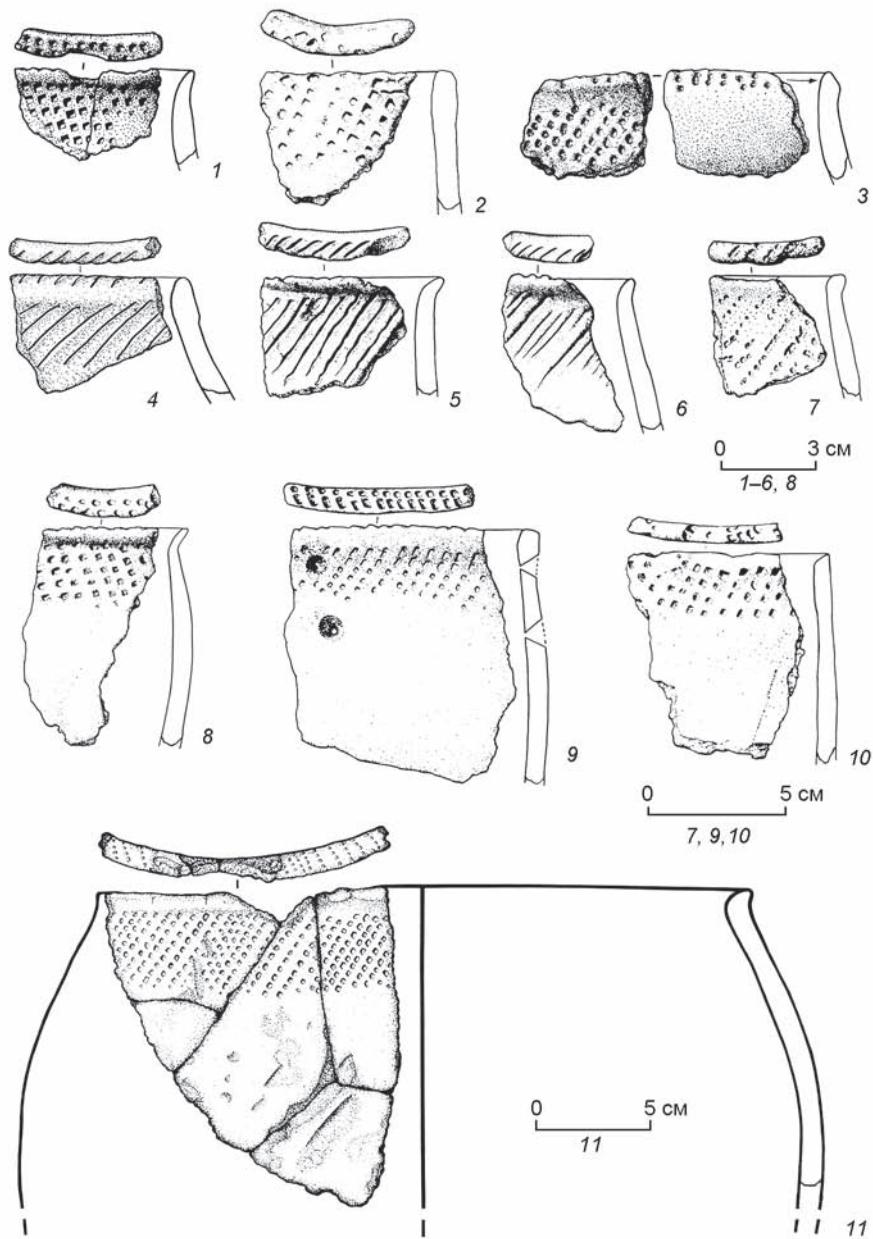

Рис. 14. Декорированные негативным рельефом фрагменты мариинской керамики с памятников Сучу (1–3, 5–11) и Иннокентьевка (пункт I) (4).

тоже незначительна. Таким образом, доминируют в мариинском орнаментальном комплексе оттиски «зубчатой гребенки». В целом технико-декоративные элементы в мариинском орнаменте особым разнообразием не отличаются.

Орнаментальные мотивы. Однообразны и орнаментальные мотивы. В группе простых мотивов нами выделены две подгруппы: 1) простые разомкнутые прямолинейные мотивы – прямые линии (рис. 15, 5, 6); 2) простые разомкнутые криволинейные мотивы – углы (рис. 15, 7). Вариации

простых мотивов в первой подгруппе определяются направлением: представлены горизонтальные и наклонные прямые линии; во второй подгруппе – углом стыка (45 и 55°).

В группе сложных мотивов выделена одна подгруппа – сложные разомкнутые прямолинейные мотивы (зигзаги). Критерием в данном случае стало не только направление, но и угол стыковки. Для мариинского орнамента характерны своеобразные горизонтальный (рис. 15, 8) и вертикальный (рис. 15, 9) зигзаги. Первый основан

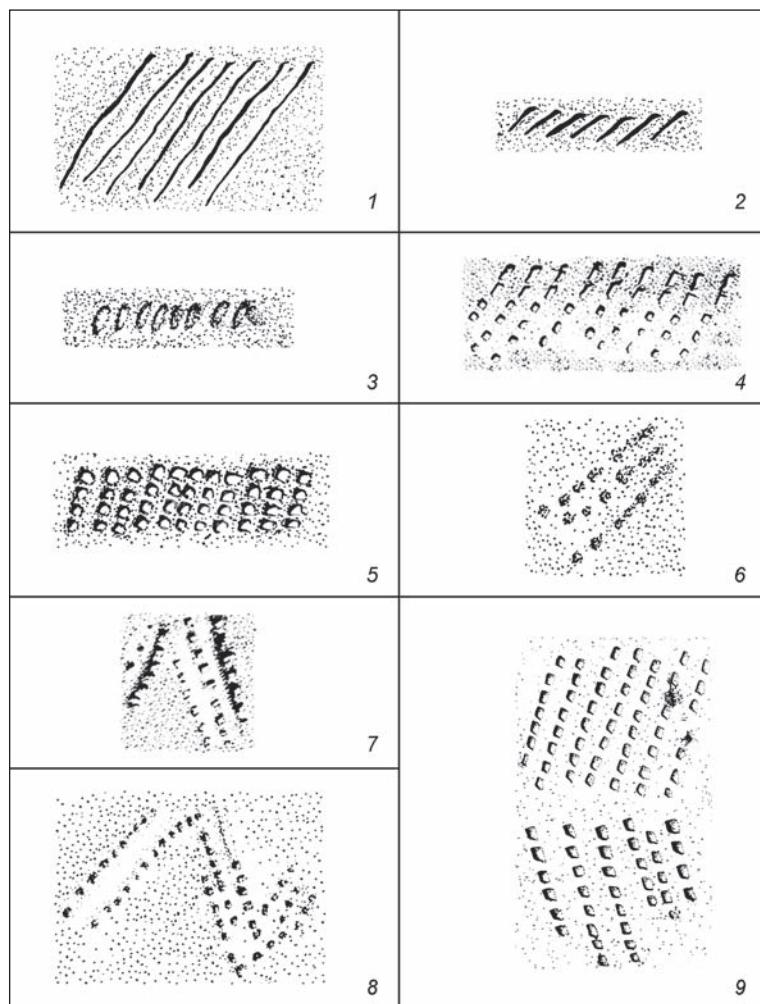

Рис. 15. Технико-декоративные элементы (1–4) и орнаментальные мотивы (5–9) на маринской керамике.

1, 2 – прочерченные желобки; 3 – подпрямоугольные оттиски (расплылись); 4 – отпечатки гребенчатого штампа; 5, 6 – прямые линии: горизонтальные (5) и наклонные (6); 7 – угол; 8, 9 – зигзаги: горизонтальный (8) и вертикальный (9).

на соединении углов, а второй – на чередовании горизонтальных поясов оттисков гребенчатого штампа и наклонных вдавлений гребенки. Угол стыковки горизонтального зигзага 55° , а вертикального – 145° .

Ведущий мотив маринского орнаментального комплекса – прямые горизонтальные линии. Их доля в выборке украшенной керамики из Сучу составляет 97,2 %. Есть этот мотив и в декоре керамики из коллекции Кондон-Почты. Единичны наклонные линии (3 экз.), углы (2 экз.), горизонтальный (2 экз.) и вертикальный (2 экз.) зигзаги. Орнаментальные мотивы маринского керамического комплекса однообразны.

Орнаментальные композиции. Как отмечалось выше, в составе коллекции маринской керамики с Сучу есть один реконструированный

сосуд. Имеются реконструированные емкости и в маринской коллекции с Кондон-Почты (не менее пяти экземпляров). По этим изделиям, а также по крупным фрагментам верхних частей сосудов и венчиков, можно дать характеристику построения орнаментальных композиций.

Основными средствами выражения формальных признаков в композиции, как уже указывалось, являются метр и ритм. В маринской керамике в метрических порядках можно выделить одну группу – повторение равных форм через равные интервалы – горизонтальные пояса. В ритмических порядках тоже определяется одна группа, в которой схема решения основывается на чередовании равных элементов с одинаковым интервалом между ними. Таким образом, метрические и ритмические повторы в орнаментальных композициях маринской керамики довольно однообразны.

Анализ размещения узора показал, что основными зонами служили венчик (верхняя часть), горловина и плечики сосудов. Можно выделить следующие варианты зонирования орнамента на керамике: 1) венчик (верхняя плоскость) + плечики; 2) венчик (верхняя часть) + горловина + плечики; 3) венчик (верхняя плоскость) + внешний бортик + горловина + плечики; 4) венчик (верхняя плоскость) + внутренний бортик + горловина + плечики; 5) горловина. Чаще всего декором оформлена верхняя плоскость венчика и плечики изделий.

Таким образом, учитывая метрические и ритмические порядки, а также взаимосвязь элементов, мотивов и зон размещения декора, в орнаментальном комплексе маринской культуры выделены пять схем (групп) построения орнаментальных композиций. Во всех пяти группах принцип декорирования – негативный рельеф. Разница заключается в размещении декора в орнаментальных композициях.

Так, у сосудов *первой группы* (рис. 16) зоной нанесения орнамента являлась горловина. Венчик, плечики, туло и придонная часть не украшены. Декор содержит один технико-декоративный элемент – оттиски гребенчатого штампа. Прямая горизонтальная линия (мотив) скомпонована в го-

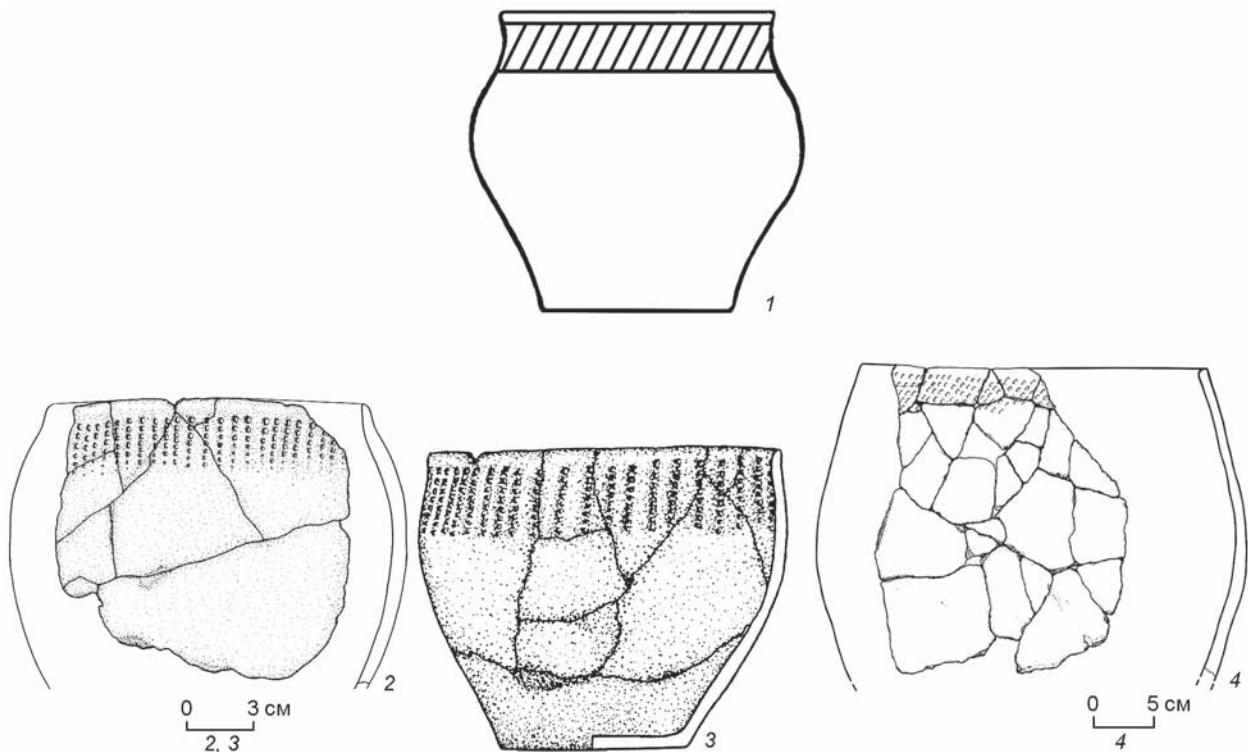

Рис. 16. Схема 1 построения орнаментальной композиции на мариинской керамике.

1 – модель; 2, 3 – фрагменты верхних частей сосудов с памятника Кондон-Почта; 4 – сосуд из Сучу.

ризонтальный пояс. Тип композиции по построению – бордюр.

Во *второй группе* сосудов (рис. 17) зоны размещения узора – венчик (верхняя часть) и горловина. Плечики, тулово и придонная часть оставлены гладкими. Декор – оттиски гребенчатого штампа. Прямые горизонтальные линии (мотив) скомпонованы в горизонтальный пояс. Тип композиции по построению – бордюр.

В орнаментальных композициях сосудов *третьей группы* (рис. 18) зоны размещения декора – верхняя плоскость венчика и плечики. Внешний бортик венчика, горловина, тулово и придонная часть не декорированы. Выполнен орнамент оттисками «зубчатой гребенки». Прямые горизонтальные линии (мотив) скомпонованы в горизонтальный пояс. Тип композиции по построению – бордюр.

Зоны размещения узора в *четвертой группе* сосудов (рис. 19) – венчик (верхняя плоскость), горловина, плечики и верхняя часть тулового. Внешний бортик венчика, нижняя часть тулового и придонная часть оставлены гладкими. Орнамент – оттиски гребенчатого штампа, единично – желобки. В этой группе по орнаментальным мотивам и типу построения композиции можно выделить две

подгруппы: 1) прямые горизонтальные линии из вдавлений гребенчатого штампа или желобков скомпонованы в бордюр; 2) прямая горизонтальная линия (по венчику) и угол или горизонтальный зигзаг (по плечикам и тулову) составляют бордюр + + розетку или бордюр + сетку.

В *пятой группе* сосудов (рис. 20) декорированы верхняя плоскость венчика, горловина, плечики и тулово. Внешний бортик венчика и придонная часть не украшены. Мотивы – прямая горизонтальная линия и вертикальный зигзаг. Тип орнаментальной композиции по построению – бордюр + + сетка.

Таким образом, для орнаментального комплекса мариинской культуры характерно довольно ограниченное число схем построения декоративной композиции (всего пять). Структура декора в основном концентрическая: орнамент располагается единой полосой, охватывая основные зоны размещения декора – венчик (верхняя плоскость), горловину и плечики (рис. 21, 1, 5, 6). Сетчато-концентрическая (рис. 21, 2, 4, 7) и радиально-концентрическая (рис. 21, 3) тектоника орнамента встречается редко. Тип пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + + розетка.

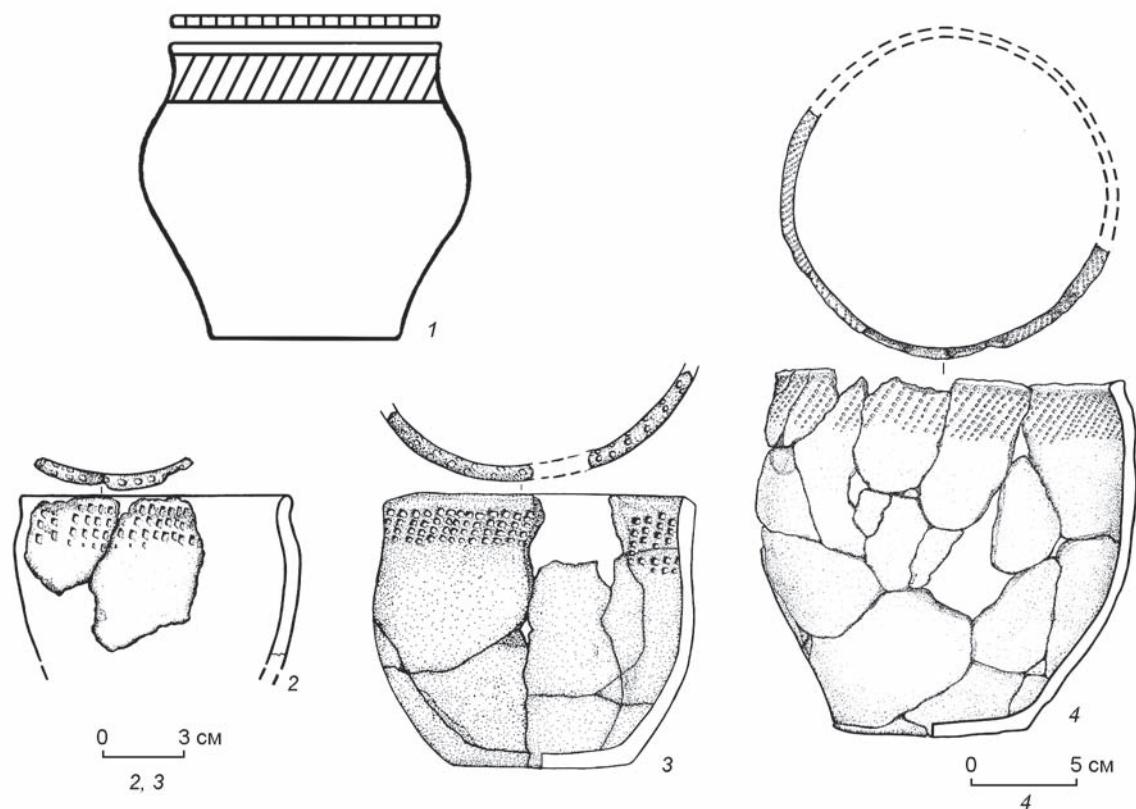

Рис. 17. Схема 2 построения орнаментальной композиции на мариинской керамике.
1 – модель; 2 – фрагмент верхней части сосуда из Сучу; 3, 4 – сосуды с памятников Кондон-Почта (3) и Сучу (4).

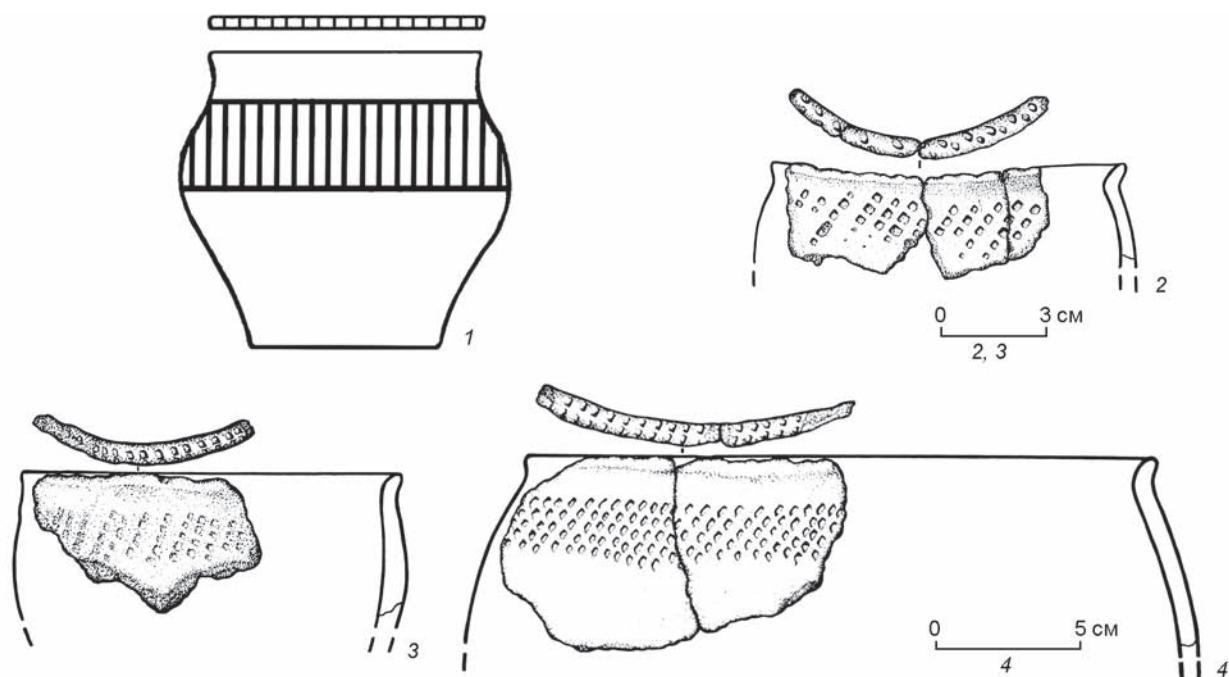

Рис. 18. Схема 3 построения орнаментальной композиции на мариинской керамике.
1 – модель; 2–4 – фрагменты верхних частей сосудов.

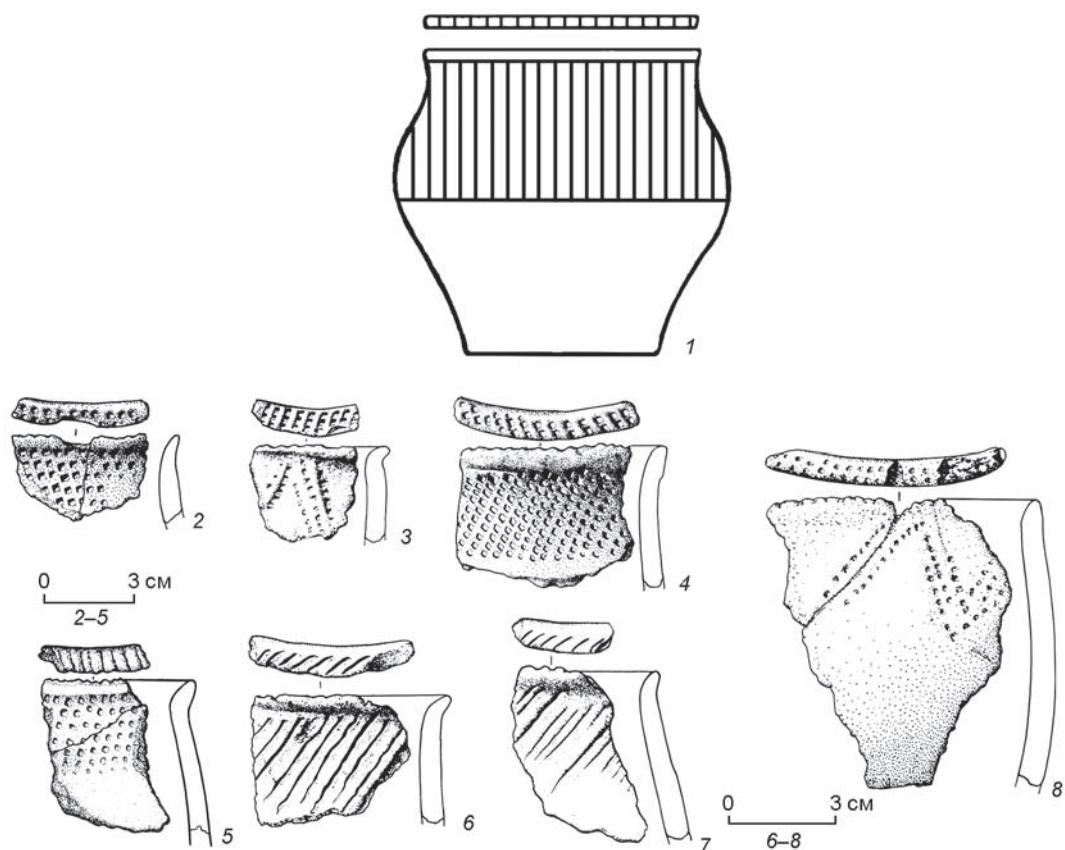

Рис. 19. Схема 4 построения орнаментальной композиции на мариинской керамике.

1 – модель; 2–8 – фрагменты венчиков из Сучу.

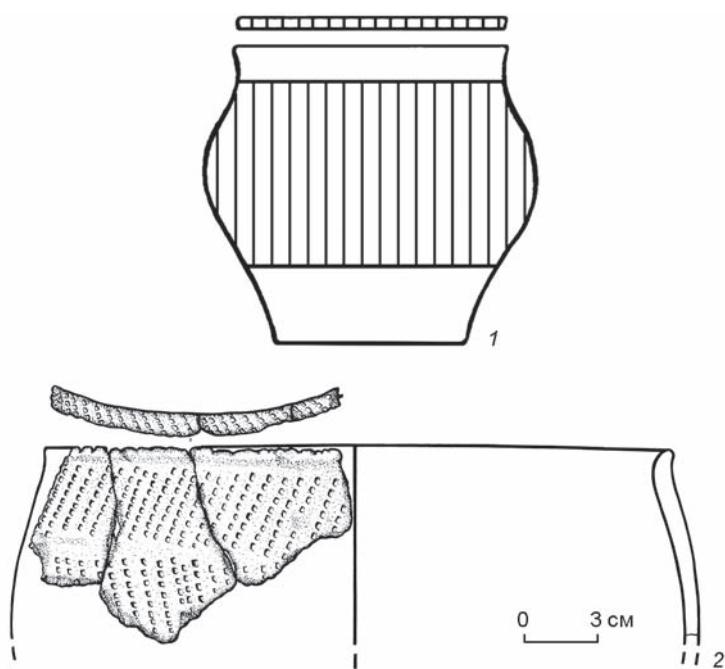

Рис. 20. Схема 5 построения орнаментальной композиции на мариинской керамике.

1 – модель; 2 – фрагмент верхней части сосуда из Сучу.

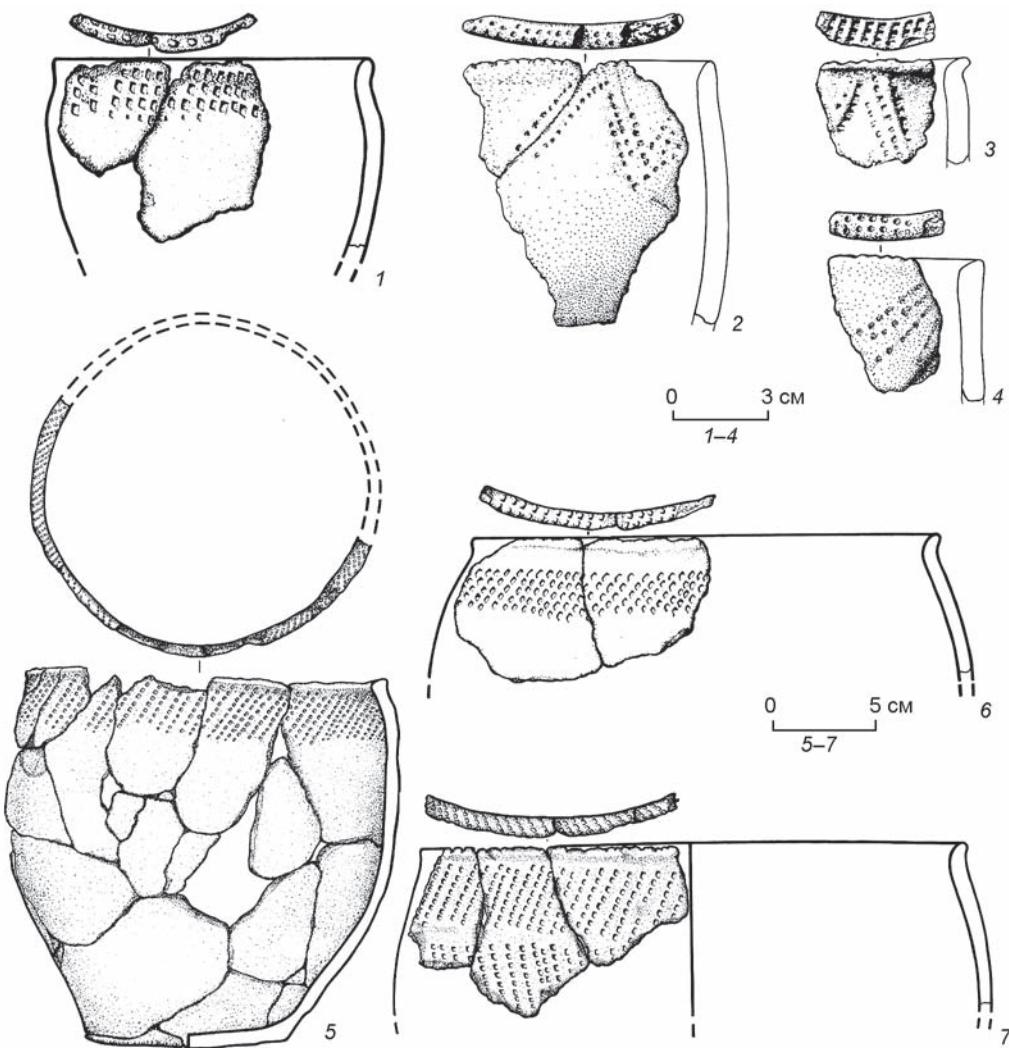

Рис. 21. Мариинская керамика из Сучу с концентрической (1, 5, 6), сетчато-концентрической (2, 4, 7) и радиально-концентрической (3) тектоникой композиции орнамента.

Ведущие признаки орнаментального комплекса. Декор марииинской керамики основан на углубленных рельефных изображениях. Создавались они штампованием (отиски зубчатого штампа) и протаскиванием (желобки). Первый способ декорирования и соответствующий технико-декоративный элемент были доминирующими. Типична односоставная «рецептура» орнамента. Среди орнаментальных мотивов, наиболее характерных для марииинской культуры, прямые горизонтальные линии. Единичны наклонные линии, угол, горизонтальный и вертикальный зигзаги.

На основе довольно однообразных метрических и ритмических порядков составлялось ограниченное число схем тектоники декора. Выделены три основные схемы построения орнаментальных композиций: бордюр, бордюр + сетка, бордюр +

+ розетка (два последних единичны). Структура орнамента преимущественно концентрическая. Основные зоны размещения декора – венчик (верхняя плоскость), горловина и плечики. Тулово (часто) и придонная часть (всегда) глиняных сосудов оставались гладкими, что определило довольно невысокий процент орнаментированной керамики.

Можно уверенно говорить, что марииинская керамика сравнительно архаична. Ее орнаментальный комплекс отличается ярко выраженной однородностью и примитивизмом. Учитывая тот факт, что известные на настоящее время коллекции марииинской керамики происходят в основном с двух памятников, выделить территориальные и хронологические группы не представляется возможным.

Малышевская культура

Дальнейшее развитие орнамента в нижнеамурском неолите связано с носителями малышевской культуры раннего и среднего периодов.

Ареал этой культуры включает низовья р. Уссури и долину почти всего нижнего Амура с окрестностями. В настоящее время учтено более 30 местонахождений малышевской керамики. Основными памятниками являются эпонимное поселение у с. Малышево (Малышево-1), Гася (второй снизу слой), у с. Вознесенского (нижний слой), на о-ве Сучу (жилища А–Д, № 1, 3, 5, 24–27). В числе прочих – поселения у с. Шереметьево, Казакевичево, Амурский Санаторий, Малышево-3, Госян, Сакачи-Алян (нижний пункт), Иннокентьевка, памятник в центральной части г. Комсомольска-на-Амуре, а также Кондон-Почта, Калиновка, Кольчем-3, Малая Гавань у с. Сусанино и др. [Медведев, 2005а; Шевкомул, Кузьмин, 2009, с. 22].

В территориальном отношении памятники разделены на юго-западную и северо-восточную группы, первая из которых хронологически считается ранней, а вторая – поздней [Деревянко, Медведев, 2002, с. 55]. Ранняя группа на основании стратиграфических данных и ^{14}C дат для памятников Гася ($7\ 950\pm80$ л.н.) и Сикачи-Алян (нижний пункт) ($6\ 900\pm260$ л.н.) отнесена (с учетом калибровки) ко второй половине VII – началу VI тыс. до н.э. [Медведев, 2007а, с. 420–421]. Поздняя группа датирована на основании серии ^{14}C образцов с о-ва Сучу ($5\ 180\pm4\ 380$ л.н.), а также с памятника Малая Гавань ($5\ 000\pm4\ 900$ л.н.); с учетом калибровки ^{14}C дат получаем интервал 4260–2900 гг. до н.э. – вторая половина V – рубеж IV–III тыс. до н.э. [Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев и др., 2000б; 2002а; Шевкомул и др., 2008; Шевкомул, Кузьмин, 2009]. Таким образом, время существования малышевской археологической культуры укладывается в хронологические рамки второй половины VII – рубежа IV–III тыс. до н.э.

Носители малышевской культуры были весьма искусными гончарами. Их керамика – типологически чрезвычайно разнообразный, яркий и инфор-

мативно емкий элемент культуры (см. цв. вкл., рис. II и III). Коллекции с памятников содержат представительный керамический материал, анализ которого позволяет выявить как частные, специфические для каждого поселения признаки, так и общие особенности, характерные для орнаментики малышевской культуры.

Принципы и способы декорирования керамики. Ведущий принцип декорирования малышевской керамики – рельеф, представленный двумя разновидностями (рис. 22). В целом доля рельефного орнамента в учтенной нами выборке по памятникам составляет от 50 до 100 %. Для со-

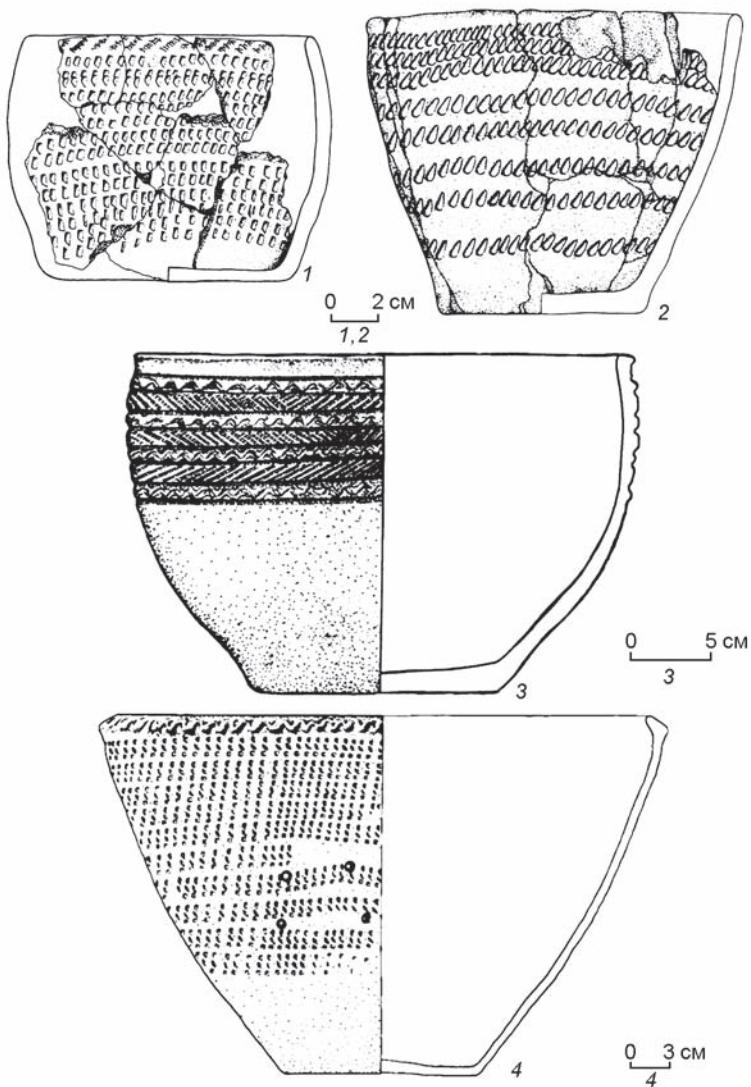

Рис. 22. Малышевские сосуды, оформленные негативным (1, 2) и сочетанием негативного и позитивного (3, 4) рельефов, с памятников Сучу (1, 4), Иннокентьевка (пункт I) (2) и Кондон-Почта (3) (по: [Окладников, 1984, табл. LXV, 5]).

здания негативного рельефа применялись такие способы декорирования, как штампованием, накалывание, насекание, «шагание», прокатывание, протаскивание, прочерчивание и прокалывание. Обычно применялся один или сочетание двух-трех и более способов декорирования.

В односоставной «рецептуре» орнамента малышевской керамики доминирует штампованием: доля в выборке в среднем составляет 50–70 %; минимальные показатели – 13 %, максимальные – 100 %. Доля прочих способов декорирования – накалывания, насекания, прокатывания, протаскивания – не превыше 10 %. При использовании нескольких способов нанесения декора типична двух-, трех- и четырехсоставная «рецептура». Число вариантов колеблется от 3 до 20, составляя в среднем 8–14 единиц.

Ведущие «рецептуры»: *двухсоставная* – штампованием + протаскивание, прокатывание + накалывание; *трехсоставные* – штампованием + прокатывание + накалывание, налепливание + защипывание + штампованием; *четырехсоставная* – налепливание + штампованием + прокатывание + накалывание. Гораздо хуже в количественном и качественном отношении представлен орнамент, сочетающий 5 способов декорирования. В этом случае число вариантов, как правило, составляет 1–2, реже 3 единицы. Исключением можно считать «рецептуру» декора керамики из жилища 27 поселения Сучу, включающую 8 разновидностей пятисоставного декора. Шестисоставная «рецептура» тоже единична. В учтенной выборке она представлена только в орнаменте керамики памятников Вознесенское и Сучу.

В целом, в орнаментации малышевских сосудов штампованием – основной способ создания углубленного рельефа. Оно же является наиболее распространенным способом оформления туловов изделий – основной зоны размещения орнамента. Прочие способы применялись для декорирования венчика, горловины и плечиков сосудов. Орнаментиры, использовавшиеся малышевцами при создании углубленного рельефа, могли быть как естественного, так и искусственного происхождения. Изделия подобного рода найдены на памятниках Гася и Сучу.

Рельеф с выпуклым изображением получали налепливанием, выплескиванием и защипыванием. Как и в случае с углубленным декором, малышевцы применяли один или сочетание нескольких способов нанесения орнамента. В односоставной «рецептуре» использовалось только налепливание. Двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестисоставная «рецептура» представлены вариантами, для ко-

торых характерно сочетание негативного и позитивного декора.

Ведущие «рецептуры»: *двухсоставные* – налепливание + штампованием, штампованием + защипывание; *трехсоставная* – налепливание + прокатывание + накалывание; *четырехсоставные* – налепливание + штампованием + прокатывание + накалывание, штампованием + защипывание + прокатывание + накалывание. «Рецептура», включающая только способы создания выпуклого рельефа, представлена одним вариантом – налепливание + защипывание. Зафиксирован такой орнамент на керамике Гаси, Иннокентьевки, Вознесенского, Калиновки и Сучу.

Основной зоной размещения позитивного рельефа был венчик сосуда. Единичны изделия, туловы которых оформлены налепливанием или защипыванием, даже в сочетании с негативным рельефом. Когда при орнаментации использовались обе разновидности рельефа, они дополняли друг друга при явном преобладании углубленного изображения. Таким образом, более типичным для малышевского орнаментального комплекса можно считать негативный рельеф, который, по существу, являлся основным формообразующим средством.

Плоскостной декор в орнаментальном комплексе малышевской культуры встречается реже. Хотя крашеная керамика (рис. 23) обнаружена практически на всех рассматриваемых нами памятниках, в большей степени она характерна для Гаси, Вознесенского, Калиновки и Сучу. Цветовая гамма малышевской керамики включает красный, а также, возможно, темно-серый и черный цвета.

Следует отметить, что два образца с изображениями, выполненными краской в технике росписи, происходят с Сучу (материалы раскопок 1972 г.). Один сосуд имеет шаровидно-сферическую форму, а на его плечиках крестообразно расположены четыре волютообразные фигуры (рис. 23, 2). Эти фигуры с двумя симметричными, довольно круто закрученными вниз завитками на чуть утончающемся в средней части и слегка расширенном книзу основании нарисованы красной краской. Другой сосуд по форме кувшинообразный. На его боковины нанесены не менее четырех вертикальных полос (рис. 23, 4). Прочие образцы (рис. 23, 1, 3, 5) – сосуды преимущественно шаровидно-сферической формы или их части, окрашенные в красный цвет и его оттенки (красно-малиновый, темно-малиновый). Краской покрывалась в основном верхняя часть сосуда (верхняя плоскость, внутренний и/или внешний бортики венчика),

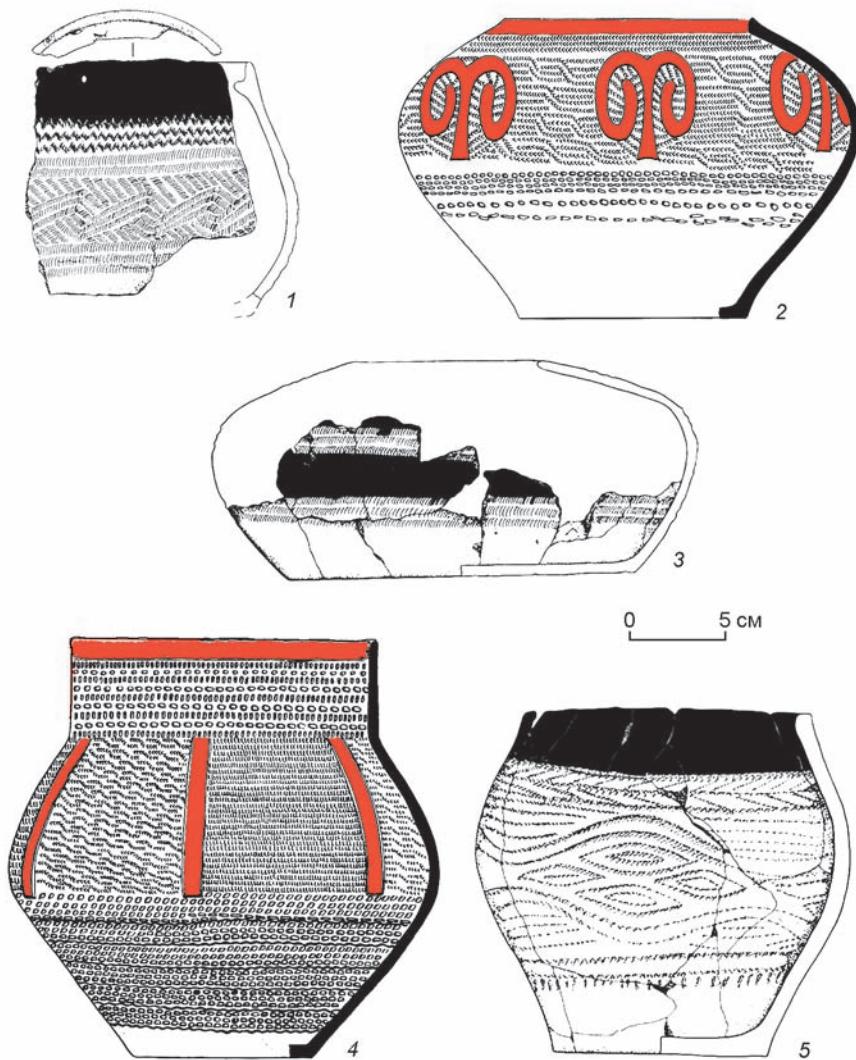

Рис. 23. Окрашенные в красный цвет малышевские сосуды из Сучу.

реже – плечики, тулово и нижняя (придонная) части. В целом, количество окрашенных изделий довольно значительно, а зоны нанесения плоскостного декора выдержаны. Это свидетельствует о вполне сложившейся практике применения данного способа декорирования.

Обобщая данные, полученные при анализе выборки, отметим, что для малышевской культуры характерны рельефный и плоскостной принципы декорирования керамики, но при доминировании первого. Объяснением подобного соотношения, вероятно, служит различная функциональная нагрузка изделий. Вполне вероятно, что окрашенная керамика носила у малышевцев культовый характер, а прочая была связана с бытовой сферой. Последняя изготавливалась в значительно боль-

шем количестве. Рельефный декор представлен негативной и позитивной разновидностями. Полученные данные указывают на явное преобладание в декоре малышевской керамики углубленного рельефа.

Технико-декоративные элементы. Рассмотрим отдельно керамику с негативным и позитивным рельефом, а затем с плоскостным орнаментом.

Керамика, украшенная негативным рельефом. Нами выделены следующие группы и подгруппы.

Первую подгруппу первой группы характеризуют такие технико-декоративные элементы, как прямые линии и желобки (рис. 24, 1, 2); вторую подгруппу первой группы – дугообразные и угольчатые оттиски (рис. 24, 3, 4); первую подгруппу

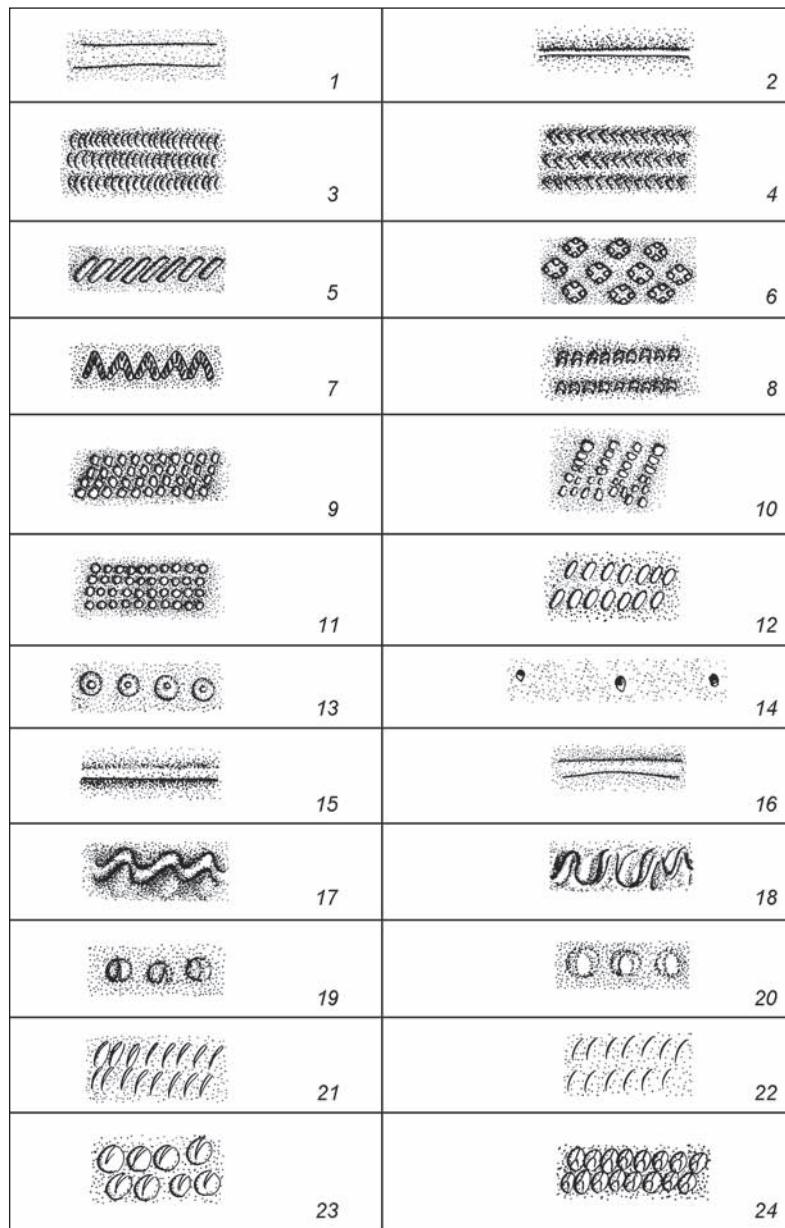

Рис. 24. Технико-декоративные элементы на малышевской керамике.

1 – прочерченные линии; 2 – желобки; 3, 4 – оттиски: дугообразные (3) и угольчатые (4); 5–7 – отпечатки: прямоугольные (5), ромбовидные (6) и фигурные (7); 8 – фигурные оттиски зубчатого колесика; 9, 10 – отпечатки гребенчатого штампа; 11–13 – оттиски: круглые (11, 13) и овальные (12); 14 – сквозные округлые отверстия; 15–18 – налепные валики: прямые (15, 16) и волнистые (17, 18); 19, 20 – защипы; 21–24 – отпечатки: ногтевые (21, 22), пальцевые (23, 24).

второй группы – треугольные, прямоугольные, ромбовидные и фигурные оттиски (рис. 24, 5–8), а также отпечатки зубчатой гребенки (рис. 24, 9, 10); вторую подгруппу второй группы – круглые и овальные оттиски (рис. 24, 11–13), округлые отверстия (рис. 24, 14).

Данные по отдельным памятникам показывают, что в *первой группе* ведущими являются технико-декоративные элементы криволинейных

очертаний – дугообразные и угольчатые оттиски. Их доля в коллекциях памятников такова: минимальная – 3–5 %, максимальная – 40–50 %, средние показатели – 20–30 %. На поселениях Малышево-2, Гася, Вознесенское, Кондон-Почта и Сучу предпочтение отдавалось угольчатым оттискам. Их на 10–15 % больше, чем дугообразных оттисков. Размеры дугообразных и угольчатых оттисков варьируют от мелких (0,2–0,3 см) до средних

(0,5–0,6 см) и крупных (0,8–1,0 см). Глубина большинства отпечатков средняя (0,1–0,2 см).

Для технико-декоративных элементов прямолинейных форм – прямых линий и желобков – показатели в основном не превышают 1 %. Различаются они в основном шириной (от 0,1–0,2 до 0,5–0,6 см) и глубиной прочерчивания (0,2–0,3 см).

Для *второй группы* технико-декоративных элементов характерно примерно равное использование прямолинейных и криволинейных форм. В первой подгруппе второй группы доминируют оттиски гребенчатого штампа. Вариации этого элемента основаны на количестве «зубцов», форме и размерах штампа, а также на глубине оттисков. В орнаменте керамики с большинства памятников присутствуют оттиски гребенчатого штампа с количеством «зубцов» от двух до пятишести. На Вознесенском поселении отмечены также оттиски семизубчатого гребенчатого штампа, на Малышево-2 – восьми- и девятизубчатого, на Кондон-Почте – семи-, девяти-, одинадцати- и тринаццатизубчатого. Однако последнее можно считать исключением. Наиболее типичны оттиски двух-, трех- и четырехзубчатой гребенки.

Различается также форма «зубцов» штампа: квадратная, прямоугольная, ромбовидная, трапециевидная. При этом в одном оттиске она может быть однообразной или варьировать: квадратная и ромбовидная, прямоугольная и трапециевидная и пр. Самым распространенным вариантом во втором случае является сочетание прямоугольных и ромбовидных оттисков. Размеры «зубцов» разнообразны: мелкие – 0,1 см, средние – 0,3–0,4 см, большие – 0,6–0,7 см, крупные – до 1,0 см. Глубина оттисков в основном средняя – 0,1–0,2 см. Доля оттисков гребенчатого штампа на отдельных памятниках составляет от 1–2 до 30–40 %; средние показатели – 20–30 %.

В первой подгруппе второй группы ведущие элементы – прямоугольные оттиски, а во второй подгруппе – овальные оттиски. Их доля от 1–2 до 20–30 %. Отметим, что для ряда памятников именно эти элементы и оттиски гребенчатого штампа являются наиболее характерными. Так, в декоре керамики с поселений Малышево-1 и Гася представлены овальные и прямоугольные оттиски, с Вознесенского – круглые, овальные и прямоугольные, с Иннокентьевки и Сучу – фигурные. Размеры оттисков варьируют от малых (0,2–0,3 см) до средних (0,4–0,5 см) и крупных (0,6–0,7 см). Разнообразна и глубина отпечатка (в среднем 0,1–0,2 см). Отметим следующую закономерность: чем мельче оттиски, тем значительнее

их глубина. Доля прочих элементов в основном не превышает 5 %.

Керамика, украшенная позитивным рельефом. Первая группа характеризуется прямыми валиками в декоре (рис. 24, 15, 16), а вторая – волнистыми валиками (рис. 24, 17, 18) и «защипами» (рис. 24, 19, 20). Такое деление обусловлено техникой создания элементов. Волнистые валики выполнены двумя способами – налеплением и защипыванием, поэтому их следует рассматривать как элементы, сложные по строению и отличающиеся характером очертаний.

Подгруппы в первой группе не выделены.

Во *второй группе* к первой подгруппе можно отнести валики волнистые, ко второй – «защипы». Доля валиков в орнаменте керамики с отдельных памятников составляет от 1–2 до 40–50 %; средние показатели – 20–30 %. Доля «защипов» меньше – 5–10 %. Различаются валики контуром и высотой рельефа, а также шириной налепа. Контур может быть округлым, подтреугольным (приостренным), подпрямоугольным и подтрапециевидным в сечении. Высота рельефа варьирует в пределах средних показателей – 0,5–0,7 см. Зафиксированы валики узкие (0,2–0,3 см), средние (0,5–0,6 см) и широкие (0,8–1,0 см).

В орнаменте малышевской керамики встречаются и комбинированные технико-декоративные элементы, сочетающие негативный (штампованием) и позитивный (защипывание) рельефы. К ним относятся т.н. «ногтевые» и «пальцевые» оттиски.

Оттиски «ногтевые» выделены в первую группу (рис. 24, 21, 22), оттиски «пальцевые» – во вторую (рис. 24, 23, 24). Доля этих технико-декоративных элементов в малышевском орнаменте сравнительно невелика: от 1–2 до 15–20 %. Варьируют они главным образом по величине: средние (0,6–0,7 см) и крупные (1,0–1,2 см).

Керамика с плоскостным орнаментом. Ее характеризовать сложнее, поскольку мы имеем дело не с фигуративным орнаментом, созданным формой, а с изображениями, выполненными при помощи цвета. Технические признаки в данном случае будут определяющими.

Данный тип технико-декоративных элементов можно условно обозначить как «окрашивание». Его доля в орнаменте малышевской керамики на отдельных памятниках составляет порядка 10 %. В сочетании с другими технико-декоративными элементами окрашивание встречается чаще (до 30 %).

Использование только одного элемента для построения композиции орнамента не слишком характерно для малышевской керамики. Реконст-

руируемые образцы и верхние части сосудов подтверждают обозначенную тенденцию. Качественное разнообразие орнамента проявляется в многочисленных вариантах сочетания технико-декоративных элементов, среди которых сложно выделить «стандартные рецепты». Связано это, по всей видимости, с уровнем развития гончарства у носителей малышевской культуры.

Определенные «стандарты» применения тех или иных технико-декоративных элементов отчасти выявляются в корреляции с основными зонами размещения орнамента. Так, в оформлении венчиков малышевских сосудов довольно часто использовали прямые (в т.ч. в виде карниза на внутреннем бортике) или волнистые (около 20–30 %) валики, оттиски треугольной и прямоугольной форм (около 15–20 %), окрашивание (около 5–10 %). Плечики декорировали дугообразными и угольчатыми оттисками (20–30 %), а тулово – оттисками гребенчатого штампа (50–60 %).

В целом, элементы – минимальная единица структуры декора – отличаются в орнаментальном комплексе малышевской культуры значительным разнообразием, что обусловлено совокупностью технологических и декоративных составляющих.

Орнаментальные мотивы. В характеристике орнаментальных мотивов – следующей структурной единицы – ведущими являются декоративные свойства, выраженные в малышевском орнаменте, в первую очередь, в формальных (неизобразительных) признаках: строении, форме и характере очертаний. Эту группу мотивов условно можно назвать «геометрическими». Среди геометрических мотивов по признаку построения выделяются простые и сложные, по форме – разомкнутые и замкнутые, по характеру очертаний – прямолинейные и криволинейные.

Для простых мотивов форма определяется исключительно как разомкнутая, поэтому основанием для выделения подгрупп служит характер очертаний. Выделены две подгруппы: 1) простые разомкнутые прямолинейные мотивы – прямая линия (рис. 25, 1–4); 2) простые разомкнутые криволинейные мотивы – изогнутая линия (угол, дуга) (рис. 25, 5–8).

Вариации простых мотивов в первой подгруппе определяются, главным образом, направлением – горизонталь, диагональ, вертикаль, а во второй подгруппе – углом стыка и радиусом кривизны. Для сложных мотивов определяющими стали форма и характер очертаний. Выделены четыре подгруппы: 1) сложные разомкнутые прямолинейные мотивы – «лесенка», меандр, зигзаг, сетка-«плетенка», сетка, «каннелюры» (рис. 25, 9–15), жгут

(см. рис. 23, 1); 2) сложные разомкнутые криволинейные мотивы – волнистая линия, спираль (рис. 25, 16, 19), волюта (см. рис. 23, 2); 3) сложные замкнутые прямолинейные мотивы – треугольник (см. рис. 26, 3; 27, 2, 3), прямоугольник, ромб (см. рис. 23, 5; 26, 2), шеврон (см. рис. 36, 1); 4) сложные замкнутые криволинейные мотивы – круг, эллипс (рис. 25, 17, 18). Сложные мотивы отличаются от простых большим разнообразием. Критериями в данном случае служат направление (например, для волнистых линий), размеры (для спиралей, волют, кругов, эллипсов, треугольников, прямоугольников, ромбов), угол стыка (для зигзага) и протяженность (для меандра, сетки).

Значительно варьирует и частота встречаемости мотивов. Среди простых мотивов самым распространенным является повторение элементов вдоль прямой линии. Доля прямых линий в орнаменте керамики с отдельных памятников варьирует в среднем от 50 до 90 %. На доминирование этого мотива указывает и то, что практически все технико-декоративные элементы строятся по этому принципу. Среди сложных мотивов распространенными являются волнистые линии и меандр. Реже встречаются спираль, сетка, круг, эллипс, волюта, треугольник, ромб, шеврон. Единичны «каннелюры», вертикальный зигзаг. Таким образом, геометрические мотивы малышевского орнамента хотя и отличаются вариабельностью, но благодаря формальным признакам, служащим базовыми критериями, группируются в некие инварианты.

Другой группе мотивов, которые можно условно обозначить как «негеометрические», это не свойственно. Для них важны изобразительные характеристики, т.е. формальные признаки (строение, форма, характер очертаний) не являются определяющими. К таковым следует отнести т.н. «личины» (рис. 26, 27). В каждом конкретном случае они сугубо индивидуальны. Вообще, для малышевского орнамента подобные мотивы не слишком свойственны. Собственно, фигуративное изображение, которое действительно можно определить как личину, представлено только барельефом на фрагменте стенки (рис. 26, 1) жилища 3 на о-ве Сучу. Для него характерна реалистичность образа. Прочие изображения (рис. 26, 2–5; 27), которые очень условно можно трактовать подобным образом, носят ярко выраженный стилизованный характер. Они формализованы, геометричны, что создает определенные трудности при вычленении их из собственно геометрических мотивов, а также при интерпретации. Среди последних можно выделить

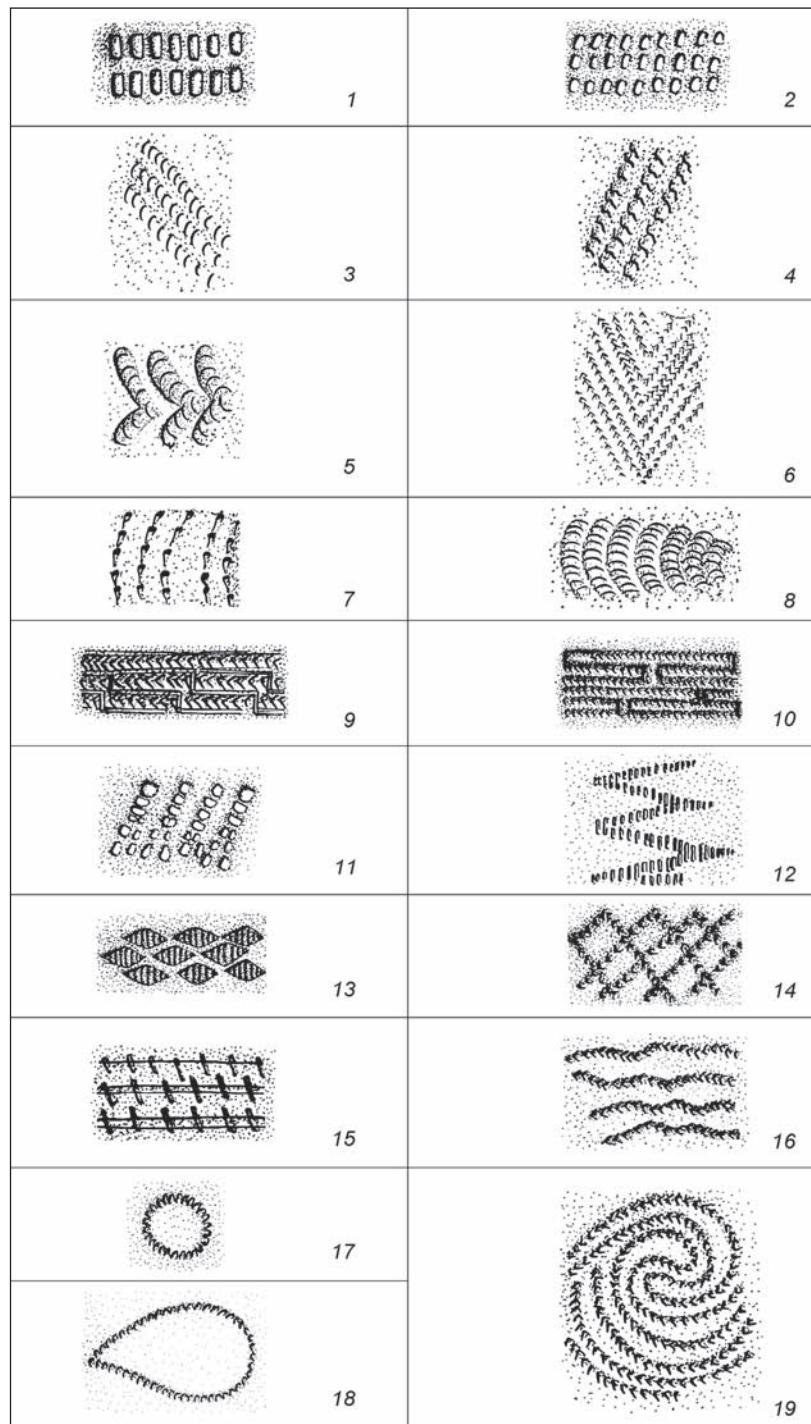

Рис. 25. Орнаментальные мотивы на малышевской керамике.

1–4 – прямые линии: горизонтальные (1, 2) и наклонные (3, 4); 5, 6 – углы; 7, 8 – дуги; 9 – «лесенка»; 10 – меандр; 11, 12 – зигзаги: горизонтальный (11) и вертикальный (12); 13 – сетка-«плетенка» («амурская плетенка»); 14 – сетка; 15 – «каннелиюры»; 16 – волнистые горизонтальные линии; 17 – круг; 18 – эллипс; 19 – спираль.

две подгруппы с выраженной криволинейностью (см. рис. 26) и прямолинейностью очертаний (см. рис. 27).

Характеристика мотивов плоскостного орнамента в силу их нефигуративности затрудни-

тельна. Отчасти можно говорить об изначальной заданности самой формой частей сосуда (венчик, туловище, придонная часть), которые покрывали краской. Исключение составляют два описанных выше образца.

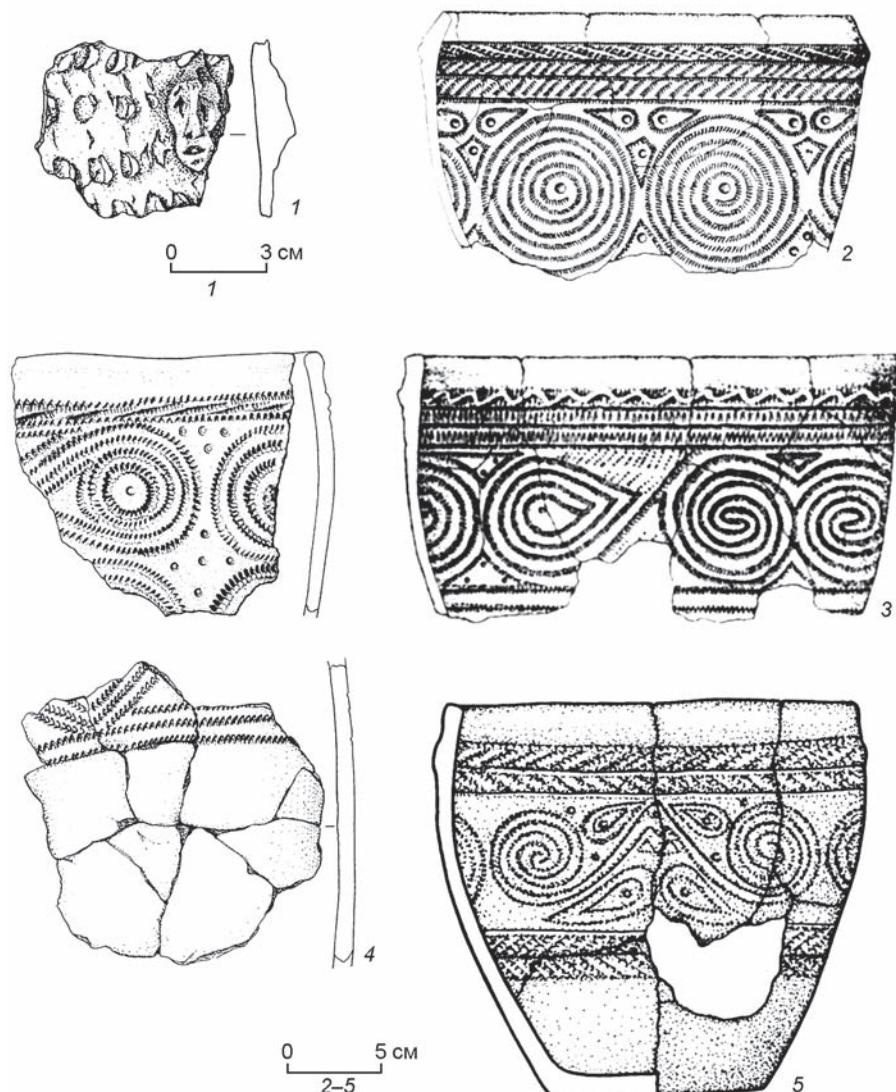

Рис. 26. Малышевская керамика с личинами. Сучу.

1 – фрагмент сосуда с изображением человеческого лица; 2–4 – верхние части керамических изделий; 5 – сосуд.

В целом, количественно мотивы в малышевской керамике не так разнообразны, как технико-декоративные элементы. Для них характерен геометризм и стилизация.

Орнаментальные композиции. В состав коллекций памятников малышевской культуры входит значительное количество целых и реконструируемых сосудов, что позволяет дать общую характеристику композиций, а также выделить основные варианты орнаментальных схем.

Как отмечалось выше, основными средствами выражения формальных признаков в композиции являются метр.

В малышевском орнаменте метрические порядки подразделяются на две группы. К первой группе метрических порядков, основанных на принципе

повторения равных форм через равные интервалы, относятся горизонтальные пояса, сегменты и сетки. Вторая группа метрических порядков основана на повторении равных форм, для которых интервалом является граница членения формы. В этом случае образуется сплошное орнаментальное поле.

Ритмические порядки тоже можно разделить на две основные группы. В первой группе схема решения основывается на чередовании равных элементов с изменением интервала между ними (горизонтальные пояса). Во второй группе образуются треугольники, схема построения которых состоит в том, что элементы форм возрастают или убывают, но интервал не изменяется.

Таким образом, метрические и ритмические повторы в композициях декора малышевской керамики отличаются разнообразием. Однако, если принять во внимание типы пространственного построения (бордюр, сетка, розетка), то число орнаментальных схем будет ограничено.

С учетом корреляционных связей всех трех структурных единиц орнамента между собой, зон размещения декора, а также наличия соответствующих образцов, в материалах отдельных памятников можно выделить несколько групп сосудов, своего рода инвариантов.

Принцип декорирования сосудов *первой группы* (рис. 28) – негативный рельеф. Зоны размещения декора – горловина, плечики и туло-во сосуда. Венчик и придонная часть гладкие. Выполнен орнамент чаще всего одним технико-декоративным элементом – оттисками гребенчатого штампа, хотя встречаются и дугообразные оттиски. Прямые горизонтальные линии (мотив) скомпонованы в горизонтальные пояса, иногда с четко выраженным интервалами между ними, иногда сплошным полем. Тип композиции по построению – бордюр. Сосуды с подобной орнаментальной схемой обнаружены практически на всех рассматриваемых нами малышевских памятниках: Гася, Иннокентьевка (пункт I), Вознесенское, Калиновка и Сучу.

Во *второй группе* сосудов (рис. 29) нами выделены две подгруппы. В первой из них принцип декорирования – негативный рельеф, а во второй – сочетание негативного и позитивного рельефов. Зоны размещения декора – горловина, плечики и туло-во сосуда. Венчик и придонная часть гладкие. Орнамент выполнен двумя технико-декоративными элементами: первая подгруппа – дугообразными или угольчатыми оттисками, отпечатками гребенчатого штампа; вторая подгруппа – прямыми и волнистыми валиками, оттисками гребенчатого штампа. Мотивы – прямые горизонтальные линии или сочетание волнистых и прямых горизонтальных линий – скомпонованы в горизонтальные пояса, образуя композицию бордюрного типа. Такие изделия найдены на памятниках Гася, Вознесенское, Кондон-Почта и Сучу.

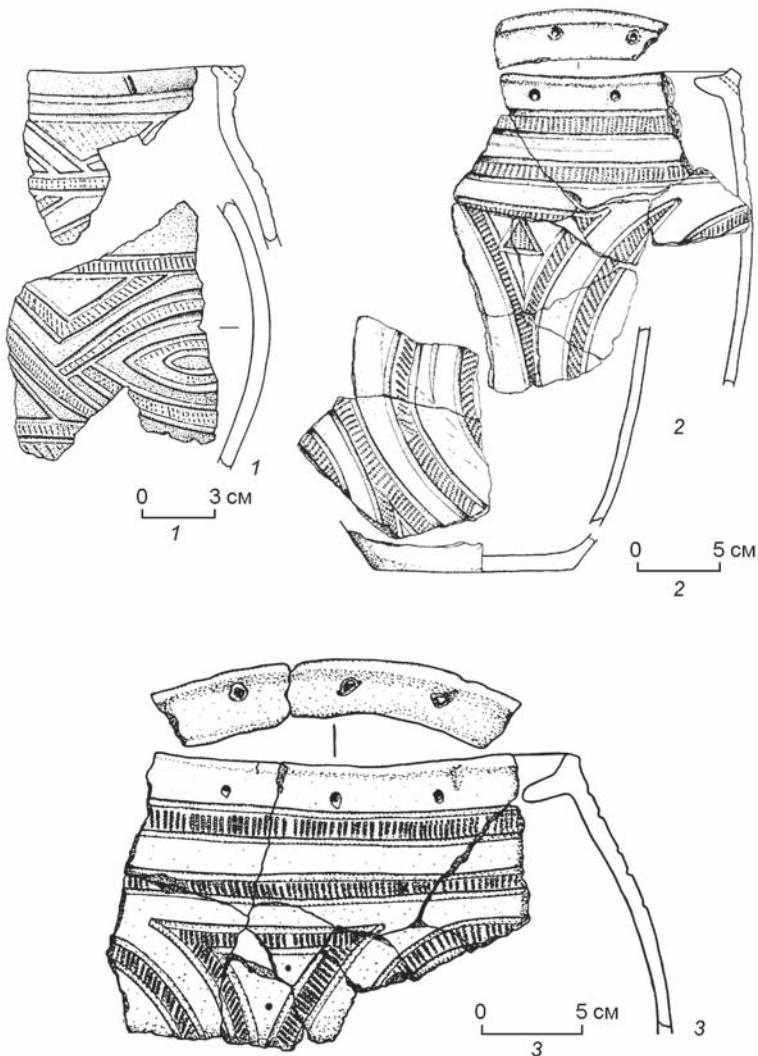

Рис. 27. Фрагменты малышевских сосудов с личинами. Сучу.

Для *третьей группы* сосудов (рис. 30) нами тоже выделены две подгруппы. В первой из них принцип декорирования – негативный рельеф, во второй – сочетание негативного и позитивного рельефов. Зоны размещения орнамента – венчик (внешний и/или внутренний бортик), горловина, туло-во сосуда. Придонная часть не декорирована. В оформлении использованы 2–3 технико-декоративных элемента: например, налепной валик, дугообразные и овальные оттиски; налепной валик и оттиски «гребенки»; оттиски фигурного и гребенчатого штампов. Мотивы – прямые горизонтальные или прямые горизонтальные и прямые наклонные линии (в сочетании с ломаными) – скомпонованы в бордюр, бордюр + + сетку. Такие орнаментальные схемы отмечены на сосудах с памятников Гася, Иннокентьевка (пункт I), Вознесенское и Сучу.

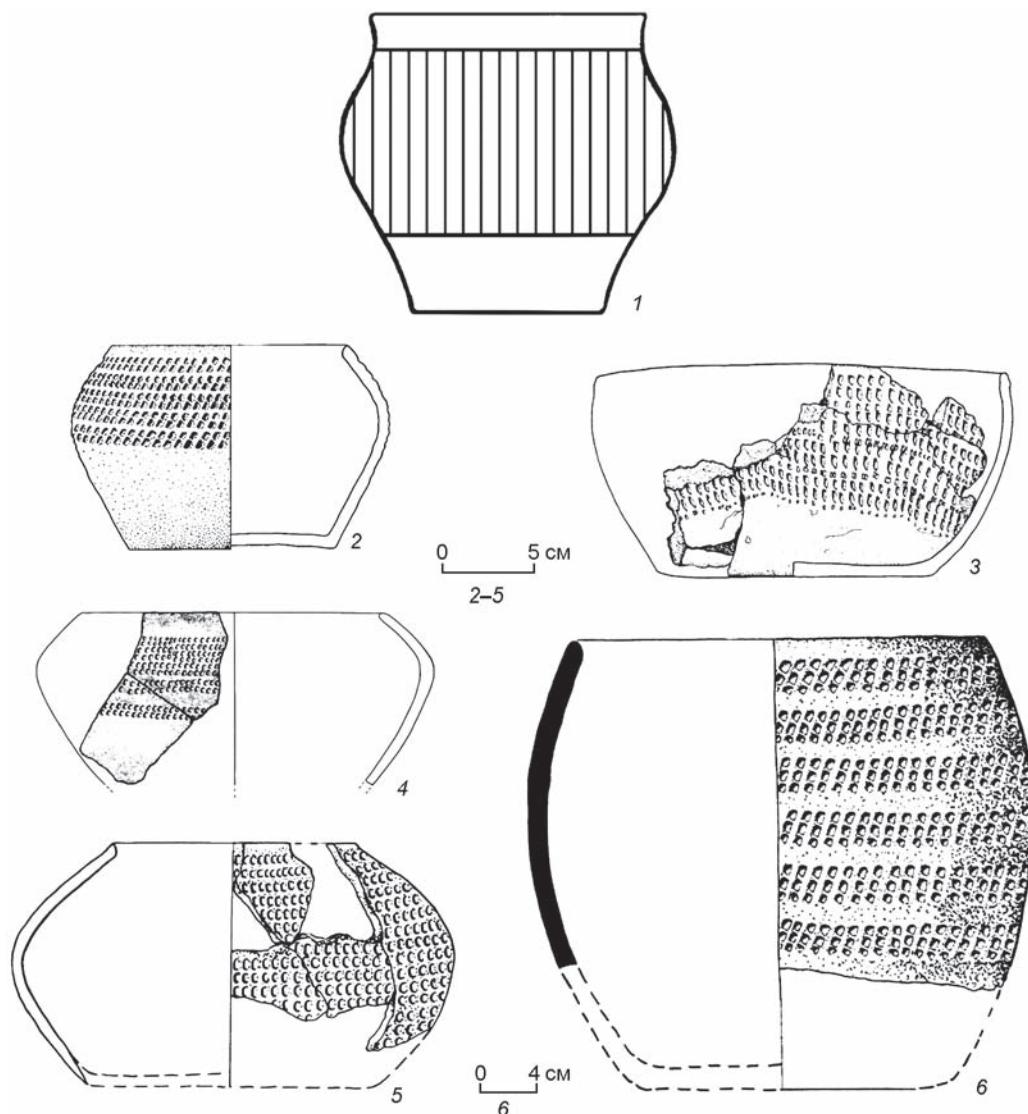

Рис. 28. Схема 1 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.
1 – модель; 2–5 – сосуды (реконструкция) с памятников Сучу (2, 3), Вознесенское (4) и Гася (5, 6).

Принцип декорирования сосудов *четвертой группы* (рис. 31) – негативный рельеф. Зоны размещения декора – внешний бортик венчика, шейка и туло-венно сосуда. Придонная часть оставлена гладкой. Выполнен орнамент двумя-тремя технико-декоративными элементами: насечками, дугообразными и фигурными оттисками в сочетании с отпечатками гребенчатого штампа. Прямые горизонтальные линии (основной мотив) скомпонованы в горизонтальные пояса без четко выраженного интервала между ними. Тип композиции по построению – бордюр. Единичен горизонтальный зигзаг + прямые наклонные линии, составленные в сетку. Сосуды с такой орнаментальной схе-

мой выявлены на памятниках Гася, Вознесенское, Калиновка и Сучу.

Для сосудов *пятой группы* (рис. 32) выделены две подгруппы. В первой из них принцип декорирования – негативный рельеф, во второй – сочетание негативного и позитивного рельефов. Зоны размещения орнамента – горловина, плечики и туло-венно сосуда. Венчик и придонная часть не декорированы. В оформлении использовано не менее трех-четырех технико-декоративных элементов: налепной валик, угольчатые оттиски и отпечатки «гребенки»; налепной валик, оттиски ромбовидного и гребенчатого штампов. Мотивы – прямые горизонтальные линии в сочетании с меандром,

сеткой-плетенкой – скомпонованы в бордюр, бордюр + сетку. Такого типа изделия обнаружены на памятниках Гася, Иннокентьевка, Вознесенское, Калиновка и Сучу.

Сосуды *шестой группы* (рис. 33) оформлены негативным рельефом. Зоны размещения декора – горловина, плечики и туло-во изделия. Внешний бортик венчика и придонная часть сосуда гладкие. В оформлении применены 2–3 технико-декоративных элемента в различном сочетании: угольчатые и дугообразные оттиски, прямоугольные и фигурные отпечатки зубчатого колесика, оттиски гребенчатого штампа. Мотивы – прямые горизонтальные линии, иногда в сочетании с волнистыми горизонтальными линиями, углами, «лесенкой», меандром – скомпонованы в бордюр, бордюр + сетку. Орнаментальные схемы данного типа читаются на сосудах с памятников Гася и Сучу.

Для сосудов *седьмой группы* (рис. 34) негативный рельеф – единственный принцип декорирования. Зоны размещения декора – внешний бортик венчика, горловина, плечики, туло-во и придонная часть сосуда. В оформлении применены 3–4 технико-декоративных элемента в различном сочетании: угольчатые, дугообразные, ромбовидные и фигурные оттиски, прямоугольные отпечатки зубчатого колесика, оттиски гребенчатого штампа. Мотивы – прямые горизонтальные линии в сочетании с горизонтальным зигзагом, меандром, сеткой-плетенкой – скомпонованы в бордюр, бордюр + сетку. Орнаментальные схемы данного типа встречаются на изделиях с памятников Гася, Иннокентьевка и Сучу.

Особую группу изделий составляет *крашеная керамика* (см. рис. 23). Ее спецификой является использование как рельефного (в основном углубленного), так и плоскостного принципа декорирования. Зонами размещения орнамента послужили все основные части сосуда – венчик, горловина, плечики, туло-во и придонная часть. Рельефный декор, выполненный дугообразными и угольчатыми оттисками, а также отпечатками гребенчатого штампа, наносился на горловину,

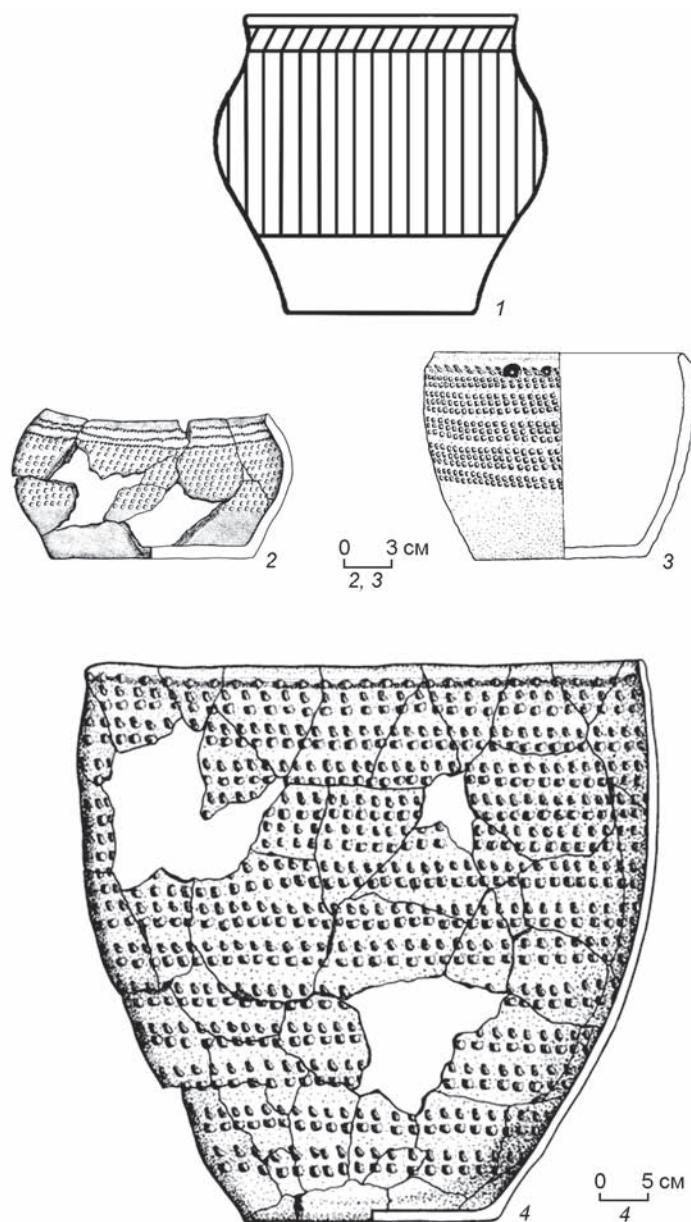

Рис. 29. Схема 2 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.

1 – модель; 2–4 – сосуды (реконструкция) с памятников Вознесенское (2) и Сучу (3, 4).

плечики и туло-во, плоскостной – на венчик, реже горловину, туло-во и придонную часть. Орнаментальные мотивы отличаются исключительным разнообразием: прямые и изогнутые линии, меандр, сегменты, сетка и пр. Тип построения композиции варьирует: бордюр, бордюр + сетка, бордюр + розетка, бордюр + сетка + розетка. Крашеная керамика характерна для памятников Гася, Иннокентьевка (пункт I), Вознесенское, Калиновка и Сучу.

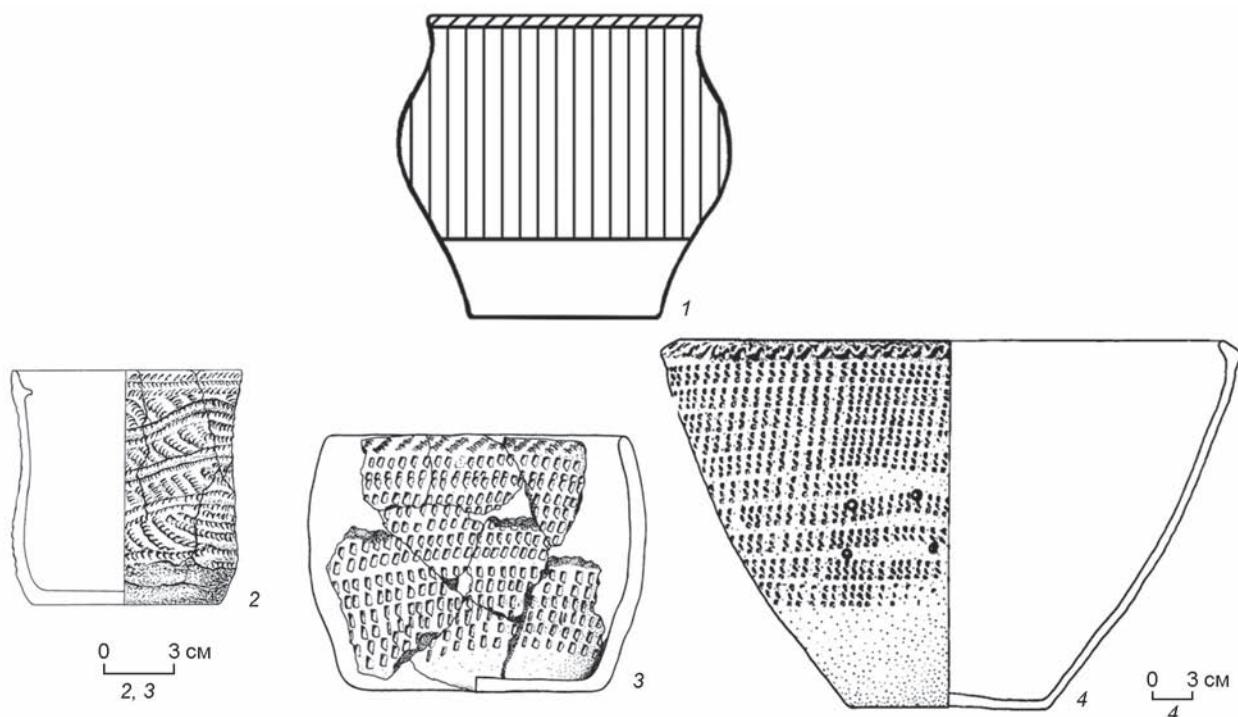

Рис. 30. Схема 3 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.
1 – модель; 2–4 – сосуды (реконструкция) с памятников Гася (2) и Сучу (3, 4).

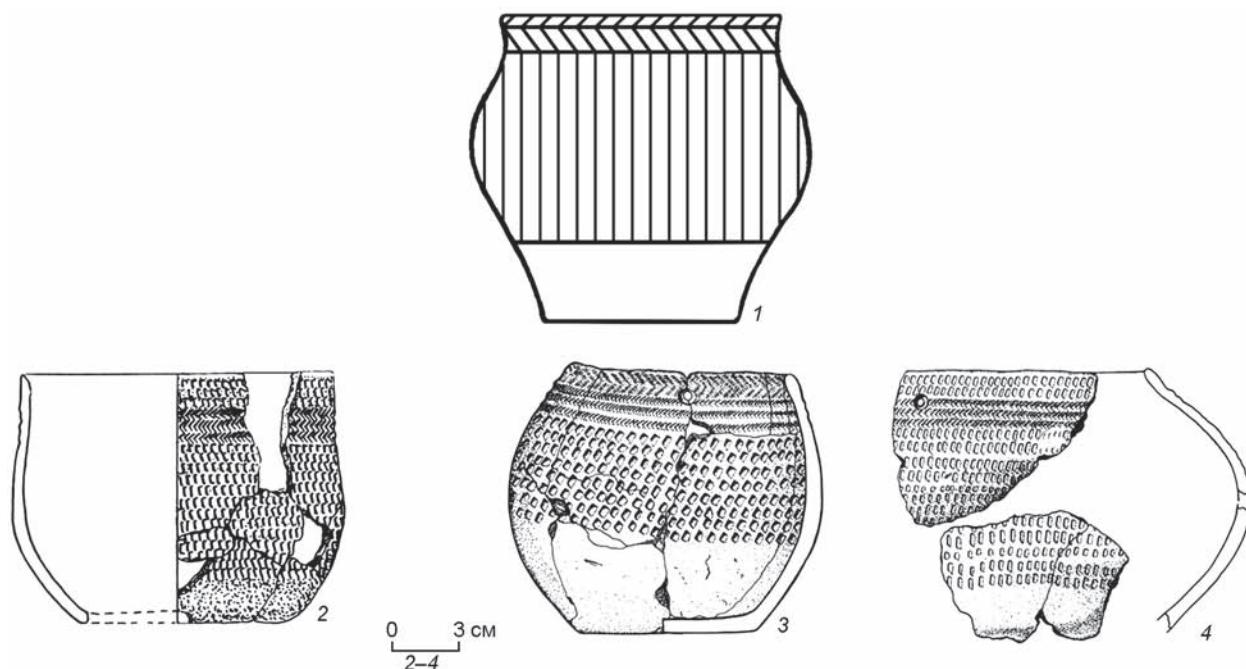

Рис. 31. Схема 4 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.
1 – модель; 2–4 – сосуды (реконструкция) из Сучу.

Помимо означенных групп в материалах коллекций присутствуют образцы, специфичные для отдельных памятников. Так, для Малышево-1 характерны две группы изделий, орнамент которых отличается архаичностью (рис. 35). У сосудов первой группы зонами размещения орнамента служили верхняя плоскость (редко) и внешний бортик венчика, плечики. Тулово и придонная часть не украшались. Прямоугольные и овальные оттиски компоновались в прямой горизонтальный ряд, составляя бордюр. Сходные фрагменты керамики единично встречены на памятнике Сучу. У сосудов второй группы зоны размещения декора служили венчик (верхняя плоскость и внешний бортик), горловина и плечики. Тулово и придонная часть оставались гладкими. Технико-декоративные элементы – отпечатки гребенчатого штампа, круглые, квадратные и ромбовидные оттиски – составлены в прямые горизонтальные линии и сетку. Горизонтальные пояса повторяются через равные интервалы. По типу построения композиция – бордюр + + сетка. Аналогичные материалы зафиксированы на памятниках Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий, Вознесенское, Кондон-Почта и Сучу.

Другим примером могут служить сосуды с поселений Вознесенское и Сучу (рис. 36). Зоны размещения декора – венчик (верхняя плоскость и внешний бортик), горловина. Плечики, тулово и придонная часть не декорированы. Технико-декоративные элементы – дугообразные, угольчатые, прямоугольные, треугольные и фигурные оттиски – компоновались в разнообразные мотивы. Так, внешний бортик венчика и низ горловины оформлялись волнистыми линиями, составленными из угольчатых, треугольных или фигурных оттисков, а горловина, плечики и тулово – сегментами, треугольниками, иногда дугами, волютами и спиралью из дугообразных или угольчатых оттисков. Заметим, что оттиски могли наноситься как лопаткой в отступающей технике, так и прокаткой зубчатого колесика. Тип построения композиции – бордюр + + сетка + розетка. Изделия, идентичные описанным, представлены в коллекциях Малышево-2 и Малая Гавань.

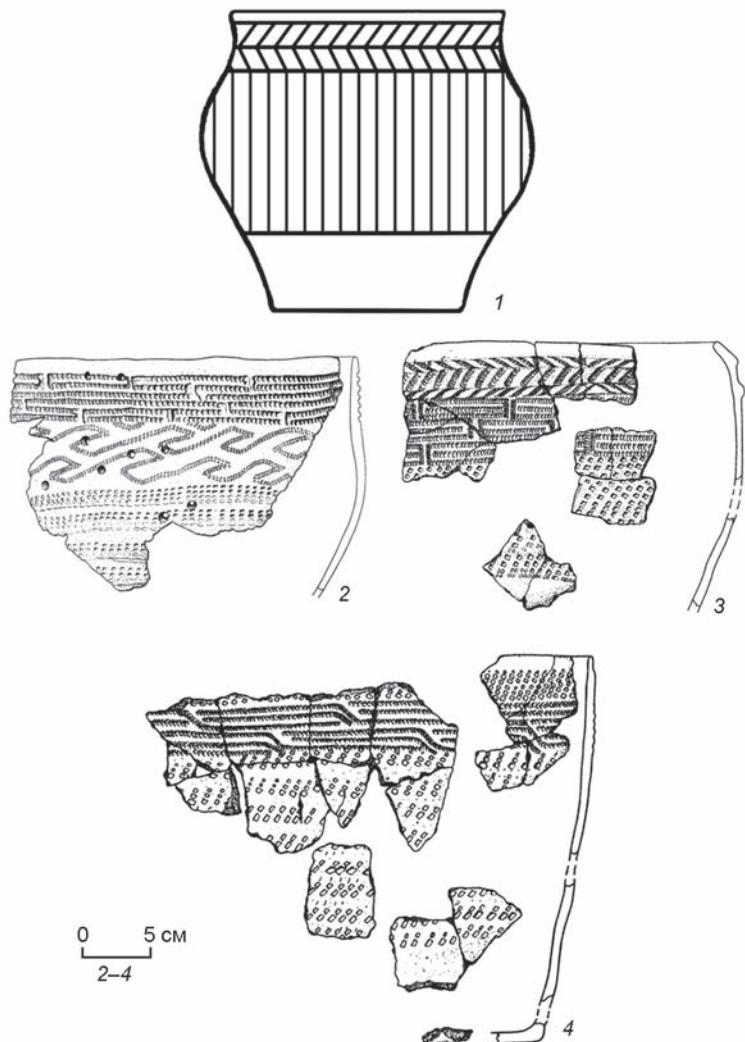

Рис. 32. Схема 5 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.

1 – модель; 2–4 – фрагменты сосудов из Сучу.

Выделенные орнаментальные схемы позволяют обозначить общие принципы построения композиций. Структура малышевского декора по преимуществу концентрическая (рис. 37, 1, 2), т.е. орнамент располагается единой полосой, охватывая основные (горловина, плечики, тулово) и второстепенные (венчик, придонная часть) зоны сосуда. Реже тектоника сетчато-концентрическая (рис. 37, 3), радиально-концентрическая (рис. 37, 5) и сетчато-радиально-концентрическая (рис. 37, 4). Типы построения – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + розетка, бордюр + сетка + розетка. Отметим, что морфологические характеристики керамики (т.е. форма сосудов) не являются решающими, хотя материалы коллекций отчасти позволяют проследить некоторые закономерности. Так, окрашенные сосуды чаще всего были шаровидно-сферически-

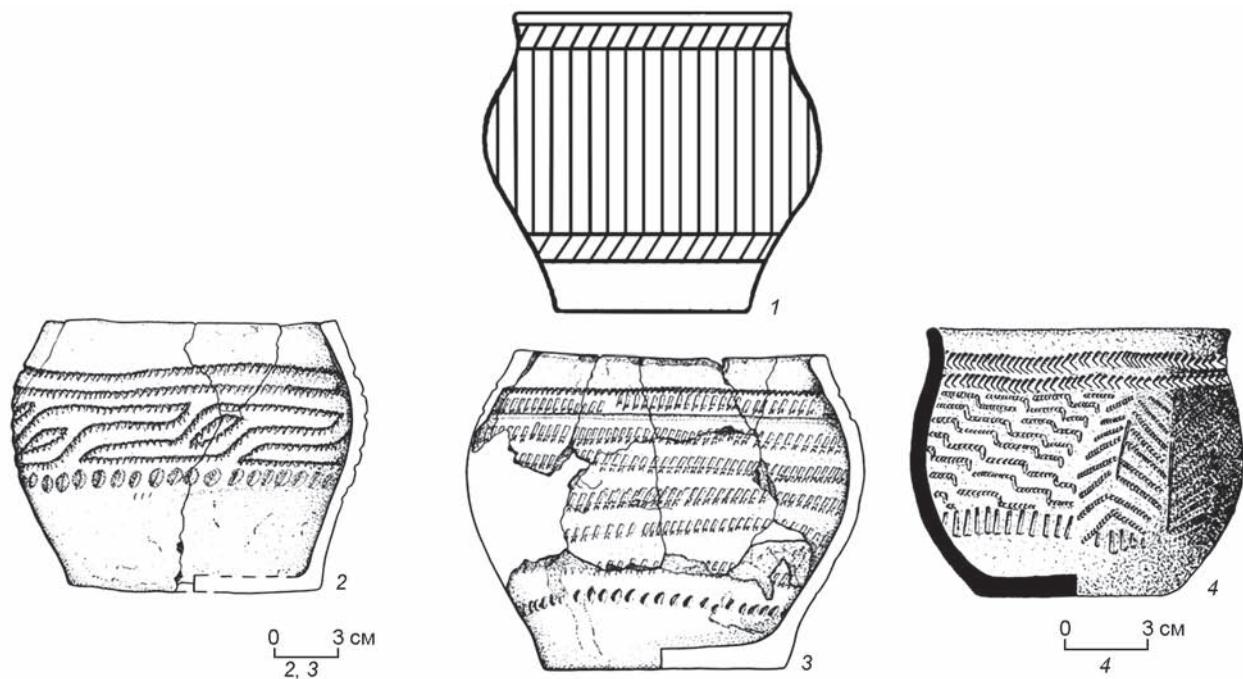

Рис. 33. Схема 6 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.
1 – модель; 2–4 – сосуды (реконструкция) с памятников Сучу (2, 3) и Гася (4).

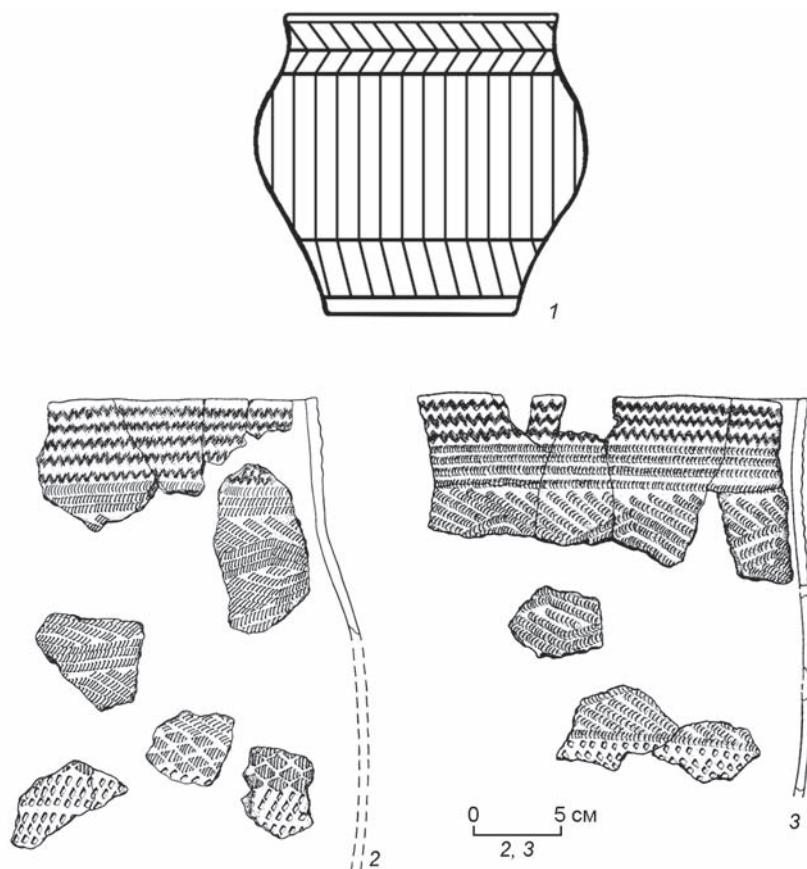

Рис. 34. Схема 7 построения орнаментальной композиции на малышевской керамике.
1 – модель; 2, 3 – фрагменты сосудов из Сучу.

ми, хотя присутствуют чашевидные, горшковидные и баночного форм.

Ведущие признаки орнаментального комплекса. Декор малышевской керамики основывался на создании рельефных изображений, в которых доминировала негативная разновидность рельефа, а позитивный рельеф служил дополнением. Использование плоскостного орнамента отличается некоторой спецификой. С одной стороны, количество крашеной керамики в малышевской культуре по сравнению с общим объемом ограничено, но, с другой стороны, подобные изделия характерны именно для описываемого орнаментального комплекса.

Создавался негативный рельеф всеми основными способами, однако ведущим следует считать штампованием. Типична многосоставная «рецептура» орнамента (до шести составляющих). Штампованием наносились не только отиски зубчатого штампа (с двумя – шестью «зубцами»), но и круглые, овальные, прямоугольные, ромбовидные и пр. Эти и другие технико-декоративные элементы компоновались в мотивы, которые можно считать характерными именно для малышевской орнаментики: прямые горизонтальные линии, волнистые горизонтальные линии, меандр.

На основе разнообразных метрических и ритмических порядков составлялись композиции, по преимуществу, бордюрного типа. Сравнительно реже использовались такие принципы построения, как сетка и розетка. Зоны размещения декора – венчик (в основном внешний бортик), горловина, плечики, тулово, придонная часть – коррелируют с технико-декоративными элементами, мотивами и принципами композиционного построения. Для последних, например, характерны: бордюр по венчику, горловине, плечикам и тулову; бордюр по венчику, сетка по горловине; бордюр по венчику, сетка по тулову, розетка по тулову. Структура орнамента в основном концентрическая.

Хронологические и территориальные группы. Результаты структурного анализа материалов коллекций различных памятников малышевской культуры позволяют выделить три основные группы: 1) Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий и Малышево-1; 2) Гася, Иннокентьевка и Воз-

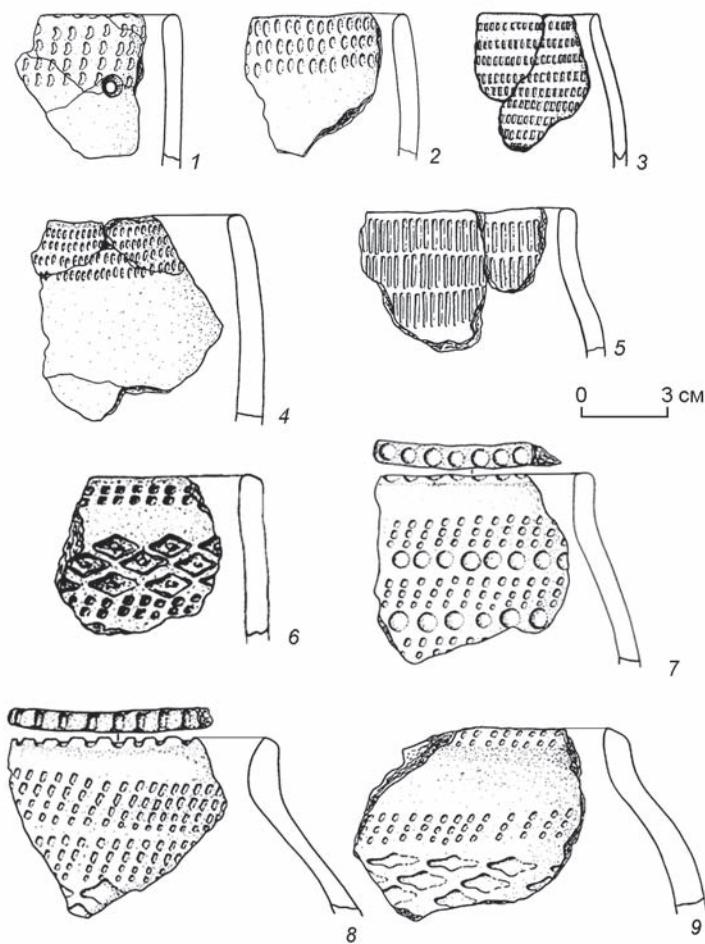

Рис. 35. Фрагменты малышевской керамики с памятников Малышево-1 (1, 2, 4, 7-9), Сучу (3, 5) и Шереметьево (6).

несенское; 3) Калиновка, Сучу и Малая Гавань. Их обособление имеет, на наш взгляд, территориальную и хронологическую обусловленность.

Так, учитывая типологические характеристики керамики и имеющиеся даты, нами выделены следующие группы: 1) ранняя, представленная изделиями с характерным архаичным обликом (Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий, Малышево-1); 2) средняя, с которой, вероятно, соотносятся сосуды первой, второй и третьей групп (Гася, Иннокентьевка, Вознесенское); 3) поздняя, возможно, коррелирующая с сосудами четвертой, пятой, шестой и седьмой групп (Гася, Калиновка, Сучу).

В территориальном отношении памятники объединены в такие группы: 1) юго-западная (Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий, Малышево-1); 2) центральная (Иннокентьевка, Вознесенское); 3) северо-восточная (Калиновка, Сучу, Малая Гавань).

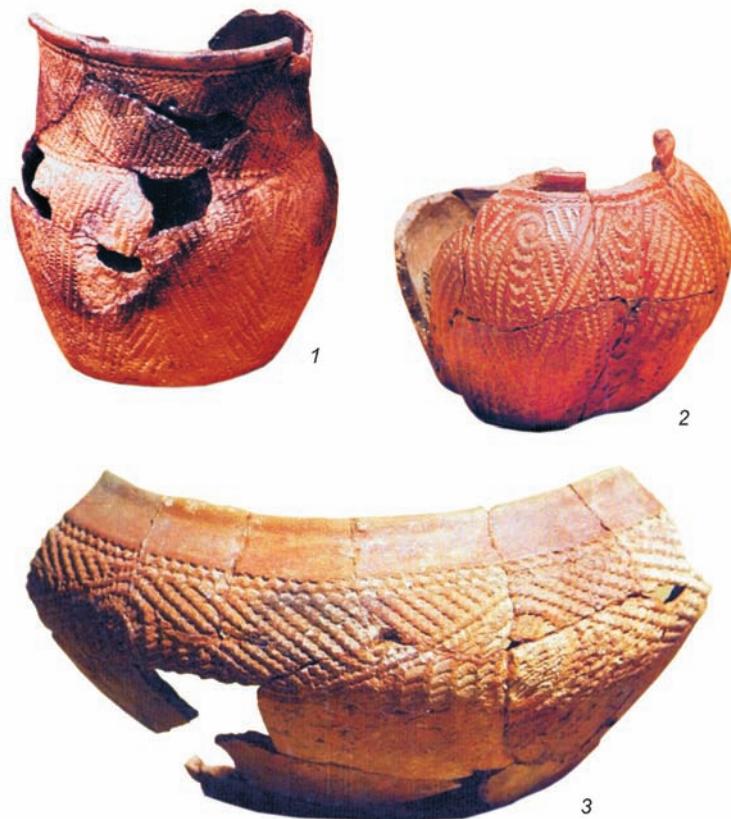

Рис. 36. Малышевские сосуды с памятников Сучу (1, 2) и Вознесенское (3) (по: [Okladnikov, 1981, tab. 109; 106; 93]).

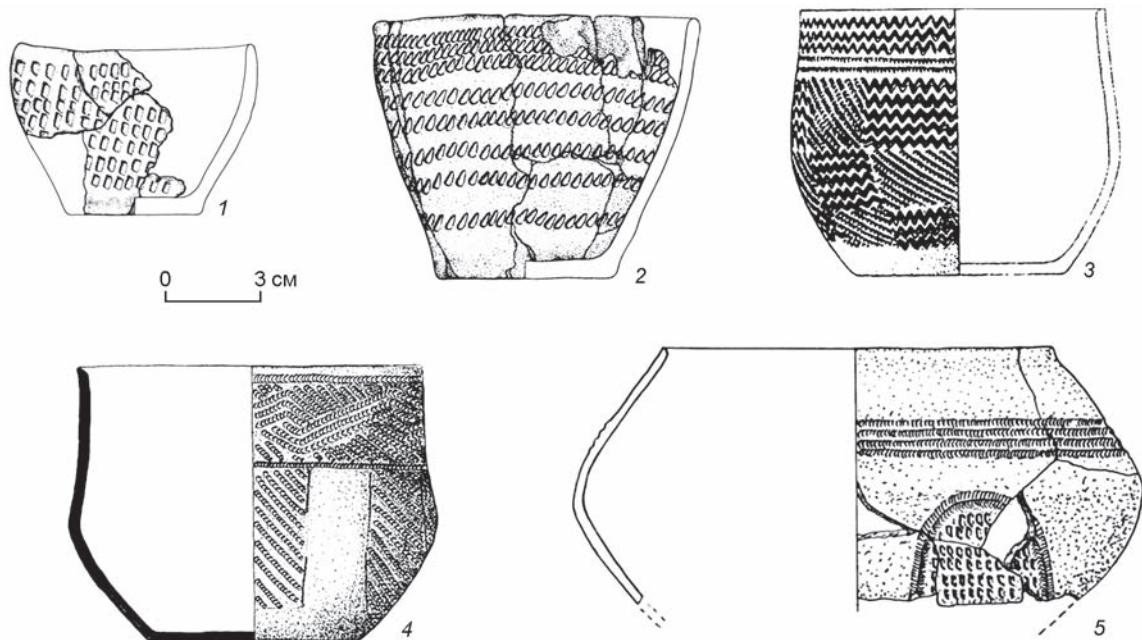

Рис. 37. Малышевские сосуды с концентрической (1, 2), сетчато-концентрической (3), радиально-концентрической (5) и сетчато-радиально-концентрической (4) тектоникой композиции орнамента.

1 – Вознесенское; 2 – Иннокентьевка (пункт I); 3 – Сучу; 4, 5 – Гася.

Следует указать на некоторое разнотечение в отношении поселения Гася. Территориально этот памятник ранее был включен в юго-западную группу, однако по типологическим признакам его следует отнести к центральной группе. Вероятным объяснением может служить возможное существование контактной зоны культурных влияний.

Обобщая все сказанное и учитывая имеющиеся абсолютные даты для выделенных нами хронологических и территориальных групп, отметим: характерные специфические признаки орнаментального комплекса малышевской культуры, по-видимому, обусловлены внутренней логикой развития.

Кондонская культура

Практически параллельно с малышевской культурой функционировала кондонская культура, с которой тоже связано развитие орнаментальных традиций нижнеамурского неолита.

Ареал кондонской культуры раннего – среднего неолита включает долину среднего и нижнего течения Амура и окрестности, низовья Уссури. Кондонская керамика представлена на значительном количестве памятников. Важнейшим является эпонимное для данной культуры поселение Кондон-Почта, раскопанное на широкой площади почти в центре с. Кондон. Исследования велись и на памятниках Иннокентьевка, Князе-Волконское-1, Шереметьево, Амурский Санаторий, Бычиха-1, Казакевичево-2, Вознесенское, Харпичан-4, Гырман, Сучу, Малая Гавань, а также на нескольких местонахождениях в районе с. Кондон и др. [Derevianko, Medvedev, 2006; Шевкомуд, 2003; Шевкомуд и др., 2008; Маявин, 1999, 2008].

В периодизации нижнеамурского неолита кондонская культура, на основе стратиграфии, занимает промежуточное положение между малышевской и Вознесеновской культурами. Эта точка зрения была высказана А.П. Окладниковым [1967; 1972б, с. 19–22], а затем поддержана А.П. Деревянко [1972], Д.Л. Бродянским [1987, с. 114], В.Е. Медведевым [2005а] и другими исследователями. Подтверждением служит ^{14}C дата $4\ 520 \pm 25$ л.н., определенная по образцам с поселения Кондон-Почта. И.Я. Шевкомуд предложил кондонскую культуру «датировать ранним этапом среднего неолита или частью даже ранним неолитом» с выделением в нем двух вариантов – раннего и позднего [Шевкомуд, Кузьмин, 2009, с. 21, 22]. В ранний вариант И.Я. Шевкомуд, судя по всему, включил в т.ч. переотложенные материалы более ранней мариинской культуры, найденные на значительных участках поселения Кондон-Почта.

Коллекция керамики с поселения Кондон-Почта по объему и характеру предоставляет возмож-

ность детально описать орнаментальный комплекс кондонской культуры (см. цв. вкл., рис. IV). Анализ выборки имеющихся материалов и ряд особенностей позволили выявить общие признаки, специфичные для орнаментики кондонской культуры.

Принципы и способы декорирования керамики. Единственным принципом декорирования поверхности кондонских сосудов служил рельеф (рис. 38). Окрашенная керамика или изображения, выполненные росписью, не зафиксированы. Использование ангоба, отмеченного Л.Н. Мыльниковой [1999, с. 40], на наш взгляд, является сугубо технологическим приемом. Хотя рельеф представлен обеими разновидностями, а также их сочетанием, негативный вариант более типичен для кондонского орнамента. На его долю приходится 50–90 % всех орнаментированных образцов. Углубленным рельефом оформлены все основные зоны размещения декора. При создании негативного рельефа применялись различные способы декорирования: штампованием, накалывание, насекание, протаскивание и «шагание». Характерны как односоставная, так и многосоставные «рецептуры» орнамента. В односоставной «рецептуре» доминирует штампованием (от 50 до 90 %). Доля образцов, декорированных другими способами, не превышает 20 %. Типичны двух- и трехсоставная «рецептуры». Они представлены большим числом вариантов (до 8–10) практически во всех жилищах Кондон-Почты, на Иннокентьевке (пункты I и II) и Князе-Волконском-1. Среди двухсоставных «рецептур» наибольшее распространение получили: штампованием + «шагание», штампованием + + протаскивание, штампованием + накалывание, а также протаскивание + накалывание. Трехсоставные «рецептуры» включают: штампованием + + протаскивание + накалывание, штампованием + + «шагание» + протаскивание. Четырехсоставная «рецептура» выявлена на образцах не из всех жилищ поселения и насчитывает лишь 2–3 вари-

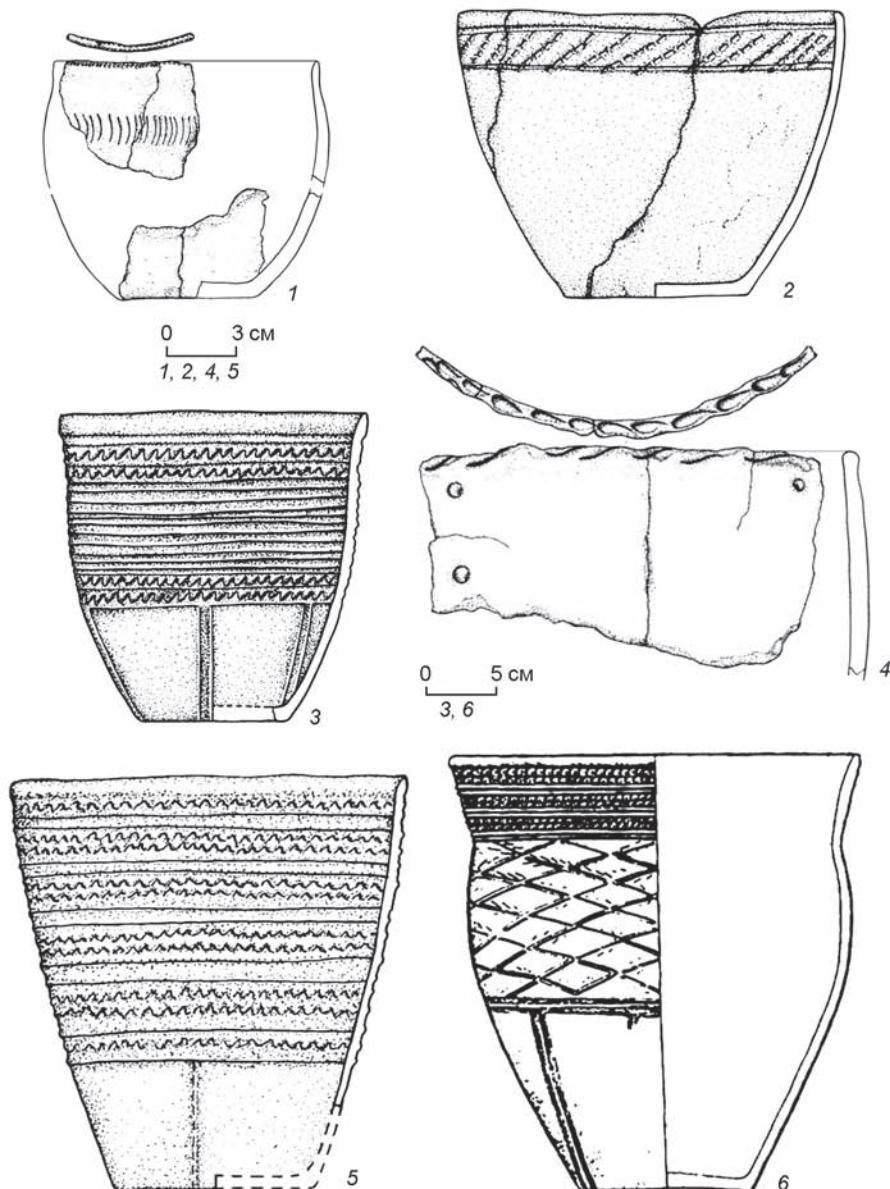

Рис. 38. Кондонские сосуды из Кондон-Почты, оформленные негативным (1, 2) и позитивным (3, 4) рельефами и их сочетанием (5, 6) (6 – по: [Окладников, 1984, табл. LII, 4]).

анта. Пятисоставная «рецептура» зафиксирована только в орнаменте керамики из жилища 6 Кондон-Почты.

Негативный рельеф украшает все зоны размещения декора. Главная роль при этом отводилась штампованию, которое в односоставной и многосоставной «рецептурах» было ведущим способом декорирования тулов — основной зоны орнаментации. Для нанесения негативного рельефа использовались различного рода орнаментиры, по-видимому, как естественного, так и искусственного происхождения. Несколько образцов таких

инструментов обнаружено на поселении Кондон-Почта (см., например: [Медведев, Мыльникова, 1993]).

Позитивный рельеф создавался такими способами декорирования, как налепливание и защипывание. Количественные показатели этой разновидности рельефного орнамента в материалах жилищ Кондон-Почты и Иннокентьевки составляют от 1 до 13 %, а в среднем — 2–5 %. Налепливанием и защипыванием, как правило, оформлялось тулово сосудов, только защипыванием — верхняя плоскость венчика.

На основе сопоставления способов декорирования и зон размещения орнамента установлено, что негативный рельеф в декоре кондонской керамики является основным принципом декорирования. Позитивный рельеф выступает таковым только для двух групп сосудов, которые будут описаны ниже.

Технико-декоративные элементы. По строению в орнаменте кондонской керамики выделены простые (первая группа) и сложные (вторая группа) технико-декоративные элементы. По форме они подразделяются на разомкнутые и замкнутые, а по характеру очертаний – на прямолинейные и криволинейные.

В кондонской керамике, украшенной негативным рельефом, в первую подгруппу первой группы включены линии и желобки (рис. 39, 1, 2). Во вторую подгруппу первой группы входят дугообразные оттиски (рис. 39, 3, 4). Первую подгруппу второй группы составляют оттиски зубчатого штампа (рис. 39, 5, 6), а также треугольные (рис. 39, 7), квадратные (рис. 39, 8), прямоугольные, ромбовидные (рис. 39, 9) и фигурные оттиски. Вторая подгруппа второй группы объединяет круглые и овальные оттиски (рис. 39, 10–12).

Количественные показатели прямолинейных и криволинейных элементов негативного рельефного орнамента *первой группы* варьируют в керамике отдельных жилищ поселения Кондон-Почта от 0,5 до 10 %, а поселения Иннокентьевка (пункты I и II) – до 5 %. Средние показатели составили 1–2 %. Основными критериями для линий и желобков служат ширина и глубина прочерчивания. Наиболее часты желобки средней ширины (0,3–0,4 см) и глубины (0,2 см). Оттиски дугообразные тоже отличаются преимущественно средними размерами (0,5–0,6 см) при глубине оттиска в 0,2 см, хотя встречаются и довольно крупные образцы (0,8–1,0 см) при незначительной глубине оттиска (0,1–0,2 см).

Сходная картина наблюдается во *второй группе* технико-декоративных элементов, за исключением оттисков гребенчатого штампа. Данные по отдельным жилищам Кондон-Почты и Иннокенть-

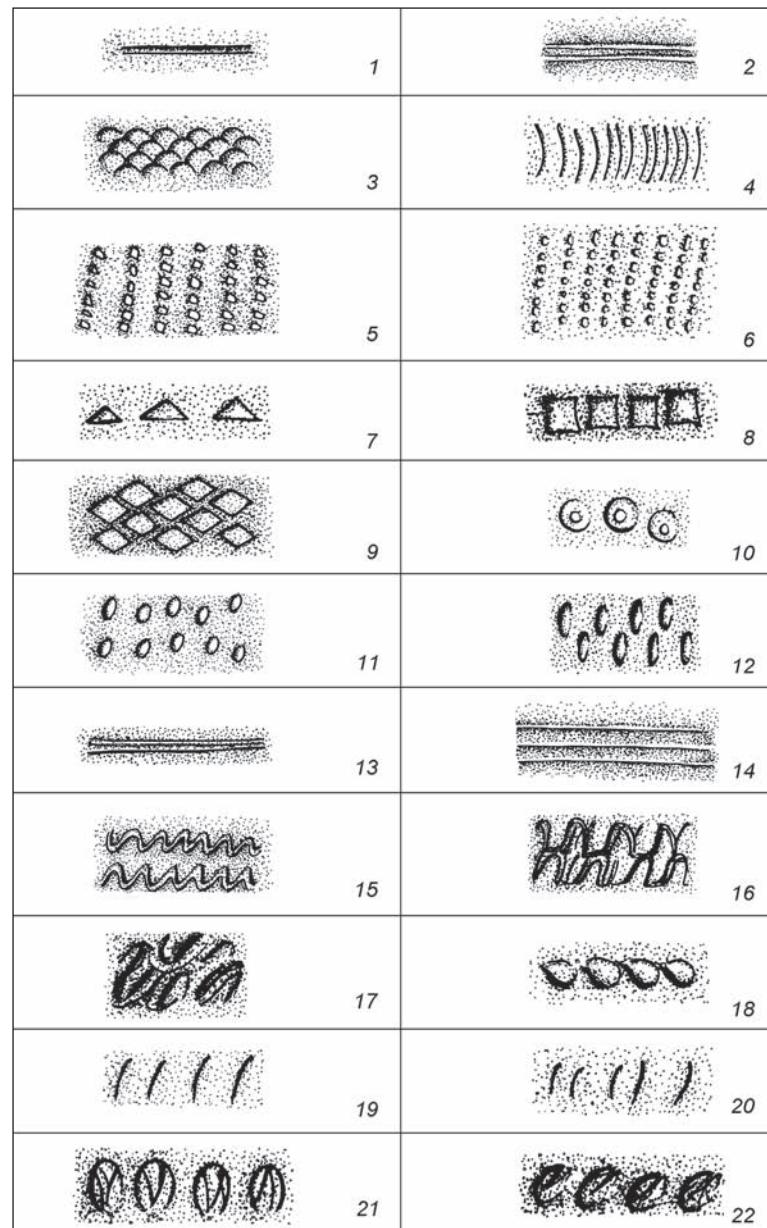

Рис. 39. Технико-декоративные элементы на кондонской керамике.
1 – прочерченные линии; 2 – желобки; 3, 4 – дугообразные оттиски; 5, 6 – отпечатки гребенчатого штампа; 7–12 – оттиски: треугольные (7), квадратные (8), ромбовидные (9), круглые (10, 11) и овальные (12); 13–16 – налепные валики: прямые (13, 14) и волнистые (15, 16); 17, 18 – зашипы; 19–22 – отпечатки: ногтевые (19, 20) и пальцевые (21, 22).

евки (пункты I и II) показали, что оттиски гребенки – доминирующий элемент орнаментального комплекса кондонской культуры. Их доля в односоставной рецептуре доходит до 20–30 %, а в многосоставной – до 10 %. Исключительно разнообразны отпечатки по количеству «зубцов» (от двух-трех до семи-восьми и десяти-двенадцати). Зачастую, оттиски гребенчатого штампа «раздваиваются», в результате чего образуется

своеобразный вариант элемента. Именно в этом случае общее количество «зубцов» составляет 10–12. Однако наиболее типичны четырех-, пяти- и шестизубчатые оттиски. Форма «зубцов» в основном прямоугольная и квадратная, размеры – малые (0,1–0,2 см) и средние (0,3–0,5 см), а глубина оттисков – до 0,1–0,3 см. Манера штампованием крайне небрежна: зачастую оттиски смазаны или пропечатаны нечетко.

В отличие от отпечатков гребенки, оттиски прямолинейные (треугольные, квадратные, прямоугольные и ромбовидные) и криволинейные (круглые и овальные) выглядят более эстетично. В материалах жилищ древнего Кондонаского поселения именно эти элементы и отпечатки гребенки являются наиболее характерными: их доля до 40 %, при средних показателях 5–10 %. Размеры оттисков варьируют от малых (0,2–0,3 см) до средних (0,4–0,5 см) и крупных (0,8–1,5 см). Разнообразна и глубина (в среднем 0,1–0,2 см).

В кондонской керамике, оформленной позитивным рельефом, первая группа технико-декоративных элементов представлена прямыми валиками (рис. 39, 13, 14), а вторая – волнистыми валиками в первой подгруппе (рис. 39, 15, 16) и «зашипами» – во второй подгруппе (рис. 39, 17, 18). Подгруппы в первой группе не выделены. Валики различаются контуром (округлый, подтреугольный, подпрямоугольный и подтрапециевидный в сечении), высотой рельефа (низкий – 0,2–0,3 см, средний – 0,5–0,7 см), шириной налепа (узкие – 0,2–0,3 см, средние – 0,5–0,6 см, широкие – 0,8–1,0 см). Доля прямых валиков составляет 1–5 %, а волнистых – 5–10 %. На «зашипы» в среднем приходится 5 %. Характеристика последних затруднена, поскольку этот технико-декоративный элемент в значительной степени связан с техникой исполнения, а не с формальными признаками.

В орнаменте кондонской культуры зафиксированы элементы, сочетающие негативный (штампованием) и позитивный (зашипывание) рельефы. К таковым относятся т.н. оттиски «ногтевые» (рис. 39, 19, 20) (первая группа) и «пальцевые» (рис. 39, 21, 22) (вторая группа). Доля этих технико-декоративных элементов сравнительно невелика – порядка 5–8 %. Варьируют они и по величине: средние – 0,6–0,7 см, крупные – 1,0–1,2 см.

Анализ сосудов и их частей показал, что для построения композиции орнамента на кондонской керамике использовалось несколько технико-декоративных элементов. Подавляющее большинство вариантов (в первую очередь, двусоставной «рецептуры») представлено соединением оттисков гребенчатого штампа. Типичны сочетания

отпечатков «гребенки» с оттисками различной формы, желобками, а также желобков и прямоугольных оттисков.

С помощью гребенчатого штампа оформлялись как основная зона размещения декора – тулово, так и второстепенные – венчик, горловина, плечики и придонная часть. Согласно подсчетам, при декорировании венчиков ведущими элементами служили желобки в сочетании с отпечатками «зубчатой гребенки» или оттисками прямоугольной формы (т.н. «каннелюры») (до 15 %), а также с оттисками дугообразными, округлыми и овальными (до 10 %).

Таким образом, технико-декоративные элементы кондонской керамики отличаются качественным разнообразием, что проявляется в многочисленных вариациях некоторых элементов. Например, в таком «типе орнамента», как оттиск ромбовидного штампа, «выделены 6 видов и 24 варианта» [Мыльникова, 1999, с. 59]. Разнообразие орнамента кондонской керамики выражено и в многочисленных вариантах сочетания технико-декоративных элементов. Качественное многообразие, вероятно, свидетельствует о складывании в гончарстве «стандартных рецептов» оформления сосудов.

Орнаментальные мотивы. В кондонском комплексе выделяется только одна группа мотивов, условно названных нами «геометрическими». Среди них по признаку построения отмечены простые и сложные, по форме – разомкнутые и замкнутые, по характеру очертаний – прямолинейные и криволинейные.

В группе *простых мотивов* выделены две подгруппы: 1) простые разомкнутые прямолинейные мотивы – прямые линии (рис. 40, 1–7); 2) простые разомкнутые криволинейные мотивы – изогнутые линии: угол (рис. 40, 8, 9) и дуга. Вариации простых мотивов первой подгруппы определяются направлением – горизонталь, диагональ и вертикаль, а второй подгруппы – углом стыка и протяженностью.

В группе *сложных мотивов* три подгруппы: 1) сложные разомкнутые прямолинейные мотивы – горизонтальный (рис. 40, 10) и вертикальный (рис. 40, 12) зигзаги, сетка-«плетенка» (рис. 40, 11), сетка (рис. 40, 13), «каннелюры» (рис. 40, 14); 2) сложные замкнутые прямолинейные мотивы – треугольники (см. рис. 45, 6); 3) сложные разомкнутые криволинейные мотивы – волнистая линия (рис. 40, 15) и завиток (рис. 40, 16). Критериями варьирования стали направление (волнистая линия), протяженность (сетка, сетка-«плетенка») и угол стыка (горизонтальный и вертикальный зигзаги, «каннелюры»).

Самый распространенный среди простых мотивов – повторение элементов вдоль прямой линии по горизонтали (80–90 %). Среди сложных мотивов доминирует сетка-«плетенка» («амурская плетенка») (до 20 %), единица построения которой – ромбовидные или дугообразные оттиски. Они организованы в прямые горизонтальные ряды, количество которых колеблется от минимума (два) до максимума (число не ограничено). В каждом следующем ряду происходит смещение на одну единицу. Для ромбовидных оттисков метрического стандарта в построении порядков нет, т.е. встречаются образцы с оттисками, вплотную нанесенными на поверхность глиняного сосуда (расстояние между отпечатками до 0,1 см), и с разреженной постановкой (до двух сантиметров). Однако и в том, и в другом случае обязательно соблюдение ритма. Четко ритм прослеживается в расположении структурных единиц и построении порядков. Различная ориентация элементов – горизонтальная или вертикальная – создает определенный рисунок: напряженный, динамичный или более спокойный, статичный.

Таким образом, мотив сетки-«плетенки» («амурской плетенки») образован при помощи двух основных способов организации декора – повтора и чередования. Повтор применен в постановке оттисков (ромбовидных и дугообразных), а чередование – в размещении горизонтальных рядов. В результате возникает «сетка» – орнамент, в основе которого лежит принцип «плетения».

Часто фиксируется мотив «каннелюры» (до 15 %), образованный сочетанием прочерченных линий, желобков и/или оттисков гребенчатого штампа. Реже встречаются горизонтальный и вертикальный зигзаги, сетка, волнистые линии. Единична находка фрагментов сосуда, оформленного оттисками в виде слегка закрученных

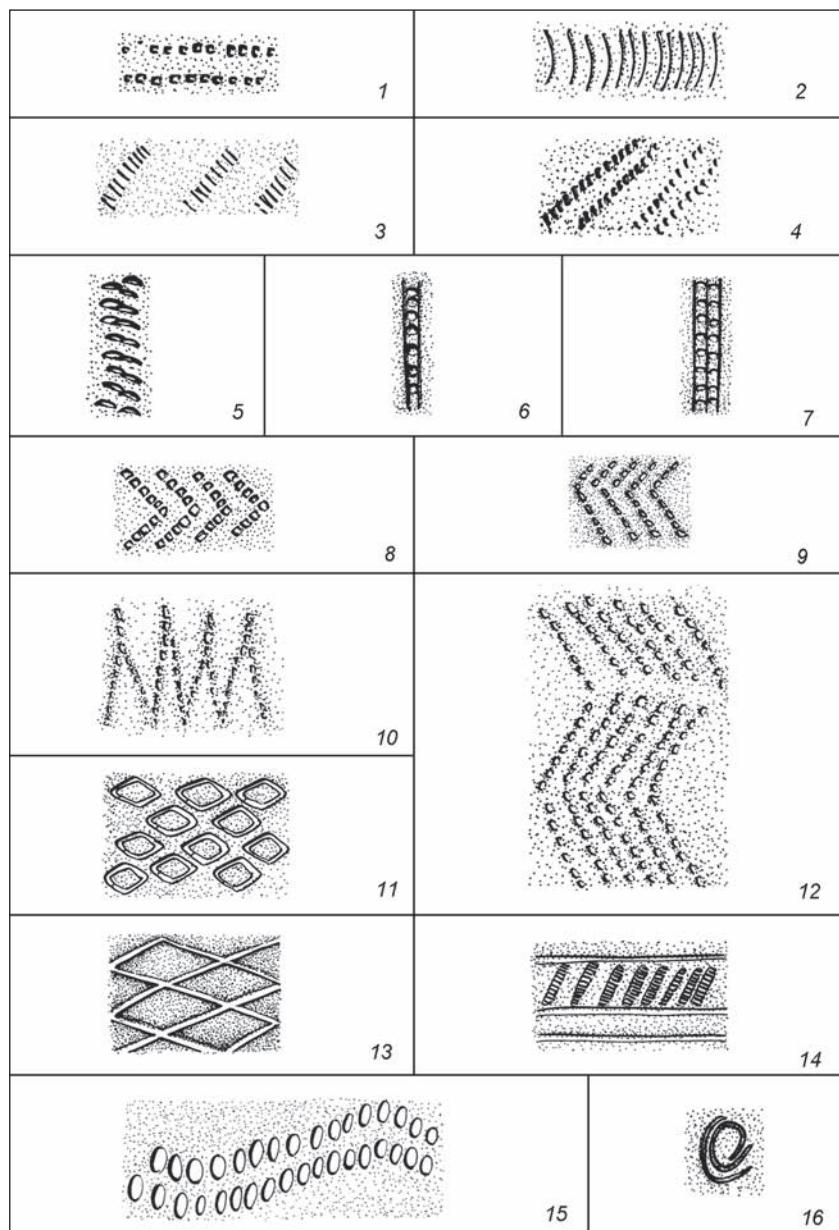

Рис. 40. Орнаментальные мотивы на кондонской керамике.

1–7 – прямые линии: горизонтальные (1, 2), наклонные (3, 4) и вертикальные (5–7); 8, 9 – углы; 10, 12 – зигзаги: горизонтальный (10) и вертикальный (12); 11 – сетка-плетенка («амурская плетенка»); 13 – сетка; 14 – «каннелюры»; 15 – волнистые горизонтальные линии; 16 – завиток.

спиралей, завитков, беспорядочно нанесенных на поверхность, скорее всего, раковиной или трубчатой костью.

Итак, в орнаментальных мотивах прослеживается сходная с технико-декоративными элементами тенденция: качественное варьирование при сравнительно небольшом количестве единиц.

Орнаментальные композиции. Коллекция керамики с памятника Кондон-Почта, как отмечалось выше, включает большое количество сосудов

(целых и реконструируемых), что позволило дать общую характеристику орнаментальных композиций и выделить основные варианты схем построения декора.

Основные средства выражения формальных признаков в композиции – метр и ритм – четко прослеживаются в кондонской керамике. По основным схемам решения можно выделить несколько групп метрических порядков. К первой группе, основанной на принципе повторения равных форм через равные интервалы, относятся горизонтальные пояса и сетки. Основу второй группы составляет повторение равных форм с интервалом-границей членения формы, т.е. сплошное орнаментальное поле. Ритмические порядки представлены единственной схемой решения, основанной на чередо-

вании равных элементов с изменением интервала между ними, т.е. горизонтальными поясами.

Таким образом, метрические и ритмические повторы в композициях декора кондонской керамики сравнительно однообразны. Принимая во внимание типы пространственного построения, число орнаментальных схем еще более ограничено.

Учитывая корреляционные связи технико-декоративных элементов, орнаментальных мотивов и композиций, а также зон размещения декора, можно выделить несколько групп сосудов. Отметим, что все эти группы представлены в материалах памятников Кондон-Почта и Иннокентьевка.

Сосуды *первой группы* (рис. 41) оформлены негативным рельефом, выполненным штампованием или накалыванием. Зоны размещения деко-

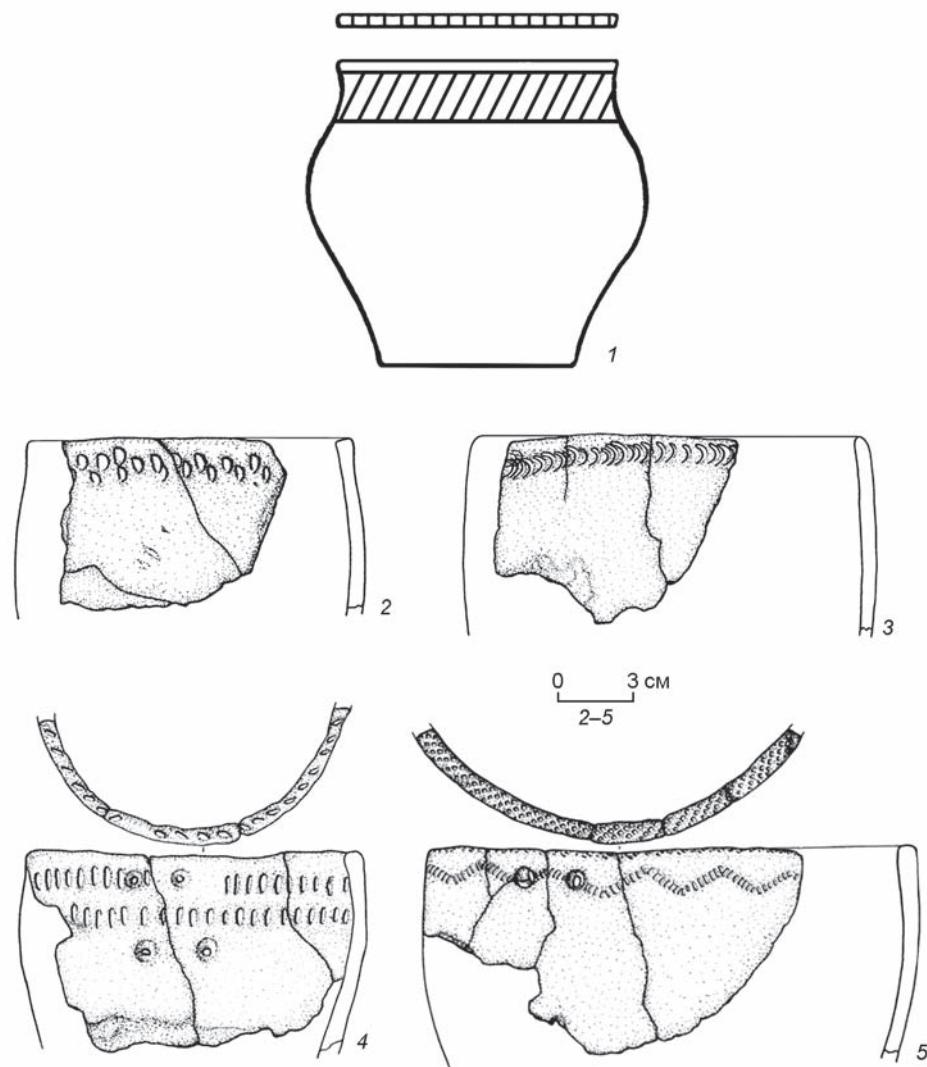

Рис. 41. Схема 1 построения орнаментальной композиции на кондонской керамике.

1 – модель; 2–4 – фрагменты верхних частей сосудов с памятника Кондон-Почта.

ра – горловина, иногда верхняя плоскость венчика. Плечики, тулоно и придонная часть сосуда оставлены гладкими. Отпечатки зубчатой гребенки, дугообразные, округлые или овальные оттиски скомпонованы в прямую горизонтальную линию. По типу пространственного построения композиция представляет собой бордюр.

Во *второй группе* сосудов (рис. 42) нами выделены две подгруппы. Принцип декорирования сосудов обеих подгрупп – негативный рельеф. Зоны размещения декора – верхняя плоскость венчика и плечики. Внешний бортик венчика, горловина, тулоно и придонная часть сосуда не декорировались. Орнамент выполнен преимущественно штампованием, реже – накалыванием. Основные технико-декоративные элементы – дугообразные

оттиски, отпечатки гребенчатого и фигурного (треугольного, ромбовидного) штампов. В орнаменте первой подгруппы элементы (дугобразные и подтреугольные оттиски) составлены в прямые горизонтальные линии и образуют композиции бордюрного типа. Элементы орнамента второй подгруппы скомпонованы в прямые горизонтальные линии (гребенчатые оттиски) и сетку-«плетенку» («амурскую плетенку»), фигурные оттиски, образуя композиции типа бордюр + сетка.

Сосуды *третьей группы* (рис. 43) декорированы негативным рельефом, нанесенным штампованием и протаскиванием. Зоны размещения орнамента – верхняя плоскость венчика, плечики и тулоно. Внешний бортик венчика и придонная часть не украшалась. Основные технико-декоративные

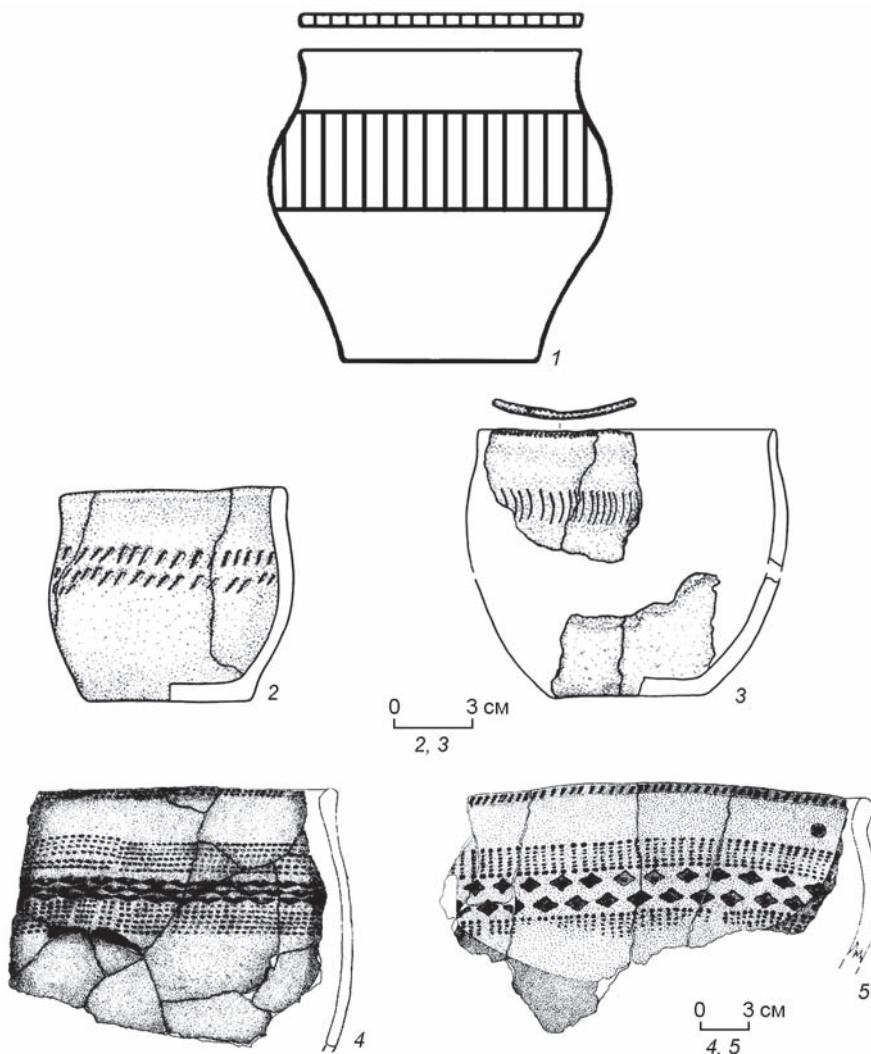

Рис. 42. Схема 2 построения орнаментальной композиции на кондонской керамике.

1 – модель; 2–5 – сосуды (реконструкции) и фрагменты верхних частей керамических изделий с памятников Кондон-Почта (2, 3) и Князе-Волконское-1 (4, 5) (по: [Шевкомулд, Горшков, 2007, рис. 2]).

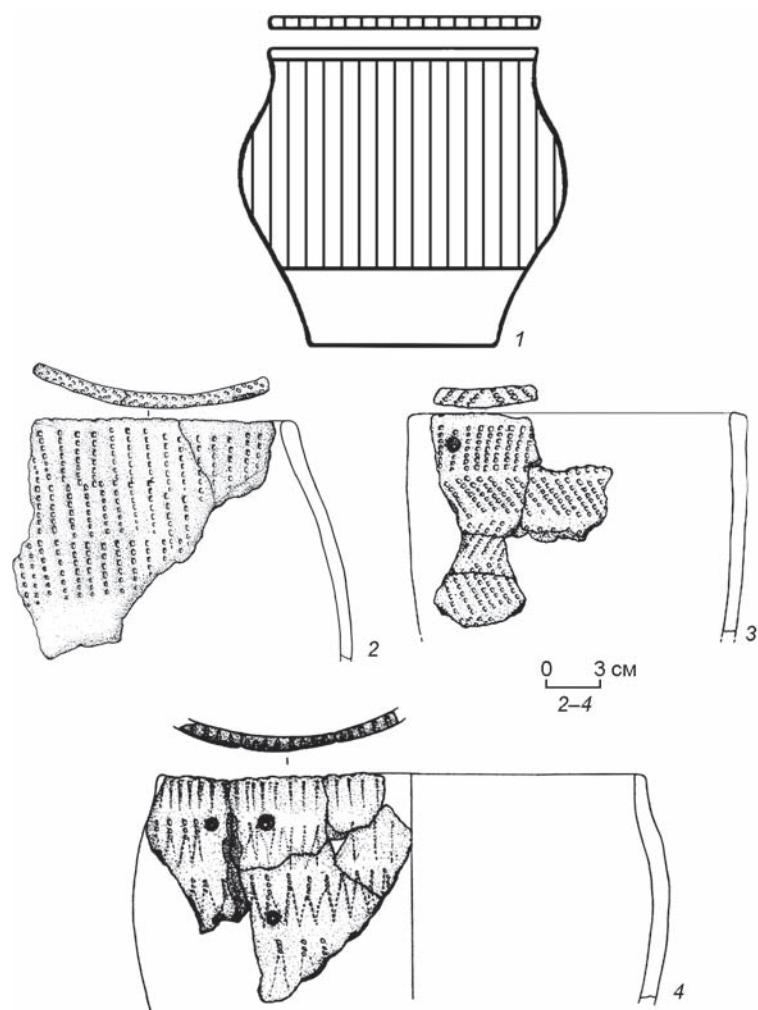

Рис. 43. Схема 3 построения орнаментальной композиции на кондонской керамике.

1 – модель; 2–4 – фрагменты верхних частей сосудов с памятника Кондон-Почта.

элементы – оттиски гребенчатого штампа – компоновались в прямые горизонтальные линии, вертикальный или горизонтальный зигзаги. Тип композиционного построения – бордюр, бордюр + сетка.

Сосуды *четвертой группы* (рис. 44) оформлены негативным и/или позитивным рельефом. Зоны размещения декора – горловина, плечики, туловище и придонная часть сосуда. Верхняя плоскость и внешний бортик венчика, как правило, гладкие. В оформлении могли использоваться 1–2 технически-декоративных элемента негативного рельефа (дугообразные отиски, прочерченные линии или желобки) и 2–3 – позитивного рельефа (прямые и волнистые валики, защицы). Мотивы – прямые горизонтальные и вертикальные линии в сочетании с волнистыми линиями, треугольниками, сеткой-«плетенкой» – скомпонованы в бордюр + + розетку, бордюр + сетку + розетку.

В составе орнаментального комплекса кондонской культуры выделено несколько групп сосудов с характерными только для них орнаментальными схемами (см. рис. 45–47). Условно эти изделия обозначены как сосуды с «зашипами», «каннылюрами», «валиками», «амурской плетенкой» и «чешуйчатым» орнаментом.

Отдельные группы кондонских сосудов составили изделия, оформленные «защипами» (рис. 45, 1–3), «каннелюрами» (рис. 45, 5–8), а также переходным между ними вариантом (рис. 45, 4). Основные принципы декорирования – позитивный (сосуды с «защипами») или негативный (сосуды с «каннелюрами») рельеф, их комбинация (сосуды переходных форм). Зоны размещения декора – исключительно верхняя плоскость (сосуды с «защипами») и внешний бортик венчика (сосуды с «каннелюрами») или их сочетание (переходные формы). Другие части сосуда не орнаментировались. В единичных случаях декорированы плечики и тулово сосудов. Негативный рельеф наносился протаскиванием, реже – штампованием. Позитивный рельеф выполнен защипыванием. Основные технико-декоративные элементы – «защипы», желобки в сочетании с оттисками гребенчатого штампа, прямоугольными оттисками – составлены в волнистые горизонтальные, прямые горизонтальные линии. Тип композиционного я – бордюр, единичны бордюр + сетка, сетка + розетка.

Выделяются изделия, основным принципом декорирования которых стал позитивный рельеф, иногда в сочетании с негативной разновидностью, т.н. «сосуды с валиками» (рис. 46). Зоны размещения орнамента – горловина, плечики, туловище и придонная часть сосуда. Венчик оставался гладким. Основные технико-декоративные элементы – валики прямые и волнистые, в некоторых случаях в сочетании с прочерченными линиями и желобками, округлыми и овальными оттисками – компоновались в прямые горизонтальные и вертикальные линии, волнистые линии, сетку. Типы композиционного построения – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + розетка, иногда бордюр + сетка + розетка.

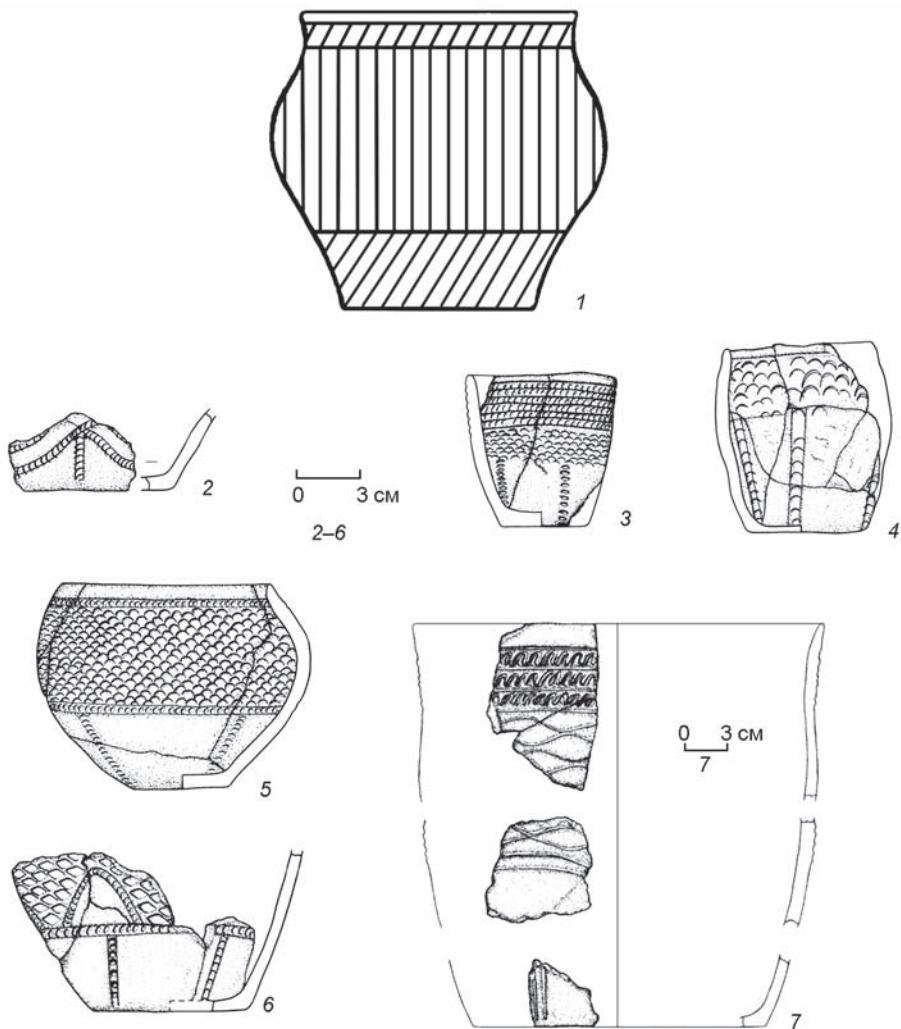

Рис. 44. Схема 4 построения орнаментальной композиции на кондонской керамике.

1 – модель; 3–5, 7 – сосуды (реконструкции); 2, 6 – фрагменты нижних частей керамических изделий из памятника Кондон-Почта.

Еще одна группа сосудов кондонского комплекса – изделия с «камурской плетенкой» и «чешуйчатым» орнаментом (рис. 47). Оформлены они негативным рельефом. Зоны размещения декора – горловина, плечики, туло, придонная часть сосуда, реже – верхняя плоскость и внешний бортик венчика. Основные технико-декоративные элементы – дугообразные и ромбовидные оттиски в сочетании с линиями, желобками, круглыми и овальными отпечатками. Мотивы – сетка-«плетенка» («камурская плетенка» и «чешуйчатый») в сочетании с прямыми горизонтальными и вертикальными линиями, дугами, треугольниками и «кантелюрами» – скомпонованы в бордюр + сетку, реже – бордюр + сетку + + розетку.

Выделение групп сосудов с присущими только им орнаментальными схемами, на наш взгляд, связано с прослеженной на уровне элементов

и мотивов тенденцией к «стандартизации» орнамента.

Орнаментальные схемы позволяют дать характеристику общих принципов построения декора. Концентрическая структура орнамента (рис. 48, 1) определяется нами как основная. Однако среди кондонской керамики есть образцы с сетчато-концентрическим (рис. 48, 3), радиально-концентрическим (рис. 48, 2, 4) и сетчато-радиально-концентрическим (рис. 48, 5) принципами построения декора.

Орнамент охватывает практически все основные части сосуда – венчик (верхнюю плоскость и внешний бортик), горловину, плечики, туло и придонную часть. Основные типы пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + сетка + розетка. Морфологические характеристики (форма сосудов) не являются определяющими.

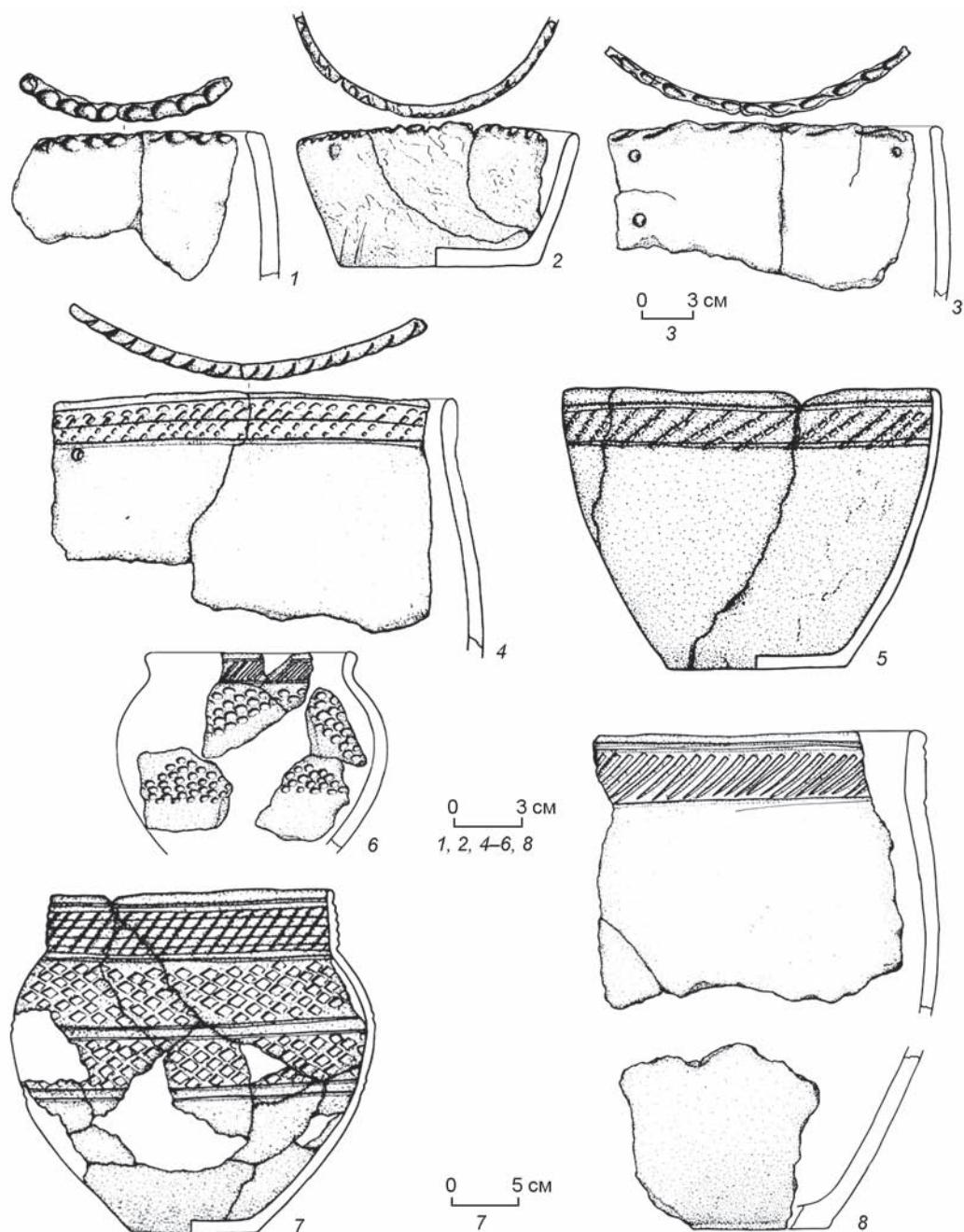

Рис. 45. Верхние части изделий с «зашипами» (1–3), сосуды (реконструкции) с «каннелюрами» (5–8) и переходные формы (4) кондонской керамики с памятников Кондон-Почта (1, 3, 4–8) и Иннокентьевка (пункт II) (2).

Ведущие признаки орнаментального комплекса. Единственный принцип декорирования кондонской керамики – рельеф (негативный и позитивный) при доминировании углубленной разновидности. Негативный рельеф создавался различными способами, но ведущим следует считать штампованием. Именно так нанесены наиболее типичные элементы – отпечатки зубчатой гребенки (преобладают) и различные оттиски (дугообраз-

ные, круглые, овальные, прямоугольные и ромбовидные), а также линии и желобки. «Рецептура» орнамента одно- и многосоставная. Позитивный рельеф получали налеплыванием и защипыванием. Ведущими технико-декоративными элементами в этом случае были прямые и волнистые валики, «зашипы».

Все эти элементы лежат в основе наиболее характерных для декора кондонской керамики моти-

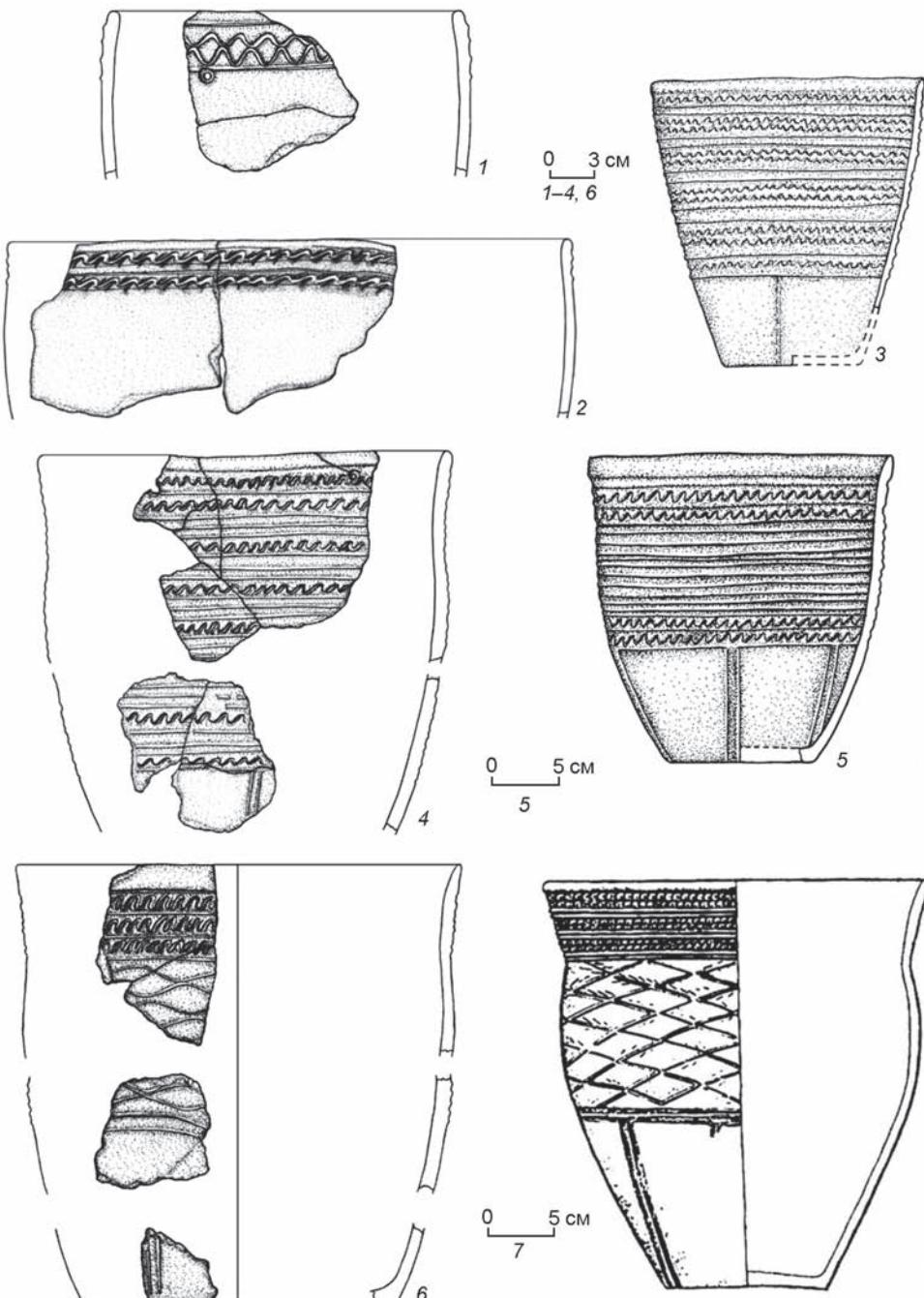

Рис. 46. Верхние части изделий (1, 2) и сосуды (реконструкции) (3, 4–7), оформленные «валиками», с памятника Кондон-Почта (7 – по: [Окладников, 1984, табл. ЛII, 4]).

вов – прямой горизонтальной линии, горизонтального зигзага, волнистой линии, сетки-«плетенки».

Корреляция мотивов и элементов, а также мотивов и зон размещения орнамента дополняет сумму ведущих признаков: прямые горизонтальные линии, составленные из оттисков зубчатого штампа различных форм, валиков. Волнистые линии из волнистых валиков и «зашивов» оформляли горловину, плечики и тулоно-сосудов, реже –

венчик. Сетка-«плетенка» наносилась на тулоно-изделия.

В качестве основных признаков следует рассматривать ведущие схемы орнаментальных композиций (бордюр по венчику или горловине, ритмичное повторение горизонтальных поясов по тулову сосуда; бордюр по венчику или горловине, сетка по тулову сосуда) и типы пространственного построения (бордюр, бордюр + сетка). Структура кондонского

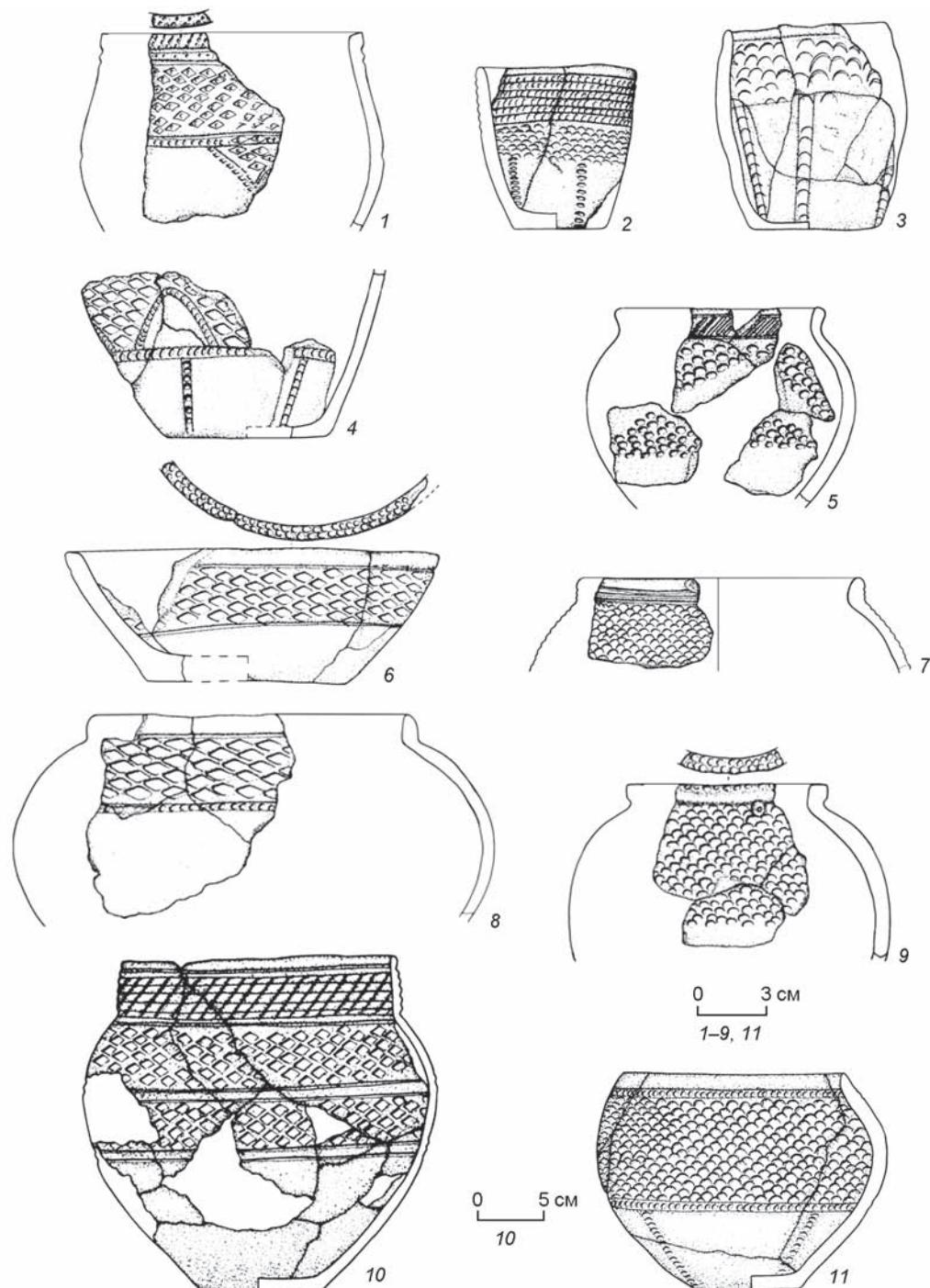

Рис. 47. Верхние и нижние части изделий (1, 4, 5, 7–9) и сосуды (реконструкции) (2, 3, 6, 10, 11), оформленные «амурской плетенкой» (1, 4, 6, 8, 10) и «чешуйчатым» орнаментом (2, 3, 5, 7, 9, 11), с памятника Кондон-Почта.

декора по преимуществу концентрическая, сетчато-концентрическая, радиально-концентрическая.

Один из характерных признаков – складывание в гончарстве кондонской культуры «стандартных рецептов» оформления сосудов. Он прослежен нами на уровне технико-декоративных элементов (минимальной единицы структуры

орнамента), в орнаментальных мотивах и композициях (средней и высшей единиц структуры орнамента).

Хронологические и территориальные группы. Указанные выше специфические признаки технико-декоративных элементов, орнаментальных мотивов и композиций, по-видимому, име-

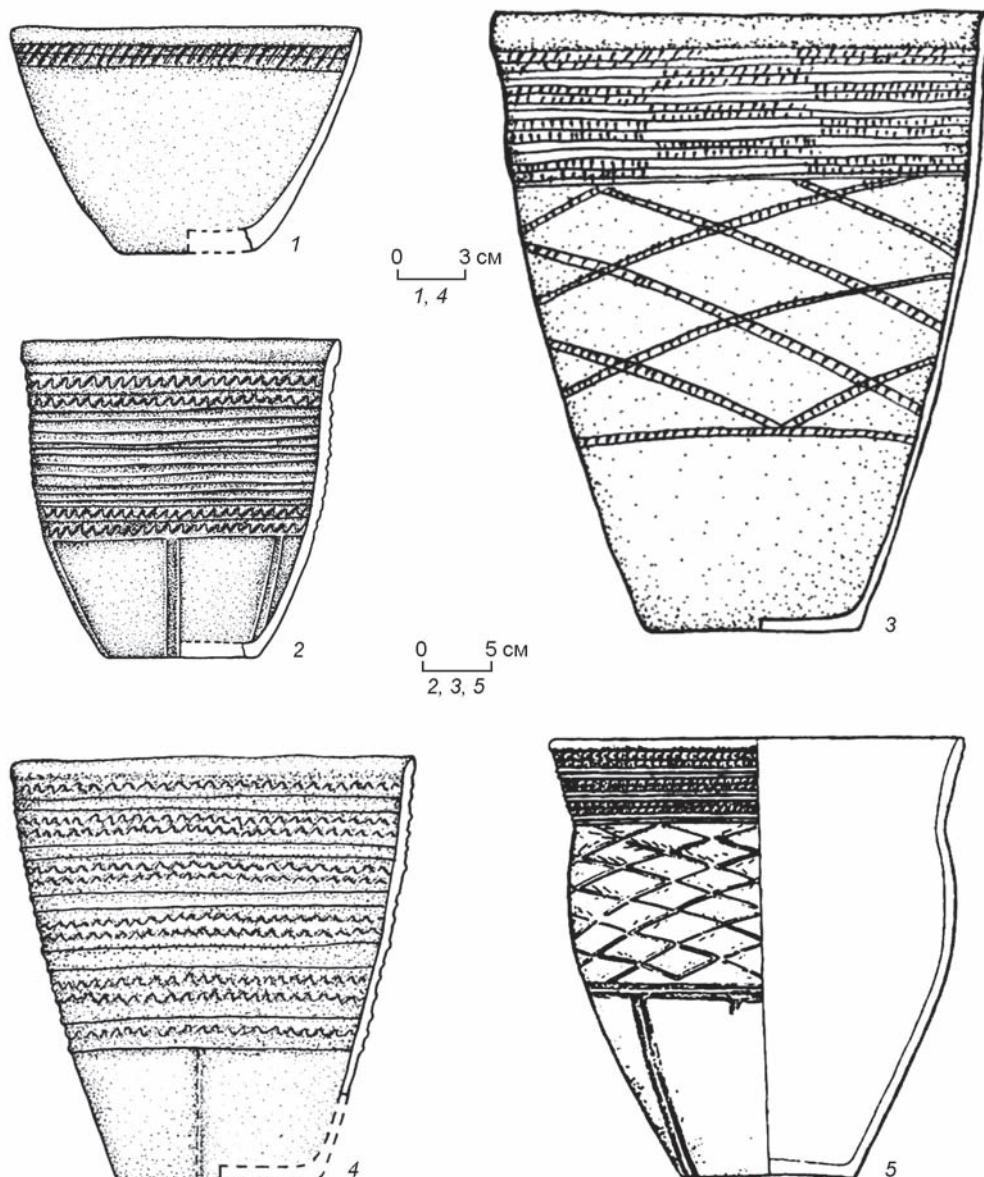

Рис. 48. Кондонские сосуды с памятника Кондон-Почта с концентрической (1), сетчато-концентрической (3), радиально-концентрической (2, 4) и сетчато-радиально-концентрической (5) тектоникой композиции орнамента (3, 5 – по: [Окладников, 1984, табл. XLI, 4; ЛП, 4]).

ют хронологическую обусловленность. Считаем, что материалы Кондон-Почты и Иннокентьевки (пункты I и II) позволяют говорить о наличии трех временных групп.

Архаичная группа представлена образцами с оттисками гребенчатого штампа, наколами, оформленной верхней плоскостью венчика, бордюрным типом построения декора по горловине или плечикам изделий. Это выделенные нами сосуды первой и второй групп.

Следующая по времени группа включает изделия своего рода переходных форм. В качестве

ведущих здесь выступают такие технико-декоративные элементы, как отпечатки гребенчатого штампа, а также треугольные и ромбовидные оттиски. Они скомпонованы в прямые горизонтальные линии, вертикальный и горизонтальный зигзаг или в сочетание прямых горизонтальных линий с сеткой и значительным интервалом между отдельными оттисками. Тип пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка. Это сосуды третьей и четвертой групп.

С поздней временной группой соотносятся сосуды пятой из выделенных нами групп, а также

изделия с «зашипами», «валиками», «каннелюрами», «амурской плетенкой» и «чешуйчатым орнаментом». Для них, как отмечалось выше, характерны элементы «стандартизации рецептов», выраженные в четко определяемых орнаментальных схемах, а также специфика построения декора (сетчато-концентрическая и радиально-концентрическая структуры).

Специфика источниковой базы кондонской культуры позволяет лишь наметить следующие территориальные группы: 1) юго-западную (Шереметьево, Амурский Санаторий, Бычиха-1, Казакевичево-2 и Князе-Волконское-1); 2) центральную (Иннокентьевка (пункты I и II), Кондон-Почта, Кондон-5, -9 и -13, некоторые другие памятники у с. Кондон); 3) северо-восточную (Гуга-1, Гырман и др.).

Учитывая выделенные хронологические и территориальные группы, можно предположить, что характерные признаки орнаментального комплекса кондонской культуры обусловлены сложностью его формирования и развития.

Вознесеновская культура

Поздний этап формирования орнаментальных традиций нижнеамурского неолитического населения представлен вознесеновской культурой.

Ареал, освоенный носителями вознесеновской культуры, – практически вся территория нижнего Приамурья, включая периферийные районы Амура (отдельные притоки, озера) [Медведев, 2012а]. Среди основных памятников следует назвать эпонимное для данной культуры поселение у с. Вознесенское (верхний слой), а также поселения Малышево-2, Кондон-Почта (жилища 3, 13 и 14), Сучу (жилища 2, 4, 6, 7, 83 и 84, святилище) и Кольчем-3. Прочие местонахождения – Казакевичево, Шереметьево, Новотроицкое-12, Гырман, Гася (третий сверху слой), Хумми, Кольчем-2, Голый Мыс-5, Рогачевский остров, Старая Какорма, Малая Гавань, Сусанино, Тахта и др.

В развитии вознесеновской культуры И.Я. Шевкомуд предложил выделить три этапа: ранний (горинский вариант), средний (удыльский вариант) и поздний (малогаванский вариант) [2004; Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. Время существования вознесеновской культуры – начало III – первая четверть II тыс. до н.э.

Коллекции с основных памятников включают представительный материал, позволивший выделить как частные признаки для отдельных поселений, так и общие характеристики орнаментики вознесеновской культуры (см. цв. вкл., рис. V и VI).

Принципы и способы декорирования керамики. Основной принцип декорирования вознесеновских сосудов – рельеф (негативный и позитивный) (рис. 49). Доля рельефного орнамента в учтенной выборке составляет 50–100 %.

Негативный рельеф наносили накалыванием, штампованием, «шаганием», прокатыванием и протаскиванием. Использовались, как правило, 2–3, реже 1 или 4–5 способов декорирования. За-

метим, что для трех-, четырех- и пятисоставной «рецептуры» характерно сочетание углубленного и выпуклого рельефов. В односоставной «рецептуре» негативного рельефа вознесеновской керамики основные способы декорирования – прокатывание и протаскивание. Их доля в выборке в среднем составляет 10–20 %. Реже применяли «шагание» (до 10 %). Типичным было использование двух способов декорирования. Число вариантов двухсоставной «рецептуры» в материалах разных памятников колеблется от 1–2 до 9. Ведущие двухсоставные «рецептуры» – прокатывание + протаскивание, штампованием + протаскивание, штампованием + «шагание», штампованием + накалывание.

Таким образом, в вознесеновском орнаменте основные способы создания углубленного рельефа – прокатывание, протаскивание, штампованием, «шагание» и накалывание. Основная зона размещения декора – тулоно сосуда. Не вызывает сомнений, что вознесеновцы использовали орнаментиры как естественного, так и искусственного происхождения.

Выпуклый рельеф получали налеплением и зашпиванием. Доля его в материалах памятников составляет в среднем 10–15 %. Если налепливание использовалось как в односоставной, так и в многосоставной «рецептуре» декорирования, то зашпывание – только в многосоставной. Как уже отмечалось выше, в двух-, трех-, четырех- и пятисоставной «рецептурах» в основном представлены варианты, для которых характерно сочетание негативного и позитивного рельефа. Ведущие «рецептуры» следующие: двухсоставная – налепливание + штампованием; трехсоставные – налепливание + зашпывание + штампованием, налепливание + прокатывание + протаскиванием, налепливание + штампованием + протаскиванием, налепливание + прокатывание + протаскиванием; четырехсоставные – налепливание + зашпыванием +

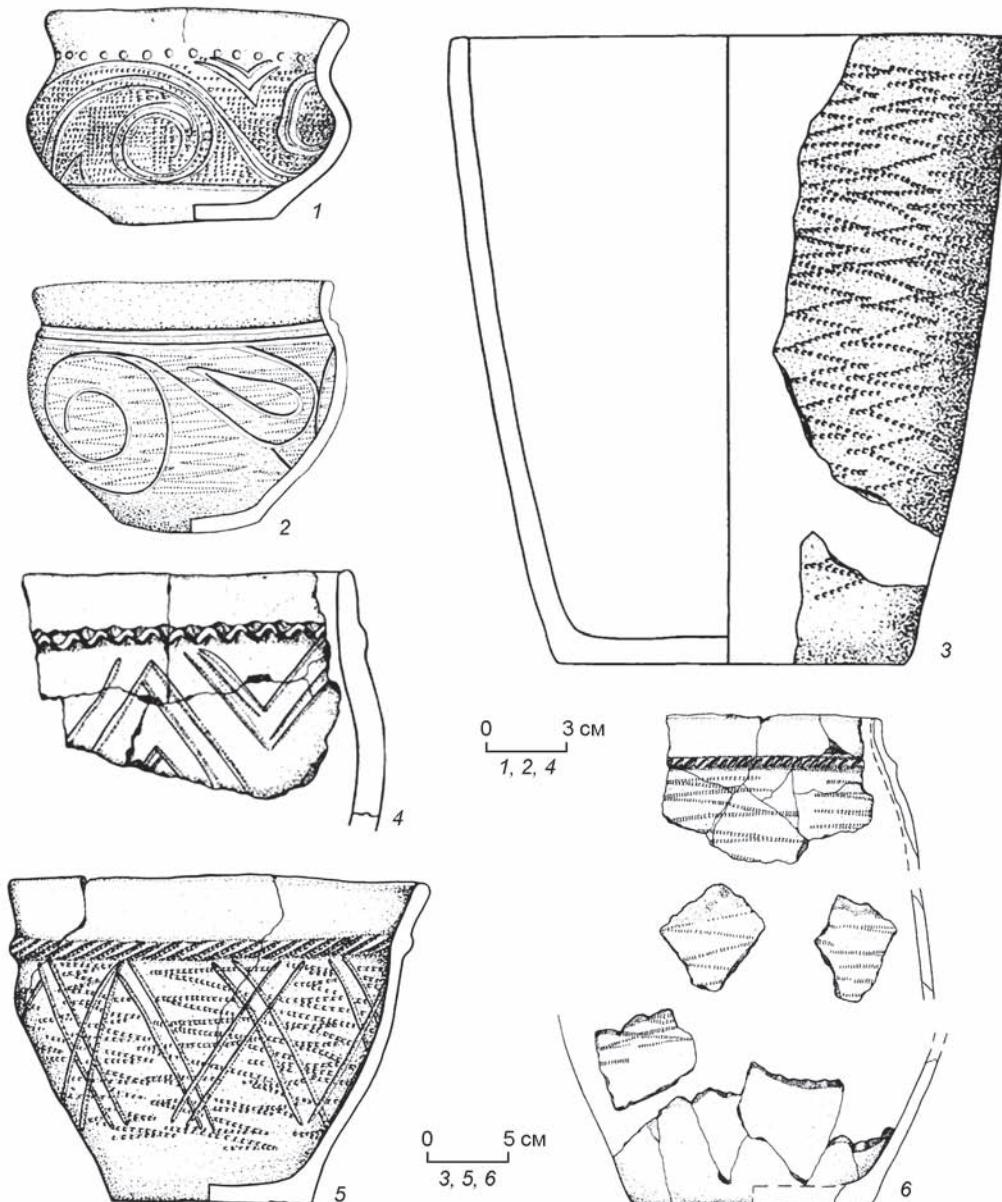

Рис. 49. Вознесеновская керамика, оформленная негативным (1–3) и сочетанием негативного и позитивного (4–6) рельефов, с памятников Сучу (1, 4–6), Кондон-Почта (2) (по: [Окладников, 1984, табл. XXVI, 2]) и Вознесенское (3).

ние + штампованиe + протаскивание, налепливание + штампованиe + прокатывание + протаскивание, налепливание + защипывание + прокатывание + протаскивание; пятисоставная – налепливание + защипывание + штампованиe + «шагание» + протаскивание.

Позитивный рельеф использовался в основном при оформлении венчиков (внешний и внутренний бортики). Однако в коллекциях памятников Кольчем-3 и Хумми есть единичные образцы с выпуклым рельефным декором на тулове (см.: [Шевкомуд, 2004, табл. 50, 2]).

Корреляция способов декорирования с зонами размещения орнамента позволяет сделать вывод: позитивный рельеф в декоре вознесеновской керамики является второстепенным, т.к. практически не использовался в оформлении тулова сосудов. Тем не менее, процентные показатели углубленного и выпуклого рельефов практически равные, что объясняется характерной для вознесеновского орнамента многосоставной «рецептурой» с использованием обеих разновидностей рельефа.

Плоскостной декор в вознесеновской керамике тоже сочетается с рельефом. Доля такого декора

в учтенной выборке составляет около 10 %. Крашеная керамика (рис. 50) обнаружена на поселениях Малышево-2, Гася, Вознесенское, Кондон-Почта, Сучу и культовом центре Тахта. Особо отметим материалы, полученные в святилище на о-ве Сучу. Доля выборки крашеной керамики здесь составила 50 %. Цветовая гамма включает красный, белый и черный цвета (два последних употреблялись только для заполнения углубленного орнамента). Так, на отдельных сосудах Сучу «на блестящем малиновом фоне... выделяются углубленные полосы ленточного узора, заполненного краской насыщенного черного цвета» [Окладников, 1984, с. 52]. Основная же масса находок – сосуды (или их фрагменты), окрашенные в красный цвет и его оттенки (крас-

но-малиновый, темно-малиновый). Как правило, краской покрывали все гладкие части изделий.

В целом, для орнамента вознесеновской культуры характерны как рельефный, так и плоскостной принципы декорирования керамики. Рельефный декор представлен негативной и позитивной разновидностями. Полученные нами данные демонстрируют сравнительно равные показатели для обоих видов рельефа, но корреляция с зонами размещения декора свидетельствует, что углубленный рельеф был основным.

В соотношении рельефного и плоскостного орнаментов определяющими, на наш взгляд, являлись функции сосудов. Открытие таких местонахождений, как святилища (например, на о-ве Сучу,

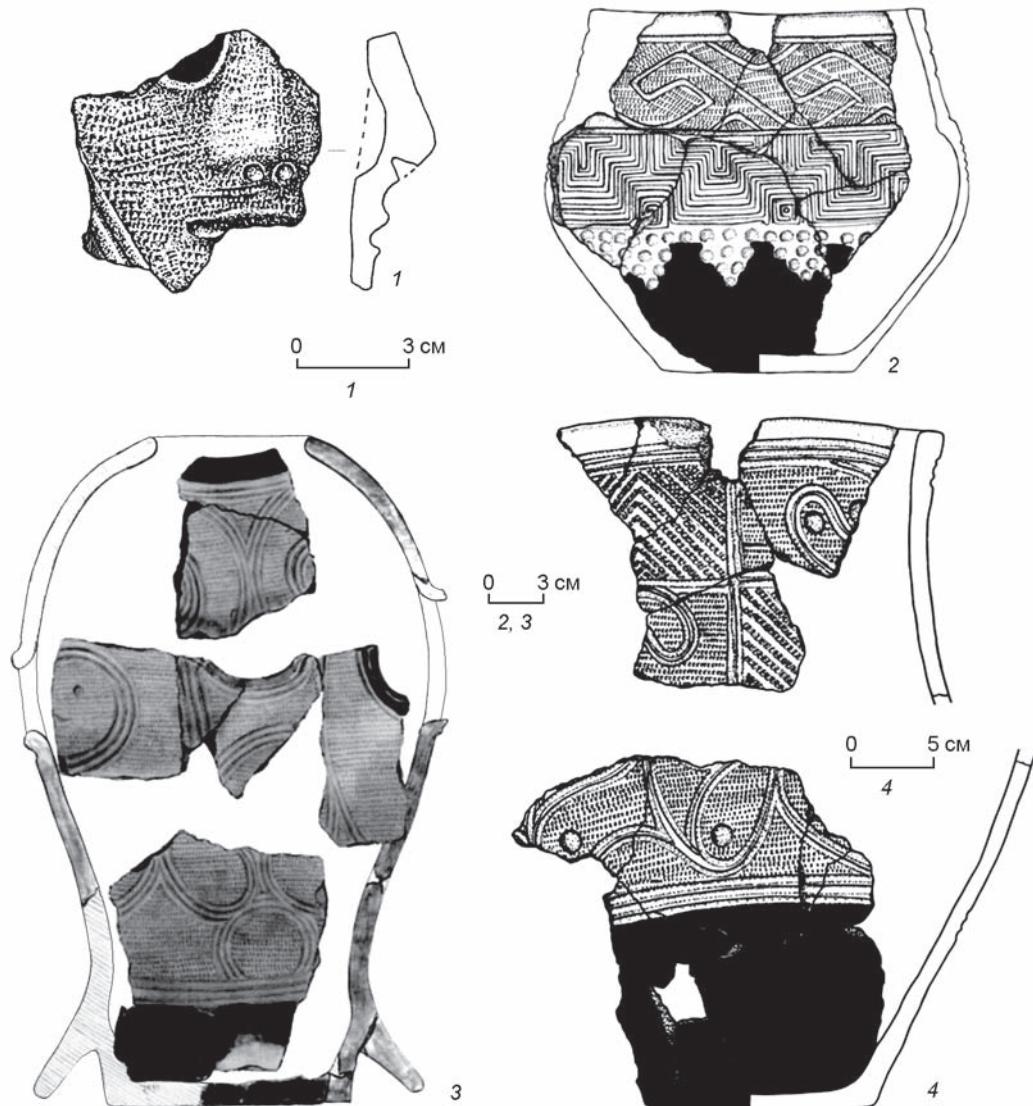

Рис. 50. Окрашенная в красный цвет вознесеновская керамика с памятников Гася (1), Вознесенское (2), Сучу (4) и Тахтинского культового центра (3).

в Тахте), предполагает наличие соответствующим образом оформленной керамики. Ранее высказывалось мнение, что окрашенная вознесеновская керамика носила культовый характер [Деревянко, Медведев, 2002, с. 62; Медведев, 2005б].

Технико-декоративные элементы. По строению в орнаментальном комплексе вознесеновской культуры нами выделены простые (первая группа) и сложные (вторая группа) технико-декоратив-

ные элементы, по форме – разомкнутые и замкнутые, по характеру очертаний – прямолинейные и криволинейные.

К первой подгруппе первой группы элементов отнесены прочерченные линии (рис. 51, 1) и желобки (рис. 51, 2), ко второй подгруппе первой группы – дугообразные оттиски (рис. 51, 3, 4), к первой подгруппе второй группы – квадратные (рис. 51, 5) и прямоугольные (рис. 51, 6) оттиски,

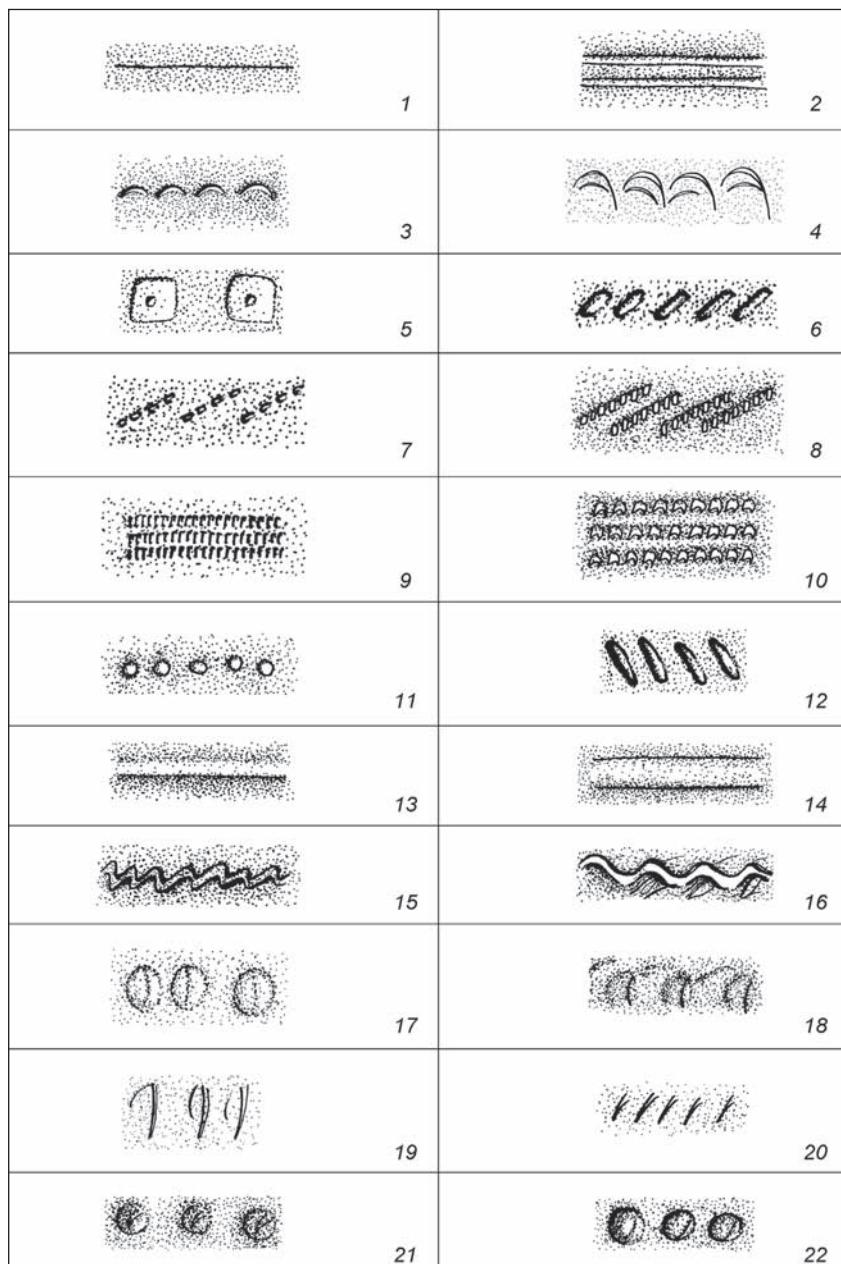

Рис. 51. Технико-декоративные элементы на вознесеновской керамике.

1 – прочерченные линии; 2 – желобки; 3, 4 – дугообразные оттиски; 5, 6 – отпечатки: квадратные (5) и прямоугольные (6); 7, 8 – оттиски гребенчатого штампа; 9, 10 – отпечатки зубчатого колесика: прямоугольные (9) и фигурные (10); 11, 12 – оттиски: круглые (11) и овальные (12); 13–16 – налепные валики: прямые (13, 14) и волнистые (15, 16); 17, 18 – защипы, 19–22 – оттиски: ногтевые (19, 20), пальцевые (21, 22).

а также отпечатки гребенчатого штампа (рис. 51, 7, 8) и зубчатого колесика с разной формой зубцов (рис. 51, 9, 10), ко второй подгруппе второй группы – круглые (рис. 51, 11) и овальные (рис. 51, 12) отиски.

Данные по отдельным местонахождениям показали, что в *первой группе* доминируют технико-декоративные элементы прямолинейных очертаний – линии и желобки. Они есть в материалах практически всех памятников, учтенных в выборке. Доля их составляет от 10 до 70 %; средние показатели – 15–20 %. Основные критерии варьирования этих технико-декоративных элементов – ширина и глубина. Наиболее часты широкие (до 0,6 см) овальные желобки средней глубины (0,2 см). Доля простых по строению криволинейных элементов в выборке минимальна – до 1 %. Различаются они, главным образом, размерами: средние – 0,5–0,6 см, крупные – 1,0–1,5 см; средняя глубина 0,2 см.

Во *второй группе* ведущие элементы декора – прямолинейные отиски (квадратные, прямоугольные, трапециевидные и фигурные), полученные прокаткой зубчатого колесика, а также отпечатки гребенчатого штампа. Зафиксированы они на образцах со всех местонахождений. Средние показатели для отпечатков зубчатого колесика составляют около 60 %. Размеры их колеблются от мелких (0,1–0,2 см) до средних (0,3–0,4 см). Глубина отиска в основном незначительная (0,1 см). Доля отисков гребенчатого штампа – 30–50 %. Различаются они по количеству «зубцов», размерами, формой и глубиной. В коллекциях есть образцы с отисками гребенчатого штампа, количество «зубцов» которого колеблется от трех до двенадцати. Варьирует и форма отисков: квадратная, прямоугольная, трапециевидная. Как правило, в одном отиске она одинакова. Наиболее распространена квадратная форма. Изменения размера отиска незначительны: средние показатели 0,3–0,4 см. Глубина отиска, как правило, средняя (0,2 см). Отиски круглые и овальные единичны. Их размеры варьируют от малых (0,2–0,3 см) до средних (0,4–0,5 см) и довольно крупных (0,6–0,7 см). Глубина отпечатка в среднем 0,1–0,2 см.

Позитивный рельеф в вознесеновской керамике представлен двумя группами элементов: 1) прямые валики (рис. 51, 13, 14); 2) волнистые валики (рис. 51, 15, 16) и «защицы» (рис. 51, 17, 18). В первой группе подгруппы не выделены. Во второй группе к первой подгруппе можно отнести волнистые валики, а ко второй – «защицы». Данные по отдельным памятникам демонстрируют

практически равное использование прямых и волнистых валиков в оформлении сосудов (в среднем 10–20 %). Доля «защиц» минимальна. Среди образцов можно выделить валики с округлым, треугольным (приостренным), прямоугольным и трапециевидным контуром. Прямоугольные и трапециевидные валики, как правило, широкие (до 2 см), округлые и треугольные – сравнительно узкие (до 0,5 см). Высота рельефа в большинстве случаев средняя (0,6–0,8 см).

В орнаменте вознесеновской керамики отмечено сочетание негативного (штампованием) и позитивного (защищивание) рельефов. Речь идет о т.н. «ногтевых» (рис. 51, 19, 20) и «пальцевых» (рис. 51, 21, 22) отисках (первая и вторая группы соответственно). Доля этих элементов сравнительно невелика – 1–2 %. Варьируют они по величине: средние – 0,4–0,5 см, крупные – 0,6–1,0 см.

Характеристика *плоскостного орнамента* с точки зрения технико-декоративных элементов, как уже указывалось, представляет известную сложность. Этот тип технико-декоративного элемента условно назван нами «окрашиванием». Его доля в сочетании с другими технико-декоративными элементами орнамента вознесеновской керамики по отдельным памятникам составляет 10 %.

Для построения декора в вознесеновской орнаментальной традиции в равной степени характерно использование как одного, так и нескольких элементов. В первом случае это – отпечатки гребенчатого штампа или зубчатого колесика различной формы, а также желобки. Во втором случае названные элементы, как правило, дополнялись валиками (прямыми или волнистыми) и отисками различной формы.

Таким образом, отиски гребенчатого штампа, зубчатого колесика и желобки играют самостоятельную роль в орнаменте вознесеновской культуры. Это подтверждается характером взаимосвязи элементов и зонами размещения декора. Отисками «гребенки», зубчатого колесика и желобками оформлялось по преимуществу тулово сосуда – основная орнаментальная зона. Как отмечалось выше, валики использовались в декоре венчиков и горловины изделий. По всей видимости, в распределении технико-декоративных элементов по зонам складывались своего рода «стандартные рецепты», что связано с уровнем развития гончарства у носителей вознесеновской культуры.

Орнаментальные мотивы. В вознесеновском декоре четко выделяются две группы орнаментальных мотивов, которые условно названы нами «геометрическими» и «негеометрическими».

Среди «геометрических» мотивов по признаку построения выделяются простые и сложные, по форме – разомкнутые и замкнутые, по характеру очертаний – прямолинейные и криволинейные.

В группе простых мотивов выделены две подгруппы: 1) простые разомкнутые прямолинейные

мотивы – прямые линии (рис. 52, 1–4); 2) простые разомкнутые криволинейные мотивы – дуга (рис. 52, 5, 6) и угол (рис. 52, 7, 8). Вариации простых мотивов в первой подгруппе определяются их ориентацией по горизонтали и диагонали, а во второй – углом стыка и радиусом кривизны.

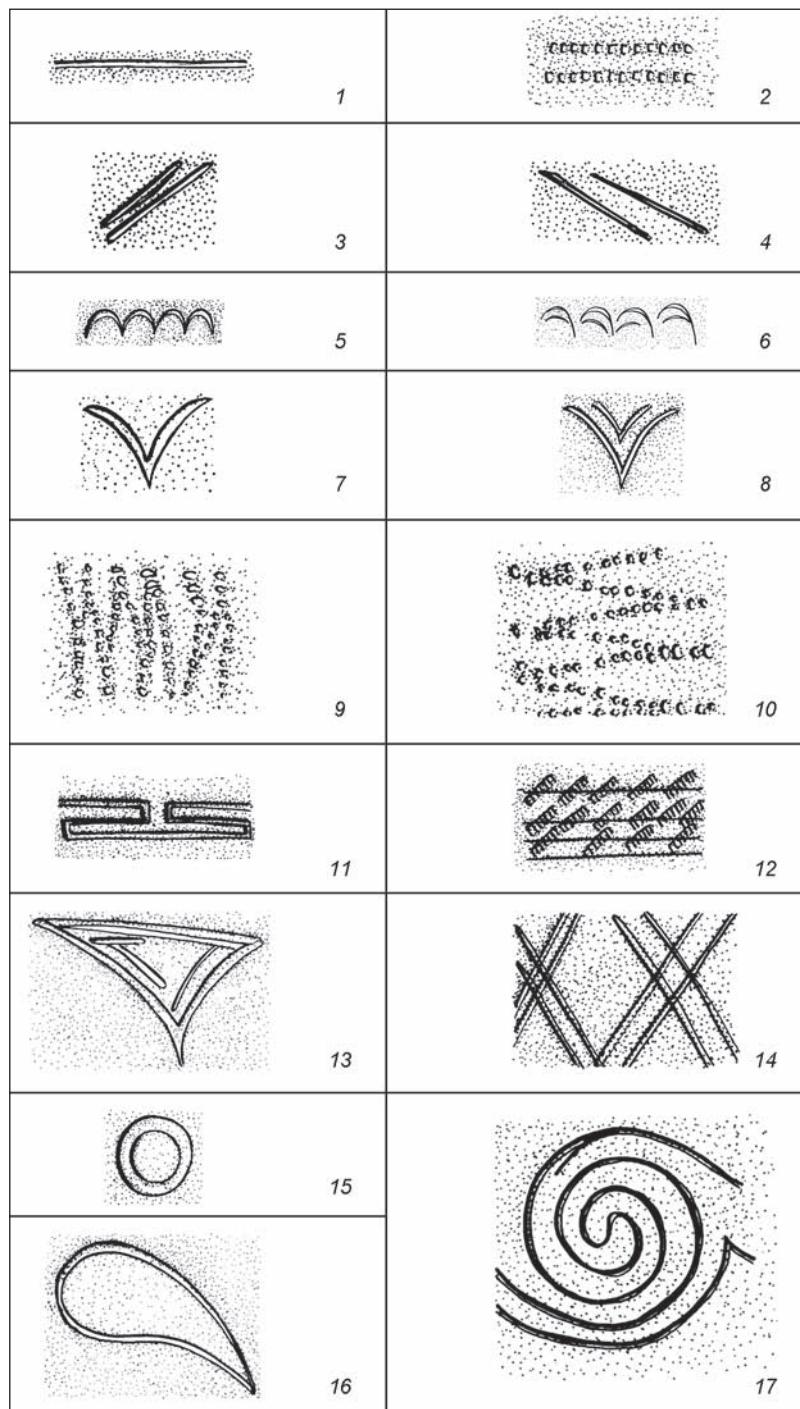

Рис. 52. Орнаментальные мотивы на вознесеновской керамике.

1–4 – прямые линии: горизонтальные (1, 2) и наклонные (3, 4); 5, 6 – дуги; 7, 8 – углы; 9, 10 – зигзаги: горизонтальный (9) и вертикальный (10); 11 – меандр; 12 – «каннелюры»; 13 – треугольник; 14 – сетка; 15 – круг; 16 – эллипс; 17 – спираль.

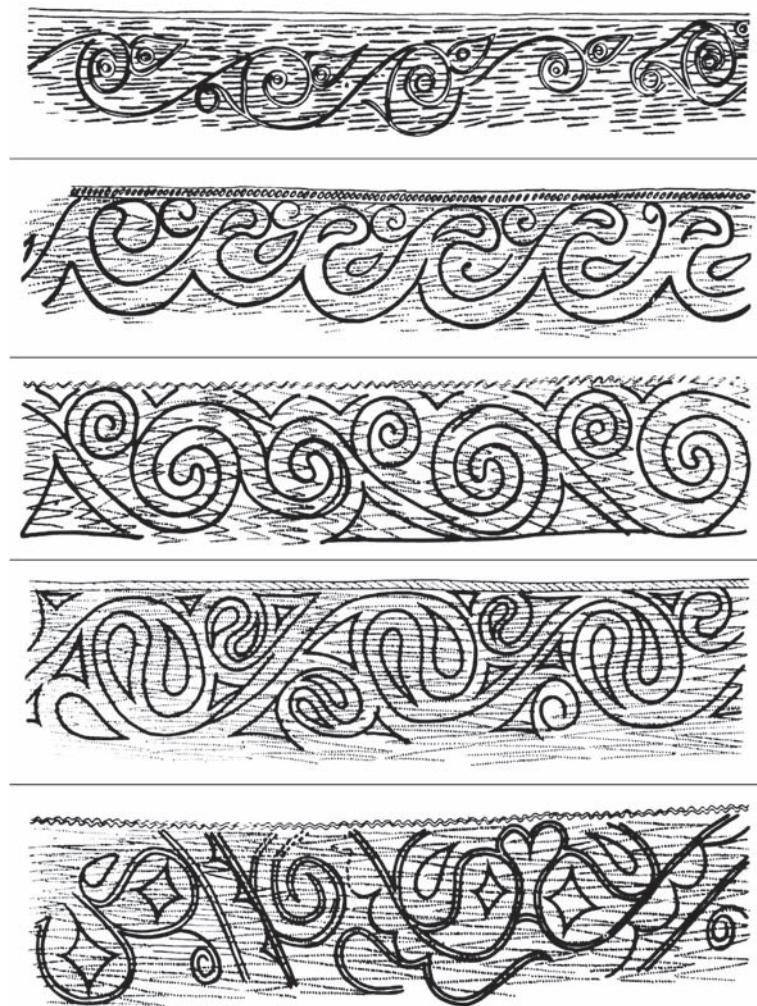

Рис. 53. Варианты спирального орнамента в комплексе вознесеновской культуры (по: [Окладников, 1984, табл. XV, 1; XIX, 1; XXXVII, 1; LVII, 1; LXIV, 1].

В группе сложных мотивов выделены четыре подгруппы: 1) сложные разомкнутые прямолинейные мотивы – зигзаг горизонтальный (рис. 52, 9), зигзаг вертикальный (рис. 52, 10), «меандр» (рис. 52, 11), «каннелюры» (рис. 52, 12) и сетка (рис. 52, 14); 2) сложные разомкнутые криволинейные мотивы – волнистая линия и спираль (рис. 52, 17; 53); 3) сложные замкнутые прямолинейные мотивы – треугольник (рис. 52, 13) и прямоугольник; 4) сложные замкнутые криволинейные мотивы – круг (рис. 52, 15) и эллипс (рис. 52, 16). Критерий вариативности в этой группе – направление (например, для волнистых линий и зигзага), размеры и радиус кривизны (для спиралей, кругов, эллипсов, треугольников, прямоугольников), угол стыка (для зигзага) и протяженность (для меандра). Ярким примером вариативности

может служить спиральный орнамент (рис. 53).

Самым распространенным среди простых геометрических мотивов является повторение элементов вдоль прямой линии по горизонтали (20%). Среди сложных геометрических мотивов часто встречаются спираль (около 70%), горизонтальный и вертикальный зигзаги (около 60%), волнистые линии (около 50%) и «каннелюры» (40%). Надо отметить, что для вознесеновской керамики более характерны сложные геометрические мотивы.

Помимо простых и сложных геометрических орнаментальных мотивов в коллекциях рядам памятников зафиксированы образцы с аморфными комбинациями орнаментальных рядов, составленных из оттисков гребенчатого штампа. Направление оттисков четко не прослеживается. В данном случае, скорее, следует говорить о «сюжете».

Отсутствие четко выраженных формальных признаков, «сюжетность» и «образность» свойственны и второй группе орнаментальных мотивов вознесеновской керамики (рис. 54). «Негеометрические» мотивы представлены разного рода фигуративными изображениями-личинами – антропо-, зоо-, фитоморфными и т.п. В каждом конкретном случае они сугубо индивидуальны: для одних характерна реалистичность изображения, для других – ярко выраженная стилизация.

Характеристика мотивов плоскостного орнамента в силу их нефигуративности крайне затруднена. Поскольку цветовые пятна наносились для того, чтобы подчеркнуть прочие мотивы и придать большую выразительность изделию, можно говорить об их изначальной аморфности, не поддающейся описанию. По сути, окрашивание, как прямые линии и зигзаг на ряде образцов, играет роль фона.

В целом, по сравнению с технико-декоративными элементами, орнаментальные мотивы вознесеновской керамики отличаются качественным многообразием. Им в значительной мере присуща «образность» и «сюжетность», средства выражения которой – стилизация и реалистично передаваемые формы.

Орнаментальные композиции. В составе коллекций с памятников вознесеновской культу-

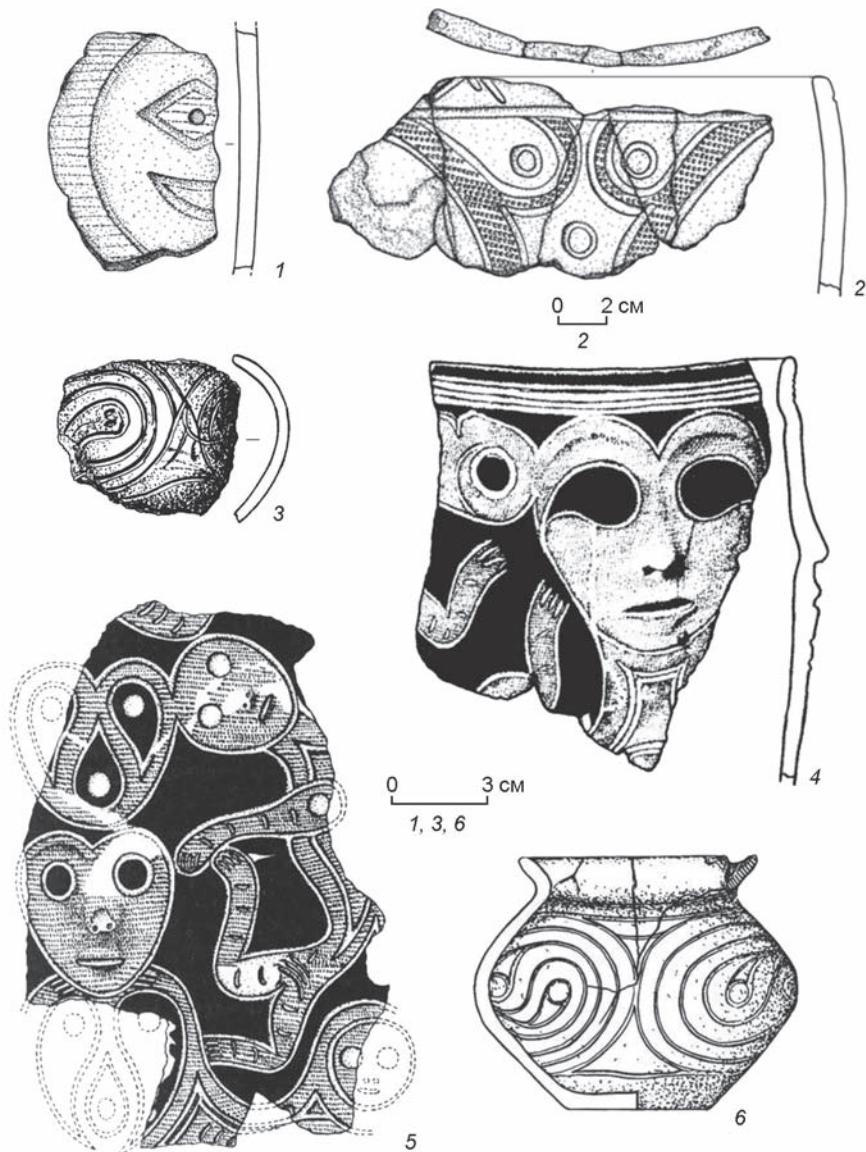

Рис. 54. Вознесеновская керамика с личинами с памятников Малышево-2 (1), Кондон-Почта (2), Сусанино (3) (по: [Конопацкий, 1990, рис. 4, 3]), Вознесенское (4, 5) и Сучу (6).

ры довольно много целых и реконструируемых сосудов. Это позволяет дать общую характеристику композиций и выделить основные варианты орнаментальных схем.

В вознесеновском орнаменте достаточно четко метрические и ритмические порядки выделяются для простых и сложных геометрических мотивов прямолинейных очертаний. В этом случае можно говорить, что повторение прямой горизонтальной или вертикальной линии, а также горизонтального или вертикального зигзага дает метрический порядок, основанный на повторении равных форм через равные интервалы (горизонтальные

пояса). Для сложных криволинейных мотивов образование орнаментальных порядков не характерно. В этом случае следует иметь в виду «сюжет» как основу построения орнаментальной композиции.

Учитывая сказанное, а также взаимосвязь элементов, мотивов и композиций, структурных единиц декора, зон размещения декора, а также наличие соответствующих образцов в материалах отдельных памятников, можно выделить несколько основных групп сосудов.

Для сосудов *первой группы* (рис. 55) принцип декорирования керамики – негативный рельеф.

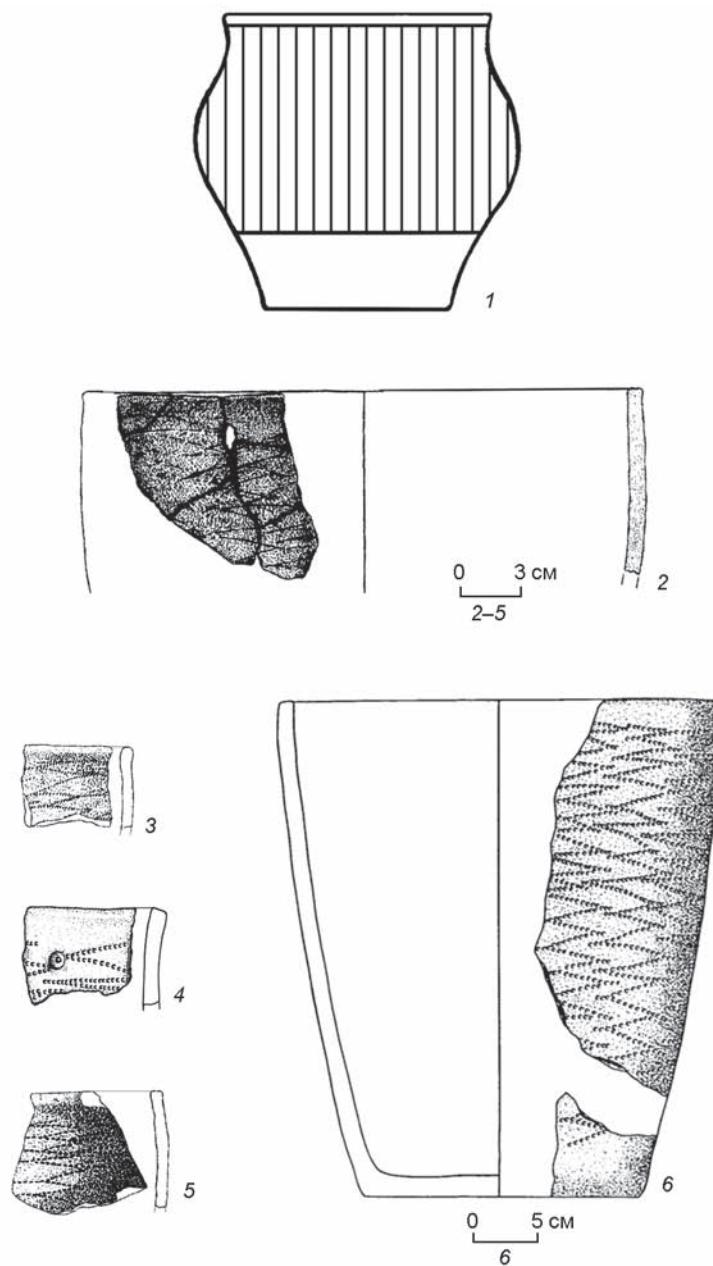

Рис. 55. Схема 1 построения орнаментальной композиции на вознесенской керамике.

1 – модель; 2–5 – фрагменты верхних частей и венчиков сосудов с памятников Дальджа (2), Кольчем-2 (3, 5) и Вознесенское (4); 6 – сосуд (реконструкция) с памятника Вознесенское (по: [Шевкому, 2004, табл. 26, 2; 60, 1, 2]).

Зоны размещения орнамента – горловина, плечики и тулоно сосуда. Венчик и придонная часть оставлены гладкими. В оформлении использован только один технико-декоративный элемент – отпечатки гребенчатого штампа, прямоугольные или квадратные оттиски зубчатого колесика. Единственный орнаментальный мотив – зигзаг – скомпонован в вертикальные пояса, иногда с четко выраженным

ными интервалами между ними, иногда – сплошным полем. Тип композиции по построению – сетка. Сосуды, оформленные по этой орнаментальной схеме, отмечены на памятниках Вознесенское, Кондон-Почта, Кольчем-2 и Дальджа-3.

Во второй группе сосудов (рис. 56) можно выделить две подгруппы. Принцип декорирования сосудов различается: в первой подгруппе – негативный рельеф; во второй подгруппе – сочетание негативного и позитивного рельефов. Зоны размещения орнамента в обеих группах служили горловина, плечики и тулоно сосудов. Венчик и придонная часть оставались гладкими. Изделия первой и второй подгрупп по горловине оформлены прочерченными желобками, округлыми оттисками, прямыми и волнистыми валиками, а по плечикам и тулову – линиями или желобками (первая подгруппа), отпечатками гребенки и зубчатого колесика различной формы (вторая подгруппа). Мотивы изделий первой подгруппы – сочетание прямой или волнистой горизонтальных линий (по горловине), с ломанными линиями, кругами и спиралью (по плечикам и тулову). Мотивы сосудов второй подгруппы – сочетание прямой или волнистой горизонтальных линий, иногда прямых наклонных линий (по горловине) и зигзага (по плечикам и тулову). Для сосудов первой подгруппы типы орнаментальных композиций по построению – бордюр + розетка; для сосудов второй подгруппы – бордюр + сетка. Сосуды с подобными орнаментальными схемами найдены на Вознесенском, Кондон-Почте и Кольчеме-3.

Сосуды третьей группы (рис. 57) тоже разделены на две подгруппы. Сочетание негативного и позитивного рельефа – единый принцип декорирования в обеих подгруппах. Зоны размещения орнамента – горловина, плечики и тулоно сосудов. Венчик и придонная часть не орнаментированы. Изделия обеих подгрупп по горловине оформлены валиками (прямыми и волнистыми), прочерченными желобками, округлыми и овальными оттисками, составленными в горизонтальные линии, а по пле-

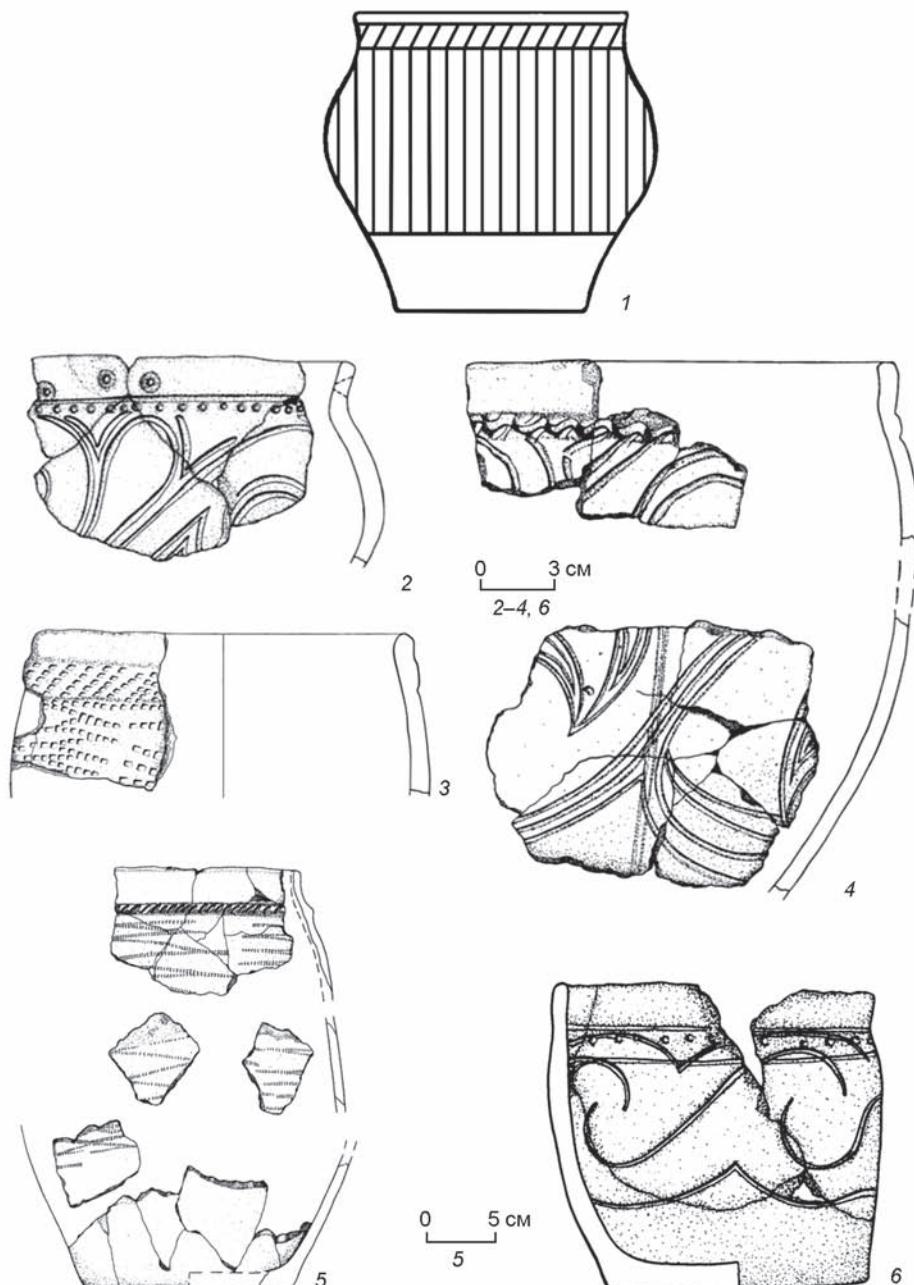

Рис. 56. Схема 2 построения орнаментальной композиции на вознесеновской керамике.

1 – модель; 2, 3 – верхние части керамических изделий с памятников Кондон-Почта и Вознесенское; 4–6 – сосуды (реконструкции) из Сучу.

чикам и тулово – сочетанием отпечатков гребенки или зубчатого колесика, которые компоновались в прямые линии или вертикальный зигзаг, и прорезанных желобков, составленных в мотивы типа меандра и сетки (первая подгруппа), спирали, круга, эллипса, треугольника и прямоугольника (вторая подгруппа). Отметим, что в данной группе изделий прямые линии и зигзаг играют роль фона, а меандр, сетка, спираль, круг, эллипс, тре-

угольник и прямоугольник нанесены поверх фона. Типы построения орнаментальных композиций для сосудов первой подгруппы – бордюр + сетка, а для второй – бордюр + сетка + розетка. Сосуды, оформленные по этим орнаментальным схемам, обнаружены практически на всех памятниках вознесеновской культуры. Именно эти изделия принято связывать с вознесеновским орнаментальным комплексом.

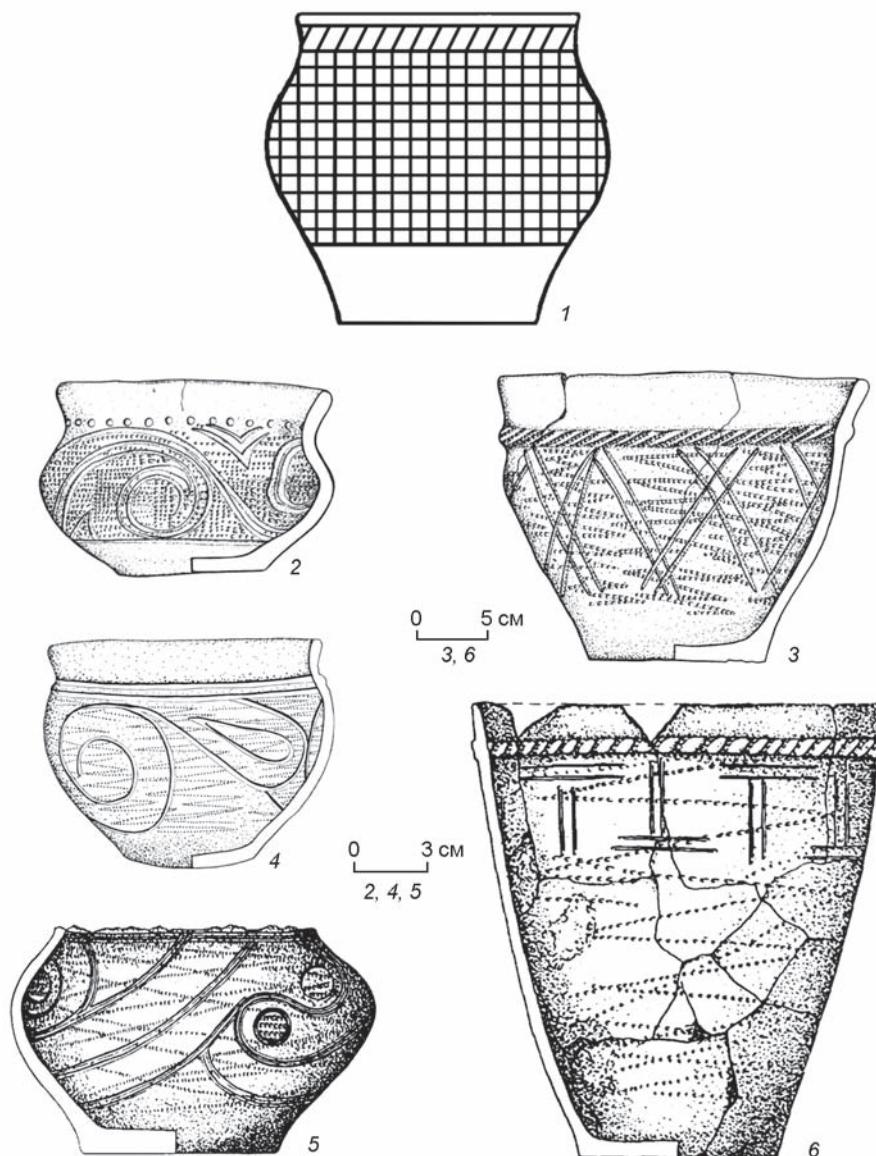

Рис. 57. Схема 3 построения орнаментальной композиции на вознесеновской керамике.

1 – модель; 2–6 – сосуды с памятников Сучу (2, 3, 5, 6) и Кондон-Почта (4) (по: [Окладников, 1984, табл. XXVI, 2]).

Принцип декорирования сосудов *четвертой группы* (рис. 58) – сочетание рельефного (чаще негативного) и плоскостного орнаментов. Зоны размещения декора – венчик, горловина, плечики, туло и придонная часть изделий. Технико-декоративные элементы – оттиски гребенчатого штампа или зубчатого колесика различной формы, круглые оттиски, прочерченные линии, желобки, налепные валики, окрашивание. Мотивы – прямая линия (горизонтальная, наклонная, вертикальная), ломаная линия, меандр, шеврон, лабиринт, треугольник, прямоугольник, круг, спираль, личина и окрашивание. Тип композиционного построения

– бордюр + сетка + розетка. По степени стилизации личин эта группа сосудов может быть разделена на две подгруппы: 1) реалистичные изображения; 2) стилизованные изображения. Подобного типа сосуды выявлены в коллекциях памятников Казакевичево, Гася, Вознесенское, Кондон-Почта, Сучу, Тахта и др.

Сосуды *пятой группы* (рис. 59, 60) делятся на три подгруппы. Сочетание негативного и позитивного рельефов – единый принцип декорирования во всех подгруппах. Зоны размещения орнамента: в первых двух подгруппах (см. рис. 59) – венчик, горловина, плечики и ту-

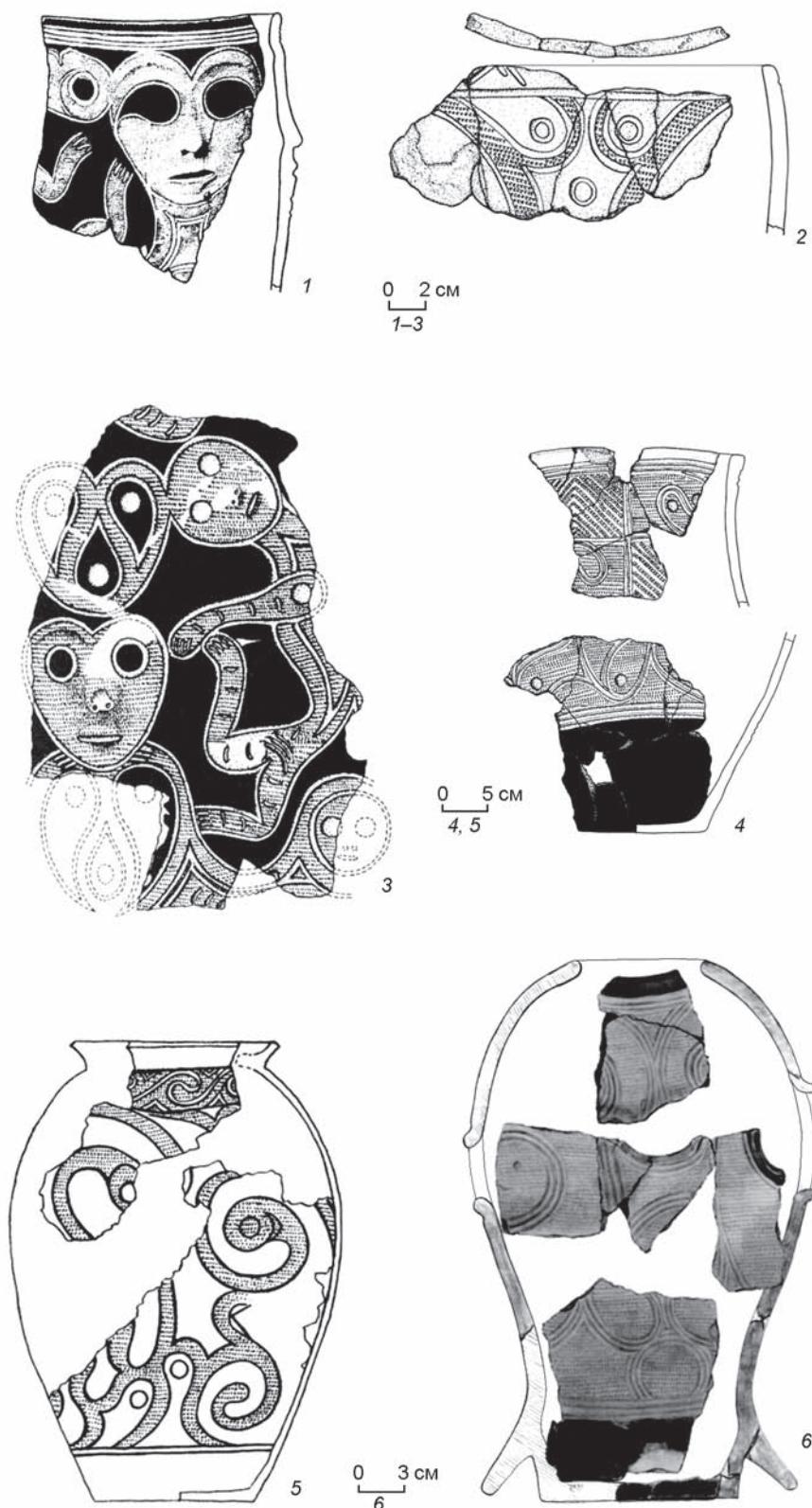

Рис. 58. Схема построения орнаментальной композиции с личинами на вознесеновской керамике с памятников Вознесенское (1, 3), Кондон-Почта (2, 5), Сучу (4) и Тахтинского культового центра (6) (5 – по: [Окладников, 1984, табл. XXXV, 2]).

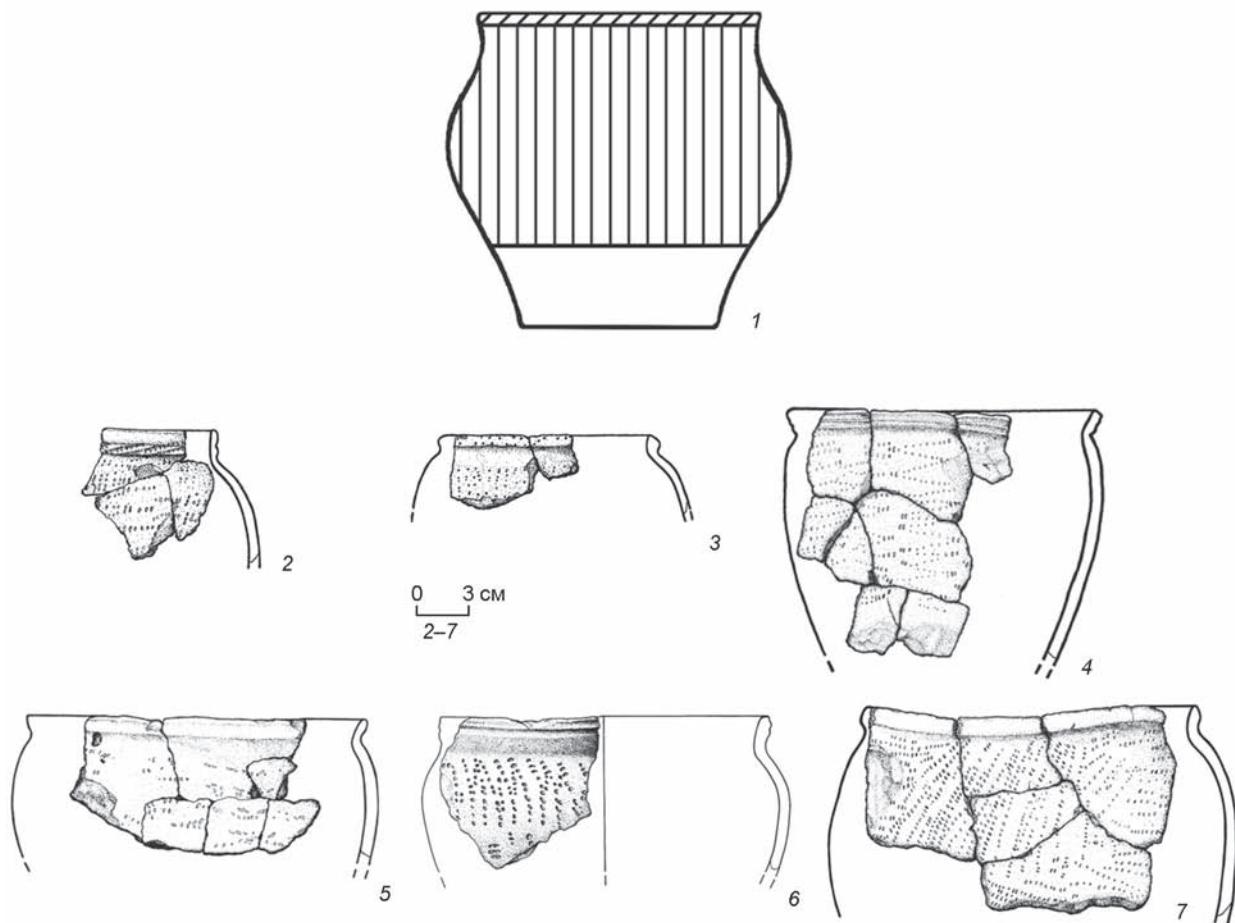

Рис. 59. Схема 5 (подгруппы I и II) построения орнаментальной композиции на вознесеновской керамике.
1 – модель; 2–7 – фрагменты верхних частей сосудов из Сучу.

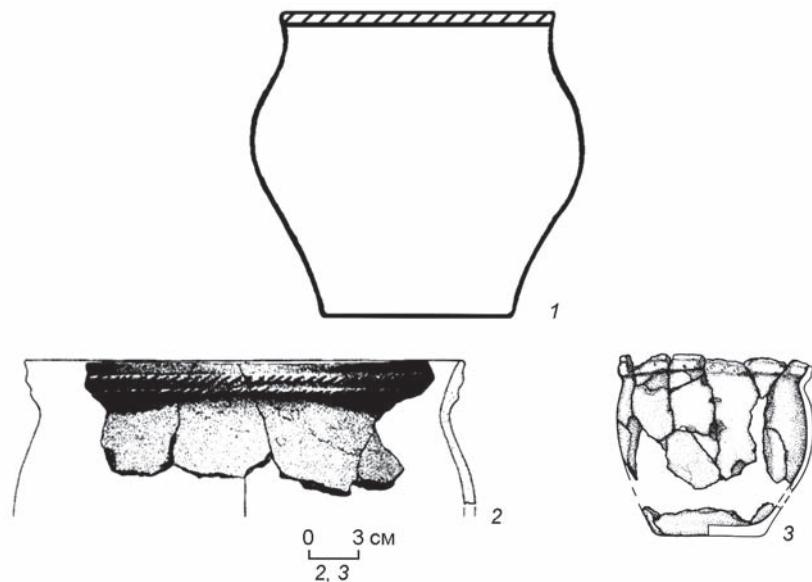

Рис. 60. Схема 5 (подгруппа III) построения орнаментальной композиции на вознесеновской керамике.
1 – модель; 2 – фрагмент верхней части керамического изделия с памятника Старая Какорма; 3 – сосуд (реконструкция) из Сучу
(2 – по: [Шевкомулд, 2004, табл. 33, 2]).

лово сосудов (придонная часть гладкая); в третьей подгруппе (см. рис. 60) – венчик (остальные части не украшались). Изделия всех подгрупп по венчику оформлены прямыми валиками. У образцов первой подгруппы по валику прочерчены желобки и/или нанесены оттиски гребенчатого штампа, второй подгруппы – наколы. Для третьей подгруппы характерны те и другие технико-декоративные элементы. Плечики и тулово сосудов в первых двух подгруппах орнаментированы оттисками гребенчатого штампа (использовалась техника штампования, штампованием + накалывания), реже – линиями. В третьей подгруппе, как уже было отмечено, эти части сосудов гладкие. Мотивы изделий: первой подгруппы – сочетание прямой горизонтальной, прямых наклонных линий и вертикального и/или горизонтального зигзага; второй подгруппы – сочетание прямой горизонтальной линии и вертикального и/или горизонтального зигзага; третьей подгруппы – прямая горизонтальная линия. Типы орнаментальных композиций по построению – бордюр + сетка (первая и вторая подгруппы), бордюр (третья подгруппа). Сосуды, украшенные по этим орнаментальным схемам, найдены на памятниках Малышево-2, Вознесенское, Сучу, Старая Какорма, Кольчем-2 и -3.

Возможно, «переходным» образцом между третьей и пятой группами изделий следует считать сосуд из жилища 3 поселения Кондон-Почта (см.: [Окладников, 1984, табл. XXII, 2]). Сходство с сосудами третьей группы проявляется в оформлении плечиков и туловища данного изделия вертикальным зигзагом (в технике прокатки зубчатого колесика), спиралью, кругами, треугольниками (техника прочерчивания), которые нанесены поверх зигзага. Близость изделиям пятой группы проявляется в декоре венчика, украшенного прямым валиком с прочерченными поверх желобками.

Выделенные нами схемы декорирования вознесеновской керамики позволяют обозначить общие принципы построения орнаментальных композиций. Ведущим в тектонике узора является концентрический принцип (рис. 61, 1). Орнамент располагается единой полосой, охватывающей как основные (туловище), так и второстепенные (венчик, горловина, плечики) зоны размещения. В некоторых случаях тектоника декора строится на основе сетчато-концентрического (рис. 61, 2, 3), радиально-концентрического (рис. 61, 4) и сетчато-радиально-концентрических (рис. 61, 5) принципов. Основные типы пространственного построения – бордюр, сетка, бордюр + сетка, бордюр + розетка, сетка + розетка, бордюр + сетка +

+ розетка. Морфологические признаки (т.е. форма сосудов) не являются определяющими.

Ведущие признаки орнаментального комплекса. Декор вознесеновской керамики основывался на создании рельефных изображений, в которых негативная и позитивная разновидности задействованы практически одинаково. Плоскостные изображения, как правило, сочетаются с рельефным декором. Создавался негативный рельеф главным образом прокатыванием, протаскиванием, штампованием и накалыванием. Позитивный рельеф образован налеплыванием и защищиванием, а плоскостной – окрашиванием.

Ведущие технико-декоративные элементы – оттиски гребенчатого штампа и зубчатого колесика разнообразной формы, линии, желобки, прямые и волнистые валики. Они скомпонованы в «геометрические» (простые и сложные) и «негеометрические» (реалистичные и стилизованные) мотивы. Сложные геометрические мотивы (зигзаг вертикальный и горизонтальный, спираль, меандры), а также личины разной степени стилизации – наиболее характерные составляющие вознесеновского орнаментального комплекса.

Основные типы пространственного построения композиций – бордюр + сетка, бордюр + розетка, сетка + розетка, бордюр + сетка + розетка. Структура декора преимущественно концентрическая, хотя зафиксированы образцы с сетчато-концентрическим и радиально-концентрическим построением.

Хронологические и территориальные группы. Результаты структурного анализа орнамента на керамике не позволяют сгруппировать местонахождения вознесеновской культуры в четко обособленные в территориальном отношении группы. В материалах памятников юго-западной (Шереметьево, Казакевичево, Амурский Санаторий, Малышево-2 и -3), центральной (Вознесенское, Кондон-Почта) и северо-восточной частей нижнего Приамурья (Сучу, Кольчем-2 и -3, Сусанино, Малая Гавань, Тахта, Старая Какорма и др.) найдены изделия, специфические признаки которых имеют, по нашему мнению, хронологическую обусловленность и могут быть отнесены как к развитым, так и к поздним группам.

Так, учитывая типологические характеристики орнамента на керамике и имеющиеся абсолютные даты, как развитые в хронологическом отношении можно обозначить сосуды третьей из выделенных нами групп. Выше указывалось, что подобные образцы обнаружены практически на всех местонахождениях, но основная их масса происходит с поселений Вознесенское и Кондон-Почта. Поздними

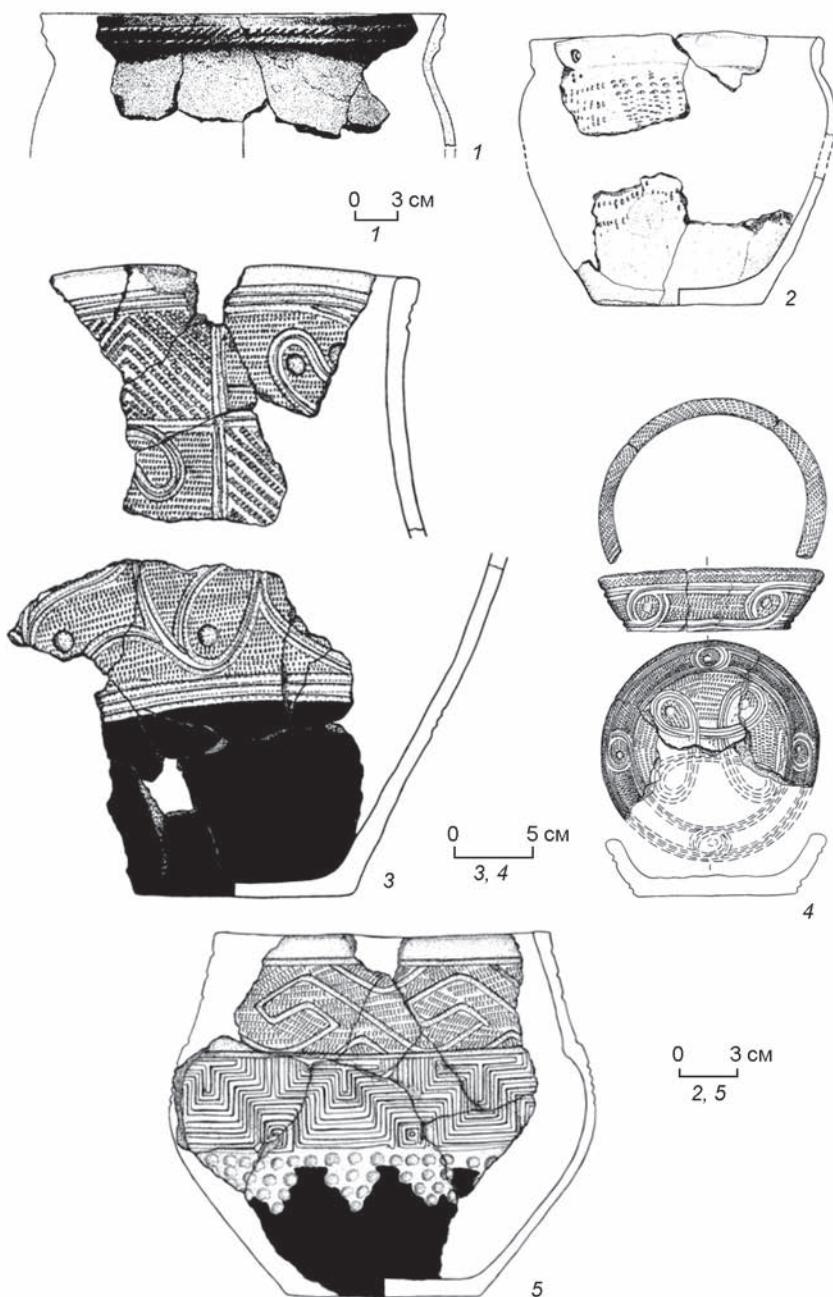

Рис. 61. Вознесеновские сосуды с концентрической (1), сетчато-концентрической (2, 3), радиально-концентрической (4) и сетчато-радиально-концентрической (5) тектоникой композиции орнамента с памятников Старая Какорма (1), Сучу (2–4) и Вознесенское (5).

в хронологическом отношении, на наш взгляд, являются изделия пятой группы. Основная часть образцов происходит с памятников Малышево-2, Сучу (жилища 83, 84), Малая Гавань, Кольчем-2 и -3, Старая Какорма.

Выделение ранней группы орнаментального комплекса керамики вознесеновской культуры проблематично, т.к. анализ основной части кол-

лекций памятников показал наличие уже вполне сложившихся орнаментальных признаков. Как сравнительно архаичные (по декору и, отчасти, формам) можно рассматривать изделия, оформленные исключительно вертикальным зигзагом. Они включены нами в первую группу сосудов. Возможно, именно их следует связывать с ранним этапом развития орнаментики вознесен-

новской культуры. Сосуды первой подгруппы второй группы можно считать переходными от ранней к развитой группам, второй подгруппы второй группы – от развитой к поздней.

Сосуды четвертой группы в хронологическом отношении тоже подразделяются на развитую и позднюю группы. К развитой группе можно отнести реалистичные образцы изделий типа «классических» личин с поселения Вознесенского, выполненные в технике налепа, прорезыва-

ния, штампованием, прокатывания и окрашивания, а к поздней – стилизованные формы, выполненные только прорезыванием. Ранняя группа не выделена.

Из сказанного можно сделать вывод: с учетом имеющихся дат, особенностей хронологических и территориальных групп, специфические черты орнаментального комплекса Вознесеновской культуры обусловлены не внутренней логикой развития, а характером ее формирования.

2.3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сравнительный анализ орнаментальных комплексов рассматриваемых нами нижнеамурских неолитических культур позволил выявить связи между ними, обозначить черты сходства и различия. В совокупности это дало возможность вычленить не только признаки, которые можно опреде-

лить как «культурные», специфические для той или иной культуры, но и те, что следует считать «культурно-стадиальными», т.е. характерными для орнаментики нижнеамурской неолитической керамики в целом.

Способы и принципы декорирования керамики

Рельеф как принцип декорирования поверхности сосудов являлся ведущим для малышевской и Вознесеновской культур, а единственным – для Осиповской, Мариинской и Кондонской культур (рис. 62). Во всех пяти орнаментальных комплексах зафиксирован негативный вариант рельефа (рис. 62, 1–5), в Кондонском – позитивный (рис. 62, 6), а в четырех комплексах из пяти (Осиповском, малышевском, Кондонском и Вознесеновском) – сочетание негативного и позитивного вариантов (рис. 62, 7–10).

Доминирует углубленный рельеф. Так, его доля в Мариинском орнаменте составляет 100 %, в малышевском – 70–100 %, в Кондонском – 50–90 %, в Вознесеновском – 50–90 %. Для его создания применялись различные способы декорирования – штампованием, накалыванием, насеканием, «шаганием», прокатыванием, протаскиванием и прорезыванием. Штампованием было основным способом создания негативного рельефа в Мариинском, малышевском (50–70 %) и Кондонском (70 %) орнаментальных комплексах. В трех культурах (Осиповской, малышевской и Кондонской) отмечено его использование в сочетании с «шаганием» («шагающая гребенка»), в двух (малышевской и Кондонской) – с протаскиванием («протащенная гребенка»). Для Вознесеновского орнамента ведущими были прокатывание и протаскивание (10–20 %), а затем – штампованием (до 10 %). Однако и здесь штампованием, как правило, сочеталось с «шага-

нием» («шагающая гребенка») и накалыванием (т.н. «пунктирно-накольчатая» техника).

Как отмечалось выше, для Осиповского, малышевского, Кондонского и Вознесеновского орнаментальных комплексов обычно применение двух-трех способов декорирования. Для малышевского, Кондонского и Вознесеновского комплексов характерно использование в некоторых случаях большего количества способов нанесения орнамента. И только для Мариинского орнамента типичен лишь один способ декорирования.

Так, для малышевского орнамента типична двух-, трех- и четырехсоставная «рецептура» со значительным числом вариантов (до 20). Зафиксирована также пяти- и шестисоставная «рецептура» декора. Для Кондонской керамики типичны двух- и трехсоставная «рецептура», тоже представленная большим числом вариантов (до 8–10). Четырехсоставная «рецептура» зафиксирована не во всех жилищах поселения Кондон-Почта и насчитывает обычно 2–3 варианта. Пятисоставная «рецептура» единична.

Для создания негативного рельефа Вознесеновской культуры обычно использовали 2 способа декорирования в девяти вариантах. Трех-, четырех- и пятисоставная «рецептура» является сочетанием негативного и позитивного рельефов. Многосоставная «рецептура» здесь не выявлена.

Негативным рельефом оформлялись все основные зоны размещения декора. В Мариинской,

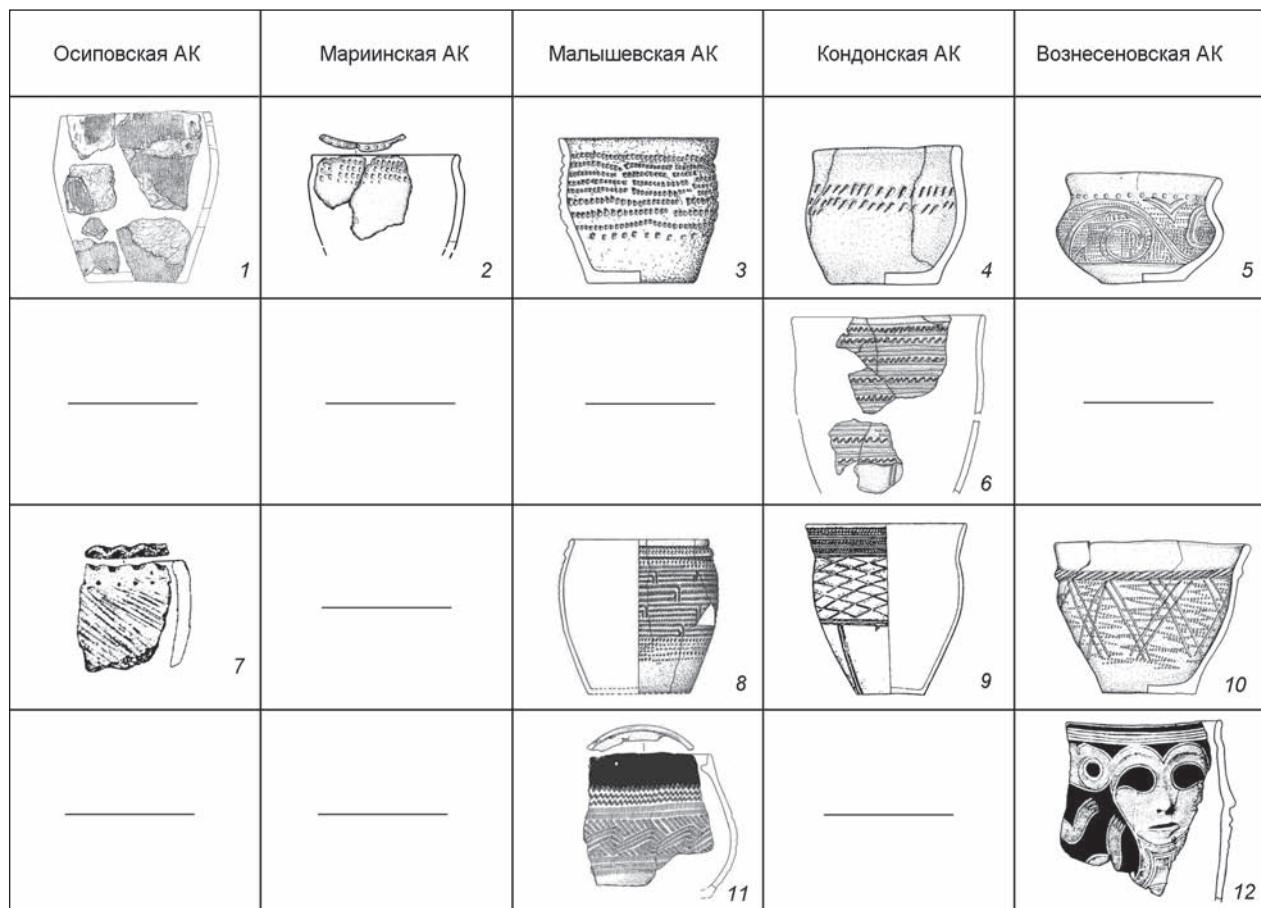

Рис. 62. Нижнеамурская неолитическая керамика, оформленная негативным (1–5) и позитивным (6) рельефами, их сочетанием (7–10), а также комбинированным рельефным и плоскостным орнаментом (11, 12).

1, 8 – Гася; 2, 3, 5, 10, 11 – Сучу; 4, 6, 9 – Кондон-Почта; 7 – Харпичан-4; 12 – Вознесенское.

малышевской и кондонской орнаментике основная роль отводилась штампованию, которое было ведущим способом декорирования основных зон орнаментации. Для нанесения вознесеновского орнамента использовались прокатывание, протаскивание и штамповение.

Доля позитивного рельефа в орнаменте осиповской культуры составляет в среднем 2–3 %, малышевской – 20 %, кондонской – в среднем 2–5 %, вознесеновской – около 10–15 %. На осиповской, малышевской, кондонской и вознесеновской керамике рельеф с выпуклым изображением получали налеплением и зашипыванием. Основной способ декорирования – налепливание, использовавшееся в односоставной и многосоставной «рецептурах». Единственный вариант двусоставной «рецептуры» нанесения выпуклого рельефа в малышевском, кондонском и вознесеновском орнаментальных комплексах – налепливание + зашипывание. Многосоставная «рецептура» орнамента вознесеновской культуры

представлена сочетанием негативного и позитивного рельефов.

В малышевском и вознесеновском орнаментальных комплексах позитивный рельеф использовался в основном для оформления венчиков. Для керамики обеих этих культур типична орнаментация внешнего бортика венчика, реже – внутреннего бортика (т.н. «карниз»). Отметим, что декорирование внешнего бортика венчика в малышевской культуре характерно для средней и поздней групп, а в вознесеновской культуре – для поздней группы. Значительно меньше образцов, где выпуклое изображение задействовано и в декоре туловы.

В кондонском орнаментальном комплексе оформление венчика позитивным рельефом получило специфический характер в т.н. сосудах с «зашипами». Как уже отмечалось, выпуклым рельефом украшены кондонские изделия, условно обозначенными нами как «сосуды с валиками». В осиповском орнаменте валики располагались

пояском в верхней части сосуда [Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 185].

Плоскостной декор (как правило, в сочетании с рельефным) представлен только в материалах малышевской и вознесеновской культур (рис. 62, 11, 12). В осиповском, марииинском и кондонском орнаментах он отсутствует. Его доля в малышевском декоре составляет 15–30 %, а в вознесеновском – 10–20 %. Для малышевской и вознесеновской керамики типично окрашивание поверхности изделий. В малышевском комплексе окрашенные сосуды имеют преимущественно шаровидно-сферическую форму, в вознесеновском – ситулоообразную. Использовалась краска красного цвета и его оттенков (красно-малинового, темно-малинового). Красили верхнюю и/или нижнюю части сосудов, реже – изделие целиком. Образцы с изображениями, выполненные краской в технике росписи, есть только в материалах малышевской культуры. Не вызывает сомнения, что окрашенные изделия в основном служили ритуальной посудой. Памятники малышевской и вознесеновской культур, где найдена крашеная керамика, связаны культовыми центрами у сел Сакачи-Алян, Вознесенское, Калиновка, Тахта и на о-ве Сучу, что в целом определяет

идейно-семантическую нагрузку подобных изделий [Медведев, 2005б, с. 61, 68].

Таким образом, для малышевской и вознесеновской культур характерны как рельефный, так и плоскостной принципы декорирования керамики, но при доминировании первого. Для орнамента осиповской, марииинской и кондонской культур рельефные изображения – единственный принцип декорирования поверхности сосудов. В четырех культурах (осиповской, малышевской, кондонской и вознесеновской) рельефный декор представлен негативной (доминирует) и позитивной разновидностями. В марииинском орнаментальном комплексе отмечена только негативная разновидность рельефа.

Использование рельефного орнамента в качестве ведущего принципа декорирования и доминирование его негативной разновидности можно рассматривать как культурно-стадиальный признак орнаментики неолита нижнего Амура. Наличие крашеной керамики в малышевском и вознесеновском орнаментальных комплексах и его отсутствие в осиповском, марииинском и кондонском комплексах, по всей видимости, является культурным признаком, свидетельствующим о возможных связях между носителями малышевской и вознесеновской культур.

Технико-декоративные элементы

Выделенные нами по формальным признакам группы элементов – простые/сложные, разомкнутые/замкнутые, прямолинейные/криволинейные – характерны для орнамента всех нижнеамурских культур (рис. 63).

В орнаменте осиповской, марииинской, малышевской, кондонской и вознесеновской керамики к простым разомкнутым прямолинейным элементам негативного рельефа отнесены желобки (рис. 63, 1–5), а позитивного – прямые валики (рис. 63, 15–18).

Доля желобков в разных орнаментальных комплексах варьирует: марииинский – 0,9 %, малышевский – 1 %, кондонский – 2 %, вознесеновский – 20 %, осиповский – 80 %. Доля валиков на сосудах: кондонских – 1–5 %, вознесеновских – 10–20 %, малышевских – 20–30 %. Для орнамента типичны желобки со следующими характеристиками: осиповские и марииинские – узкие (0,1–0,2 см), средней глубины (0,2 см); малышевские и кондонские – средней ширины (0,3–0,4 см) и глубины (0,2 см); вознесеновские – широкие (до 0,6 см), средней глубины (0,2 см).

В орнаменте малышевской, кондонской и вознесеновской культур зафиксированы валики

с округлым, подтреугольным (приостренным), подпрямоугольным и подтрапециевидным в сечении контуром, а в осиповском декоре – только с подтреугольным (приостренным) контуром. Высота рельефа валиков на керамике: осиповской – низкая (0,3 см), малышевской – средняя (0,5–0,7 см), кондонской – низкая (0,2–0,3 см) и средняя (0,5–0,7 см). На осиповских сосудах отмечены узкие и средние валики (от 0,3 до 0,4–0,5 см), на малышевской и кондонской – узкие, средние и широкие (от 0,2–0,3 до 0,8–1,0 см). В вознесеновском орнаменте прослеживается зависимость между сечением контура и шириной валиков: прямоугольные и трапециевидные валики, как правило, широкие (до 2 см), а округлые и треугольные – сравнительно узкие (до 0,5 см). Высота рельефа в большинстве случаев средняя (0,6–0,8 см).

Простые разомкнутые криволинейные элементы негативного рельефа малышевской керамики – дугообразные и угольчатые отиски, а кондонской и вознесеновской – дугообразные отиски. Их доля в комплексах составила: в вознесеновский – 1 %, кондонский – 10 %, малышевский – 20–30 %. Для малышевского орнамента характерны как небольшие, так и крупные (от 0,2–0,3 до 0,8–1,0 см)

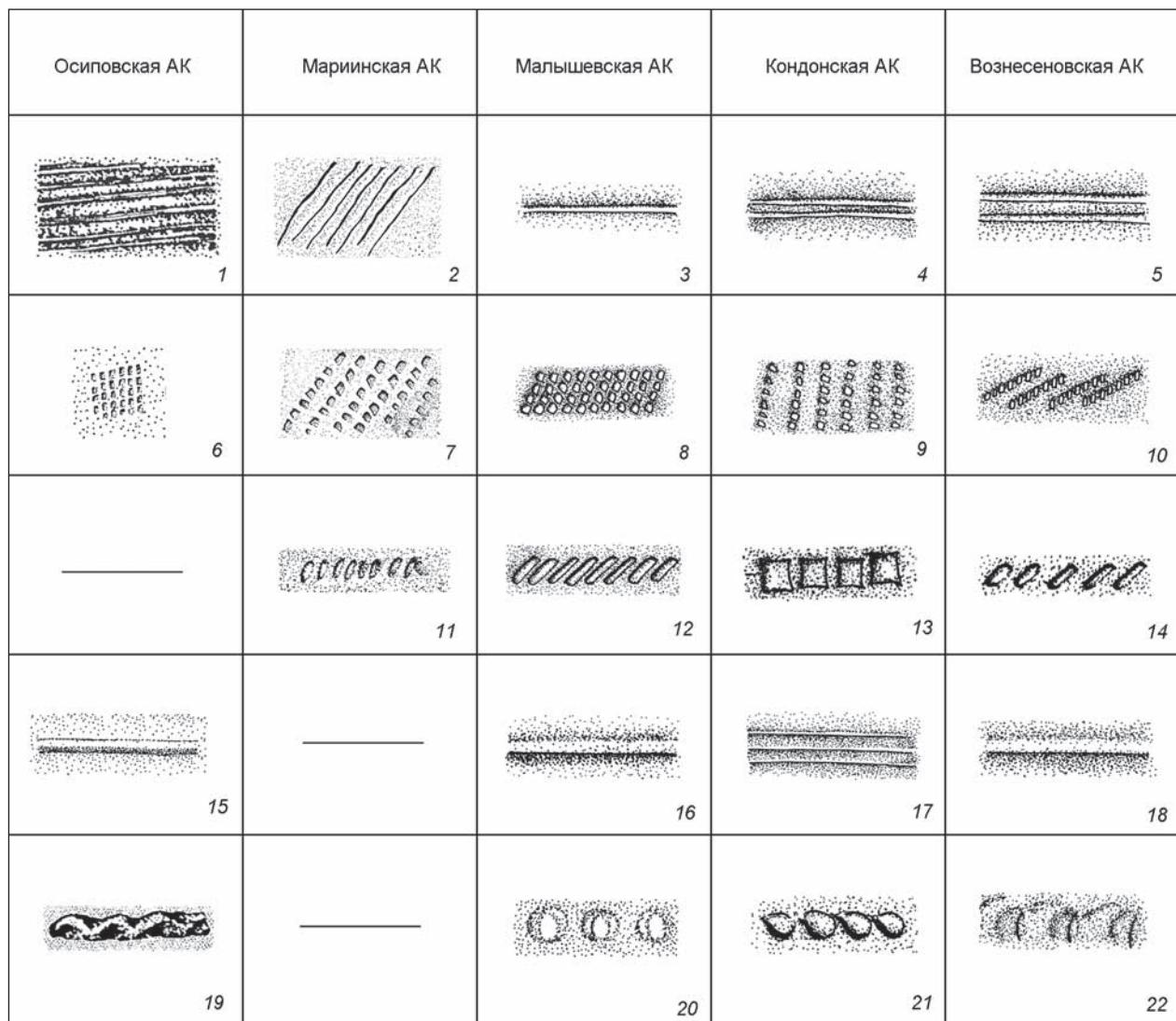

Рис. 63. Технико-декоративные элементы на нижнеамурской неолитической керамике.

1–5 – прочерченные желобки; 6–10 – отпечатки гребенчатого штампа; 11–14 – оттиски: прямоугольные (11, 12, 14) и квадратные (13); 15–18 – прямые налепные валики; 19–22 – защипы.

оттиски, а для кондонского – средних размеров (0,5–0,6 см). В обоих случаях типична средняя глубина отпечатка (0,2 см). На вознесеновской керамике представлены в основном средние и крупные (до 1,5 см) отпечатки незначительной глубины (0,1 см).

В орнаменте всех пяти названных культур сложные замкнутые прямолинейные элементы включают отпечатки гребенчатого штампа (рис. 63, 6–10). В марининском, малышевском, кондонском и вознесеновском комплексах есть также керамика с прямоугольными оттисками (рис. 63, 11–14), в осиповском, малышевском и кондонском – с ромбовидными, в малышевском и вознесеновском – с квадратными и фигурными.

Для марининского, малышевского и кондонского орнаментальных комплексов в этой группе ведущими являются отпечатки гребенчатого штампа (20–30 %). Для марининского орнамента типичны вдавления двух-, трех- и четырехзубчатой гребенки: оттиски мелкие (0,2–0,3 см), различной формы и средней глубины (0,1–0,2 см). Есть образцы с отпечатками пяти-, шести- и семизубчатого гребенчатого штампа. Единичны орнаменты с оттисками многозубчатой гребенки (8–12 «зубцов»). Для малышевского декора характерны вдавления двух-, трех- и четырехзубчатого гребенчатого штампа: оттиски различной формы, средних размеров (0,3–0,4 см) и средней глубины (0,1–0,2 см). Как правило, они четко пропечатаны. Многозуб-

чные оттиски гребенчатого штампа встречаются, но они не столь характерны.

Для кондонской керамики, как и для мариинской, типично разнообразие количества «зубцов» гребенчатого штампа: от двух-трех до семи-восьми и десяти-двенадцати. Форма «зубцов» в основном прямоугольная или квадратная, размеры и глубина оттисков небольшие. Манера штампований кондонской керамики небрежная. Отметим следующую особенность малышевского и кондонского декора: в отдельных образцах оттиски «зубцов» «раздаиваются», образуя своеобразный вариант этого элемента.

Из прочих элементов декора значимыми по комплексам являются: малышевский – прямоугольные и фигурные оттиски средних размеров (0,2–0,4 см) и глубины (0,1 см), полученные прокаткой зубчатого колесика; кондонский – треугольные и ромбовидные оттиски среднего и крупного размера (0,3–1,5 см) и средней глубины (0,1–0,2 см).

В вознесеновском орнаменте среди сложных замкнутых прямолинейных элементов доминируют квадратные, прямоугольные и фигурные оттиски, полученные прокаткой зубчатого колесика (около 60%), а также отпечатки гребенчатого штампа (30–50%). Для гребенки наиболее типичны оттиски с количеством «зубцов» от трех-четырех до двенадцати и более, квадратной формы, мелких и средних размеров (0,2–0,4 см), со средней глубиной отпечатка (0,2 см).

Сложные разомкнутые криволинейные элементы в осиповском, малышевском, кондонском и вознесеновском орнаментальных комплексах представлены «зашипами» (рис. 63, 19–22), а в малышевском, кондонском и вознесеновском – волнистыми валиками. Сложные замкнутые криволинейные элементы – круглые и овальные оттиски – есть в декоре осиповского, малышевского, кондонского и вознесеновского комплексов. Их доля в малышевых, кондонских и вознесеновских материалах варьирует от 10 до 30%, а в осиповских – до 1%. Для малышевской и кондонской керамики типичны оттиски средних размеров (0,2–0,4 см) и глубины (0,2 см), а для вознесеновской – средние и крупные (до 1,0–1,5 см), глубиной до 0,2–0,3 см. Отметим также наличие в осиповском и малышевском комплексах такого сложного замкнутого криволинейного элемента, как округлые отверстия.

В орнаменте на осиповской, малышевской, кондонской и вознесеновской керамике отмечены технико-декоративные элементы, образованные сочетанием негативного и позитивного рельефов.

К таковым относятся т.н. «ногтевые» и «пальцевые» оттиски. Их доля среди технико-декоративных элементов сравнительно невелика – от 1 до 15%. Варьируют они в основном по величине оттиска: средние (0,6–0,7 см) и крупные (1,0–1,2 см). В орнаменте на мариинской керамике эти элементы не зафиксированы.

Тип технико-декоративного элемента, условно обозначенный нами как «окрашивание», выявлен в декоре малышевского (до 10%) и вознесеновского (до 30%) комплексов. На осиповской, мариинской и кондонской керамике он отсутствует.

Таким образом, для всех орнаментальных комплексов характерно использование элементов простого и сложного строения, разомкнутых и замкнутых форм, прямолинейных и криволинейных очертаний. Доминирование в декоре мариинской, малышевской и кондонской керамике и наличие в осиповском и вознесеновском орнаменте оттисков гребенчатого штампа является *культурно-стадиальным признаком*. Характер же отпечатков «гребенки» на осиповской, мариинской, малышевской, кондонской и вознесеновской керамике, а также наличие треугольных и ромбовидных оттисков в малышевском и кондонском орнаменте, техники прокатывания зубчатым колесиком и окрашивания в малышевском и вознесеновском комплексах следует рассматривать как *культурные признаки*.

В целом, технологические и декоративные признаки элементов указывают на определенную взаимосвязь между осиповской и малышевской, мариинской и кондонской, малышевской и кондонской, кондонской и вознесеновской, малышевской и вознесеновской культурами.

Использование только одного элемента для построения композиции декора нетипично для орнаментальных комплексов низнеамурских культур. Нами прослежена следующая закономерность: если для малышевской керамики отмечены многочисленные варианты сочетания разнообразных технико-декоративных элементов, то для мариинской и кондонской – масса комбинаций однообразных элементов, а для осиповской и вознесеновской – сравнительно мало образцов однообразных элементов.

Выявленные тенденции подтверждает характер взаимосвязи элементов и зон размещения декора. О «стандартных рецептах» применения технико-декоративных элементов в оформлении основных зон размещения орнамента можно говорить для осиповской (желобки – тулово, гребенчатый штамп – верхняя плоскость венчика, сквозные отверстия – внешний бортик венчика)

и мариинской керамики (гребенчатый штамп – верхняя плоскость венчика, горловина и плечики). Это, скорее, является показателем их архаичности. Для малышевской керамики о таких «стандартных рецептах» в оформлении тулова как основной зоны размещения декора говорить довольно сложно.

В кондонском (отчасти) и вознесеновском (в большей степени) комплексах в распределении технико-декоративных элементов по зонам сложились своего рода «стандартные рецепты». Связано это не с культурными различиями, а, скорее всего, с уровнем развития гончарства, поэтому может быть обозначено как стадиальный признак.

Орнаментальные мотивы

Следующая структурная единица – орнаментальные мотивы. Они разделены нами на «геометрические» и «негеометрические». Первая группа отмечена для всех пяти орнаментальных комплексов (рис. 64), вторая – только для малышевского и вознесеновского.

«Геометрические» мотивы делятся на простые и сложные, разомкнутые и замкнутые, прямолинейные и криволинейные.

В орнаменте всех рассматриваемых нами культур среди простых разомкнутых прямолинейных мотивов есть прямая горизонтальная (рис. 64, 1–5)

Осиповская АК	Мариинская АК	Малышевская АК	Кондонская АК	Вознесеновская АК
1	2	3	4	5
6	7	8	9	10
11	12	13	14	14
15	16	17	18	19
20	21	22	23	24

Рис. 64. Орнаментальные мотивы на нижнеамурской неолитической керамике.

1–10 – прямая линия: горизонтальная (1–5) и наклонная (6–10); 11–14 – угол; 15–24 – зигзаги: горизонтальный (15–19) и вертикальный (20–24).

и наклонная (рис. 64, 6–10) линии. В марииинском, малышевском, кондонском и вознесеновском орнаментах к простым разомкнутым криволинейным мотивам отнесена изогнутая линия – угол (рис. 64, 11–14).

Сложные разомкнутые прямолинейные мотивы в декоре осиповской и марииинской керамики представлены зигзагом, малышевской – меандром, зигзагом, сеткой и «каннелюрами», кондонской – сеткой, зигзагом и «каннелюрами», вознесеновской – зигзагом, меандром, сеткой и «каннелюрами». Мотивы сложные замкнутые прямолинейные в орнаменте малышевской керамики включают треугольник, прямоугольник и ромб, кондонской – треугольник, вознесеновской – треугольник и прямоугольник. Сложные разомкнутые криволинейные мотивы в осиповском орнаменте – волнистая линия, в малышевском – волнистая линия, спираль и волюта, в кондонском – волнистая линия и завиток (единично), в вознесеновской – спираль. Мотивы сложные замкнутые криволинейные в малышевской и вознесеновской орнаментике – круг и эллипс. Таким образом, в орнаменте на керамике пяти нижнеамурских неолитических культур из сложных прямолинейных мотивов наличествуют горизонтальный (рис. 64, 15–19) и вертикальный (рис. 64, 20–24) зигзаги.

Самым распространенным простым мотивом для всех пяти неолитических культур нижнего Приамурья стало повторение элементов вдоль прямой линии. Среди сложных мотивов малышевской орнаментики – волнистая линия и меандр, кондонской – сетка-«плетенка» («амурская плетенка»),

вознесеновской – волнистая линия, зигзаг и спираль. Для орнаментальных комплексов всех названных культур типичны простые по построению мотивы прямолинейных форм. Для малышевской, кондонской и вознесеновской культур характерны сложные по строению мотивы прямолинейных и криволинейных форм.

«Негеометрические» изображения – личины – встречены только на малышевской и вознесеновской керамике. В малышевском орнаменте они носят ярко выраженный стилизованный характер, хотя есть и реалистическое изображение. В вознесеновском декоре представлены как сравнительно реалистичные, так и стилизованные формы.

Итак, в орнаменте всех пяти перечисленных культур есть сходные по формальным признакам мотивы-инварианты – прямая линия, горизонтальный и вертикальный зигзаги. Кроме того, в осиповской, малышевской и кондонской орнаментике к таковым относится сетка-«плетенка» («амурская плетенка»), в малышевской и вознесеновской – меандр и личины. Все это указывает на вероятные связи между носителями культур.

В целом для осиповского, малышевского и кондонского орнаментов характерно качественное многообразие при сравнительно небольшом количестве единиц (мотивов). В вознесеновской керамике мотивы тоже отличаются качественным многообразием, но им в значительной мере присуща «образность», «сюжетность». На их фоне марииинский орнаментальный комплекс выглядит несколько «обедненным».

Орнаментальные композиции

В коллекциях пяти рассматриваемых культур есть реконструируемые сосуды, что позволило дать общую характеристику композициям, а также выделить основные варианты орнаментальных схем.

Как уже отмечалось выше, для осиповского, марииинского, малышевского и кондонского декора основные средства выражения формальных признаков в композиции – метр и ритм. Единими для всех культур являются выделенные нами метрическая (горизонтальные пояса) и ритмическая (членение равных элементов через равные интервалы) группы. Для осиповской, малышевской и кондонской керамики справедливо говорить о еще двух группах метрического порядка – сетке и сплошном поле. Для вознесеновской керамики

метрические и ритмические порядки характерны только для простых и сложных прямолинейных мотивов, но более типична «сюжетность» композиции. На наш взгляд, это можно рассматривать как культурные признаки.

Общие принципы построения орнаментальных композиций в неолите региона следующие. Структура декора во всех культурах по преимуществу концентрическая (рис. 65, 1–5), гораздо реже – сетчато-концентрическая (рис. 65, 6–10). В марииинском, малышевском, кондонском и вознесеновском орнаментальных комплексах есть образцы с радиально-концентрической тектоникой (рис. 65, 11–14), а в малышевском, кондонском и вознесеновском – еще и с сетчато-радиально-концентрической (рис. 65, 15–17).

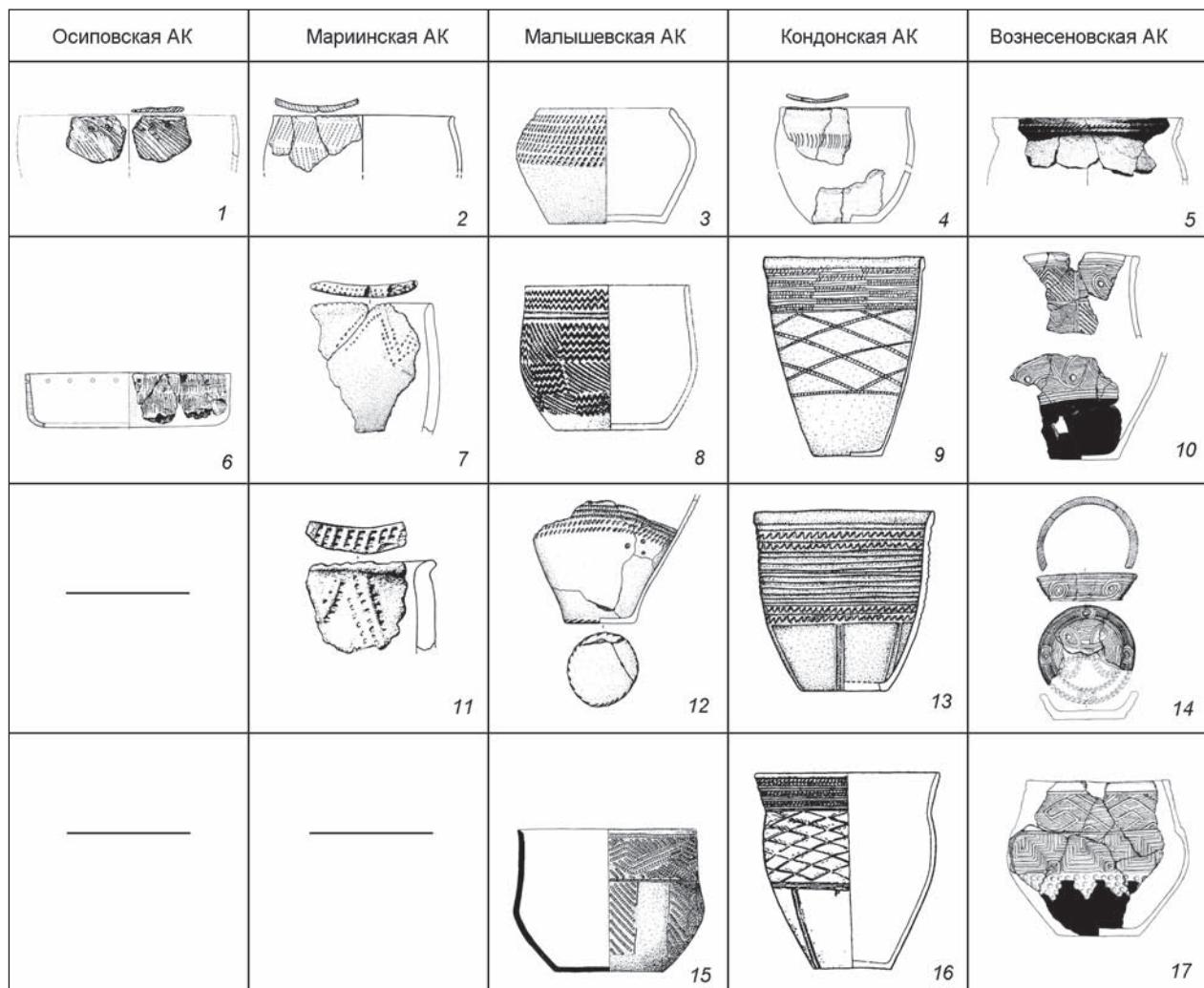

Рис. 65. Образцы построения концентрической (1–5), сетчато-концентрической (6–10), радиально-концентрической (11–14) и сетчато-радиально-концентрической (15–17) тектоники орнаментальных композиций на нижнеамурской неолитической керамике.

1, 15 – Гася; 2, 3, 7, 8, 10–12, 14 – Сучу; 4, 9, 13, 16 – Кондон-Почта; 5 – Старая Какорма; 6 – Гончарка-1; 17 – Вознесенское.

Наличие концентрической структуры орнамента во всех пяти культурах можно рассматривать как стадиальный признак, сетчато-концентрической и радиально-концентрической – как культурно-стадиальный, а сетчато-радиально-концентрической – как культурный.

Типы пространственного построения композиции в орнаменте: все пять культур – бордюр (рис. 65, 1–5) и бордюр + сетка (рис. 65, 6–10); маринская, малышевская, кондонская и вознесеновская культуры – бордюр + розетка (рис. 65, 11–14); малышевская, кондонская и вознесеновская культуры – бордюр + сетка + розетка (рис. 65, 15–17). Морфологические характеристики сосудов в построении орнаментальных композиций не являются решающими. Все это можно определить как культурно-стадиальные признаки.

Можно констатировать, что в орнаментальных комплексах исследуемых неолитических культур на уровне технико-декоративных элементов, мотивов и композиций выделяется ряд сходных признаков, обозначенных нами как «культурно-стадиальные» (характерные для орнаментики нижнеамурской неолитической керамики в целом) и «культурные» (специфические для той или иной культуры).

В орнаментах всех пяти культур на уровне низшей структурной единицы сходный признак – использование в качестве ведущего технико-декоративного элемента оттисков гребенчатого штампа. На уровне средней структурной единицы сходство выражено: 1) присутствием простого прямолинейного разомкнутого мотива – горизонтальной линии; 2) наличием сложного прямолинейного

разомкнутого мотива – горизонтального и вертикального зигзагов. На уровне высшей структурной единицы на сходство указывают: 1) концентрическая структура орнамента; 2) наличие бордюра как типа пространственного построения.

Таким образом, сходные культурно-стадиальные признаки в орнаментике изучаемых культур фиксируются на всех уровнях структуры орнамента. Это свидетельствует о возможных прямых и/или опосредованных контактах между носителями осиповской и малышевской, мариинской и кондонской, малышевской и кондонской, малышевской и Вознесеновской, кондонской и Вознесеновской культур на разных этапах их существования.

В декоре осиповской и малышевской керамики на уровне низшей структурной единицы признак сходства – сквозные окружные отверстия на внешнем бортике венчика. На уровне средней структурной единицы о близости говорят: 1) наличие сходных групп метрических и ритмических порядков; 2) присутствие сложных прямолинейных разомкнутых мотивов – горизонтальной волнистой линии и сетки-«плетенки» («амурская плетенка»). На уровне высшей структурной единицы сходство выражено в размещении сквозных окружных отверстий на внешнем бортике венчика. Таким образом, черты сходства в культурных признаках орнамента осиповской и малышевской керамики наличествуют на всех уровнях структуры декора, что говорит о возможных прямых и/или опосредованных контактах, скорее всего, на ранних (для малышевской) и поздних (для осиповской) стадиях развития орнаментальных комплексов.

В орнаментике мариинской и кондонской керамики на уровнях низшей и средней структурной единиц признаки сходства не зафиксированы. На уровне высшей структурной единицы признаком сходства следует считать «стандартный рецепт» оформления верхней плоскости, внешнего и внутреннего бортиков венчика и горловины сосудов оттисками гребенчатого штампа. Итак, сходство культурных признаков орнамента мариинской и кондонской керамики выражено лишь на высшем уровне структуры декора, что говорит о возможных прямых и/или опосредованных контактах, скорее всего, на поздних (для мариинской) и ранних (для кондонской) стадиях развития орнаментальных комплексов.

В декоре малышевской и кондонской керамики на уровне низшей структурной единицы сходный признак – наличие треугольных и ромбовидных оттисков. На уровне средней структурной единицы таковыми можно считать: 1) наличие

сходных групп метрических и ритмических порядков; 2) присутствие сложных прямолинейных разомкнутых мотивов – горизонтальной волнистой линии и сетки-«плетенки» («амурская плетенка»). Сходные культурные признаки на уровне высшей структурной единицы не зафиксированы. Таким образом, черты сходства в культурных признаках орнамента малышевской и кондонской керамики наличествуют только на низшем и среднем уровнях структуры декора. Это говорит о возможных прямых и/или опосредованных контактах, скорее всего, на ранних и, возможно, средних стадиях развития орнаментальных комплексов.

В орнаментике малышевской и Вознесеновской керамики на уровне низшей структурной единицы сходные признаки следующие: 1) использование в качестве ведущих технико-декоративных элементов прямоугольных и фигурных оттисков, выполненных зубчатым колесиком; 2) окрашивание красной краской различных частей сосудов; 3) использование прямых (в т.ч. в виде «карниза» на внутреннем бортике) и волнистых валиков в оформлении венчиков сосудов. На уровне средней структурной единицы орнамента таковыми можно считать: 1) наличие сложных прямолинейных/криволинейных разомкнутых/замкнутых геометрических мотивов – меандра и связанных с ним формальными признаками лабиринта, шеврона и т.п., а также спирали и связанные с ней формальными признаками круга, эллипса и т.п.; 2) присутствие «негеометрических» мотивов – личин. На уровне высшей структурной единицы сходные культурные признаки не выявлены. Таким образом, сходные культурные признаки декора малышевской и Вознесеновской керамики фиксируются на низшем и среднем уровнях структуры орнамента. Это может свидетельствовать о прямых и/или опосредованных контактах на поздней (для малышевской культуры) и ранней (для Вознесеновской культуры) стадиях формирования орнаментальных комплексов.

В орнаментальных комплексах осиповской и кондонской, мариинской и малышевской, кондонской и Вознесеновской керамики на уровне всех трех структурных единиц сходные культурные признаки, кроме общестадиальных, не выявлены.

Итак, сравнительный анализ орнаментики нижнеамурских неолитических культур показал значительное сходство декора мариинского и кондонского, малышевского и Вознесеновского комплексов, меньшее – осиповского и малышевского, малышевского и кондонского орнаментов, минимальное – мариинской и малышевской, кондонской и Вознесеновской керамики.

Хронологические и территориальные группы

На основе структурного анализа пяти рассматриваемых орнаментальных комплексов нижнеамурских неолитических культур в четырех из них – осиповской, малышевской, кондонской и вознесеновской – в хронологическом отношении нами выделены ранняя, средняя и поздняя группы.

Кроме того, основные местонахождения малышевской и вознесеновской культур по территориальному признаку разделены на следующие группы: юго-западная – Шереметьево, Бычиха, Амурский Санаторий и Малышево; центральная – Гася, Иннокентьевка, Вознесенское и Кондон-Почта; северо-восточная – Калиновка, Сучу, Кольчем-2 и -3, Сусанино, Малая Гавань и Тахта.

Результаты сравнительного анализа орнаментальных комплексов неолита исследуемого региона позволили установить вероятные связи между носителями культур. Учитывая имеющиеся в нашем распоряжении материалы, с большой степенью определенности можно говорить о центральной части нижнего Приамурья как возможной контактной зоне на среднем этапе существования названных культур. В коллекциях керамики с поселений Гася и Вознесенское есть образцы, в орнаменте которых прослеживаются малышевские и кондонские признаки. В материалах Иннокентьевки (пункты I и II) и Кондон-Почты есть керамика обеих культур, что указывает на возможность контактов.

Однако специфика источниковой базы кондонской культуры не позволяет с большей степенью точности обозначить памятники юго-западной и северо-восточной частей нижнего Приамурья, которые могли быть местом встречи носителей указанных культур. Возможно, для юго-западной части таковыми были поселения Шереметьево, Казакевичево, Бычиха, Амурский Санаторий и Малышево. Здесь найдены фрагменты с характерной для архаичной малышевской и ранней кондонской керамики орнаментикой (см.: [Шевкомуд, 2003, с. 215, рис. 1; 2004, с. 130, табл. 99]).

В северо-восточной части (Гырман), судя по опубликованным данным (см.: [Шевкомуд, 2003, с. 216, рис. 2; 2004, с. 132, табл. 110]), обнаружена малышевская и кондонская керамика средней

и поздних групп (возможно, со смешанной орнаментикой). Подобные образцы есть в материалах с поселения Сучу (жилища 26 и 27).

Вероятной контактной зоной на среднем и позднем этапах развития малышевской и раннем (?) и среднем этапах вознесеновской культур стала центральная часть нижнего Приамурья. На памятниках Гася, Вознесенское и Кондон-Почта найдена керамика со всеми характерными для обоих орнаментальных комплексов признаками (указаны выше). Возможно, зоной контакта на этих этапах и позднее была также и северо-восточная часть амурского ареала. На памятниках Сучу, Малая Гавань, Дальджа-3 и Кольчем-3 отмечена подобная керамика.

С учетом имеющихся материалов, со всей определенностью можно говорить о центральной части нижнего Приамурья как контактной зоне носителей кондонской и вознесеновской культур. В коллекции с поселения Кондон-Почта представлена керамика, указывающая на возможность таких контактов. Можно предположить, что для юго-западной части нижнего Приамурья зоной контакта было поселение Малышево-2, а для северо-восточной части – поселение Сучу. В материалах этих памятников представлена вознесеновская керамика с характерным декором венчиков.

Исключение в плане выделения территориальных групп составили осиповский и марининский орнаментальные комплексы. Полученные материалы пока не позволяют сделать это. Относительно марининской керамики на данном этапе исследований рано говорить о хронологических группах.

Обобщая сказанное выше, можно не только сделать вывод о культурной близости орнаментальных комплексов осиповской и малышевской, малышевской и вознесеновской культур, но и рассматривать их как компоненты единой орнаментальной традиции, сформировавшейся на основе аккультурации и диффузии (частично). Орнаментика марининской и кондонской культур, скорее всего, развивалась в рамках иной традиции, хотя и испытала эпизодическое внешнее воздействие (прямое или опосредованное) со стороны носителей малышевской и вознесеновской культур.

2.4. СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА

Семантические характеристики орнаментальных комплексов неолита нижнего Приамурья по предложенной модели включают описание таких компонентов, как фон, мотив и разграничи-

тельный линия [Филатова, 2008б]. Они присутствуют в декоре пяти рассматриваемых нами культур. Их семантическое содержание отчасти совпадает, отчасти различается.

В орнаменте на керамике *фон* представлен всеми выделенными нами типами: 1) пустая поверхность, не заполненная элементами (рис. 66, 1–10); 2) поверхность, покрытая различными оттисками (рис. 66, 11); 3) окрашенная поверхность (рис. 66, 12, 13). Первый тип фона характерен для всех рассматриваемых орнаментальных комплексов, второй – только для Вознесеновского, третий – для Малышевского и Вознесеновского.

По мнению исследователей, в мифопоэтической системе древних культур глиняный сосуд является собой, кроме прочего, модель мироздания (см., например: [Иофан, 1975; Балакин, 2006]). Его изготовление (как и других вещей) мыслится как воспроизведение акта творения сущего, а его части уподоблены частям мира, человека. В силу этого основные семантические значения фона глиняных сосудов – окружающий мир, пространство существования, фон бытия человека, что соответствует основным элементам мироздания – воде, земле, воздуху и огню.

Поверхность сосудов, заполненная оттисками гребенчатого штампа, может символизировать дождь или рябью от ветра поверхность реки или озера, а гладкая неокрашенная – спокойную водную гладь. Образы земли – почва, лес – могли передаваться прямыми горизонтальными линиями или желобками, прочерченными на поверхности сосуда, оттисками гребенчатого штампа. Образы воздуха, возможно, ассоциировались с гладкой, не заполненной элементами и неокрашенной поверхностью сосудов. Представления об огне, пламени костра могли передавать горизонтальные и/или вертикальные зигзаги. Заметим, что Малышевская и Вознесеновская керамика окрашена в красный (цвет пламени), белый (цвет воздушного пространства, облаков, воды) и черный (цвет почвы и угля на кострище) цвета.

В исследованиях, посвященных семантике цвета, красный цвет считается агрессивным, жизненным и исполненным силы, родственным огню и обозначающим как любовь, так и борьбу не на

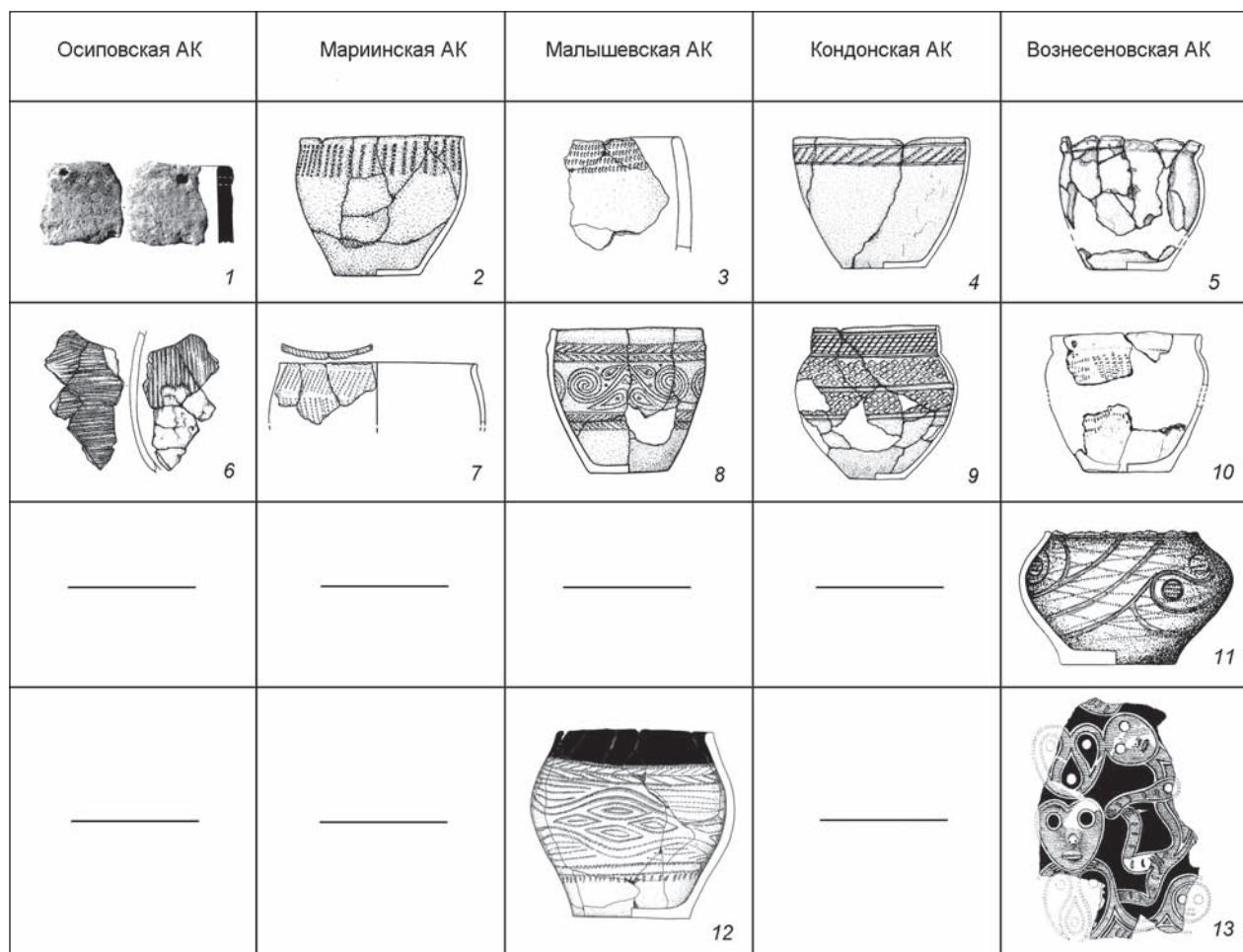

Рис. 66. Варианты фона семантической структуры орнамента на нижнеамурской неолитической керамике с памятников Хумми (1), Кондон-Почта (2, 4, 9), Малышево-1 (3), Сучу (5, 7, 8, 10–12), Гася (6) и Вознесенское (13).

1–10 – фон, не заполненный элементами; 11 – фон, заполненный элементами; 12, 13 – окрашенный фон.

жизнь, а на смерть [Бидерманн, 1996, с. 131–132]. В целом он связан с цветом жизни, жизненной и физической силы, здоровья и молодости, а также энергии, импульса, эмоций, страсти. В более конкретном человеческом приближении – это цвет активного мужского начала, выражение мощи фаллоса [Трессидер, 1999, с. 167–168; Голан, 1994, с. 172], а также менструальной крови. В последнем значении он сближается не только с конкретным человеческим, но и с общемировым контекстом, поскольку, например, согласно античному учению о зачатии, новая жизнь возникает там, где менструальная кровь соединяется с белой спермой [Бидерманн, 1996]. Таким образом, красный и белый цвета связаны с символикой творения.

В исследованиях по семантике цвета черный почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий, символизируя смерть, горе, отчаяние, зло [Трессидер, 1999, с. 410–411]. В структуре мира он связан с низшими уровнями (ступенями) мироздания (загробным миром), подземными божествами, в жертву которым приносили угольно-черных животных [Бидерманн, 1996, с. 295–296; Голан, 1994, с. 215]. В конкретно человеческом приближении черный цвет символизировал пассивное женское начало, тьму материнского лона. В целом черный, как и красный, – амбивалентный цвет. Это – цвет земли, но и дождевых облаков [Трессидер, 1999, с. 410], т.е. отражение бинарной оппозиции небо/земля. Это – цвет траура и покаяния, но и обещание будущего воскресения, во время которого черный светлеет, становясь серым, а потом и белым.

Белый цвет, по мнению исследователей, можно понимать либо как еще не имеющий цвета (бесцветный), либо как полное соединение всех цветов [Бидерманн, 1996, с. 26, 295]. Амбивалентность его выражена и в том, что белый цвет во всех символических системах является позитивной стороной антитезы «черное – белое», но имеет и некоторые негативные значения – пустота, холодность, бледность смерти, страх и трусость [Трессидер, 1996, с. 23–24]. В целом, он предстает как абсолютный цвет света. В структуре мира он связан с высшими уровнями (ступенями) мироздания (небесным миром), небесными божествами, которым посвящали белых жертвенных животных [Бидерманн, 1996, с. 26; Голан, 1994, с. 172]. В конкретно человеческом приближении белый цвет – символ чистоты, невинности [Трессидер, 1999, с. 23]. Его использовали почти как универсальный символ посвящения, новообращенного.

Что касается традиционной символики цвета коренных народов нижнего Приамурья, то при анализе орнамента костюма шамана и его атрибу-

тов выяснилось, например, следующее: у удэгейцев белый – цвет траура, печали, а красный – по преимуществу цвет силы и радости, мужской цвет. Красный – цвет энергии видимой (огня) и невидимой (духовной). Черный – цвет дневного света, счастья и долголетия [Бельды, 1995, с. 29].

Перечисленные основные смысловые характеристики красного цвета несут в целом позитивное значение, так или иначе связывая его с ритуальной сферой, в рамках которой действия направлены на достижение благополучия. Негативные же смыслы красного, отмечаемые исследователями, – борьба не на жизнь, а на смерть, война, опасность и т.п. [Трессидер, 1999, с. 167–168; Бидерманн, 1996, с. 131], не противоречат общей семантике цвета, хотя бы в силу того, что ритуал, кроме прочего, – отражение изначальной борьбы сил хаоса и космоса, действия по восстановлению частично утраченного порядка [Топоров, 1988].

Черный и белый цвета в окрашенной керамике нижнеамурских культур встречаются реже, нежели красный. В семантической системе цветов малышевской и вознесеновской крашеной керамики они занимают подчиненное положение. Можно предположить, что это связано с их взаимозаменяемостью в оппозиции с красным: красный – белый, красный – черный, как выражение черного цвета в первом случае и белого – во втором.

Вписанность нижнеамурской керамики, окрашенной в красный цвет, в сферу ритуального пространства определяется не только тем, что ее находят на поселениях, расположенных рядом с культовыми центрами, и в собственно святилищах, но и возможной смысловой связью с солярным культом, магией плодородия, культом мертвых [Деревянко, Медведев, 1995б; Медведев, 2000а, 2001а, 2005б; Филатова, 2008а]. На эту взаимосвязь, вероятно, указывает отмеченный А.П. Окладниковым для эпохи *дзёмон* обычай посыпать умерших красной охрой, разжигать на могиле огонь. «В той же связи, вместе с общими <...> воззрениями на жизнь и смерть, идеей воскресения и возрождения к новой жизни, следует рассматривать ориентировку костяков, очевидно, по солнцу...» [Окладников, 1946, с. 18]. Связана с погребениями эпохи *дзёмон* и крашеная керамика. Так, в раковинных кучах Хигасикусиро (Хоккайдо), датируемых начальным *дзёмоном*, найдены 4 почти квадратные ямы, засыпанные охрой. В одной из них обнаружен костяк погребенного в скорченном положении, на спине, головой на север. В изголовье располагались окрашенные в красный цвет сосуды [Окладников, Бродянский, Чан Су Бу, 1980, с. 86].

Таким образом, общая семантика красного, черного и белого цветов не противоречит, а до-

полняет их взаимные характеристики. Основные смысловые антитезы трех цветов (жизнь – смерть, добро – зло, счастье – несчастье, активное – пассивное, небо – земля, огонь – вода и др.) вполне логично вписывают крашеную керамику неолита нижнего Амура в ритуальную деятельность носителей малышевской и Вознесеновской культур.

Следующий компонент семантической структуры орнамента – *разграничительная линия* – тоже предстает в нескольких вариациях (рис. 67). Инвариантом для всех пяти культур является горизонтальная прямая линия (рис. 67, 1–5). Прямая линия могла быть составлена из различных элементов – линии, желобка, прямого валика, отпечатков гребенчатого штампа, оттисков различной формы, сквозных округлых отверстий.

Для осиповского орнамента характерны прямые горизонтальные линии, составленные из сквозных округлых отверстий (рис. 67, 1), а так-

же оттисков гребенчатого штампа (рис. 67, 10). Для маринского декора типичны горизонтальные линии, скомпонованные из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 67, 11). В обоих орнаментальных комплексах линии располагаются только в верхней части изделий (в т.ч. на верхней плоскости венчика). В осиповском орнаменте встречаются также волнистые линии, выполненные при помощи защипов (рис. 67, 18).

Для малышевского орнамента характерны прямые горизонтальные линии, составленные из сквозных отверстий (рис. 67, 2), желобков (рис. 67, 4), оттисков различной формы (рис. 67, 7, 12) и/или прямого валика (рис. 67, 15). Нередки образцы, где линий насчитывается 2–4. Расположены они в верхней части (иногда на верхней плоскости венчика), посередине и снизу семантической композиции. Есть и волнистые линии, образованные волнистым валиком (рис. 67, 19) или оттисками различной формы (угольчатыми,

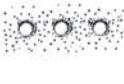
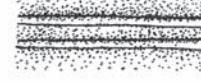
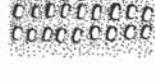
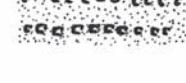
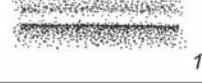
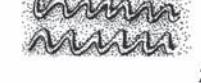
Осиповская АК	Маринская АК	Малышевская АК	Кондонская АК	Вознесеновская АК
	_____		_____	_____
_____		_____		
_____	_____			
				
_____	_____			
	_____			

Рис. 67. Инварианты разграничительной линии в семантической структуре орнамента на нижнеамурской неолитической керамике.

1–17 – прямая горизонтальная линия, составленная из сквозных отверстий (1, 2), прорезанных желобков (3–6), дугообразных оттисков (7–9), отпечатков гребенчатого штампа (10–14) и налепного валика (15–17); 18–21 – волнистая горизонтальная линия, составленная из защипов (18) и налепного валика (19–21).

дугобразными и др.), а также ломаные линии, составленные различными отпечатками.

Для кондонского орнаментального комплекса основной вариант разграничительной линии – оформление верхней плоскости венчика оттисками гребенчатого штампа (рис. 67, 13), реже – овальными и прямоугольными оттисками. Характерно использование прямой горизонтальной и вертикальной линий, прочерченных (рис. 67, 5) или выполненных на основе валика (рис. 67, 16), дугобразных (рис. 67, 8) и овальных оттисков. Есть волнистые линии, образованные волнистым валиком (рис. 67, 20).

Разграничительные линии в семантической структуре орнамента вознесеновской керамики более стандартны: прямые горизонтальные линии, составленные из желобков (рис. 67, 6), оттисков круглой формы, отпечатков гребенчатого штампа (рис. 67, 14) (в т.ч. на верхней плоскости венчика), прямых валиков (рис. 67, 17) (иногда с нанесенными поверх них оттисками гребенчатого штампа). Характерны также волнистые линии из валиков (рис. 67, 21).

Смыслоное выражение разграничительной линии в семантической структуре определяется местом ее расположения в орнаментальной композиции. Можно говорить о том, что при верхней позиции (венчик, горловина и плечики) по семантике разграничительная линия подобна заголовку или заставке в тексте, при средней (тулово) – отступу в тексте перед началом нового абзаца, а при нижней (придонная часть) – концовке текста.

Орнаментальный мотив – основной смысловой компонент семантической структуры декора. Как показал анализ, в орнаменте культур эпохи неолита региона есть мотивы сходные и различные по структуре и смысловой нагрузке (рис. 68).

Инвариантные для всех рассматриваемых культур мотивы – прямая горизонтальная и наклонная линии, горизонтальный и вертикальный зигзаги [Филатова, 2007, 2008б].

Прямая горизонтальная линия (рис. 68, 1–5) из вертикально или наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа, еще не слишком упорядоченная в соответствии с метром и ритмом в осиповском декоре, более характерная для маринского, малышевского и кондонского орнамента, в вознесеновском несколько утрачивает метричность, сбивая ритм, но читается достаточно четко. Место расположения – все основные части сосуда. Выступает самостоятельно или контактно с разными мотивами. Инвариант расположения – сплошная линия, отрезок. Данный мотив может быть интерпретирован (подобно фону сосудов) как выражение стихии воздуха, земли, воды земной (р. Амур,

его притоки, озера Болонь, Эворон, Хумми, Чукчагирское, Орель и Чля) или небесной (дождь).

Прямая наклонная линия (рис. 68, 6–10) скомпонована в орнаментальных комплексах следующим образом: в осиповском и вознесеновском – из желобков; в маринском, малышевском и кондонском – из вдавлений гребенчатого штампа; в малышевском и кондонском – из оттисков различной формы. Мотив прослеживается на внешнем бортике венчика и горловине, реже – на плечиках и тулове сосудов. Линия ориентирована горизонтально. Встречается самостоятельно или контактно с разными мотивами. Инвариант расположения – сплошная линия, отрезок. Семантика мотива определяется особенностями его построения, а также ориентацией на позицию верха. Вероятно, ассоциируется с дождем, небесной влагой.

Зигзаг – горизонтальный (рис. 68, 11–15) и вертикальный (рис. 68, 16–20) – образован в основном оттисками гребенчатого штампа. В малышевском орнаменте дополняется отпечатками фигурного штампа в виде угла, а в вознесеновском – оттисками зубчатого колесика, желобками. Мотив прослеживается на внешнем бортике венчика, горловине (малышевская культура), плечиках и тулове (осиповская, маринская, малышевская, кондонская, вознесеновская культуры). Ориентирован вертикально или горизонтально. Вертикальный зигзаг встречается отдельно или перемежается с горизонтальным зигзагом. В сочетании со спиральным, меандровым и сетчатым декором является фоном. Инвариант расположения – сплошная линия, отрезок. Как компонент семантической структуры орнамента зигзаг (горизонтальный и вертикальный) ориентирован на позиции верха и середины, поэтому может быть связан со сферой верхнего и срединного (земного) миров. К примеру, согласно айским мифам, небесный змей и его потомство спускались на землю в виде молний, т.е. зигзагообразных линий [Штернберг, 1933, с. 572]. Следовательно, вертикальный зигзаг ассоциируется с верхним миром, молнией, «огненным змеем» как существом воздушной стихии, а горизонтальный – со срединным миром, вершинами сопок, гребнями волн и водными пространствами.

Для осиповского, малышевского, кондонского и вознесеновского орнаментов мотивом-инвариантом является сетка (рис. 68, 21–24): горизонтальные и вертикальные наклонные сочлененные перекрещающиеся линии. Данный мотив в осиповском декоре образован желобками, в малышевском – оттисками гребенчатого штампа и угольчатыми оттисками, в кондонском – отпечатками гребенчатого штампа, желобками и валиками, в вознесеновском – оттисками гребенчатого штампа

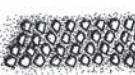
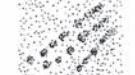
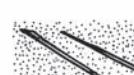
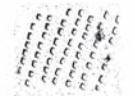
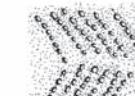
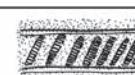
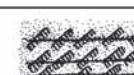
Осиповская АК	Мариинская АК	Малышевская АК	Кондонская АК	Вознесеновская АК
				
1	2	3	4	5
				
6	7	8	9	10
				
11	12	13	14	15
				
16	17	18	19	20
	—			
21	—	22	23	24
—				
29	—	30	31	—
	—			—
32	—	33	34	—
—	—			—
—	—	35	36	—
—	—			
—	—	37	38	39
—	—			
—	—	40	41	42

Рис. 68. Мотивы-инварианты в семантической структуре орнамента на нижнеамурской неолитической керамике.
1–10, 29–31 – горизонтальная линия: прямая (1–5), наклонная (6–10) и волнистая (29–31); 11–20 – зигзаги: горизонтальный (11–15) и вертикальный (16–20); 21–24 – сетка; 25–28 – угол; 32–36 – сетка-«плетенка» («амурская плетенка»); 37–39 – «каннелюры»; 40–42 – треугольник.

и желобками. Мотив прослеживается на внешнем бортике венчика (в малышевском, кондонском и вознесеновском орнаменте), плечиках и тулове сосудов (в осиповском, кондонском и вознесеновском декоре). Ориентирован горизонтально. Выступает самостоятельно или сочетается с другими орнаментальными мотивами. В вознесеновском декоре фоном может служить вертикальный зигзаг. Инвариант расположения – сетка. Как компонент семантической структуры орнамента мотив сетки ориентирован на позиции верха и середины, в силу чего может быть связан со сферой верхнего (горного) и среднего (земного) миров. Таким образом, сетка (по формальным признакам) могла ассоциироваться: в первом случае – с солнечным светом (косые перекрещивающиеся линии как солярный символ), а во втором – с рыболовной сетью.

Для мариинской, малышевской, кондонской и вознесеновской орнаментики мотивом-инвариантом служит угол (рис. 68, 25–28). В мариинском и кондонском декоре он образован вдавлениями гребенчатого штампа, в малышевском – дугообразными и угольчатыми оттисками, отпечатками гребенки, прямоугольными или фигурными оттисками зубчатого колесика, а в вознесеновском – желобками. Мотив прослеживается на плечиках и тулове. Ориентирован горизонтально или вертикально. Встречается отдельно или в сочетании с другими орнаментальными мотивами. В вознесеновском декоре фоном может служить вертикальный зигзаг. Инвариант расположения – розетка. Мотив угла, ориентированный на позиции верха и середины, можно связать со сферой верхнего (горного) и среднего (земного) миров. Вписанные друг в друга горизонтально ориентированные углы из оттисков гребенки можно принять за рыб, показанных в характерном рентгеновском стиле, или за дракона – существа воздушной и водной стихий. Вписанные друг в друга или единичные, ориентированные вертикально и вверх углы ассоциируются с вершинами сопок и гор, вертикально и вниз – с водной стихией и грядой сопок, отраженных в воде.

Для осиповского, малышевского и кондонского декора мотивами-инвариантами служили также горизонтальная волнистая линия и сетка-«плетенка» («амурская плетенка»).

Линия горизонтальная волнистая (рис. 68, 29–31) в осиповском орнаменте образована желобками, в малышевском – дугообразными и угольчатыми оттисками, желобками, а в кондонском – овальными оттисками, отпечатками гребенки. Данный мотив более характерен для малышевцев, чем для осиповцев и кондонцев (представлен единично). Место расположения – плечики и тулово изделий. Ориентирован горизонтально. Встречается

в сочетании с другими орнаментальными мотивами. Инвариант расположения – сплошная линия, отрезок. Мотив интерпретируется как выражение земли, земной воды (Амур и его притоки).

Сетка-«плетенка» («амурская плетенка») (рис. 68, 32–36) в осиповском орнаменте скомпонована из ромбовидных оттисков (рис. 68, 32), в малышевском и кондонском – из ромбовидных (рис. 68, 33, 34) и дугообразных отпечатков (рис. 68, 35, 36). По количеству этот мотив более характерен для кондонского декора. Место расположения – плечики и тулово сосудов. Ориентирован горизонтально. Встречается в комбинации с прямыми линиями, выполняющими функцию разграничительных. Ориентирован на позицию верха и середины. Инвариант расположения – сетка. Семантика мотива определяется составляющими элементами и может быть понята через ассоциации с водой, рыболовной сетью, рыбьей чешуей и т.д. [Окладников, 1984, с. 119], драконом, солярной символикой (косые перекрещивающиеся линии, солярный символ).

Для малышевской, кондонской и вознесеновской керамики мотивами-инвариантами выступают «каннелюры» и треугольник.

«Каннелюры» (рис. 68, 37–39) – сочетание горизонтальных и наклонных линий, желобков, а также прямоугольных оттисков и отпечатков гребенчатого штампа, расположенных между ними. По количеству употреблений они наиболее характерны для кондонского орнамента, меньше – для вознесеновского, а в малышевском декоре единичны (2 образца). Мотив прослеживается только на внешнем бортике венчика. Ориентирован он горизонтально. В кондонском орнаменте является самостоятельным элементом, в малышевском – сочетается с меандром, в вознесеновском – самостоятелен (реже) или в контакте (чаще) с горизонтальным и/или вертикальным зигзагом. Инвариант расположения – сетка. Семантика мотива определяется особенностями его построения, а также ориентацией на позицию верха. Вероятно, данный мотив связан с образом верхнего мира, «небесной земли» (верхняя горизонтальная линия), являясь источником благополучия (наклонные прямые линии, прямоугольные оттиски и отпечатки гребенчатого штампа, ассоциирующиеся с дождем, небесной влагой) для срединного мира (нижняя горизонтальная линия).

Треугольник (рис. 68, 40–42) в малышевском декоре образован дугообразными и угольчатыми оттисками, прямоугольными или фигурными отпечатками зубчатого колесика и желобками, в кондонском – дугообразными и ромбовидными оттисками, а в вознесеновском – желобками. В малышевском и вознесеновском орнаментах данный

мотив прослеживается на плечиках и тулове, а в кондонском – на тулове. Ориентирован горизонтально. Мотив самостоятелен или контактирует с другими орнаментальными вариантами. В вознесеновском декоре фоном для него может служить вертикальный зигзаг. Инвариант расположения – розетка. Мотив треугольника, ориентированный на позиции верха и середины, может быть связан со сферой верхнего и среднего миров, понимаясь как отроги гор, гряда сопок, тайга. Наличие в орнаментальных комплексах треугольников с направленной вниз вершиной свидетельствует о срединной позиции, ориентированной на низ, что вызывает ассоциации с водной стихией: гряда сопок, хвойные деревья, отраженные в воде.

Помимо мотивов-инвариантов, в семантической структуре орнаментальных комплексов фиксируются мотивы, характерные только для двух культур (рис. 69). В большей степени они находят аналогии или совпадают в малышевском и вознесеновском орнаменте, в меньшей степени – в кондонском.

В орнаментике малышевской и вознесеновской культур такими мотивами являются: 1) меандр и связанные с ним формальными признаками лабиринт, шеврон, жгут и другие «меандриодные» мотивы; 2) спираль и связанные с ней формальными признаками круг, кольцо, эллипс, волюта и т.п.; 3) личины.

Меандр (рис. 69, 1, 2) и сходные с ним мотивы чаще всего образованы в малышевском орнаменте оттисками дугообразной, угольчатой, прямоугольной, круглой и фигурной формы, нанесенными штампом или зубчатым колесиком, реже – линиями или желобками, а в вознесеновском – линиями или желобками, реже – отпечатками гребенчатого штампа. Количество употреблений мотива в двух названных орнаментальных комплексах примерно одинаково. Место расположения – горловина, плечики и тулоу сосуда. Ориентирован горизонтально. Встречается в сочетании с другими орнаментальными мотивами. Взаиморасположение мотивов дистантное (чаще) или контактное (реже). Ориентирован мотив на позицию верха, середины.

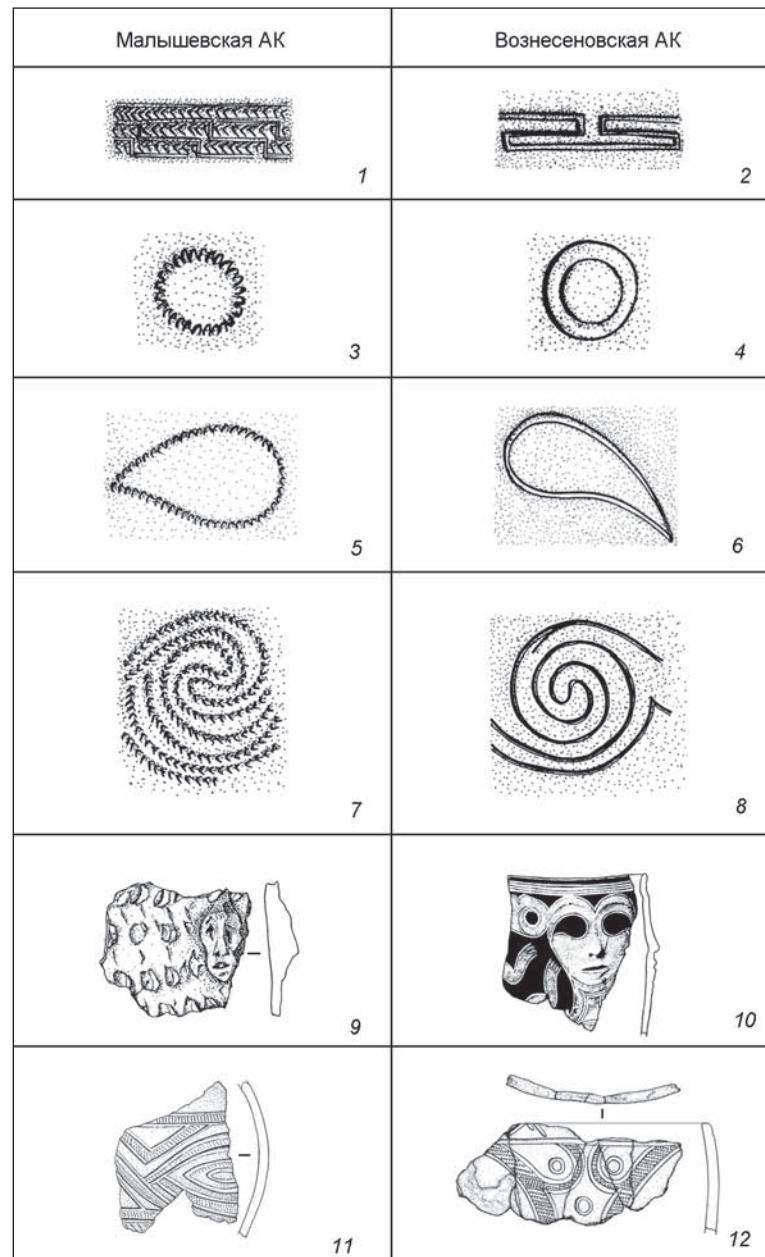

Рис. 69. Мотивы-инварианты в семантической структуре орнамента на малышевской и вознесеновской керамике.

1, 2 – меандр; 3, 4 – круг; 5, 6 – эллипс; 7, 8 – спираль; 9–12 – личины (9, 11 – Сучу; 10 – Вознесенское; 12 – Кондон-Почта)

Основные инварианты пространственного строения – бордюр, сетка. Позиция верха свидетельствует, что наиболее вероятной семантикой меандра и его производных (например, прямоугольника) является гряда облаков, верхушки деревьев, т.е. все, что может ассоциироваться с верхним миром. Позиция середины определяет возможную связь со структурой срединного (земного) мира: например, ориентация земного пространства в горизонтальной проекции по четырем сторонам света.

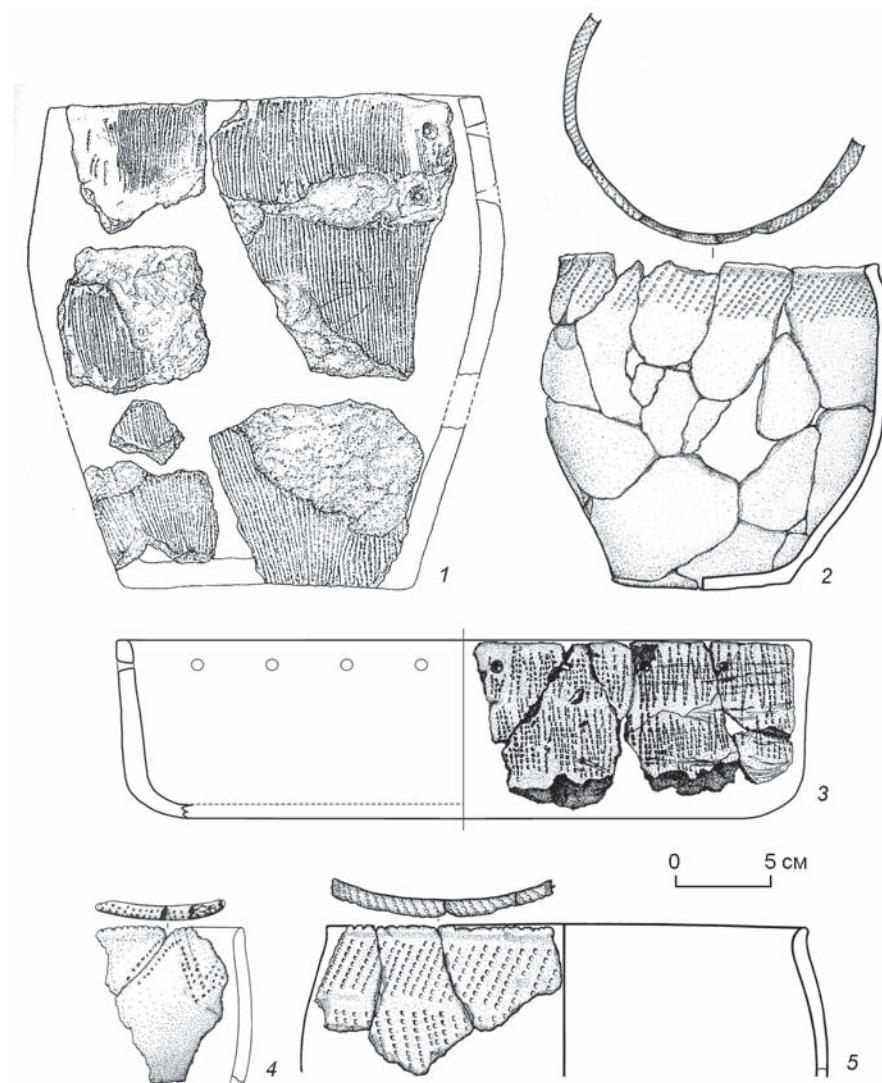

Рис. 70. Варианты semanticской структуры орнамента на осиповской (1, 3) и маринской (2, 4, 5) керамике.
1 – Гася; 2, 4, 5 – Сучу; 3 – Гончарка-1.

Общая семантика лабиринта и шеврона, чье расположение связано только с позицией середины (земного мира), – это выражение жизненного пути человека, предполагающего неустанный и упорный труд для достижения жизненного благополучия.

Спираль и связанные с ней формальными признаками спиралевидная линия, круг, кольцо, эллипс, волюта и др. (рис. 69, 3–8) в малышевском декоре образованы угольчатыми, дугообразными или фигурными оттисками, а в вознесеновском – линиями или желобками. Доля спирального орнамента в орнаментальных комплексах обеих культур примерно одинакова. Место расположения мотивов – плечики и туловище изделий. Ориентированы они горизонтально, хотя в малышевском орнаменте встречаются еще вертикально и наклонно ориентированные спирали и волюты. Находятс

я в контактном и дистантном взаимодействии с разными мотивами. Ориентированы на позицию верха и середины. Единичны образцы, связанные с позицией низа. Основные инварианты пространственного строения – розетка, сетка. Вообще позиция верха свидетельствует, что наиболее вероятная семантика мотивов спирали, круга и кольца связана с солнечной символикой, «огненным» змеем, драконом, т.е. с верхним миром. Позиция середины ассоциируется с символикой глаза как жизненного центра, жилища. Позиция низа, возможно, связана со змеей, существом хтоническим, водным. Семантический смысл эллипса, ориентированного в основном на позицию середины, на наш взгляд, выражен в пространственных и временных параметрах мироздания. Двойной эллипс, вызывающий ассоциации с символом *инь – ян*, мог быть выражением

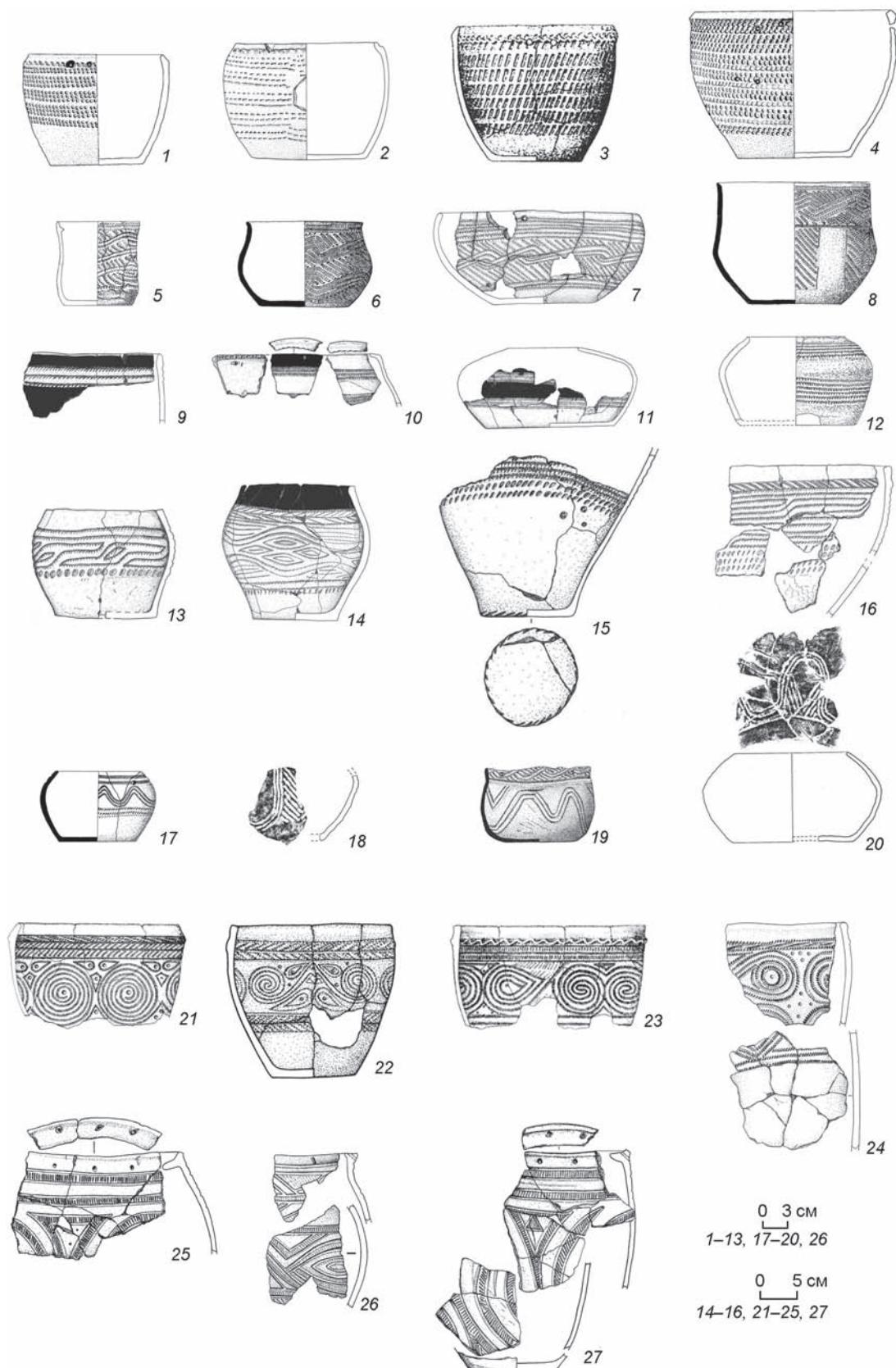

Рис. 71. Варианты semanticской структуры орнамента на малышевской керамике.
1–4, 9–11, 13–16, 18, 20–27 – Сучу; 5, 6, 8, 12, 17, 19 – Гася; 7 – Иннокентьевка (пункт I).

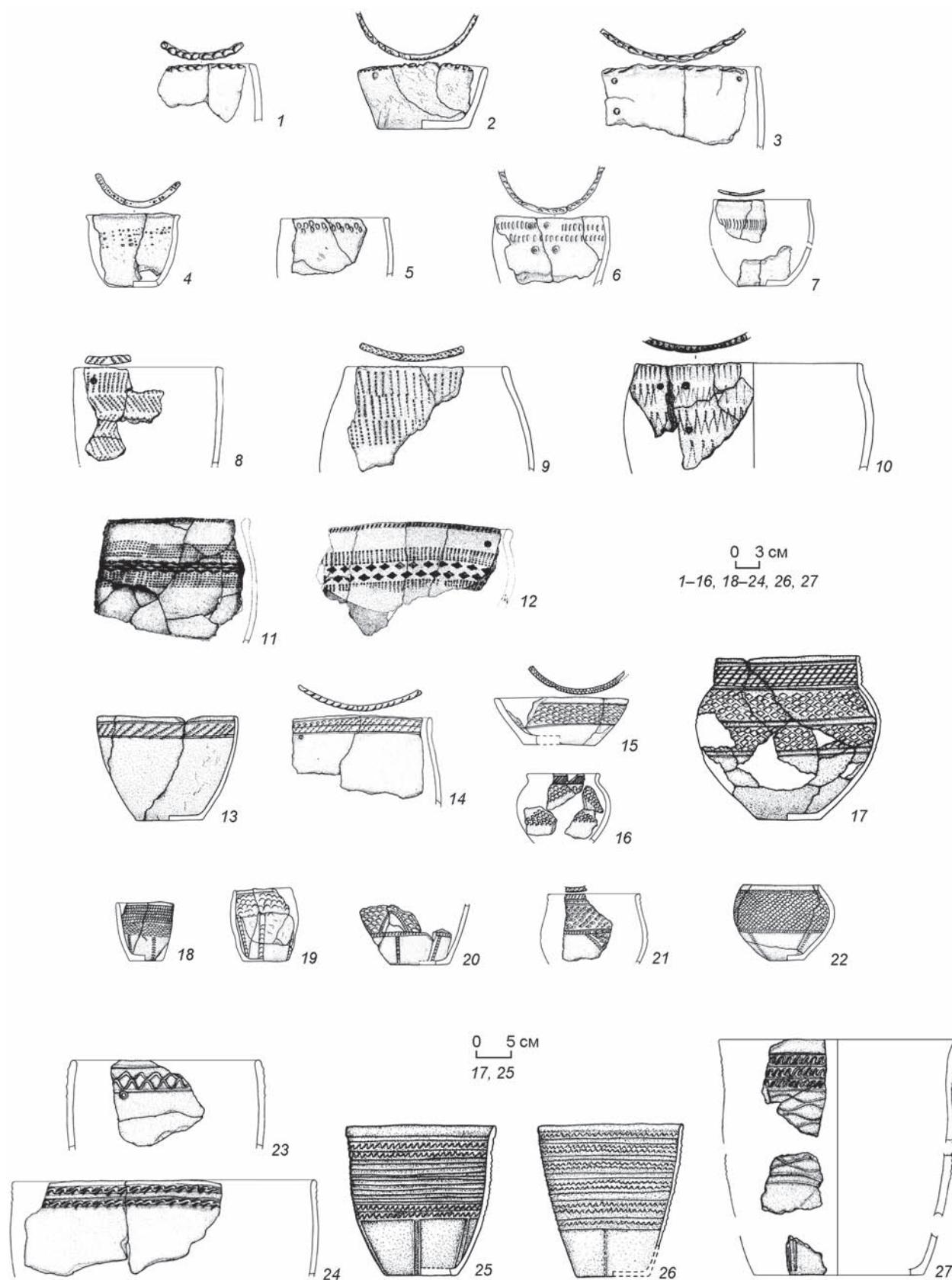

Рис. 72. Варианты semanticской структуры орнамента на кондонской керамике.

1–10, 13–24, 26, 27 – Кондон-Почта; 11, 12 – Князе-Волконское-1.

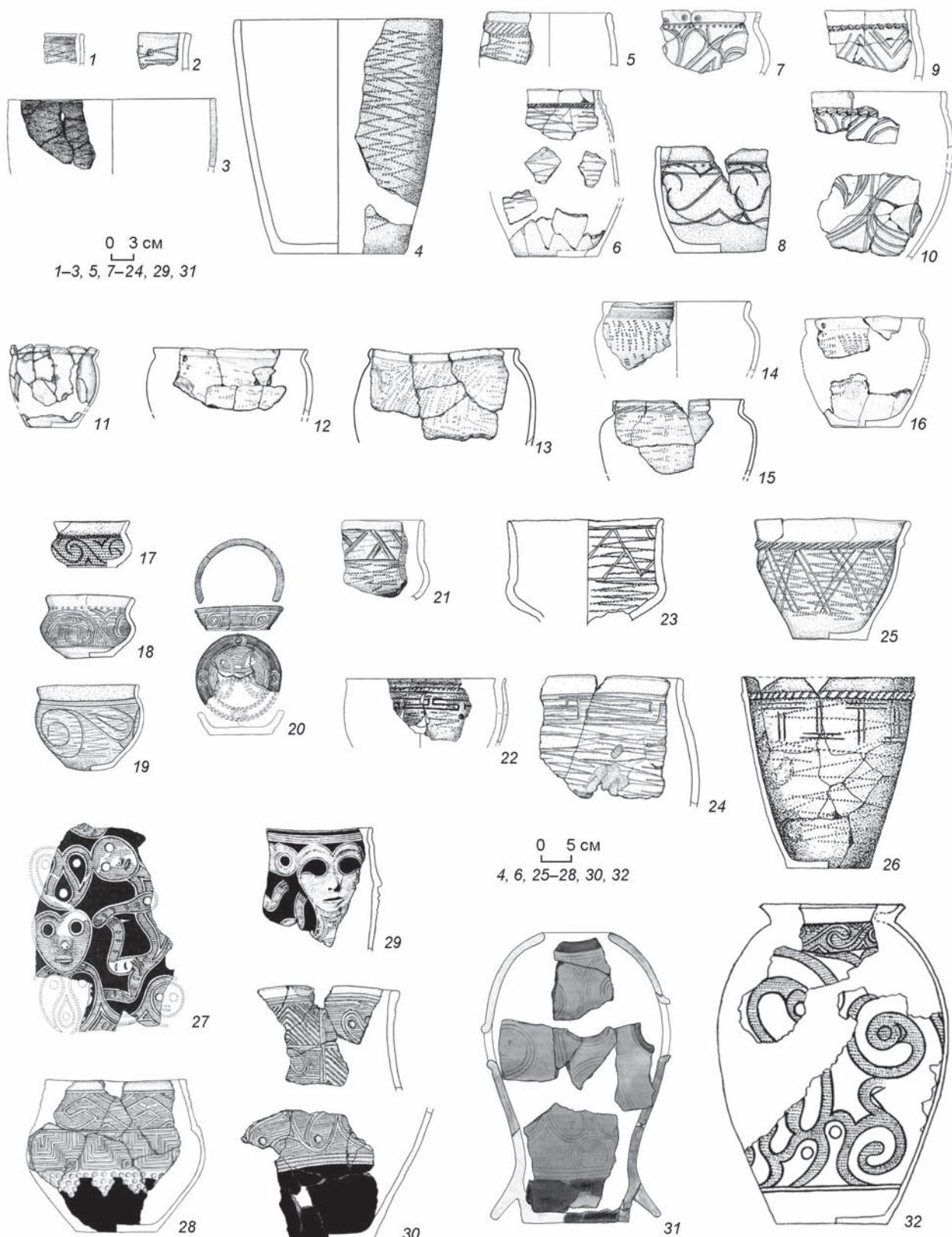

Рис. 73. Варианты semanticской структуры орнамента на вознесенской керамике.
 1 – Кольчем-2; 2, 4, 5, 27–29 – Вознесенское; 3 – Дальджа; 6, 8, 10–16, 18, 20, 24–26, 30 – Сучу; 7, 9, 19, 32 – Кондон-Почта; 17, 31 – Тахта;
 21 – Сусанино-4; 22 – Кольчем-3; 23 – Малая Гавань.

двойственности мира. Эллипс четырехконцевой является горизонтальной проекцией картины мира, ориентации земного пространства по четырем сторонам света. Эллипсоидная линия ассоциируется с циклической непрерывностью существования мира и, возможно, человека. Вероятной семантикой волютообразной фигуры мог быть образ Мирового Древа, организующего мир по вертикали.

Личины (рис. 69, 9–12) в малышевском орнаменте вылеплены с последующим заполнением фона ногтевыми оттисками или обозначены прочерченными желобками, а также прокаткой зубчатого колесика. В вознесеновском декоре личины вылеплены и/или образованы прочерчиванием желобков, а фон заполнен отпечатками гребенчатого штампа и окрашен в красный цвет. В большей степени личины связаны с орнаментальным комплексом вознесеновской культуры. Такие изображения наносились на плечики и туловище сосуда. Они ориентированы вертикально и сочетаются с другими элементами контактно, в позиции верха или середины. Инвариант расположения не определяется, поскольку построение обусловлено «сюжетом», а не формальными признаками. Позиция верха позволяет связать семантику личин с божествами-демиургами, творящими мир и наделяющими человека благами. Позиция середины ассоциируется с первопредками, а также общим выражением мужского или женского начал – двух неразрывных составляющих образа человека в первобытном искусстве.

Наличие мотивов, характерных для каждой анализируемой культуры, а, следовательно, и смыслов выражения отношения к окружающему миру, возможно, связано с особенностями тотемистическими представлениями носителей неолитических культур. Можно предположить, что наиболее репрезентативные в смысле семантики мотивы – сетка-«плетенка» («амурская плетенка»), меандр, спираль и их производные – выражали и называли основные тотемные знаки. Конкретная интерпретация их смысла затруднена подчеркнутой геометричностью, но единным образом, воплощавшим общее представление о божестве, мог быть дракон – существо одновременно огненной, воздушной и водной стихий.

В целом присутствие инвариантов, ассоциирующихся с водной стихией, на наш взгляд, свидетельствует об общей парадигме развития неолитических культур нижнего Приамурья, напрямую связанных в культурно-хозяйственной деятельности с крупнейшей водной артерией региона. Так или иначе, река как компонент структуры мироздания должна была найти смысловое выраже-

жение в орнаменте. Показательно и то, что указанные мотивы-инварианты наносились на посуду бытового, утилитарного назначения. Возвращаясь к идеи сосуда как модели мироздания, заметим: вероятно, это подчеркивалось и взаимопроникновением сфер священного и профанного, возможными переходами из сферы ритуального в обыденную жизнь и обратно.

Вхождение мотивов в композиции создает в совокупности текстовой уровень семантического анализа (см. рис. 70–73). Возможные варианты семантической структуры орнамента осиповской керамики представлены нами на примере двух реконструированных изделий (рис. 70, 1, 3), мариинской – в одной группе сосудов (рис. 70, 2, 4, 5), малышевской (рис. 71) и кондонской (рис. 72) – в семи группах, вознесеновской – в пяти группах (рис. 73). Заметим, что возможные варианты семантической структуры орнамента нижнеамурских неолитических культур этими группами не исчерпываются. Однако доминирующее горизонтальное расположение орнаментальных мотивов и наличие мотивов-инвариантов, ассоциирующихся с водной стихией, позволяют предположить, что у носителей культур нижнеамурского неолита моделью мира выступала горизонтальная «речная» модель.

Таким образом, общая семантика глиняных сосудов и орнамента на них связана, на наш взгляд, с идеей жизни, благополучия. Последовательное выстраивание основных идеально-семантических мотивов декора по принципу «брюколажа» [Леви-Стросс, 1994, с. 111] позволяет рассматривать еду (и связанную с ее приготовлением и хранением посуду) как жизнь, а ее неимение (и отсутствие посуды) – как смерть. Выстраивание цепочки основных оппозиций (еда – отсутствие еды, сытость – голод, здоровье – болезнь, плодородие – бесплодие, сила – слабость, защита – беззащитность, благополучие – неблагополучие, счастье – несчастье, добро – зло, жизнь – смерть) приводит к максимально возможному противопоставлению уже на уровне жизни и смерти. Следовательно, сосуд являлся воплощением представлений о вместеище, которое всегда должно быть наполнено реально или символически, как залог благополучного существования человека.

В заключение приведем еще одно мнение о соуде. «Сосуд не только и не столько моделирует некий локус (в пределе вселенную), сколько связан с ней идеей изобилия, для сосуда важнейшей и хорошо документированной... Сосуд как предмет домашнего обихода, как повседневно необходимая вещь, очевидно, сосредотачивает вокруг себя огромную сумму представлений и выступает во множестве функций» [Балакин, 2006, с. 275].

Глава 3

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3.1. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СРЕДНЕГО ПРИАМУРЬЯ, ПРИМОРЬЯ И САХАЛИНА

Сравнение орнаментальных комплексов неолитических культур нижнего Приамурья с материалами сопредельных территорий российского Дальнего Востока – Приморья, среднего Амура и Сахалина – позволило установить возможные связи, выявить черты сходства и различия, определить степень взаимовлияния.

В археологии среднего Приамурья (Амур с его притоками от устья Зеи до устья Уссури) выделены громатухинская, новопетровская и осиноозерская культуры [Окладников, Деревянко, 1973, 1977; Деревянко, 1970]. Согласно данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования, громатухинская (середина XIII – первая половина VI тыс. до н.э.) и новопетровская (первая половина X – конец VII тыс. до н.э.) культуры соотносятся с ранним неолитом, а осиноозерская (середина IV – конец II тыс. до н.э.) – с поздним неолитом [Нестеров, 2006; Archaeology..., 2006].

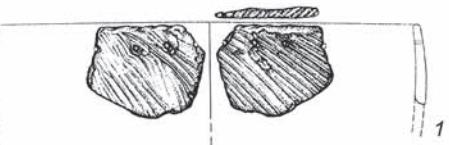
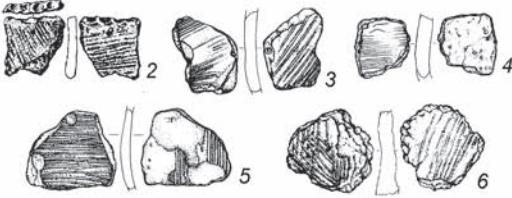
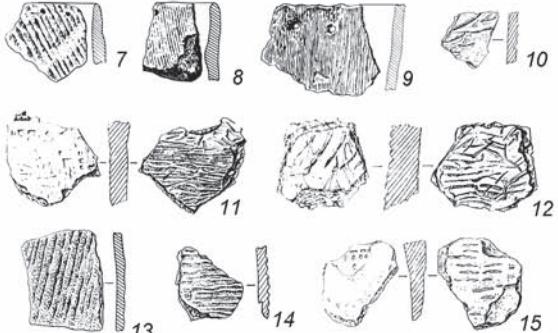
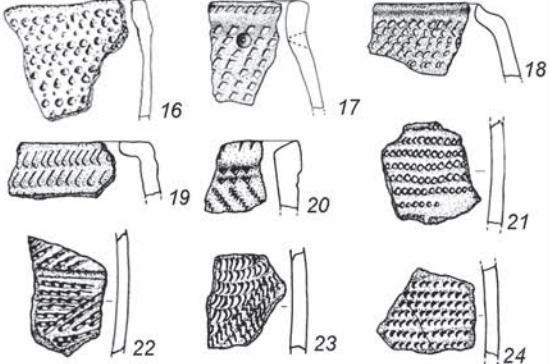
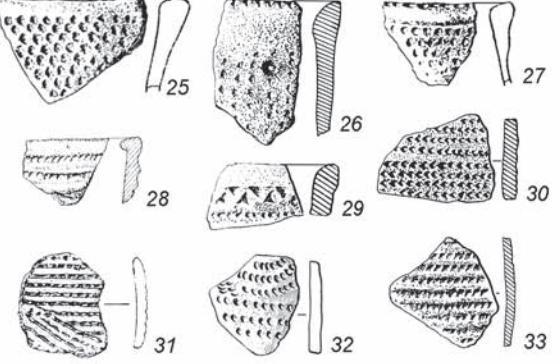
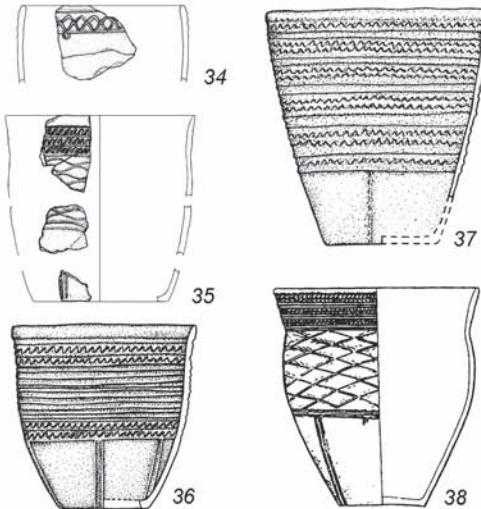
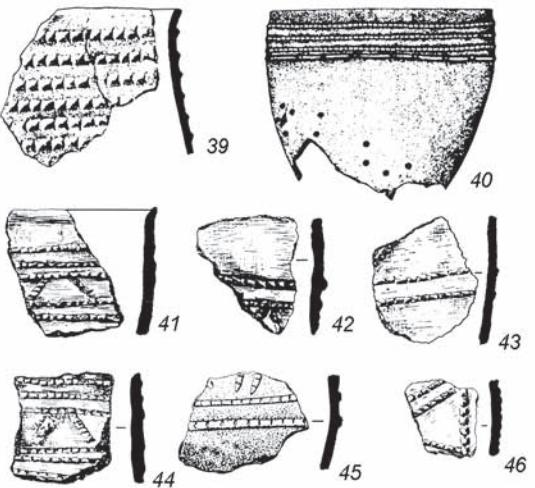
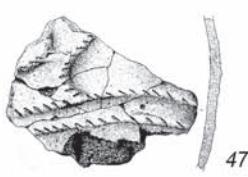
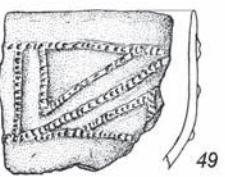
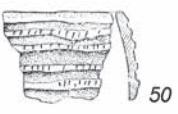
По некоторым признакам орнаментальные комплексы осиповской и громатухинской археологических культур вполне сопоставимы (рис. 74, 1–15). Ареал громатухинской культуры включает верхний и средний Амур. Опорный памятник – многослойное поселение Громатуха – расположен на правом берегу р. Громатухи (левый приток р. Зея). Площадь раскопок составила около 500 м² [Окладников, Деревянко, 1977; Деревянко, Канг Чан Хва и др., 2004]. Прочие поселения найдены у сел Сергеевка, Горное, Умаково, Буссе, Кумары, Джалинда, Гродеково, Троицкое, Черниговка-на-Зее и др. Всего в бассейне р. Зея известны 14 поселений громатухинского типа. Кроме того, памятники громатухинской культуры открыты на верхнем и среднем Амуре [Окладников, Деревянко, 1977, с. 119, 121; Нестеров, 2006]. Хронологически культура разделена на два варианта: ранний (таежный) и поздний [Окладников, Деревянко, 1977, с. 173–174].

На опорном памятнике Громатуха по результатам раскопок 2004 г. выделены три неолитических культурных слоя. В слоях 2 и 3 обнаруже-

ны каменные артефакты эпохи раннего неолита и громатухинская керамика. Слой 1 связан с осиноозерской поздненеолитической культурой. Радиоуглеродные даты для поселения Громатуха: слой 3 – 12 340±70, 12 340±60, 11 580±190 л.н. (с учетом калибровки 13480–12160 – 9600–9240 гг. до н.э.); слой 2 – 10 660±40 – 6 175±125 л.н. (с учетом калибровки 5460–4800 гг. до н.э.). Первая дата слоя 2 смыкается с датами слоя 3 [Нестеров, 2006, с. 297].

Керамический комплекс поселения Громатуха, сопоставимый с материалами осиповской культуры нижнего Приамурья, включает фрагменты декорированных сосудов. Орнамент нанесен посредством удара колотушки, обмотанной грубыми нитями из травы. Следы травяных нитей на фрагментах керамики беспорядочно пересекаются, покрывая всю поверхность. Фрагменты венчиков, украшенных подобным декором, можно распределить в две группы: 1) оформленные только оттисками колотушки; 2) ниже внешнего бортика сосуда проходит ряд сквозных отверстий, выполненных орнаментиром округлого сечения; верхней плоскости венчиков придан волнистый рельеф. Фрагменты венчиков, обнаруженные на Гасе (раскоп II) и Харпичане-4, декорированы практически идентично. Доля подобной керамики на Громатухе составляет 17,9 % [Окладников, Деревянко, 1977, с. 93–94]. Сходным образом декорированная керамика выявлена в материалах поселений Сергеевка и Черниговка-на-Зее [Нестеров, 2008, с. 171].

Как видим, в осиповской и громатухинской орнаментике основной принцип декорирования – негативный рельеф. Способ декорирования громатухинской керамики – удары колотушки, обмотанной грубыми нитями из травы, а осиповской – протаскивание. Оба орнаментальных комплекса содержат образцы фрагментов венчиков, декорированных с применением прокалывания. Зоны размещения орнамента – внешний бортик венчика (а в некоторых случаях и верхняя плос-

Осиповская АК	Громатухинская АК
 	
Малышевская АК	Громатухинская АК
	
Кондонская АК	Новопетровская АК
	
Вознесеновская АК	Осиноозерская АК
	
	

кость), горловина, плечики и, вероятно, туло со суда. Для названных орнаментальных комплексов характерна как односоставная, так и двусоставная «рецептура».

В нижнеамурской и среднеамурской керамике отмечены следующие технико-декоративные элементы: 1) простые разомкнутые прямолинейные (прямые желобки); 2) сложные замкнутые криволинейные (округлые отверстия). Характерны также простые разомкнутые прямолинейные геометрические мотивы (прямая линия). Из выделенных нами трех орнаментальных схем композиционного построения декора на громатухинской керамике наличествуют первые две. В обоих орнаментальных комплексах узор концентрический. Для громатухинской керамики характерен только бордюр, для осиповской – бордюр, бордюр + сетка. В целом, керамика осиповской и громатухинской культур обнаруживает черты сходства на всех уровнях структурных единиц декора.

Некоторое время назад была высказана точка зрения о сходстве громатухинской и осиповской керамики как в технологии обработки поверхности, так и по детальным признакам. Говорилось о возможности рассматривать эти комплексы в рамках одной культурной традиции регионального уровня с вариантами, имеющими различия в территории [Шевкомулд, 2005, с. 10–11]. Однако позже, при анализе керамических коллекций с поселений Громатуха и Гончарка-1, О.В. Яншина пришла к иному выводу: «...памятники представляют разные керамические традиции и развивались, возможно, в контакте друг с другом, но вполне самостоятельно» [Шевкомулд, Яншина, 2010, с. 68]. Отмечены различия в способах декорирования: «...громатухинские мастера использовали прокат цилиндрического инструмента, обмотанного веревкой...; осиповские мастера выполняли техническую обработку поверхностей гребенчатыми прочесами». У громатухинцев обычным было сочетание технического и декоративного видов обработки сосудов, а осиповцы считали обязательной техническую обработку или нанесение узора. Вывод: в каждой из коллекций выделяется набор специфических мотивов, которые не могут быть выведены друг из друга [Шевкомулд, Яншина, 2010, с. 68–69]. Анализ осиповской керамики с Гаси (раскоп I

и II) и Харпичана-4 дал несколько иную картину. На наш взгляд, следует согласиться с начальными выводами авторов раскопок Громатухи, что «генетические связи осиповской и громатухинской культур... не вызывают никаких сомнений».

Подтверждением связи нижнеамурской и среднеамурской культур начального – раннего неолита является их происхождение от селемджинской позднепалеолитической культуры [Деревянко, Волков, Ли Хон Джон, 1998].

О продвижении племен осиповской культуры на средний Амур свидетельствует тот факт, что керамика из нижнего горизонта Громатухинского поселения типична для раннего неолита нижнего Амура [Окладников, Деревянко, 1977, с. 166]. Действительно, практически идентичная орнаментация некоторых образцов керамики говорит о вероятности прямых контактов носителей осиповской и громатухинской неолитических культур на разных этапах их существования.

По ряду признаков коррелируют друг с другом громатухинская и малышевская керамика (рис. 74, 16–33). К примеру, в громатухинских материалах есть фрагменты, декор которых имеет черты сходства с малышевскими образцами. И в малышевской, и в громатухинской орнаментике принципы декорирования – рельеф (негативный и позитивный) и плоскостной орнамент. Негативный рельеф наносили штампованием, протаскиванием + + накалыванием, прокатыванием, позитивный – налепливанием, а плоскостной – окрашиванием. «...представляют интерес несколько фрагментов керамики, покрытых мелкими вдавлениями, образующими острые углы. Главная особенность этих черепков состоит в том, что они крашеные. Наружная поверхность их буро-малиновая...» [Окладников, Деревянко, 1977, с. 94]. Основные зоны размещения орнамента – горловина, плечики и туло. Венчик (верхняя плоскость и внешний бортик) украшался значительно реже. Технико-декоративные элементы: 1) простые прямолинейные (угольчатые оттиски); 2) простые криволинейные (дугообразные оттиски); 3) сложные прямолинейные (прямоугольные и ромбовидные оттиски, отпечатки гребенки); 4) сложные криволинейные (овальные оттиски). Характерные геометрические мотивы: 1) простые разомкнутые прямолинейные

Рис. 74. Корреляция орнамента на керамике из нижнего и среднего Приамурья.

1, 3, 5 – Гася; 2 – Харпичан-4; 4 – Осиповка; 6 – Госян; 7–9, 13, 25–27, 29–33, 49 – Громатуха; 10–12, 14, 15, 28 – Сергеевка; 16 – Сучу; 17, 18, 20, 22–24 – Вознесенское; 19, 21 – Калиновка; 34–38 – Кондон-Почта; 39–46 – Новопетровка III; 47 – Кольчем-3; 48 – Кольчем-2; 50 – Горное (7–9, 13, 25–27, 29–33 – по: [Окладников, Деревянко, 1977, табл. 21, 42–44, 68, 69]; 10–12, 14, 15, 28 – по: [Окладников, Деревянко, 1977, табл. 93–95, 1]; 39–46 – по: [Деревянко, 1970]; 48 – по: [Шевкомулд, 2004, табл. 50, 2; 61, 8]; 49 – по: [Деревянко, Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ и др., 2004, рис. 1, 2]; 50 – по: [Окладников, Деревянко, 1977, табл. 99, 2]).

(прямая линия); 2) простые разомкнутые криволинейные (углы, дуги); 3) сложные разомкнутые криволинейные (сетка, спираль). Более детальная характеристика затруднена тем, что на поселении не найдены целые сосуды. Таким образом, керамика малышевской и громатухинской культур обнаруживает черты сходства на уровне низших и средних структурных единиц декора, что свидетельствует о возможности прямых и/или опосредованных контактов на позднем этапе существования громатухинской культуры и раннем этапе малышевской культуры.

Среди керамики с поселения Черниговка-на-Зее выделяется черепок, орнамент которого выполнен восьмизубчатым штампом в виде частого зигзага [Нестеров, 2008, с. 171, 181, рис. 9, б]. Автор раскопок отмечает, что фрагмент керамики с гребенчато-пунктирным зигзагом не характерен для неолитических культур западного Приамурья. Здесь, вероятно, следует согласиться с мнением С.П. Нестерова, что данный черепок относится к Вознесеновской культуре [2008, с. 172]. Судить о возможности контактов или прямом присутствии носителей иной культурной традиции по одному-двум фрагментам сложно, а вертикальный зигзаг как орнаментальный мотив есть и в осиповском декоре.

Итак, из пяти рассматриваемых нами нижнеамурских неолитических культур признаки сходства с материалами громатухинской культуры среднего Амура в значительной мере обнаруживают две – осиповская и малышевская. При этом осиповская керамика, имеющая в ряде случаев орнаментацию, почти идентичную декору на громатухинской посуде, выявляет такие признаки на всех уровнях структуры. Это можно объяснить либо генетическими связями обеих керамических традиций, либо проникновением осиповцев на средний Амур. Отметим, что обе точки зрения высказаны первыми авторами раскопок памятников. В отношении малышевской керамики наличие признаков сходства, вероятно, объясняется инфильтрацией ее носителей на средний Амур. По мнению А.П. Окладникова и А.П. Деревянко, «в неолите движение племен происходило с востока на запад, а не наоборот» [1977, с. 166].

Следует упомянуть точку зрения приморских археологов: наличие в керамическом комплексе Громатухи «байсманской» керамики указывает на присутствие на среднем Амуре носителей этой культуры неолита Приморья. Так, к байсманским изделиям они отнесли фрагменты придонных частей нескольких сосудов, которые «украшены сходящимися наклонными линиями, нанесенными от-

ступающей лопаточкой» [Морева, Батаршев, 2009, с. 149]. Если даже согласиться с исследователями, то следует отметить, что ряд образцов из громатухинских материалов демонстрирует признаки сходства с малышевскими изделиями, но не имеет ничего общего с байсманскими находками. К примеру, крашеная буро-малиновая керамика с угольчатыми вдавлениями отступающей лопаточки типична для малышевской археологической культуры. Время «возможных миграций» байсманцев определена приморскими исследователями «в диапазоне $5\ 725\pm40 - 5\ 480\pm40$ л.н.» [Морева, Батаршев, 2009, с. 152]. Напомним ^{14}C даты, полученные в результате раскопок Громатухи в 2004 г.: слой 3 – $12\ 340\pm70 - 11\ 580\pm190$ л.н.; слой 2 – $10\ 660\pm40 - 6\ 175\pm125$ л.н. [Нестеров, 2006, с. 296]. На нижнем Амуре с ранней (юго-западной) группой памятников малышевской культуры связывают ^{14}C даты для памятников Гася – $7\ 950\pm80$ л.н. – и Сакачи-Алян (нижний пункт) – $6\ 900\pm260$ л.н., что подтверждается стратиграфически. Таким образом, вторая дата слоя 2 с Громатухи близка возрасту малышевского образца с поселения Сакачи-Алян (нижний пункт), а байсманские ^{14}C датировки оказались «моложе».

По ряду признаков орнаментальные комплексы нижнеамурских культур могут быть соотнесены с новопетровской ранненеолитической культурой, существовавшей на среднем Амуре. Эта культура представлена местонахождениями Новопетровка I–IV около с. Новопетровки на левом берегу р. Дунайки (недалеко от ее впадения в р. Амур) [Деревянко, 1970]. На поселениях Новопетровка I–III проводились раскопки, а на Новопетровке IV – разведочные работы [Деревянко, 1970; Деревянко, Нестеров и др., 2004]. Новейшие данные свидетельствуют, что Новопетровка III – однокультурный памятник.

Возраст по радиоуглероду поселения Новопетровка II: по нагару на керамике – около 9 700 л.н., по органическому отощителю – около 12 600 – 9 800 л.н. [Кузьмин, 2003, с. 22]. Дата для Новопетровки III – $8\ 040\pm90$ л.н., что в калиброванном виде соответствует 7300–6660 – 7030–6610 гг. до н.э. [Нестеров, 2006, с. 296]. По образцам нагара с керамики даты для Новопетровки IV – $7\ 890\pm50$ и $9\ 740\pm60$ л.н., а с учетом калибровки – 9290 – 8840 гг. до н.э. [Кузьмин, 2003, с. 22]. Таким образом, новопетровская культура укладывается в хронологический интервал 9290–8840 – 7300–6610 гг. до н.э., что относительно близко датам раннего этапа кондонской культуры (6590–5620 гг. до н.э.), полученным на поселении Князе-Волконское-1 [Шевкомуд, Горшков, 2007].

Неолитическая керамика с Новопетровки III представлена отдельными фрагментами и развалинами сосудов. Для новопетровского орнаментального комплекса характерны горизонтальные и наклонные (реже) налепные валики, рассеченные насечками или украшенные округлыми вдавлениями, придавшими им волнистую форму. Зона размещения узора – приустьевая часть сосуда (горловина и плечики). Венчик (верхняя плоскость и внешний бортик), туло и придонная часть оставались гладкими.

В описаниях осиповской керамики с Гончарки-1 отмечено наличие «рассеченных валиков», но сравнить их с новопетровской керамикой из-за характера публикаций пока не представляется возможным.

В кондонском керамическом комплексе выделяется группа т.н. «сосудов с валиками». По некоторым признакам их можно сопоставить с новопетровской керамикой (см. рис. 74, 34–46). В обоих орнаментальных комплексах керамики, оформленной позитивным или сочетанием позитивного и негативного рельефов, в качестве основного технико-декоративного элемента выделены прямые валики. Сходство проявляется в контурах, высоте рельефа и ширине налепа. В декоре новопетровской и кондонской керамики валики составлены в прямые горизонтальные линии. Однако для новопетровского орнамента характерны также наклонные линии, а для кондонского – прямые вертикальные. Кроме того, в кондонском декоре валики могли быть составлены в волнистые линии и сетку. Отчасти совпадают зоны размещения декора – горловина и плечики. Среди кондонской керамики иногда встречаются образцы, у которых украшены также туло и придонная часть. Тип композиционного построения сходен лишь отчасти – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + розетка. В кондонском декоре могли сочетаться все три типа – бордюр + сетка + розетка.

Следовательно, признаки сходства новопетровского и кондонского орнаментов проявляются на всех уровнях структуры, однако носят, на наш взгляд, стадиальный характер. Следует отметить, что сосуды с валиками отнесены исследователями к позднему этапу существования кондонской культуры [Шевкомуд, 2003, с. 217]. Однако наличие ^{14}C даты для поселения Кондон-Почта (4 520±25 л.н.), которое порой относят то к кондонской, то к вознесеновской культурам, а также отсутствие радиоуглеродных дат для поселения Иннокентьевка, где найдены фрагменты сосудов с валиками, оставляет вопрос об их хронологической привязке открытым.

Описанная выше кондонская керамика и некоторые вознесеновские изделия, украшенные налепными валиками, находят параллели в материалах осиноозерской позднеолитической культуры среднего Приамурья (рис. 74, 34–38, 47–50). Опорный памятник – поселение на берегу Осинового озера. Другое местонахождение – Громатуха (слой 1) в устье р. Белой [Окладников, Деревянко, 1973, с. 104–107; Деревянко, Канг Чан Хва и др., 2004].

Радиоуглеродные даты, коррелирующие с осиноозерской культурой позднего неолита, получены для поселения Михайловка-Ключ (4 255±150 л.н.) и Осиновое Озеро (3 715±35 л.н.), которые в калиброванном виде дают интервал 3340–2490 – 2200–1980 гг. до н.э. [Archaeology..., 2006, р. 29].

Среди керамики поселения Осиновое Озеро исследователями выделены три типа сосудов. Сосуды первого типа по венчику и тулову украшены волнистыми рассечеными налепными валиками, образующими орнамент в виде восьмерок, а иногда ромбов. Орнамент сосудов второго типа тоже состоит из налепных рассеченных валиков. Сосуды третьего типа иногда по венчику декорированы одним-двумя налепными валиками [Окладников, Деревянко, 1973, с. 104–107].

Керамический материал из слоя 1 многослойного поселения Громатуха представлен фрагментами сосудов, орнаментированных параллельными горизонтальными налепными валиками, соединенными между собой короткими вертикальными и наклонными валиками [Такаси Такеучи и др., 2009].

На кондонской керамике кроме орнамента из прямых горизонтальных линий встречаются мотивы прямых вертикальных и волнистых линий. В кондонском орнаменте налепные валики могли компоноваться еще и в сетку (рис. 74, 34–38). Если признать ^{14}C дату с поселения Кондон-Почта кондонской, то осиноозерская ^{14}C дата для поселения Михайловка-Ключ оказывается очень близкой по времени. Если же считать ^{14}C дату для Кондон-Почты вознесеновской, то осиноозерская позднеолитическая культура становится значительно «молже», даже по сравнению с поздним этапом кондонской культуры раннего – среднего неолита. Однако в этом случае некоторые параллели осиноозерского орнамента с налепными валиками находятся в орнаментальном комплексе вознесеновской культуры нижнего Приамурья (рис. 74, 47–50). Так, на Хумми (вознесеновский слой) найден археологически целый сосуд, украшенный по тулову налепными валиками криволинейных очертаний с нанесенными поверх оттисками трехзубчатого

гребенчатого штампа. Сходный по орнаментике фрагмент стенки сосуда есть среди материалов из жилища А поселения Кольчем-3. На памятнике Кольчем-2 обнаружен фрагмент верхней части сосуда, орнаментированного по плечикам и тулову горизонтально-наклонным налепным валиком (в виде латинской буквы «V») (рис. 74, 47, 48).

Таким образом, сходство осиноозерского и кондонского, а также осиноозерского и вознесеновского орнамента проявляется только отчасти: в отдельных принципах и способах декорирования, технико-декоративных элементах (низший уровень) и мотивах (высший уровень). Скорее всего, можно говорить лишь об эпизодических контактах (вероятно, опосредованных), т.е. о стадиальном характере корреляционных связей.

Подводя итоги сравнительного анализа орнаментальных комплексов неолитических культур нижнего и среднего Приамурья, отметим признаки сходства. В одних случаях (например, осиповская и громатухинская культуры) они носят более, а в других (осиповская и новопетровская культуры) менее выраженный характер. Вероятно, на разных этапах неолита имели место прямые и/или опосредованные контакты носителей рассматриваемых нижне- и среднеамурских культур. Возможной контактной зоной была юго-западная часть нижнего Приамурья. Миграционные потоки проходили, по всей видимости, в двух направлениях. Из юго-западной части нижнего Приамурья осиповцы и малышевцы могли проникать на территорию среднего Амура, а носители громатухинской культуры, наоборот, – в нижнее Приамурье, используя р. Амгунь, верховья р. Буреи и р. Селемджу в качестве магистрали. Этим же путем в нижнее Приамурье опосредовано могли проникать инновации, касающиеся гончарного производства в целом и орнаментики в частности.

Двухслойный памятник Амурзет, расположенный на территории среднего Приамурья между Малым Хинганом и впадающей справа в Амур реки Уссури, мог служить одним из таких транзитных пунктов. Комплекс находок неолитического времени из нижнего слоя памятника, стационарно исследованного в 1990 г. В.Е. Медведевым [2009а-б], стоит особняком в археологии дальневосточного неолита. Амурзетскую стоянку трудно отнести только к приморскому, нижне- или среднеамурскому неолиту. Памятник самостоятелен, с признаками синкретизма, занимает региональную нишу на стыке нескольких культурных традиций раннего и среднего неолита. В настоящее время невозможно увязать амурзетские находки с какой-либо известной культурой. В культурно-хро-

нологической колонке неолита Дальнего Востока они, с определенной долей вероятности, должны занимать место между мариинской и малышевской (кондонской – ранний этап) культурами.

Неолитическая часть коллекции керамики Амурзетской стоянки включает 128 фрагментов: 61 венчик и 67 стенок. Основной декор – тиснение мелкозубчатой гребенкой или орнаментиром-«качалкой» (преимущественно горизонтальные, иногда наклонные ряды) в сочетании, в редких случаях, с отисками ромбического, овального, кружкового штампа, а также ямочных вдавлений. Мелкие отиски, как правило, овальные, подпрямоугольные, порой в виде скобочек. Они выполнены в технике «отступающей» лопаточки наряду с гребенкой и орнаментиром-«качалкой», а также зубчатым колесиком (в последнем случае отиски сформированы в узких желобках).

Анализ керамики показал, что комплекс находок не связан с начальным, ранним (осиповская, громатухинская, новопетровская и мариинская культуры) и поздним (вознесеновская и осиноозерская культуры) неолитом Приамурья. Есть некоторое сходство регионального уровня в технике орнаментации керамики (зубчатое колесико, орнаментир-«качалка», «отступающая» лопаточка, некоторые формы штампов) и отдельных мотивах декора с ранним этапом малышевской культуры (Гася, Сакачи-Алян – нижний пункт). Однако в целом керамика Амурзета архаичнее малышевской. Прослеживается определенная близость рассматриваемого комплекса с керамикой кондонской культуры (фигурно-валиковые рассеченные венчики, гребенчатый декор, «отступающая» лопаточка). По большинству типологических признаков амурзетская керамика представляется старше и проще кондонской, включая ее ранний этап. Некоторое сходство с керамическими комплексами бойсманской культуры Приморья проявляется в фигурно-валиковом оформлении венчиков, гребенчатом узоре, «отступающей» лопаточке. Однако бойсманскую коллекцию керамики нельзя назвать более древней и примитивной по сравнению с амурзетскими находками. Напротив, она, на взгляд автора раскопок, несколько «моложе» последних.

На возможные связи неолитических культур нижнего Приамурья и Приморья еще в 1950–1980-е гг. указывали А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Д.Л. Бродянский и другие исследователи [Окладников, 1959а; Окладников, Деревянко, 1973; Бродянский, 1975, 1987]. С развитием источников базы интерес к корреляции приамурских и приморских памятников значительно возрос.

Опыт сравнительной характеристики приамурской и приморской неолитической керамики на основе коллекций наиболее изученных и/или опорных памятников был продолжен (см.: [Неолит юга..., 1991; Жущиховская, 2004; Морева, Батаршев, 2009; Батаршев, 2009; Медведев, Филатова, 2009; Морева, Батаршев, Клюев, 2012]).

В археологии Приморья на сегодняшний день выделены руднинская, бойсманская, веткинская и зайсановская археологические культуры. По данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования руднинская культура (середина VIII – вторая половина VI тыс. до н.э.) ассоциируется с ранним и/или средним неолитом, веткинская (начало VII – конец VI тыс. до н.э.) и бойсманская (конец VI – середина IV тыс. до н.э.) – со средним неолитом, а зайсановская (конец V – середина II тыс. до н.э.) – со средним и/или поздним неолитом [Дьяков, 2002; Яншина, 2003; Морева, 2003, 2005; Попов, 2006, 2008; Бродянский, 2006; Батаршев, 2009; Морева, Батаршев, Клюев, 2012]. Рассмотрим возможные взаимосвязи орнаментальных комплексов нижнеамурских и приморских неолитических культур подробнее (см. рис. 75–78).

По данным исследователей, на территории Приморья обнаружены три памятника с архаичной керамикой, относящейся к финалу плейстоцена – началу голоцену, т.е. к позднему палеолиту – начальному неолиту. Это – поселения Устиновка-3, Черниговка-Алтыновка-5 (Черниговка-1), Горный Хутор [Гарковик, 2005]. Для Устиновки-3 по фрагментам керамики получена радиоуглеродная дата $9\ 305\pm31$ л.н., а также ^{14}C дата $9\ 300\pm30$ л.н., что позволило определить время формирования комплекса – $10\ 500\text{--}9\ 500$ л.н. [Кононенко, 2001, с. 46–47]. Радиоуглеродная дата определена и для поселения Черниговка-Алтыновка-5 (Черниговка-1) – $10\ 770\pm75$ л.н. [Кузьмин, 2003, с. 19]. В калиброванном виде это дает хронологический интервал 11160–10480 гг. до н.э. (т.е. начало XII – середина XI тыс. до н.э.), близкий осиповской культуре.

Керамическая коллекция Устиновки-3 включает 150 разрозненных фрагментов, возможно, от двух-трех сосудов. Целые изделия не обнаружены. Практически на всех черепках на поверхности фиксировались пустоты, характерные для травянистой органики [Яншина, Гарковик, 2008, с. 244]. На фрагменте венчика есть сквозные округлые отверстия по горловине [Кононенко, 2001, с. 49, рис. 10, 1–4]. Таким образом, устиновская керамика по целому ряду признаков (оттиски травы на поверхности черепков, «прокольчатый орнамент») аналогична осиповским фрагментам с поселений Гася (раскоп I) и Харпичан-4 (рис. 75, 1–9).

Керамика с поселения Черниговка-Алтыновка-5 (Черниговка-1) (20 фрагментов) тоже имеет некоторое сходство с осиповскими материалами. Вся приморская керамика содержит на поверхности отпечатки травянистой органики. Морфология оттисков при этом значительно отличается от той, что свойственна керамике Устиновки-3: они очень длинные, более широкие и волокнистые. Встречаются на поверхности и узкие желобки (до 1 мм). Судя по характеру отпечатков, это – оттиски травы, а не следы ее протаскивания по поверхности сосуда [Яншина, Гарковик, 2008, с. 245]. Визуально фрагмент керамики с Горного Хутора является полной копией изделий с Черниговки-Алтыновки (Черниговки-1).

Можно считать, что керамика финального палеолита – начального неолита, обнаруженная в Приморье, и осиповские изделия имеют ряд сходных признаков. Они отчасти проявляются в принципах и способах декорирования, а также в техническом декоре (желобки) на поверхности и «прокольчатом орнаменте» под венчиком. В целом керамика с Устиновки-3, Черниговки-Алтыновки (Черниговки-1) и Горного Хутора выглядит более примитивной, чем осиповская, поэтому все перечисленные признаки сходства можно расценивать как стадиальные.

Приморские археологи, несмотря на разные оценки хронологического положения руднинской культуры, единодушны в том, что ее комплексы хронологически наиболее ранние в Приморье. Ареал руднинской культуры охватывает территорию восточного, западного и частично южного Приморья, а также восточной Маньчжурии. Выделяют два ареала распространения памятников – восточный (восточные склоны Сихотэ-Алиня) и западный, или приханкайский (Приханкайская равнина и примыкающая к ней территория) [Батаршев, 2009, с. 110]. Известны более двадцати местонахождений, связанных с руднинской культурой или с близкими к ней комплексами [Батаршев, 2009, с. 68]. Опорные памятники – Рудная Пристань (нижний горизонт), пещера Чертовы Ворота, Лузанова Сопка-2 и -5, Сергеевка-1 [Андреева, Татарников, 1974; Дьяков, 1992; Неолит юга..., 1991; Попов, 2006; Батаршев, 2009].

Радиоуглеродные даты для руднинской культуры определены как по опорным памятникам, так и по материалам других местонахождений. Так, для памятника Рудная Пристань (нижний горизонт) по пробам угля получены следующие ^{14}C даты: $7\ 690\pm80$ и $7\ 390\pm100$ л.н. [Дьяков, 1992, с. 119]. Серия ^{14}C дат по разным материалам определена для пещеры Чертовы Ворота: по кости

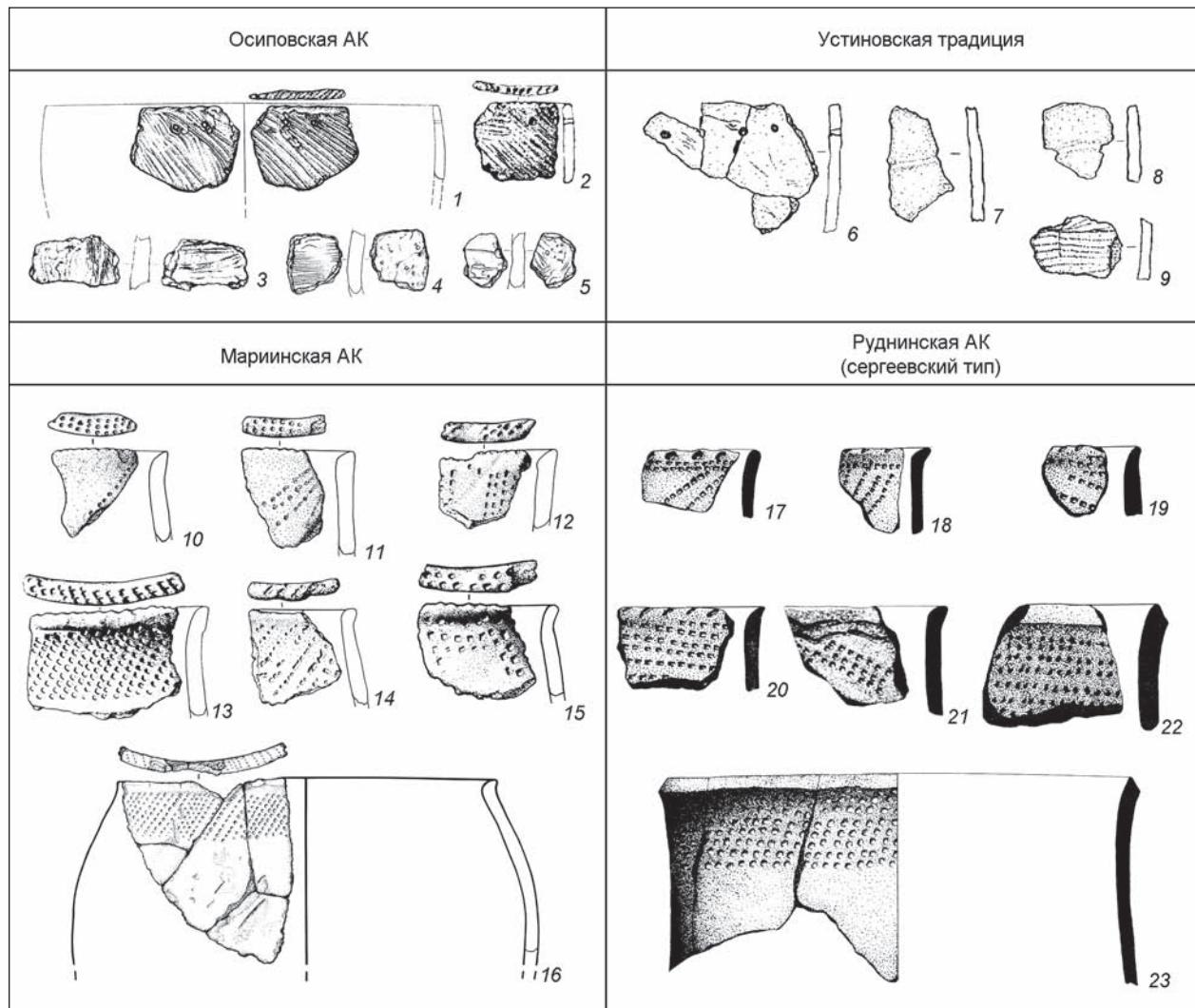

Рис. 75. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Приморья.

1 – Гася; 2 – Харпичан-4; 3 – Госян; 4, 5 – Осиповка; 6–9 – Устиновка-3; 10–16 – Сучу; 17–22 – Сергеевка-1; 23 – Осиновка (6–9 – по: [Кононенко, 2001, рис. 10, 1–4]; 17–22 – по: [Батаршев, рис. 21, 2, 6; 23, 4; 24, 3–5]; 23 – по: [Батаршев, Морева, Попов, 2003, рис. 3, 1]).

человека – 7 110±95 л.н., по углю – 6 825±45, 6 575±45 и 6 380±70 л.н. Получены ^{14}C даты для поселений Сергеевка-1 (6 700±80 л.н.) и Лузанова Сопка-2 (7 320±40 л.н.) [Батаршев, 2009]. В целом время существованияrudнинской культуры укладывается в диапазон 8 360±60 – 5 890±45 л.н., что в калиброванном виде соответствует середине VIII – второй половине VI тыс. до н.э. [Попов, 2006, с. 303; Archaeology..., 2006, р. 23, 101–107].

Взгляды приморских археологов на внутреннюю периодизациюrudнинской культуры неоднозначны. По одним оценкам в ее развитии можно выделить два этапа: ранний (собственноrudнинский) и поздний (сergeевский) [Попов, 2006, с. 303; Батаршев, 2009, с. 100–104]. Другие исследователи относят памятники особой группы, т.н. «петровичей-сиротинкинского», «сergeевско-

го», «приханкайского» типа, к отдельной традиции или культуре («шекляевская культура», «шекляевская культурная группа») [Сапфиров, 1985; Лынша, 1989; Клюев, Гарковик, 2008].

Есть версия о существовании в рамкахrudнинской культуры двух дискретных комплексов керамики –rudнинского и sergeевского. При этомrudнинская керамика датируется в диапазоне 7,5–7 тыс. л.н., а sergeевская – 7–6 тыс. л.н. [Батаршев, 2009, с. 104, 106].

Для керамикиrudнинского типа (Рудная Пристань, Чертовы Ворота, Осиновка, Лузанова Сопка-2 и др.) характерно следующее: декор наносился в двух зонах – на верхнюю плоскость венчика и приустьевую часть тулов, а между ними оставалась узкая неорнаментированная полоса. Основные типы орнамента – оттиски ромбического,

треугольного и овально-округлого штампа, отпечатки веревки (для украшения верхней плоскости венчика). Орнаментальные мотивы – «амурская плетенка» (доминирующий), шеврон, прямые горизонтальные линии. Декор образовывал опоясывающую сосуд сплошную полосу с параллельными краями. Иногда узор прерывался по вертикали неорнаментированным участком, вставкой другого орнамента или прочерченной линией [Батаршев, 2009, с. 100–101].

На керамике сергеевского типа (Сергеевка-1, Петровичи, Сиротинка, Дворянка-1, ЛЗП-3–6, Новотроицкое-2 и др.) орнамент в приустьевой части сосуда нанесен сплошной полосой с параллельными нижним и верхним краями. Декор включал комбинацию вдавлений ромбического и треугольного штампов («амурская плетенка»), горизонтальных полос отпечатков «птичек», скобок, гребенки и прямоугольников, оттисков веревки и отступающей лопаточки. Выделяется орнамент из прямых или волнистых налепных валиков и «зашипов». Характерный прием построения – оконтуривание орнаментального бордюра снизу и сверху гребенчатыми оттисками, отпечатками веревки или горизонтальными рядами «птичек». Верхняя плоскость венчика могла быть украшена овально-округлыми оттисками [Батаршев, 2009, с. 101].

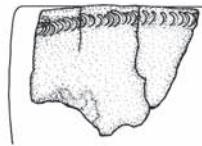
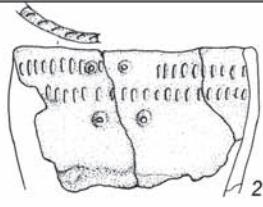
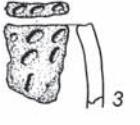
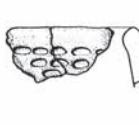
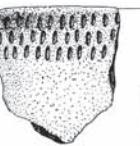
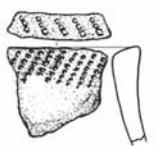
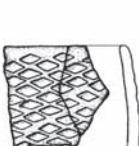
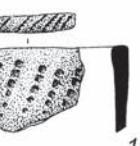
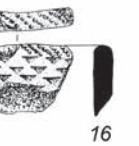
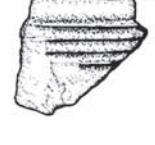
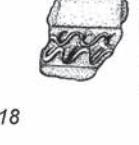
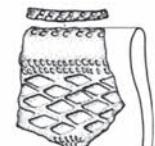
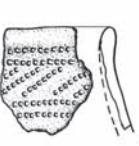
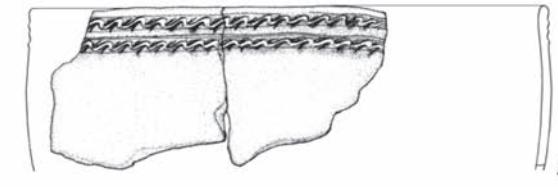
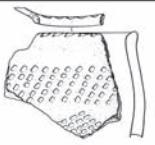
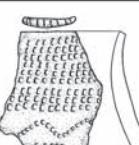
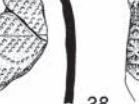
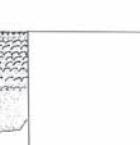
Анализ мариинской керамики выявил, что она по отдельным признакам близка некоторым образцам сергеевского типа (рис. 75, 10–23). Основной принцип декорирования нижнеамурской и приморской керамики – негативный рельеф, нанесенный на поверхность изделий штампованием. Характерный для мариинской и сергеевской керамики технико-декоративный элемент – отпечатки многозубчатой «гребенки»; орнаментальный мотив – прямая линия. Зоны размещения декора на мариинской и сергеевской керамике – верхняя плоскость венчика, горловина и плечики. Тулово и придонная часть изделий оставались гладкими. Для керамики обоих орнаментальных комплексов характерны концентрическая и сетчато-концентрическая структура орнамента. Типы пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка.

Таким образом, признаки сходства в орнаментальных комплексах мариинской и руднинской (сергеевский и отчасти руднинский типы) культуры выявлены на всех уровнях структуры декора. Различия же в первую очередь проявляются в неодинаковой значимости общих технико-декоративных элементов и орнаментальных мотивов. В частности, оттиски гребенчатого штампа доминируют лишь в мариинском декоре. Мотив прямой горизонтальной линии – основной в мариинской

орнаментике, но играет подчиненную (служебную) роль в руднинском комплексе. Кроме того, для руднинского орнамента (сергеевский тип) характерно значительно большее количество типов технико-декоративных элементов, орнаментальных мотивов и композиционных схем построения декора. Орнамент на мариинской керамике выглядит более архаичным по сравнению с руднинским декором. Пока нельзя однозначно сказать, являются ли отмеченные признаки сходства следствием прямого и/или опосредованного взаимодействия между носителями этих культур. Однако, если судить по хронологии мариинской культуры нижнего Приамурья и руднинской культуры Приморья, такая возможность существовала.

Сопоставление кондонского и руднинского орнамента, как указывалось выше, можно считать традиционным для дальневосточной археологии [Окладников, 1959а; Окладников, Деревянко, 1973; Бродянский, 1975, 1987; Неолит юга..., 1991]. Однако выделение двух типов керамических комплексов – руднинского и сергеевского – заставляет детально проанализировать имеющиеся материалы.

В орнаментации кондонских сосудов ранней и средней хронологических групп и керамики руднинского типа прослеживаются явные параллели (рис. 76, 1–17). В обоих орнаментальных комплексах единственным принципом декорирования выступает негативный рельеф, для нанесения которого применялось штампованием. В приморском орнаменте, как и в приамурском, ведущую роль играют следующие технико-декоративные элементы: простые криволинейные разомкнутые (скобковидные оттиски), сложные прямолинейные замкнутые (треугольные и ромбовидные оттиски, отпечатки гребенчатого штампа), сложные криволинейные замкнутые (круглые и овальные оттиски). Черты сходства проявляются также в орнаментальных мотивах и композициях. Для обоих комплексов характерны прямолинейные разомкнутые простые (прямая линия) и сложные (сетка) мотивы, но композиция декора различается. В кондонской культуре зафиксированы материалы с концентрической, сетчато-концентрической, радиально-концентрической и сетчато-радиально-концентрической структурой, на керамике руднинского типа – с концентрической и сетчато-концентрической структурой. Тип пространственного строения приамурского орнамента – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + сетка + розетка, приморского – бордюр, бордюр + сетка. На кондонской керамике декор нередко охватывает все орнаментальные зоны, включая верхнюю плоскость венчика и придон-

Кондонская АК		Руднинская АК (рудничский тип)	
			
			
			
			
Кондонская АК		Руднинская АК (сергеевский тип)	
			
			
			
			
Кондонская АК		Веткинская АК	
			
			
			

ную часть. Декор на руднинской керамике располагается узкой полосой по верхней плоскости и ниже кромки венчика.

Демонстрируют сходство орнаментальные комплексы кондонской культуры и декор керамики сергеевского типа (рис. 76, 18–31). В приамурских и приморских образцах керамики рельефный принцип декорирования поверхности сосудов является единственным. Встречаются как негативная, так и позитивная его разновидности. Для создания негативного рельефа использовалось штампованием, а позитивного – налепивание и зашивание. Перечислим технико-декоративные элементы: 1) простые прямолинейные разомкнутые (прямые валики); 2) сложные прямолинейные замкнутые (треугольные, квадратные, прямоугольные и ромбовидные оттиски, отпечатки гребенчатого штампа); 3) простые криволинейные разомкнутые (волнистые валики); 4) сложные криволинейные замкнутые (овальные оттиски). Мотивы преобладают геометрические: 1) простые разомкнутые прямолинейные (прямая линия); 2) простые разомкнутые криволинейные (волнистая линия); 3) сложные разомкнутые криволинейные (сетка). Композиции бордюрного типа размещены в верхней части орнаментальной зоны (внешний бортик венчика, горловина, плечики и верхняя часть туловы сосуда).

Таким образом, сходные признаки в орнаменте кондонской и руднинской (руднинский и сергеевский типы) керамики отмечены на низшем, среднем и высшем уровнях структуры декора. Полагаем, что это указывает на возможность контактов (в т.ч. прямых) на ранних стадиях развития кондонской и руднинской культур, хронологические рамки которых отчасти совпадают.

Часть керамического комплекса кондонской культуры имеет параллели в материалах веткинской культуры, недавно выделенной в восточном Приморье. Опорный памятник – Ветка-2 [Попов, 2006, 2008; Морева, Батаршев, Попов, 2008]. Керамика, аналогичная веткинской, найдена на поселениях Моряк-Рыболов, Шекляево-7, Лузанова Сопка-2 и Бойсмана-2. Время существования веткинской культуры – начало VII – конец VI тыс. до н.э. [Попов, 2006, с. 304].

Керамический комплекс с памятника Ветка-2 включает многочисленные обломки сосудов, среди которых 8 археологически целых изделий [Морева, Батаршев, Попов, 2008, с. 132]. Неолитическую керамику памятника отличает «роскошный декор». Отмечены два вида рельефа – позитивный (валики с нанесенными поверх неглубокими округлыми оттисками) и негативный (штампованный, накольчато-оступающий и прочерченный). Штампованный орнамент составляют треугольные, прямоугольные, ромбические, округлые, овальные и гребенчатые оттиски. Отпечатки гребенчатого штампа присутствуют практически на всех сосудах. Основные орнаментальные мотивы – «прямая горизонтальная линия, волнистая горизонтальная линия (горизонтальный зигзаг), сетка, ромб и треугольник». В основе композиционного построения декора лежит принцип концентрических поясов. Зоны орнаментации – плечики, туло и придонная часть, а также верхняя плоскость венчика [Морева, Батаршев, Попов, 2008, с. 134–136].

В орнаменте кондонских сосудов средней и поздней хронологических групп ряд черт свидетельствует о близости веткинскому декору (рис. 76, 32–41). Так, для обеих культур рельефный принцип декорирования поверхности сосудов – единственный. Крашеная керамика не найдена. Ведущий принцип декорирования – негативный рельеф, для нанесения которого применялось штампованием. Различие проявляется в том, что в веткинских материалах негативный рельеф часто сопровождается позитивным рельефом, выполненным в технике налепа. Если говорить о приамурских материалах, то это характерно для малышевской керамики, а не для кондонской. Технико-декоративные элементы следующие: 1) простые разомкнутые прямолинейные (прямые валики); 2) простые разомкнутые криволинейные (волнистые валики); 3) сложные замкнутые прямолинейные (квадратные, прямоугольные и ромбовидные оттиски, отпечатки гребенчатого штампа); 4) сложные замкнутые криволинейные (округлые и овальные оттиски). Геометрические мотивы включают такие варианты: 1) простые разомкнутые прямолинейные (прямая линия); 2) сложные разомкнутые криволинейные (волнистая линия),

Рис. 76. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Приморья.

1–8, 18–21, 24, 33–36 – Кондон-Почта; 9–11, 15, 17 – Рудная Пристань (раскопки А.П. Окладникова); 12, 16 – Петровичи; 13, 14, 27 – Осиновка; 22, 23, 32 – Иннокентьевка (пункт II); 25, 29, 30 – Сиротинка; 26 – ЛЗП-3-6; 28 – Сергеевка-1; 31 – Шекляево-7; 37–40 – Ветка-2; 41 – Бойсмана-2 (9–12, 15, 17, 28 – по: [Батаршев, рис. 27, 4; 38, 4, 7; 39, 8, 10, 11; 58, 4]; 13, 14, 27 – по: [Батаршев, Морева, Попов, 2003, рис. 2, 1, 7, 9]; 16, 25, 29, 30 – по: [Бродянский, 1987, рис. 64, 5; 66, 1–3]; 26 – по: [Клюев, Пантохина, 2006]; 31 – по: [Клюев, Яншина, Кононенко, 2003]; 37–40 – по: [Морева, Батаршев, Попов, 2008, рис. 6, 2; 8, 1; 17, 4, 6]; 41 – по: [Батаршев, Дорофеева, Морева, 2010, 1]).

горизонтальный зигзаг, сетка); 3) сложные замкнутые криволинейные (треугольник). Отметим наличие в орнаментальных комплексах обеих культур характерного декора: в веткинском – треугольные и овальные оттиски, в кондонском – ромбовидные и овальные отпечатки; они сгруппированы в треугольники с направленными вниз вершинами. Композиции сетчато-концентрические – бордюр + + сетка. Зоны размещения орнамента на керамике в обеих культурах, в принципе, совпадают.

Таким образом, в орнаментальных комплексах кондонской и веткинской культур есть как сходные, так и отличительные черты. Признаки сходства выявлены на всех уровнях структуры декора. Это указывает на возможность контактов (в т.ч. непосредственных) на развитой и поздней стадиях существования кондонской и веткинской культур. В опубликованных материалах есть образцы керамики, подтверждающие вероятность прямого проникновения носителей кондонской культуры на территорию Приморья (см.: [Морева, Батаршев, 2008, с. 147; с. 150, рис. 2, 1].

Сравнительный анализ орнаментальных комплексов кондонской и руднинской (руднинского и сергеевского типов), кондонской и веткинской культур выявил наличие признаков сходства на всех уровнях структуры орнамента и во всех хронологических группах.

Орнамент на керамике сергеевского типа демонстрирует яркое сходство с декором некоторых сосудов ранней и средней (отчасти) групп орнаментального комплекса малышевской культуры (рис. 77, 1–16). В обоих комплексах ведущий принцип декорирования – негативный рельеф, для нанесения которого применялось штампованием и накалывание. Есть также изделия, украшенные позитивным рельефом. Технико-декоративные элементы включают следующие разновидности: 1) простые криволинейные замкнутые (дугобразные оттиски); 2) сложные прямолинейные замкнутые (квадратные, прямоугольные, треугольные и ромбовидные оттиски, вдавления гребенки); 3) сложные криволинейные разомкнутые (волнистые валики); 4) сложные криволинейные замкнутые (овальные оттиски). Геометрические мотивы представлены такими вариантами: 1) простые разомкнутые прямолинейные (прямая линия); 2) сложные разомкнутые криволинейные (сетка, волнистая линия). Зоны размещения орнамента – внешний бортик, реже – верхняя плоскость венчика. Горловина, плечики, туло и придонная часть изделий оставались гладкими. Для керамики обоих орнаментальных комплексов характерны концентрическая и сетчато-концентрическая

структура орнамента. Типы пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка.

Итак, признаки сходства орнаментальных комплексов малышевской и руднинской (сергеевский и отчасти руднинский типы) культур прослеживаются на всех уровнях структуры орнамента. Отличия заключаются в разной значимости общих технико-декоративных элементов, орнаментальных мотивов и композиций. Выделенные нами ранняя и средняя (отчасти) группы малышевского орнаментального комплекса находились примерно на одном уровне развития с сергеевским типом руднинского комплекса. Высока вероятность контактов (в т.ч. прямых) носителей малышевской и руднинской культур на ранних стадиях развития.

Сосуды средней и поздней хронологических групп малышевского комплекса сопоставимы с материалами бойсманской культуры, ареал которой охватывает главным образом юг Приморья. Опорные памятники бойсманской культуры – Бойсмана-1 и -2. Прочие местонахождения – Ханси-1, Заречье-1, Сибирякова-1, Лузанова Сопка-2, Посьет-1 и др. [Андреев, 1960; Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Жущиховская, 1998; Попов, 2006].

Для опорных памятников бойсманской культуры получена серия ^{14}C дат [Попов, 2006, с. 104, Archaeology..., 2006, р. 23, 24] в рамках конца VI – середины IV тыс. до н.э.

Керамические комплексы с памятников Бойсмана-1 и -2 включают целые и реставрируемые изделия, а также многочисленные фрагменты сосудов [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Жущиховская, 1998; Морева, Попов, 2001, 2003; Морева, 2003, 2005; Попов, 2006]. На основе типологического анализа бойсманской керамики, а также условий ее стратиграфического и планиграфического залегания, на поселении Бойсмана-2 выделены пять этапов неолитического керамического производства, которые, возможно, «отражают динамику культуры в целом» [Морева, 2003]. Для каждого этапа определены наиболее яркие признаки.

Керамика первого этапа разделена на две группы. В декоре сосудов первой группы отмечено сочетание или чередование горизонтальных поясков, нанесенных гребенчатым или гладким штампом, а также прямые и волнистые линии «отступающей» лопаточки, прочерченные бороздки [Морева, 2003]. Вторая группа по способу нанесения декора и его композиционному построению отличается стилистическим однообразием. Самые распространенные композиции – горизонтально расположенные прямые, волнистые и дугобразные рубчики или оттиски отступающей лопаточки.

Второй этап представляют сосуды, тулоо которых орнаментировано сплошным полем. Декор включает горизонтальные ряды наклонных гребенчатых оттисков.

Для керамики третьего этапа характерно наличие орнамента из ромбических, овальных, квадратных и гребенчатых оттисков, имитирующих плетение. Встречается бордюр из бороздок, окаймленный окружными или полукруглыми оттисками гладкого штампа (т.н. «волнистый ложный валик»).

На сосудах четвертого этапа появляются такие мотивы, как вертикальный зигзаг и заштрихованные ромбы, выполненные «отступающей» лопаточкой. «Волнистый ложный валик» исчезает.

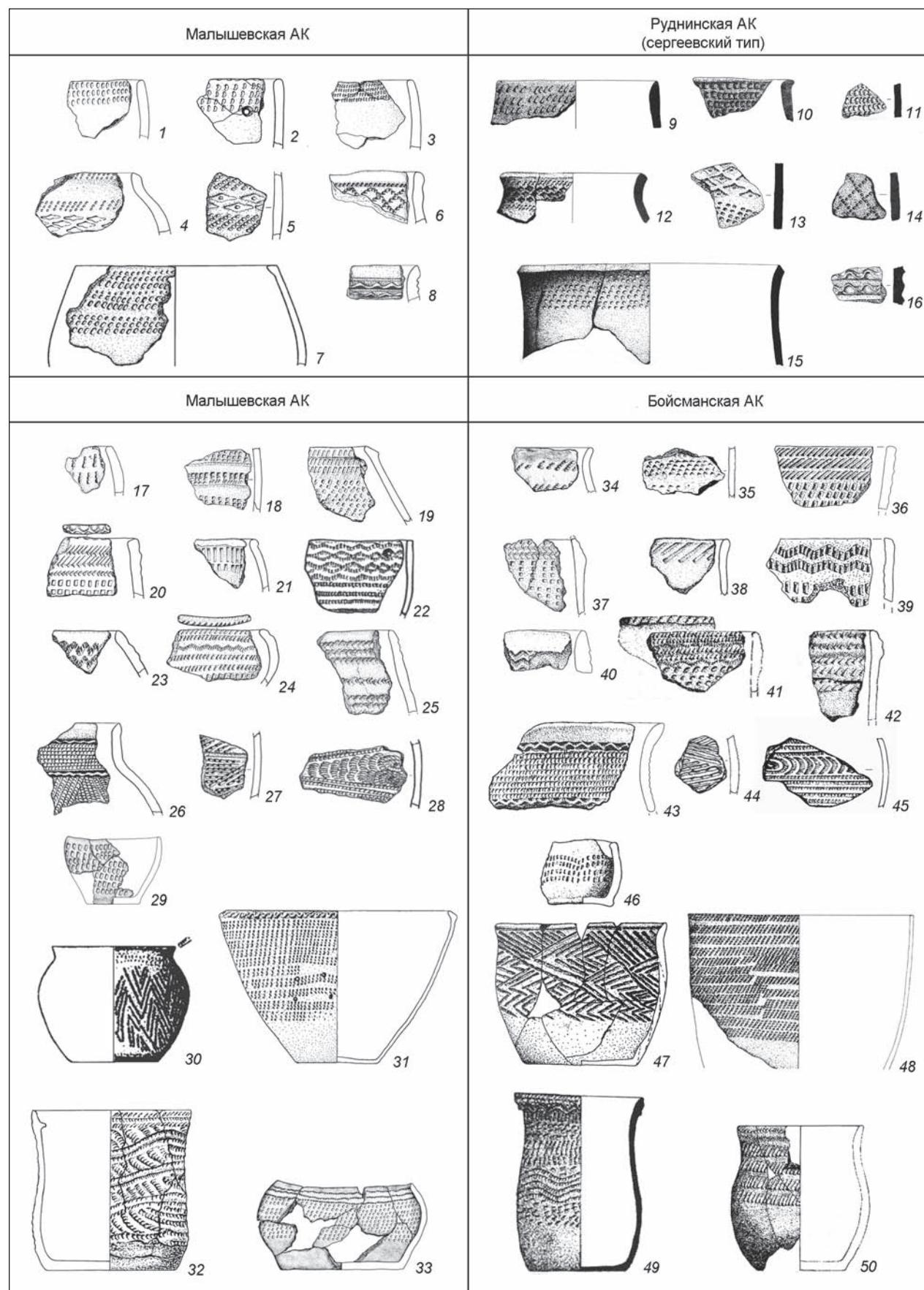
Изделия пятого этапа орнаментированы гребенчатым штампом. Основной мотив – горизонтальные пояски, расставленные сплошным полем или разделенные чистой узкой полоской. Как считает О.Л. Морева, орнаментальные признаки керамики пятого этапа «находят прямые аналогии в керамике зайсановской культуры» [2003, с. 174].

Как видим, единственным принципом декорирования бойсманской керамики выступает рельеф (негативный и позитивный). Плоскостной орнамент не обнаружен. Способы нанесения негативного рельефа – штампованием, тиснение, протягивание и прочерчивание, а также сочетание тиснения и короткого прочеса. Позитивный рельеф выполнялся налеплением. Основным инструментом для нанесения орнамента служил гребенчатый штамп. Реже использовались гладкие штампы овальной и ромбической формы или лопаточка. Гребенчатый штамп имел различное количество «зубцов» (от двух до семи-восьми) четырехугольно-квадратной, удлиненно-прямоугольной формы. Встречаются также линии и ногтевые оттиски [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Жущиховская, 1998; Морева, 2003, 2005]. Технико-декоративные элементы разнообразны: 1) простые криволинейные замкнутые (дугобразные оттиски); 2) сложные прямолинейные замкнутые (квадратные, прямоугольные, треугольные и ромбовидные оттиски, вдавления «гребенки»); 3) сложные криволинейные замкнутые (округлые и овальные оттиски). Орнаментальные мотивы следующие: прямая (горизонтальная и наклонная) и волнистая линии, дуга, сетка, треугольник, ромб и шеврон; единичны горизонтальный зигзаг и спираль. Отметим специфический «волнистый ложный валик». Зонами размещения орнамента служили внешний бортик и верхняя плоскость венчика (реже). Горловина, плечики, тулоо и придонная часть изделий оставались гладкими. Структура орнамента

концентрическая. Тип пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка.

Сравнительный анализ орнамента керамики с поселения Булочка выявил как сходные, так и отличительные черты (рис. 77, 17–50). Для малышевской керамики характерны два принципа декорирования – рельефный и плоскостной. В бойсманском комплексе представлен только рельеф. Ведущий способ декорирования – штампованием. Как в нижнеамурских, так и в приморских материалах есть образцы, украшенные вдавлениями гребенки с количеством «зубцов» от двух до семи-восьми, хотя для малышевского орнамента типичны оттиски двух-, трех- и четырехзубчатого штампа. Различаются также форма и размеры отпечатков. Для декора приамурской керамики характерны оттиски среднего размера, квадратной, прямоугольной и ромбовидной формы, а для приморского орнамента – сравнительно мелкие отпечатки квадратной или прямоугольной формы. Отметим наличие в этих орнаментальных комплексах изделий, декорированных в технике «протащенной гребенки». В малышевском и бойсманском орнаменте часто встречаются оттиски «отступающей» лопаточки дугообразной, угольчатой и прямоугольной формы. Орнаментальные мотивы бойсманской керамики аналогичны декору на малышевских изделиях: прямая (горизонтальная, наклонная) и волнистая линии, дуга, треугольник, ромб, шеврон, горизонтальный зигзаг и спираль. Однако в бойсманском орнаментальном комплексе отсутствуют такие мотивы, как меандр и личины, характерные для малышевского декора. В целом, орнаментальные мотивы малышевского комплекса отличаются большим разнообразием.

Особого рассмотрения требует специфический для керамического комплекса третьего этапа бойсманской культуры мотив «волнистого ложного валика» (см. рис. 77, 43). Как отмечалось выше, в материалах с ряда местонахождений малышевской культуры (Малышево-2, Вознесенское, Сучу, Малая Гавань) в большом количестве представлены изделия с характерным оформлением внешнего бортика венчика и низа горловины волнистыми линиями, составленными в шахматном порядке из треугольных, фигурных, дугообразных и угольчатых оттисков. По техническим и декоративным признакам этот прием сходен с «волнистым ложным валиком» на бойсманской керамике. Подобные малышевские сосуды со специфическим типом композиции в составе нижнеамурского орнаментального комплекса отметил еще А.П. Окладников: «Есть сосуды особого рода. Это <...> изящные тонкостенные сосудики, вазы. У них суженное

высокое горло, относительно выпуклые бока, плавно сужающиеся ко дну. Орнамент таких парадных сосудов своеобразен. Он состоит из опускающихся вниз треугольников, заполненных тщательно выполненными спиральками. Однако крупные спирали вообще отсутствуют» [1978, с. 80]. Заметим, что кроме спиралей среди мотивов перечислены дуги и волюты. Декор выполнен в отступающей-накольчатой технике, а также с использованием протаскивания и прочесывания. Технико-декоративные элементы – угольчатые и дугообразные оттиски.

По мнению приморских археологов, этот комплекс имеет южное происхождение. «Данная керамика может рассматриваться как бойсманский культурно-хронологический тип». Появление же такой керамики на памятниках нижнего и среднего Амура – результат продвижения носителей бойсманской культуры «далеко на северо-восток, где они неизбежно встретились с местным населением и были ассимилированы, не оставив заметного влияния на малышевскую культуру» [Морева, Батаршев, 2009, с. 148–152]. На наш взгляд, сказать со всей определенностью, что данная керамика является продуктом нижнеамурского производства или результатом «интенсификации культурных контактов бойсманцев, достигающих Среднего и Нижнего Амура» [Морева, 2005], пока не представляется возможным. Решение проблемы требует привлечения дополнительных данных, в первую очередь, детального технологического и морфологического анализа малышевской керамики с подобным декором.

Сравнивая построение композиций бойсманского и малышевского декора, отметим относительную «простоту» первых и «сложность» вторых. В обоих комплексах структура орнаментальных композиций преимущественно концентрическая. Есть образцы с сетчато-концентрическим строением. Сходные типы построения – бордюр, бордюр + + сетка. Зоны размещения декора – от венчика и приустьевой части до всей внешней поверхности сосуда, исключая дно.

Таким образом, признаки сходства орнаментальных комплексов нижнеамурской малышев-

ской и приморской байсманской культур преобладают на всех уровнях структуры декора. Это свидетельствует о возможных прямых контактах между малышевцами и бойсманцами. О том, что миграции носителей малышевской культуры на территорию Приморья были, свидетельствуют образцы керамики в опубликованных материалах (см.: [Морева, Батаршев, 2009, с. 147–148; с. 150, рис. 2, 2]).

Орнаментальные комплексы малышевской культуры и «сергеевской» группы памятников, малышевской и бойсманской культур имеют сходные культурные признаки на всех уровнях структуры орнамента и во всех выделенных нами хронологических группах малышевского орнаментального комплекса.

Нижнеамурская неолитическая керамика коррелирует и с материалами приморской зайсановской культуры. Ареал зайсановской культуры охватывает в основном юго-запад Приморья [Андреев, 1960; Бродянский, 1987; Дьяков, 1992; Клюев, Яншина, 2002; Яншина, 2003]. С точки зрения приморских археологов, типологически обособляются три группы памятников: 1) собственно зайсановская – Зайсановка-1, Бойсмана-1 и -2; 2) приханкайская – Чапигоу (Кроуновка-1), Боголюбовка, Новоселище-4 (нижний слой) и др.; 3) вознесеновская – Глазовка-городище и Дальний Кут-15. Есть также смешанные приханкайско-вознесеновские памятники – Анучино-14, Синий Гай-А и Мустанг [Клюев, Яншина, 2002; Яншина, 2003].

Для памятников получены радиоуглеродные даты: для зайсановской группы (Бойсмана-2, средний слой) – $3\ 710\pm40$ л.н. (в калиброванном виде 2280–1980 гг. до н.э.), для приханкайской (Кроуновка-1) – $4\ 790\pm40$ и $4\ 640\pm40$ л.н. (в калиброванном виде 3930–3650 – 3620–3350 гг. до н.э.); для смешанных приханкайско-вознесеновских памятников (Мустанг) – $4\ 660\pm60$ и $4\ 050\pm70$ л.н. (в калиброванном виде 3630–3150 – 2870–2460 гг. до н.э.) [Archaeology..., 2006, р. 26–27]. Наиболее ранние и поздние ^{14}C даты получены по образцам с поселения Перевал: $5\ 780\pm60$ (в калиброванном виде 4780–4510 гг. до н.э.)

Рис. 77. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Приморья.

1–4 – Малышево-1; 5 – Кондон-Почта; 6, 8, 25, 26–29, 33 – Вознесенское; 7 – Иннокентьевка (пункт II); 9, 10, 12, 14 – Сергеевка-1; 11, 16 – Петровичи; 13 – Сиротинка; 15 – Осиновка; 17–21, 23, 24, 30 – Сучу; 22, 31, 32 – Гася; 34, 37, 38, 44, 45 – Буличка; 35, 36, 39, 40, 43, 46 – Бойсмана-1; 47–49 – Бойсмана-2; 41, 42, 50 – Гвоздево-3 (9–14 – по: [Батаршев, Морева, Попов, 2003, рис. 3, 1]; 16 – по: [Бродянский, 1987, рис. 64, 6]; 34, 37, 38, 44, 45 – по: [Деревянко, Ким Бон Гон, Медведев и др., 2004, т. 1, рис. 108, 3, 5; 2005, т. 1, рис. 14, 1; 2006, т. 1, рис. 88, 3, 8]; 35, 36, 39, 40, 43, 46 – по: [Жущиховская, 1998, рис. 3.5, 1, 3; 3.7, 5; 3.8, 4; 3.12, 7; 3.24, 2]; 41, 42, 50 – по: [Батаршев и др., 2003, рис. 1, 13; 2, 1, 5]; 47 – по: [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997, рис. 28, 1]; 48 – по: [Морева, Клюев, 2011, рис. 8]; 49 – по: [Морева, Попов, 2003, рис. 2, 3]).

и $3\ 090 \pm 35$ л.н. (в калиброванном виде 1430–1270 гг. до н.э.) [Archaeology..., 2006, p. 26–27]. Время существования зайсановской культуры – конец V – середина II тыс. до н.э.

В орнаменте керамики с памятников собственно зайсановской группы в числе характерных признаков следующие: 1) способы нанесения декора – протаскивание, накол, отступающе-накольчатая техника; 2) основные орнаментальные мотивы – вертикальный зигзаг, меандр. Небольшая серия образцов содержит в декоре горизонтальный зигзаг, «шахматную» сетку, треугольную фигуру и некоторые другие мотивы. Самая яркая черта – разделение декоративного поля на горизонтальные или вертикальные зоны, что достигалось сменой техники нанесения узоров, разной направленностью элементов декора и т.п. [Яншина, 2003, с. 112, 113].

Среди керамики приханкайской группы памятников есть две группы керамических сосудов с различающимся декором. Венчики сосудов первой группы оформлены с внешней стороны под треугольными в сечении валиками. Зоной орнаментации служило туло и венчик. Туло украшали вертикальным зигзагом или дугообразными прочесами, выполненными в технике протаскивания многозубчатого инструмента. Венчики декорировали наклонными насечками по стыку верхней и нижней грани валиков. У сосудов второй группы венчики простые, отогнутые наружу, с приостренными очертаниями обреза. Зоной орнаментации являлось туло, которое в верхней трети украшали меандром.

Для керамики вознесеновской группы памятников, как и для приханкайских изделий, характерно оформление венчика с внешней стороны под треугольным в сечении валиком и широкое использование в орнаменте такого мотива, как вертикальный зигзаг. Особенным было выполнение декора при помощи оттисков «зубчатого колесика» и отсутствие характерных меандров [Яншина, 2003, с. 110, 111, 116].

Сопоставление орнаментальных комплексов названных групп памятников Приморья с материалами вознесеновской культуры нижнего Приамурья выявило ряд сходных и отличных признаков (рис. 78, 1–18). В декоре нижнеамурской керамики, как отмечалось выше, присутствуют рельефный и плоскостной орнаменты. Для приморских орнаментальных комплексов рельефный принцип декорирования сосудов является единственным. Негативный рельеф на нижнеамурской и приморской керамике получали с применением техник протаскивания, прочесывания и накалывания. Специфичный для вознесеновского орна-

мента нижнего Приамурья технико-декоративным элементом, представленный в приморских материалах только в вознесеновском декоре, – оттиски зубчатого колесика. Позитивный рельеф в названных орнаментальных комплексах выполнен валиками, контур которых, однако, различен. Для приамурской керамики характерны валики с круглым, прямоугольным и треугольным сечением, а для приморской – с треугольным. В наборе орнаментальных мотивов керамики собственно зайсановской группы присутствуют вертикальный зигзаг, меандр и спираль. Для декора керамики с приморских памятников приханкайской и вознесеновской групп традиционен вертикальный зигзаг. В орнаментике вознесеновской культуры нижнего Амура мотивы вертикального зигзага, спирали и меандра характерны для средней хронологической группы, а мотив вертикального зигзага – для ранней и поздней групп. Отметим единичные образцы приморской керамики с орнаментом, похожим на личины, а также с рельефными антропоморфными изображениями [Archaeology..., 2006, p. 117, fig. 6.16]. Композиция декора приамурских и приморских материалов в целом совпадает. По структуре орнамент, преимущественно концентрический. Зоны размещения декора – венчик, плечики и туло сосуда. Основной тип пространственного построения орнамента – бордюр + + сетка. В целом, учитывая наличие ряда признаков, можно говорить о сходстве орнаментальных комплексов приамурской вознесеновской и приморской зайсановской культур.

Говоря о сходстве и различии орнаментальных комплексов неолитических культур нижнего Приамурья и Приморья, необходимо отметить, что в ряде случаев они ярко выражены. Это касается, например, кондонской и руднинской, малышевской и бойсманской, вознесеновской и зайсановской культур. Можно предположить, что на разных этапах неолита имели место прямые (этому есть подтверждение в виде находок) и опосредованные контакты между носителями культур нижнего Приамурья и Приморья. Выделяются две возможные контактные зоны – юго-западная и северо-восточная части нижнего Приамурья. Миграционные потоки, вероятнее всего, шли в двух направлениях. Путями миграций служили: в юго-западной части – р. Уссури и ее притоки, в северо-восточной – побережье и Амурский лиман, р. Амур.

Перспективность рассмотрения нижнеамурских памятников с органогенной керамикой в контексте неолита Амуро-Сахалинского региона отмечена дальневосточными археологами уже довольно давно. Особенно важной представлялась корре-

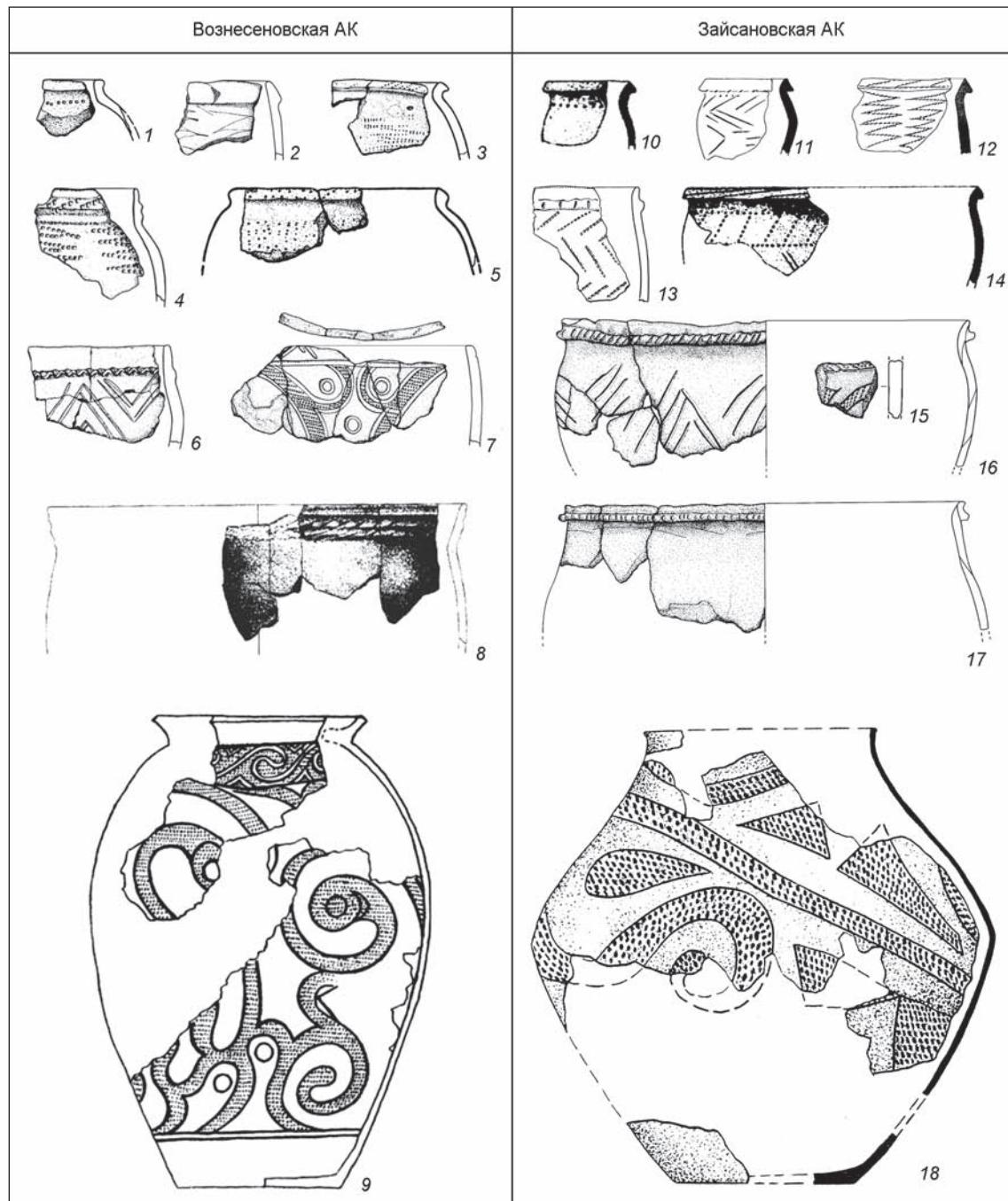

Рис. 78. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Приморья.

1, 2 – Малышево-2; 3, 5, 6 – Сучу; 7, 9 – Кондон-Почта; 8 – Старая Какорма; 10, 14 – Анучино-14; 11 – Евстахий-4; 12 – Глазовка-городище; 13, 18 – Майхэ I (Олений I); 15–17 – Булочка (10, 14 – по: [Клюев, Яншина, 2002, рис. 5, 1, 4]; 11 – по: [Гарковик, 1987]; 12 – по: [Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002]; 13, 18 – по: [Окладников, Бродянский, 2013, рис. 66, 2; 111]; 15–17 – по: [Деревянко, Ким Бон Гон, Медведев и др., 2005, т. 1, рис. 78, 2; 112, 9, 12]).

ляция с памятниками имчинской неолитической культуры северного Сахалина [Жущиховская, Шубина, 1987, 1989; Жущиховская, 1996а, 2004]. По некоторым признакам орнаментальные комплексы неолитической керамики нижнего Амура и Сахалина сопоставимы друг с другом (рис. 79).

К настоящему времени в археологии Сахалина исследователи выделяют следующие археологические культуры: *сони* (прежнее название «южно-сахалинская»), имчинская, *анива*, седыхинская, а также локальные культурные группы (например, с керамикой типа *тунайча*). По данным страти-

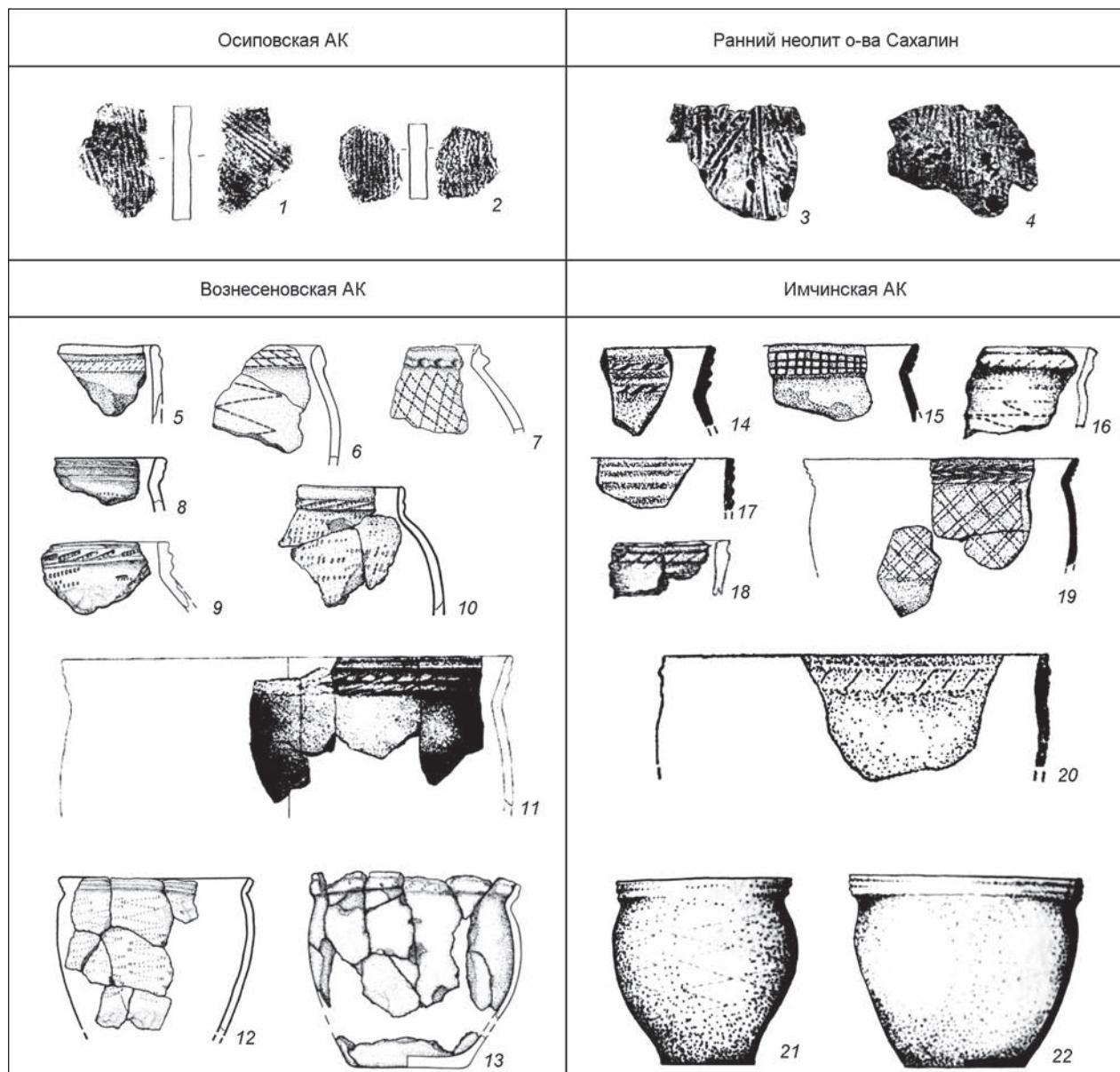

Рис. 79. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и о-ва Сахалин.

1, 2 – Хумми; 3, 4 – Стародубское-3; 5, 6 – Малышево-2; 7 – Вознесенское; 8 – 10, 12, 13 – Сучу; 11 – Старая Какорма; 14–22 – Имчин-2 и -12 (3, 4 – по: [Василевский, 2008а, рис. 85, 3, 4]); 14–22 – по: [Шубина, Жущиховская, 1987]).

графии и радиоуглеродного датирования культуры *сони* (VI–V тыс. до н.э.), имчинская культура (V–IV тыс. до н.э.) и локальная культурная группа с керамикой типа *тунайча* (начало – середина III тыс. до н.э.) соотносятся со средним неолитом, а седыхинская культура (середина III тыс. до н.э.) и *анива* (середина II – середина I тыс. до н.э.) – с поздним неолитом [Шубин, Шубина, Горбунов, 1982; Шубин, Шубина, 1987; Archaeology..., 2006; Василевский, 2008а; Василевский и др., 2009]. Есть сведения о керамике, датируемой начальным и ранним неолитом [Василевский и др., 2009; Грищенко, 2010, 2011].

Находки древнейшей керамики на Сахалине исследователями отнесены к переходному от финального палеолита к начальному неолиту периоду. Финалом переходного периода датируется стоянка Имчин-1, а также многослойное поселение Стародубское-3 (горизонт 1), стоянка Малый Ручей и часть материалов с пещерных памятников среднего Сахалина. Радиоуглеродные даты определены по костным материалам из пещеры Останцевой: 12 685±40, 11 400±100 и 9 620±135 л.н. (в калиброванном виде 13400–12300 – 9300–8630 гг. до н.э.). Относительно керамики этого периода отмечено, что она, якобы, встречается

на отдельных памятниках, но устойчивой «информации об этом еще нет» [Василевский и др., 2009, с. 74]. Именно поэтому сравнительный анализ с древнейшей керамикой нижнего Приамурья невозможен.

Следующий этап развития островного неолита тоже отмечен находками, свидетельствующими о развитии гончарного производства. Керамика найдена на девяти ранненеолитических памятниках – Славная-4 и -5, Стародубское-3, Поречье-4, Пугачево-1, Адо-Тымово-2 и др. [Грищенко, 2010, с. 92; 2011]. Для поселения Славная-4 установлены три ^{14}C даты – $8\ 150\pm50$, $8\ 135\pm50$ и $7\ 445\pm115$ л.н. Получены даты для некоторых других памятников [Василевский и др., 2009]. Время функционирования сахалинских памятников с ранненеолитической керамикой определяется в диапазоне $8\ 150\pm50$ – $7\ 445\pm115$ л.н. (в калиброванном виде 7310–7060 – 6490–6070 гг. до н.э.) и соответствует VIII–VII тыс. до н.э. Общие хронологические рамки раннего неолита – IX–VII тыс. до н.э.

Для ранненеолитической керамики Сахалина характерны два стиля орнаментации – «горизонтальные прочесы» и «отпечаток ракушки» [Грищенко, 2010, с. 92; 2011]. Оба способа, по мнению исследователей, связаны с технологическими условиями изготовления сосуда. Фрагменты сосудов, орнаментированных горизонтальными прочесами щепкой или краем раковины с внешней и/или внутренней стороны, обнаружены на памятниках Стародубское-3, Бердянские Озера-2, Адо-Тымово-2 и Одопту-2.

На стоянке Адо-Тымово-2 найдена керамика двух типов: 1) древняя, с толщиной стенок 1,0–1,5 см, без орнамента, с заглаженной раковиной внешней поверхностью; 2) поздняя, с толщиной стенок 0,4–0,6 см, украшенная рядами коротких вертикальных оттисков гребенчатого штампа [Горбунов, 2000, с. 264].

На поселении Славная-4 зафиксирован другой тип орнамента – отпечаток раковины моллюска (морского гребешка) на дне сосуда [Грищенко, 2011, с. 43, 46].

Сходство ранненеолитической керамики о-ва Сахалин с осиповскими нижнеамурскими изделиями (рис. 79, 1–4) в основном проявляется в орнаментации внешней и/или внутренней поверхности сосуда горизонтальными прочесами щепкой или краем раковины (ранний вариант), а также оттисками гребенчатого штампа (поздний вариант). Сахалинские археологи отмечают, что керамика раннего неолита острова близка осиповским образцам.

Как упоминалось выше, средний неолит (VI–III тыс. до н.э.) на севере о-ва Сахалин представлен имчинской культурой (V–IV тыс. до н.э.) и близкой ей локальной группой памятников бассейна р. Тымь, а на юге – культурой *сони* (VI–V тыс. до н.э.) и локальными культурными группами, в т.ч. с керамикой типа *тунайча*, близкой имчинской гончарной традиции [Шубин, Шубина, Горбунов, 1982; Шубин, Шубина, 1987; Archaeology..., 2006; Василевский, 2008а; Василевский и др., 2009].

В публикациях сообщается, что на севере Сахалина найдены образцы пока малоизученной гребенчатой керамики малышевского типа [Василевский, 2008а, с. 121]. В материалах со стоянки Набиль-1 есть фрагменты сосудов, окрашенных в ярко-малиновый цвет и декорированных дугообразными оттисками. Провести детальное сравнение указанных материалов и собственно орнаментальным комплексом малышевской культуры нижнего Приамурья пока не представляется возможным в силу недостаточной изученности обнаруженных на острове материалов.

В настоящее время вопрос о нижнеамурском происхождении имчинской гончарной традиции для сахалинских археологов не является дискуссионным [Василевский, 2008а, с. 213; Василевский и др., 2009, с. 76].

Ареал имчинской средненеолитической культуры – северное побережье о-ва Сахалин в бассейне рек Имчин и Ноглики, а также притоков р. Тымь. Известно не менее 20 памятников, отнесенных к этой культуре. Опорными являются поселения Имчин-2 и -12, а также Ноглики-1. Радиоуглеродные даты получены по нагару на керамике и по пробам угля с некоторых памятников. Имчинскую культуру среднего неолита относят к V–IV тыс. до н.э.

Коллекция имчинской керамики включает большое количество фрагментов сосудов, а целые экземпляры практически отсутствуют. В общей массе керамики (1 200 экз.) с поселения Имчин-12 всего 30 % изделий декорированы. Орнамент представлен обрывками композиций из зигзагообразных пунктирно-гребенчатых оттисков и отпечатков мелкозубчатого гребенчатого штампа [Шубина, Жущиховская, 1987]. Для венчиков характерно украшение «каннелюрами». Материалы поселения Имчин-2 иллюстрируют более сложную гончарную традицию.

Анализ материковых и островных находок показал, что в орнаменте нижнеамурских вознесеновских сосудов поздней группы и изделий имчинского средненеолитического комплекса есть

признаки сходства и различия (рис. 79, 5–22). Так, для вознесеновской керамики характерны рельефный и плоскостной принципы декорирования поверхности, а для имчинских образцов рельефный принцип является единственным. В обеих культурах негативный рельеф наносился с использованием техник протаскивания и накалывания. Характеристики технико-декоративных элементов по техническим и формальным признакам совпадают: прочерченные желобки, оттиски гребенчатого штампа и зубчатого колесика. Сходная картина наблюдается в орнаментальных мотивах и композиции. Для поздней группы сосудов вознесеновской культуры и керамики имчинской культуры характерны венчики с «каннелюрами» и мотивы вертикального зигзага. По структуре орнамент преимущественно концентрический. Зоны размещения декора – венчик, плечики и тулоно или же только венчик, а плечики и тулоно могут быть гладкими. Основной тип пространственного построения – бордюр, бордюр + сетка. Таким образом, можно говорить о близости орнаментальных комплексов вознесеновской поздненеолитической культуры нижнего Приамурья и имчинской средненеолитической культуры северного Сахалина на уровне всех структурных единиц декора.

Близкими керамическому комплексу имчинской культуры считаются материалы локальной культурной группы с керамикой типа *тунайча*, известной по находкам из нижнего горизонта поселения Седых-1. Для образцов с памятника получена ^{14}C дата, указывающая на начало – середину III тыс. до н.э. [Василевский, 2008а-б; Василевский и др., 2009].

Следовательно, в гончарстве культур среднего неолита севера о-ва Сахалин фиксируется довольно скромный стиль гребенчато-штамповой орнаментации, а юга – лепной декор. Образец лепного орнамента представлен на обломке венчика сосуда (Седых-1): спиралевидный узор в виде фризовой барельефной композиции (см.: [Василевский, 2008а; 2008б, с. 122, рис. 9, Б]). Этот декор по принципу строения и типу напоминает малышевские и вознесеновские образцы.

Поздний неолит Сахалина исследователи связывают с седыхинской культурой, выделенной на материалах комплекса поселения Седых-1 (слой 2), включавшего жилища, керамику, камень и украшения. Полученные ^{14}C даты – 3 760±50 и 3 760±40 л.н. – с учетом калибровки составили диапазон 2340–2030 – 2290–2040 гг. до н.э. [Василевский и др., 2009], т.е. первую половину III тыс. до н.э.

Керамика с памятника Седых-1 обладает рядом очень ярких черт, ранее не выявленных на южном Сахалине, но имеющих прямое происхождение из неолитического гончарства нижнего Амура. Среди плоскодонных сосудов усеченно-биконической формы есть изделия с окрашенной поверхностью. Декор представляет собой композицию из прямых и закругленных параллельных линий, выполненных оттисками зубчатого края раковины двустворчатого моллюска. Встречен также «волнообразный орнамент горинско-вознесеновского типа» вознесеновской культуры: сложная криволинейная композиция из ритмично повторяющихся мотивов, включающих три элемента – рельефные волнообразные линии, овалы и треугольники [Василевский, 2008а, с. 216, 218, 219].

Таким образом, среди материалов о-ва Сахалин, датируемых поздним неолитом, есть керамика, имеющая признаки сходства с нижнеамурскими малышевскими и вознесеновскими образцами. С малышевской керамикой седыхинские изделия сближают биконическая форма и окрашенная поверхность, а с вознесеновской – криволинейно-прочерченный декор.

Можно согласиться с выводами А.А. Василевского, что 4,5–2,7 тыс. л.н. на территории Сахалина распространялись приамурские неолитические традиции. Это проявилось в сходстве материалов с памятников Имчин-12 и Имчин-2 с ракушечной керамикой орельского и малогаванского типов, а также в общности происхождения гончарства седыхинского, горинского и удыльского типов [2008а, с. 123]. Следует обратить внимание, что миграции из материковой зоны на остров происходили как на ранних (осиповская традиция), так и на средних (малышевская традиция) и поздних (вознесеновская традиция) этапах неолита.

Таким образом, черты сходства, выявленные нами в результате сравнительного анализа орнаментальных комплексов нижнеамурских неолитических культур с материалами сопредельных территорий, проявляются на всех уровнях структуры орнамента в очень широком хронологическом и территориальном диапазоне. Некоторые из выделенных признаков следует рассматривать как культурно-стадиальные, т.е. характерные для орнаментики дальневосточной неолитической керамики в целом. К таковым следует отнести: 1) рельеф (по преимуществу негативный) – ведущий принцип декорирования поверхности сосудов, а штампованием – доминирующая техника его нанесения; 2) оттиски гребенчатого штампа; 3) концентрическая (по преимуществу) структуру орнамента, а бордюр – принцип пространственного строения.

Плоскостной декор в технике окрашивания и орнаментальные мотивы во всем их разнообразии, вероятно, являются культурными признаками.

Наличие культурных и культурно-стадиальных признаков, видимо, можно объяснить миграционными процессами, происходившими на разных этапах существования рассматриваемых нами неолитических культур. Наиболее вероятными зонами контактов могли служить два района – юго-западная и северо-восточная части нижнего Приамурья.

Юго-западная контактная зона, возможно, была местом встречи носителей осиповской и устиновской, марииинской и руднинской (сергеевский и руднинский типы), малышевской и руднинской (сергеевский и руднинский типы), кондон-

ской и руднинской (руднинский и сергеевский типы), кондонской и веткинской, вознесеновской и зайсановской культур на разных этапах их развития. Отсюда осиповцы и малышевцы могли проникнуть на территорию среднего Амура, а носители громатухинской культуры – в нижнее Приамурье, используя р. Амгунь, верховья р. Буреи и р. Селемджу в качестве магистрали.

Северо-восточная контактная зона, вероятно, служила местом соприкосновения малышевской и бойсманской культур. Здесь проходил путь осиповцев и малышевцев из материковой зоны на остров. Данная зона могла быть контактной и для носителей вознесеновской и зайсановской, вознесеновской и имчинской, вознесеновской и седыхинской культур.

3.2. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЯПОНИИ И КИТАЯ

За пределами российского Дальнего Востока черты сходства с орнаментальными комплексами нижнеамурских неолитических культур демонстрируют материалы с памятников Японии и Китая (см. рис. 80–84).

На вероятность корреляции нижнеамурских и японских находок неоднократно указывали российские и японские исследователи [Окладников, 1946, 1971а; Окладников, Бродянский, Чан Су Бу, 1980; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982; Васильевский, 1998; Боднев, 2001; Медведев, 2009а-б; Kurishima, 1995; Takashi, Toizumi, Kojo, 1998; Kealli, Taniguchi, Kuzmin, 2003].

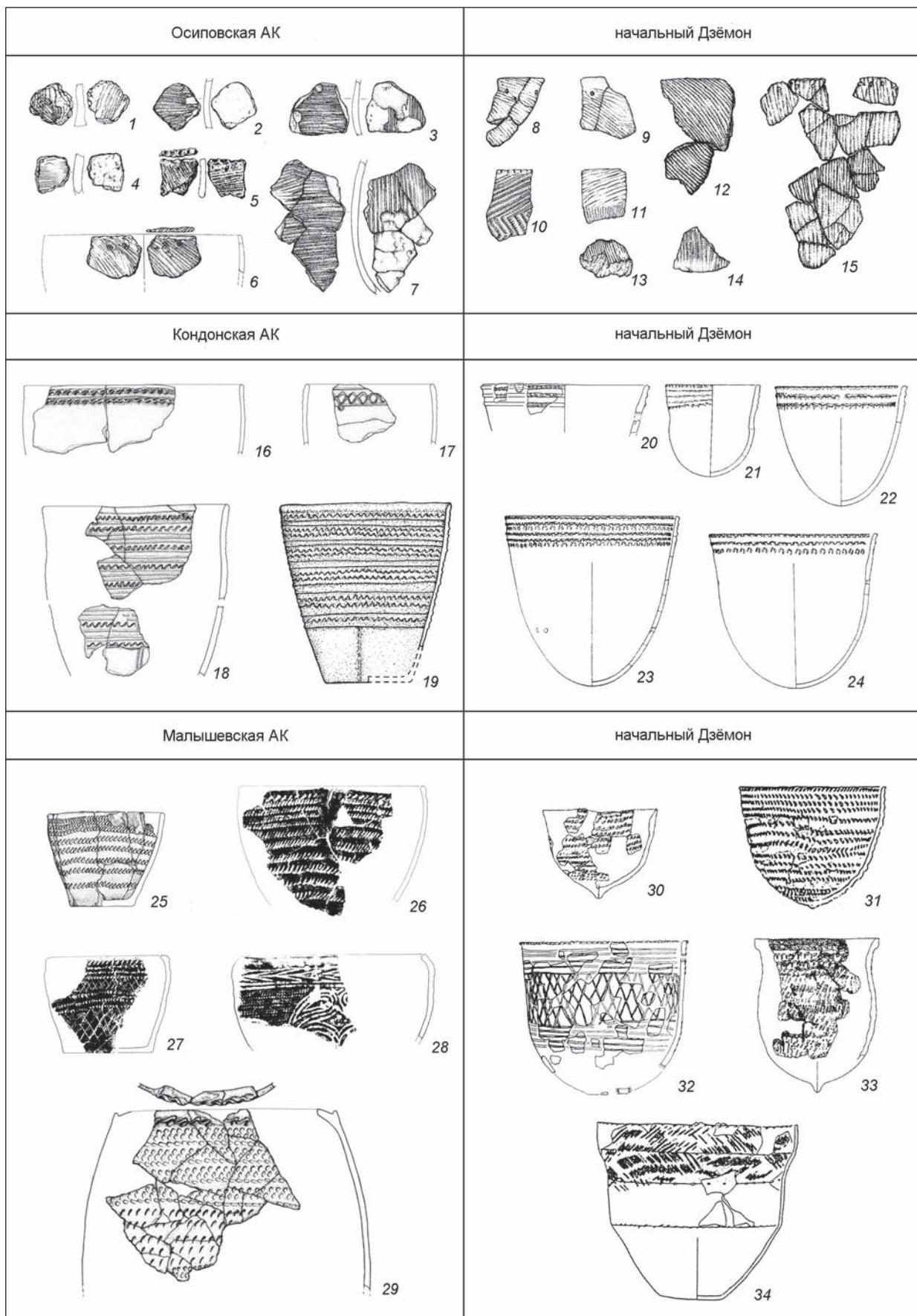
Типичные для керамики начального дзёмана принципы и способы орнаментирования, техника нанесения декора, технико-декоративные элементы, орнаментальные мотивы и композиции свойственны и осиповской керамике (рис. 80, 1–15). Так, керамика, типологически и хронологически близкая осиповской, есть среди материалов культуры *микосиба* переходного от финального палеолита к начальному неолиту периода в Северной Японии [Kurishima, 1995]. Еще при первых упоминаниях о древнейшей дзёманской керамике (возраст по радиокарбону $12\ 165\pm60$ л.н.), найденной в слое IX грота Камикуроива (о-в Сикоку), отмечалось, что она украшена прямыми полосками [Чард, Марлан, 1970, с. 118]. В настоящее время в Японии хорошо известны памятники периода *сосо* эпохи дзёмана (около 12 тыс. лет), на которых обнаружена керамика, орнаментированная желобками (т.н. «желобчатая»). Среди этих археологических объектов хотелось бы упомянуть стоянки F (комплекс Касихара в префектуре Фукуока) и Дзин

(префектура Ниигата). Обращает на себя внимание порядок расположения и ширина желобков на керамике с названных памятников. Как и желобки на осиповской керамике, они имеют ширину около 0,2 см и нанесены вертикально или наклонно.

У исследователей Японии пока нет общего мнения по вопросу о наличии орнамента на самой древней дзёманской керамике. Однако на древнейшей стоянке Одай Ямомото-1 (о-в Хонсю) культуры *чоджакубо* (возраст по нагару на керамике $13\ 210\pm160$ и $13\ 780\pm170$ лет [Archaeological research..., 1999, р. 136]) найдены черепки, возможно, с полосчатым орнаментом. Фрагменты глиняных сосудов «с черточками и слабым рифлением поверхности» обнаружены на стоянках Исиносава-4 и -5 в Тохоку (о-в Хонсю), а с декором из «косо или вертикально поставленных черточек» – на стоянке Косэгасава в Тюбу (о-в Хонсю) [Окладников, Бродянский, Чан Су Бу, 1980, с. 53].

Одним из древнейших видов дзёманского орнамента признан прокольчатый декор (отверстия, проколотые трубочкой), который порой сочетается с желобчатым узором, как на керамике со стоянки Дзин. Такое декоративное оформление сосуда похоже на орнамент керамики с поселения Гася (раскоп I). Среди разновидностей орнамента на керамике периода *сосо* эпохи дзёмана есть узор из наклонных или вертикальных рядов шнуровых оттисков, который близок декору на гасинской керамике (раскоп II) [Kurishima, 1995].

Необходимо отметить, что на памятнике Оаса в пригороде г. Саппоро (о-в Хоккайдо) найдены обломки глиняных сосудов, украшенных гребенчатыми оттисками. Керамика с оттисками штампа

в виде горизонтальных рядов круглых ямок встречаена и на стоянке Косэгасава в Тюбу (о-в Хонсю).

Керамика периода *сосо* эпохи дзёмана нередко орнаментирована налепными (иногда выдавленными) валиками (чаще всего в виде ободков, опоясывающих венчик сосуда). Такой декор обычно сочетается с ногтевым или скобочным орнаментом, как, например, на керамике со стоянки Ханамияма близ г. Йокогамы [Kurishima, 1995; Sakamoto, 1996, с. 169–170]. Керамика с налепными валиками есть среди материалов из пещеры Фукуи (о-в Кюсю), грота Камикуроива (о-в Сикоку), памятника Тазава, комплекса Сэмпукудзи, стоянок Уваба, Маэхара и др. [Kurishima, 1995]. Для пещеры Фукуи (слои III и II) получены даты – 12 700±500 и 12 400±350 л.н. [Окладников, Бродянский, Чан Су Бу, 1980, с. 51]. Напомним, что в материалах с Гончарки-1 есть образцы осиповской керамики с налепными валиками, в т.ч. украшенными округлыми оттисками.

Таким образом, в декоре осиповской и дзёмонской керамики много общего, но есть и отличия. Орнамент на керамике начального дзёмана значительно разнообразнее осиповского декора. На наш взгляд, это объясняется тем, что на Японских островах керамики переходного от финального палеолита к начальному неолиту периода найдено пока несравненно больше, чем в Приамурье.

Следует отметить, что керамике периода *сосо*, орнаментированной налепными валиками, опоясывающими венчик изделия, особенно в сочетании с ногтевым или скобочным орнаментом, очень близки кондонские сосуды с «валиками» (рис. 80, 16–24). Примером могут служить образцы, найденные на стоянках Ханамияма и Минамикадзияма [Kurishima, 1995]. И в кондонских, и в японских материалах принцип декорирования сосудов – негативный и позитивный рельеф. Углубленный рельеф выполнен ногтевыми (скобочными) вдавлениями, а выпуклый – налеплением или выдавливанием. Орнаментальный мотив – прямые горизонтальные линии. Зоны расположения декора – в верхней части сосуда (японские изделия), в верхней части и ниже (кондонские образцы). Структура орнамента концентрическая. Тип пространственного построения – бордюр. Та-

ким образом, в японской керамике периода *сосо* и нижнеамурской керамике кондонской культуры прослеживается сходство на уровне всех структурных единиц орнамента (технико-декоративных элементов, орнаментальных мотивов и композиций).

Определенные аналогии с японской керамикой этого периода прослеживаются и в малышевском орнаментальном комплексе (рис. 80, 25–34). Судя по опубликованным материалам с памятника Тайсо-3 (о-в Хоккайдо), принципом декорирования сосудов выступал негативный и позитивный рельеф. Негативный рельеф представлен вдавлениями гребенчатого штампа с двумя и тремя «зубцами» (размер до 0,5 см), овальными оттисками. Позитивный рельеф образован валиками, выполненными в технике налепливания + защипывания. Как и в малышевском орнаменте, встречаются ногтевые оттиски. Перечисленные технико-декоративные элементы скомпонованы в прямые горизонтальные линии. Схема орнаментальной композиции японской керамики сопоставима с оформлением малышевских сосудов. Венчик украшался валиками, горловина – ногтевыми оттисками и отступающими вдавлениями «гладкого штампа», туло – отпечатками гребенчатого штампа и ногтевыми оттисками. Структура орнамента концентрическая. Тип пространственного построения – бордюр.

Прослеживается близость малышевской керамики и материалов с других местонахождений Японии [Kurishima, 1995; Kealli, Taniguchi, Kuzmin, 2003]. Сосуд со стоянки Даисинсо, декорированный ногтевыми (скобочными) оттисками, сходен по орнаментальным мотивам и построению композиции сосуду с отпечатками отступающей лопаточки с о-ва Сучу. Заметим, что на нижнеамурском памятнике Сучу найдена керамика и с ногтевыми вдавлениями. Своеобразно оформленный малышевский сосуд из раскопа 2001 г., украшенный сеткой из прочерченных желобков, имеет сходные черты с изделием со стоянки Такиминокамино. Найденный на памятнике Касибики сосуд в виде корчаги (типичной для малышевской керамики формы) по венчику орнаментирован разнонаправленными оттисками веревки. Подобный

Рис. 80. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Японии.

1 – Госян; 2, 3, 6, 7 – Гася; 4 – Осиповка; 5 – Харпичан-4; 8, 9, 12, 13 – стоянка F комплекса Касихара (преф. Фукуи); 10, 11, 14 – раковинная куча Торихама (преф. Фукуи); 15 – стоянка Дзин (преф. Ниигата); 16–19 – Кондон-Почта; 20 – Минамикадзияма (восток Хонсю); 21–24 – Ханамияма (восток Хонсю); 25 – Иннокентьевка (пункт I); 26–28 – Сучу; 29 – Калиновка; 30, 33 – Тайсо-3 (юго-восток Хоккайдо); 31 – Даисинсо; 32 – Такиминокамино (восток Хонсю); 34 – Касибики (8–15 – прорисовки по: [Период сосо..., 1996]; 20–24, 32 – по: [Kurishima, 1995, р. 31, 066–067]; 30, 33 – по: [Шевкомулд, 2006, рис. 2, 2, 3]; 31, 34 – по: [Kealli, Taniguchi, Kuzmin, 2003, fig. 1, 17, 22]).

декор свойственен и определенному типу малышевских сосудов.

Можно считать, что орнаментальный комплекс малышевской культуры нижнего Приамурья и орнамент ряда образцов японской керамики начального дзёмана обнаруживают явное сходство на уровне принципов и способов орнаментирования, а также на уровне структурных единиц – технико-декоративных элементов, орнаментальных мотивов и композиций.

Вознесеновская керамика тоже имеет аналоги среди японских находок, относимых к дзёмону (рис. 81). Можно проследить некоторое сходство в орнаменте ранней группы вознесеновских изделий с декором сосудов типа *хигасикусиро* III начального дзёмана, а также типа *китасиракава* раннего дзёмана. Развитые формы вознесеновского орнамента близки декору на сосудах типа *артори* начального дзёмана (юг о-ва Хоккайдо): вертикальный зигзаг служил фоном для прямых

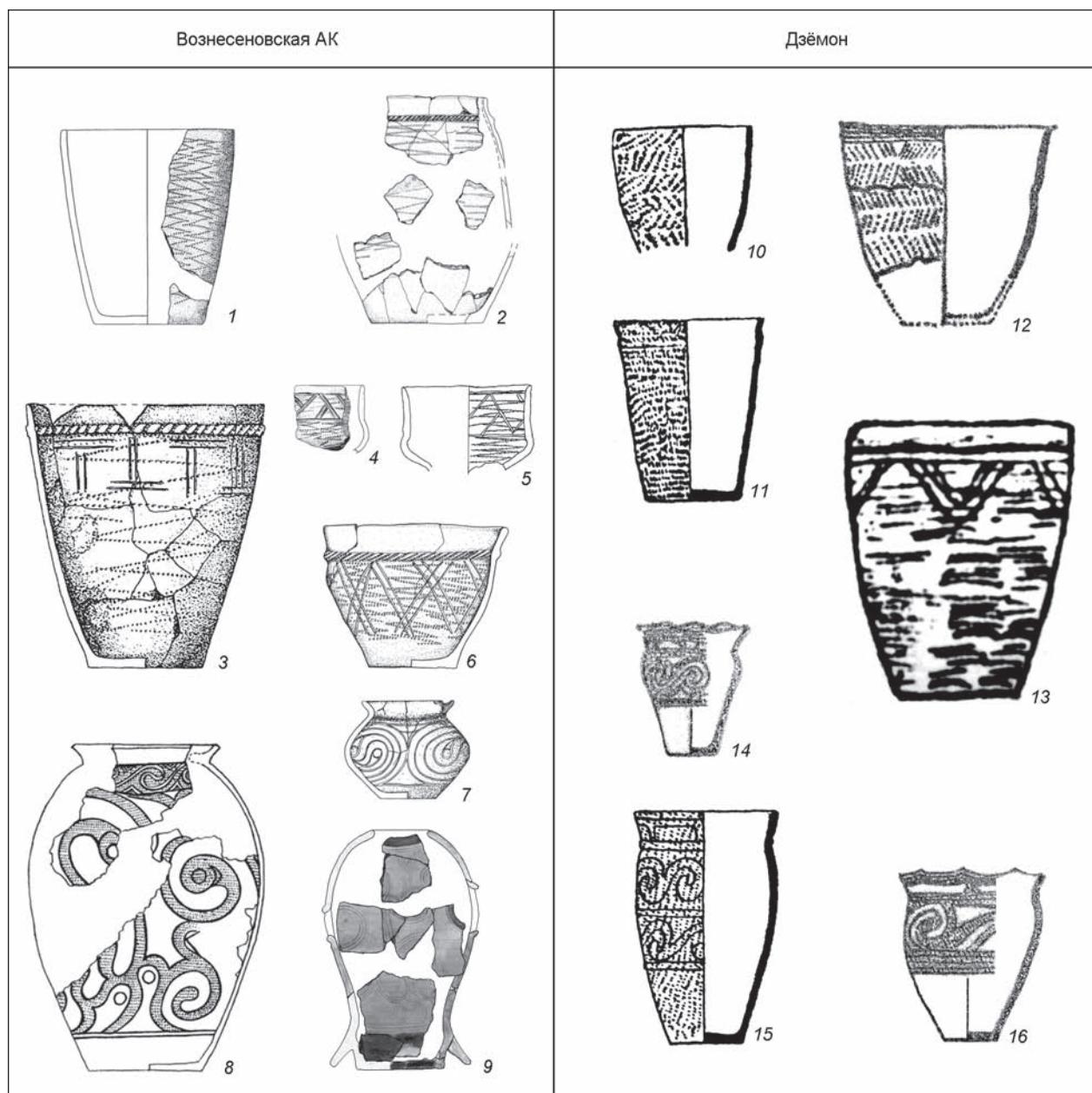

Рис. 81. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Японии.

1 – Вознесенское; 2, 3, 6, 7 – Сучу; 4 – Сусанино-4; 5 – Малая Гавань; 8 – Кондон-Почта; 9 – Тахта; 10 – тип хигасикусиро (север Хоккайдо); 11 – тип саибэдзава III (юг Хоккайдо); 12 – тип китасиракава (р-н Кинки); 13 – тип артори (юг Хоккайдо); 14, 16 – тип осю (р-н Тохоку); 15 – тип вакимото (никосэ) (юг Хоккайдо) (10, 11, 13, 15 – по: [Чан Су Бу, 1975, табл. 5, 8, 12; табл. (продолжение). 2]; 12, 14, 16 – по: [Окладников, Бродянский, Чан Су Бу, 1980, рис. 10, 15; 12, 10, 12]).

горизонтальных и наклонных линий, а в сосудах типа *вакимото* (*никосэ*) позднего дзёмана – для спиралей. Аналогичные образцы найдены на поселениях Малая Гавань и Кондон-Почта. Развитый спиральный орнамент, сходный с вознесеновским декором на сосудах с Кондон-Почты и Тахты, украшает керамику типа *осю* позднего дзёмана (Тохоку).

Среди нижнеамурской и японской керамики есть крашеные сосуды. На территории Японии традиция окрашивания керамики связана с периодами среднего (V–IV тыс. л.н.) и позднего (IV–III тыс. л.н.) дзёмана. Так, «поверхность сосудов типа *катсусака* <...> во многих случаях перед лощением покрывалась тонким слоем красной краски или обмазывалась асфальтом <...> В ряде случаев мастер противопоставлял орнаментальные поля и фон различной окраски. Не ограничиваясь сочетанием лощеного малиново-красного фона с естественной поверхностью сосуда на орнаментальных полосах, он применял сочетание красного цвета с черным, роспись» [Окладников, 1946, с. 21]. Перечисленные признаки – окрашивание поверхности, сочетание краски разных цветов, применение росписи – имеют определенные аналогии с материалами вознесеновской культуры.

В орнаментальных комплексах осиповской, малышевской и кондонской и вознесеновской культур неолита нижнего Приамурья и японской керамики дзёмон сходные признаки зафиксированы на всех уровнях структуры орнамента. Это подтверждает мнение российских и японских исследователей о взаимном влиянии древних культур сопредельных территорий.

Помимо Японии, сходные признаки прослеживаются в материалах нижнеамурских неолитических культур и находках с территории северо-восточного Китая (см. рис. 82–84).

В северо-восточном Китае, на памятнике Сяонаньшань (левобережье р. Уссури), вместе с каменным инвентарем найдена архаичная керамика, близкая по облику осиповским образцам [Kajiwara, 1998]. Данный памятник является наиболее южным в ареале осиповской культуры начального неолита.

На роль ранней неолитической керамики в северо-восточном Китае могут претендовать сосуды культуры *ананси*. Ареал этой культуры обширен: бассейн рек Нонни и Сунгари, включая центральную и северо-восточную часть Маньчжурской равнины, район Малого Хингана. Представлена она двенадцатью памятниками. Опорные памятники – Ананси-1 и Элсу [Онуки, 1987, 1989]. Для памятника Элсу получена ^{14}C дата – 6 510±90 л.н.

Китайские исследователи по сходству материалов с соседними датированными культурами относят культуру *ананси* к VII–VI тыс. до н.э. Керамика большей частью фрагментирована и украшена «выпуклыми струнными, вырезанными, гребенчатыми, водоворотными узорами» [Ян Ху, Тань Инцзе, 1979; Онуки, 1987, 1989]. Напомним, что в орнаменте осиповской керамики с поселения Гончарка-1 исследователи обнаружили налепные валики.

Описанные нами кондонские сосуды с валиками и керамика с «выпуклыми струнными узорами» культуры *ананси* имеют общие черты (рис. 82, 1–8). Общим принципом орнаментирования является рельеф позитивной (доминирует) и негативной (играет служебную роль) разновидностей. Способы декорирования: для позитивного рельефа – налеп, для негативного – насекание и накалывание. В работах китайских ученых отмечено наличие отступающе-накольчатой техники. Основной технико-декоративный элемент – налепные валики, которые могли рассекаться насечками и украшаться округлыми вдавлениями, придававшими им волнистую форму. Орнаментальные мотивы – прямые линии (горизонтальные и наклонные), угол. Структура орнамента концентрическая. Тип пространственного построения – бордюр, бордюр + розетка.

По мнению российских и китайских археологов, аналогом культуры *ананси* является новопетровская культура среднего Амура [Деревянко, 1970; Алкин, 1995; Медведев, 2012а; Онуки, 1987, 1989]. Тогда северо-маньчжурская археологическая общность, представленная *ананси*, относится к новопетровской традиции. С этой точки зрения, родственные неолитические культуры северо-восточного Китая и внутренней Монголии продолжали развиваться «в рамках трех оригинальных автохтонных археологических общностей: южноМаньчжурской, североманьчжурской (традиция *ананси* – новопетровская) и кондонской» [Алкин, 2007, с. 79].

В данном случае важным представляется вопрос связи культуры кондонской и культуры *синькайлю*. Сходство их керамических комплексов отмечали российские и китайские исследователи (см., например: [Бродянский, 1987; Неолит юга..., 1991; Ян Ху, Тань Инцзе, 1979; Онуки, 1989; Tan et al., 1995]). Заметим, что китайские археологи считают культуры *ананси* и *синькайлю* хронологически и культурно близкими [Ян Ху, Тань Инцзе, 1979; Онуки, 1989; Tan Ying-jie et al., 1995]. Ареал культуры *синькайлю* – территория между левым берегом р. Уссури, нижним течением р. Сунгари

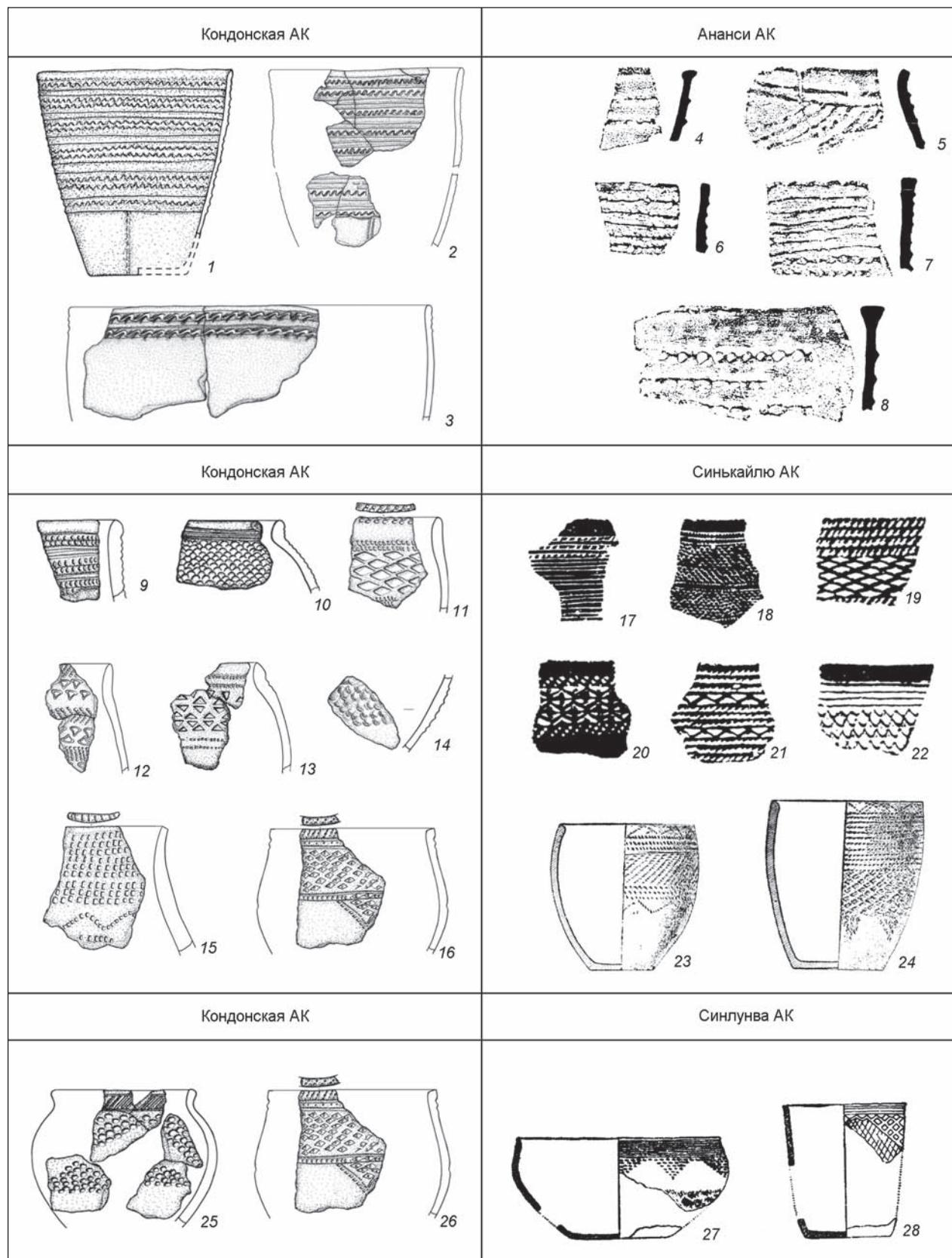

Рис. 82. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Китая.

1–3, 9–16, 25, 26 – Кондон-Почта; 4–8 – Элсу; 17–24 – Синькайлю; 27, 28 – Чагоумэнь (4–8 – по: [Онуки, 1989, рис. 7, 6–10]; 18–25 – по: [Ян, Тань, 1979, рис. 13, 1, 5, 10, 13, 15, 16; 14, 1, 2]; 27, 28 – по: [Алкин, 2007, рис. 13, 6, 8]).

и средним течением р. Муданьцзянь (приток р. Сунгари), побережьем оз. Ханка. Опорный памятник – эпонимный могильник Синькайлю на северном побережье оз. Ханка. Для могильника Синькайлю (верхний слой) по человеческой кости получена ^{14}C дата – 5 430±90 л.н. [Ян Ху, Тань Инцзе, 1979, с. 514].

Развитые формы кондонской керамики нижнего Приамурья имеют общие признаки с сосудами культуры *синькайлю* (рис. 82, 9–24). В обоих орнаментальных комплексах принцип декорирования сосудов – негативный и позитивный рельеф. Негативный рельеф нанесен техникой штампования, накалывания или протаскивания. Позитивный рельеф образован валиками, выполненными в технике налепивания, налепивания + защипывания. Технико-декоративные элементы: 1) простые прямолинейные разомкнутые (линии и желобки, дугообразные оттиски, прямые валики); 2) сложные прямолинейные замкнутые (треугольные и ромбовидные оттиски, отпечатки гребенчатого штампа); 3) простые криволинейные разомкнутые (волнистые валики). Названные элементы скомпонованы в прямые горизонтальные линии, горизонтальный зигзаг или сетку. Тип композиционного построения – бордюр, бордюр + сетка. Отмечены концентрическая и радиально-концентрическая структуры орнамента. Зоны декорирования сходные.

Помимо северо-восточной части Маньчжурской равнины еще одной контактной зоной неолитических культур, вероятно, была континентальная часть южной Маньчжурии [Онуки, 1989; Изучение происхождения..., 1991; Алкин, 2007]. Время существования культур континентальной части южной Маньчжурии укладывается в интервал VIII–III тыс. до н.э.: *синьлэ* – начало VIII – конец VII тыс. до н.э.; *синлунва* – последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.; *чжаобаогу* – конец VI – середина V тыс. до н.э.; *хуншань* – V – середина III тыс. до н.э.; *фухэ* – IV – первая половина III тыс. до н.э. Хронологические рамки культуры *хоува* Ляодунского п-ова – V–IV тыс. до н.э.

Развитый комплекс кондонской керамики Амура имеет общие признаки и с керамикой *синлунва* (рис. 82, 25–28). В орнаменте *синлунва* использовались штамп, резные линии и налеп. Под срезом венчика отмечены вдавленные линии либо налепные валики. Основной орнаментальный мотив – горизонтальный зигзаг. Из оттисков гребенчатого штампа составлялись горизонтальные полосы, из резных линий – узоры в виде «елочки» и сетки. Таким образом, в названных орнаментальных комплексах есть образцы со штамповым узо-

ром (в т.ч. ромбовидным), составленным в сетку или радиально-концентрическую структуру. Сходны и зоны орнаментации.

Можно предположить, что контакты между неолитическими культурами североманьчжурской археологической общности (традиция *ананси* – новопетровская) и кондонской культурой нижнего Приамурья могли идти по двум линиям: 1) *ананси* (VII–VI тыс. до н.э.) – новопетровская (первая половина X – конец VII тыс. до н.э.) – кондонская (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.); 2) *ананси* (VII–VI тыс. до н.э.) – *синькайлю* (VI тыс. до н.э.) – кондонская (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.). Иным направлением могло быть взаимодействие неолитических культур южноманьчжурской общности (традиция *синлунва*) и нижнеамурской кондонской культуры.

С этим же направлением, возможно, связан другой импульс взаимного влияния – между неолитическими культурами южной Маньчжурии и малышевской (см. рис. 83) и вознесеновской (см. рис. 84) культурами нижнего Приамурья.

Из перечисленных неолитических культур южной Маньчжурии к раннему этапу можно отнести культуры *синьлэ* и *синлунва*. Большая часть керамики *синьлэ* покрыта орнаментом в виде зигзага, в котором преобладают горизонтальные полосы из вертикально ориентированных оттисков штампа с ровной линейной поверхностью. Встречается одновременное использование горизонтального и вертикального зигзага. Под венчиком отмечены прочерченные наклонные линии. Как уже отмечалось, в орнаменте керамики культуры *синлунва* основной орнаментальный мотив – горизонтальный зигзаг.

Со средним этапом неолита континентальной части южной Маньчжурии можно связать культуры *чжаобаогу* и *хуншань*. Основной прием орнаментации керамики *чжаобаогу* – геометрические оттиски. Велико разнообразие геометрических орнаментов, которые С.В. Алкин подразделяет на две группы. «Линейный представлен наклонными и ломанными наклонными линиями, из которых составлено некоторое число простейших орнаментальных композиций. Криволинейный орнамент состоит из противопоставленных, вертикально расположенных «крюков», в просвете между которыми размещается треугольник или ромб. Пространство внутри заполнено гребенчатыми точечными оттисками». В керамике *чжаобаогу* также есть горизонтальный и вертикальный зигзаг. Характерны и многофигурные резные композиции с изображениями животных и мифических существ. Отмечены чаши, украшенные «у кромки

отверстия орнаментом в виде полосы красного цвета» [Алкин, 2007, с. 40, 53].

Крашеная керамика – главная особенность и керамической коллекции *хуншань*. Орнамент выполнен черной или темно-красной краской. Преобладают криволинейно-геометрические мотивы – косые штрихи с волютами или без них, горизонтальные ряды треугольников или сильно вытянутых ромбов, широкие горизонтальные линии, чешуйчатый узор. Присутствует также керамика с иным типом орнаментации: в виде горизонтального или вертикального зигзага. Он образован прямыми или вогнутыми линиями, сплошной прорезной чертой или оттисками гладкого либо пунктирно-гребенчатого штампа. Отмечен декор, выполненный в технике «шагающей гребенки». Тип композиции – сплошной орнаментальный пояс. На крупных изделиях амфоровидной формы встречаются ногтевые вдавления, а также рассеченные налепные валики, оформленные в виде крупного шнура.

Поздним этапом неолита континентальной части южной Маньчжурии датируется культура *фухэ*. Орнамент на керамике *фухэ* нанесен гребенчатым штампом. Основной мотив – зигзаг (горизонтальный и вертикальный). Венчики крупных ситуловидных сосудов украшены налепным «полосовидным» валиком.

На Лядунском п-ове представлена культура *хоува*. В орнаменте на керамике *хоува* тоже есть горизонтальный зигзаг, образованный вертикальными оттисками гребенчатого штампа и отпечатками «шагающей гребенки». Резной орнамент включает «сеточку», поперечные и наклонные линии, треугольники из косых линий, волнистые и зубчатые линии.

С точки зрения корреляции с орнаментикой малышевской культуры интерес вызывают материалы культур *синьлэ*, *чжаобаогу* и *хуншань* континентальной части южной Маньчжурии. Хронология названных культур (начало VIII – середина III тыс. до н.э.) сопоставима с периодом существования малышевской культуры нижнего Приамурья.

Так, некоторое сходство прослеживается в орнаменте малышевской керамики и сосудов *синьлэ* (рис. 83, 1, 2). В китайских материалах преобладают изделия с горизонтальным и вертикальным зигзагом, но есть также образцы с геометрическими накольчатыми и ромбическими композициями, несколько напоминающими сосуды среднего и позднего этапов развития малышевского орнаментального комплекса. Кроме того, при обработке поверхности чаш отмечено использование красного ангоба.

Характерные для культуры *чжаобаогу* основной прием орнаментации (геометрические оттиски) и геометрический декор (наклонные и ломанные наклонные линии; противопоставленные, вертикально расположенные «крюки», в про- свете между которыми размещается треугольник или ромб) имеют некоторые параллели в малышевском орнаменте среднего и позднего этапов развития комплекса (рис. 83, 3, 4). Напомним и о характерных для керамики *чжаобаогу* крашеных чашах. Технические и декоративные признаки (окрашивание поверхности изделий у кромки, полосой, использование краски только красного цвета) указывают на определенное сходство чаш *чжаобаогу* с малышевскими сосудами (в т.ч. ча- шевидной формы).

Керамика культуры *хуншань* по ряду технических и декоративных признаков аналогична малышевским изделиям среднего и позднего этапов развития комплекса (рис. 83, 5–10). Окрашивание в черный или темно-красный цвета, техника «шагающей гребенки», ногтевые вдавления, преобладание криволинейно-геометрических мотивов, среди которых есть косые штрихи с волютами или без них, горизонтальные ряды треугольников или сильно вытянутых ромбов, широкие горизонтальные линии, чешуйчатый узор, сближают орнаментальные комплексы культур малышевской и *хуншань*.

Некоторое сходство прослеживается в орнаментике культур малышевской и *хоува* (рис. 83, 11–18). Основной способ декорирования керамики *хоува* – штампованный узор. Среди штампованного орнамента встречаются следующие варианты: «сеточка», фестоны, косые и поперечные линии, треугольники, образованные косыми линиями, волнистые линии. Резной орнамент включает «сеточку», поперечные и наклонные линии, треугольники из косых линий, волнистые и зубчатые линии. Эти мотивы есть в декоре малышевских сосудов среднего и позднего этапов развития орнаментального комплекса.

Орнамент сосудов с вертикальным зигзагом, отнесенных нами к раннему и позднему этапам развития вознесеновского орнаментального комплекса, по ряду признаков близок декору керамики *синьлэ*, *сишунва*, *чжаобаогу*, *хуншань* и *фухэ* континентальной части южной Маньчжурии, а отчасти и узорам на сосудах *хоува* с Лядунского п-ова (рис. 84). В рассматриваемых комплексах принципы декорирования сосудов включают как рельефный, так и плоскостной (*чжаобаогу* и *хуншань*) орнаменты. Негативный рельеф нанесен в технике штампований и протаскивания. Позитивный

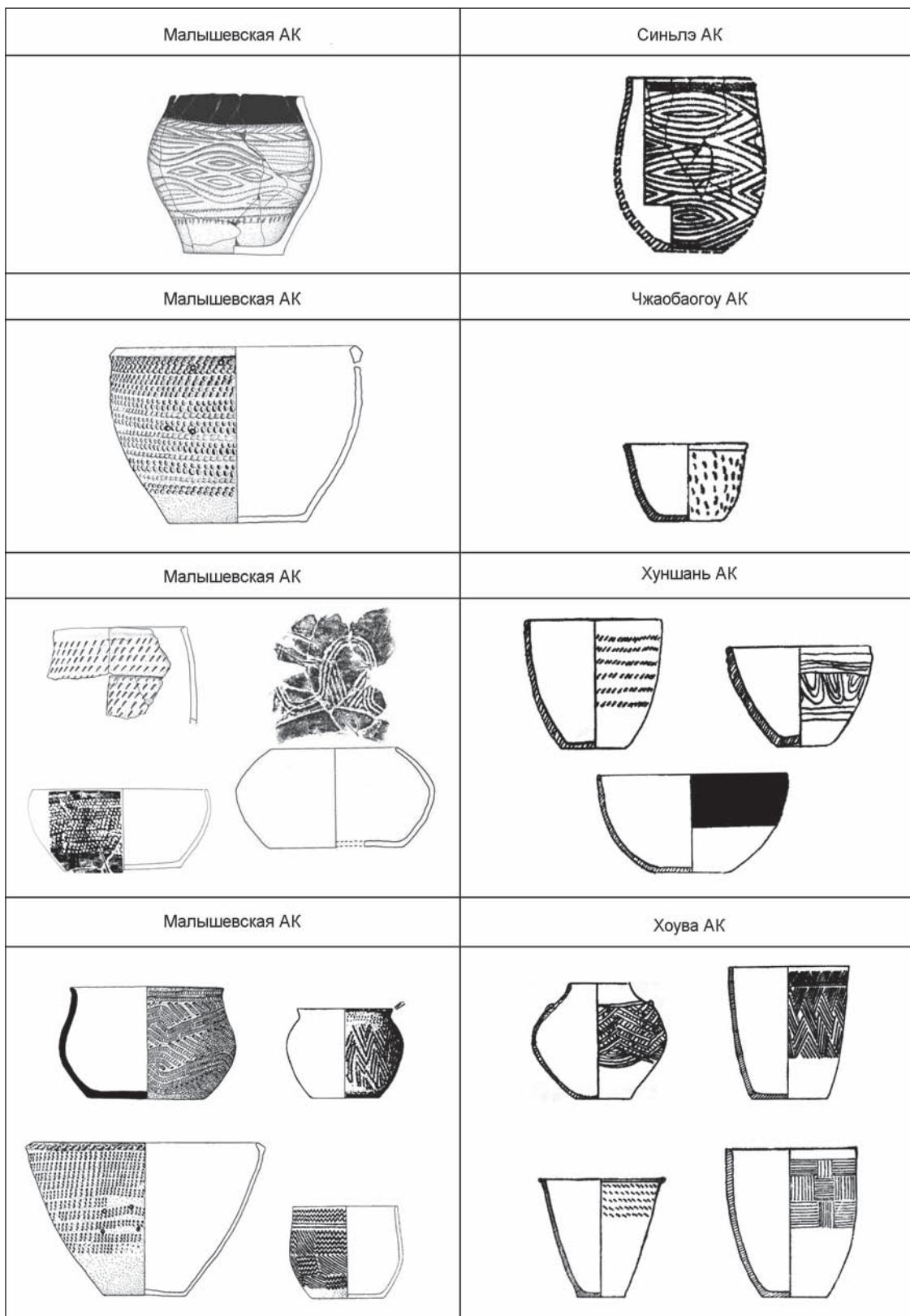
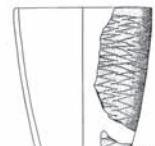
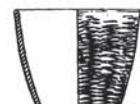
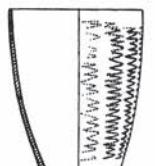
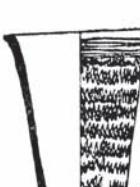
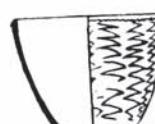
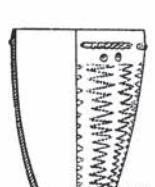
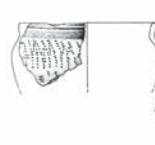

Рис. 83. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Китая.

1, 3, 5–7, 12–14 – Сучу; 2 – Синьлэ; 4 – Чжаобаогу; 8–10 – Шуйцюань; 11 – Гася; 15 – Хоува; 16–18 – Бэйутунь (1, 3, 5–7, 12–14 – по: [Деревянко, Чо Ю Чжон, Медведев, 2001, рис. 70, 1; 74, 1; 2002, т. 1, рис. 20, 1]; 2, 4, 8–10, 15–18 – по: [Алкин, 2007, рис. 54, 16; 17, 9; 31, 15, 16; 32, 5; 65, 10; 73, 7; 8, 11]; 11 – по: [Деревянко, Медведев, 1994, рис. 27, 3]).

Вознесеновская АК	Синьлэ АК	Синлунва АК	Чжаобаогу АК	Хуншань АК	Фухэ АК	Хоува АК
 1			 17			
 2		 13	 18	 21	 27	
 3	 10	 14		 22	 28	
 4	 15	 12		 23		
 5	 12	 16	 19	 24	 25	 29
 6						 30
 7						
 8				 26		
 9			 20			

(*синълэ, хуншань и фухэ*) рельеф образован валиками, выполненными в технике налепливания. Главное сходство нижнеамурских и северокитайских материалов проявляется в мотиве: зигзаг (вертикальный и/или горизонтальный) характерен для орнаментальных комплексов всех рассматриваемых культур. Интересно сочетание валиков и зигзага в керамике *синълэ, хуншань и фухэ*, а также комбинация прочерченных линий и зигзага в декоре *синълэ, синлунва и хоува*. Структура орнамента концентрическая. Тип пространственного построения – бордюр + сетка. Зоны орнаментации тоже похожие.

Таким образом, предположительные линии взаимных контактов неолитических культур южноманьчжурской археологической общности и нижнеамурских малышевской и Вознесеновской культур могли быть следующими:

1) *синълэ* (начало VIII – конец VII тыс. до н.э.) – *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – *чжаобаогу* (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – *хуншань* (V – середина III тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV – III тыс. до н.э.) – Вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) культуры;

2) *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – *чжаобаогу* (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – *хоува* (V–IV тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) – Вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) культуры.

3) *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – *чжаобаогу* (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – *хуншань* (V – середина III тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) – Вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.).

В определенной степени можно согласиться с мнением С.В. Алкина, что южная часть Дунбэя является ключевым районом для понимания хода этнокультурного развития в Восточной Азии [2007, с. 75]. Однако нельзя при этом не заметить, что он оставил без внимания результаты изучения ярчайших неолитических культур нижнего Приамурья. Исследователю реконструкция событий мыслится следующим образом. Первоначальный миграционный импульс исходил из районов южной части Маньчжурской равнины и прилегающих

территорий горного массива Жэхэ и северного Хэбэя. Побудительным моментом стало обретение технологии изготовления керамики. В дальнейшем границы расширились за счет воздействия на культуры соседних районов бассейна р. Ляохэ и Ляодунского п-ова. Затем южноманьчжурская неолитическая общность распространила культурное воздействие далеко на север, «вплоть до берегов Амура (вознесеновская культура) и районов южного Приморья (зайсановская культура)» [Алкин, 2007, с. 78]. На наш взгляд, далеко не последнюю роль в этом межкультурном взаимодействии могли также играть традиции осиповской, малышевской и кондонской неолитических культур нижнего Приамурья. Данная проблема, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения в будущем.

Итак, выстраиваются следующие линии, по которым могли осуществляться межкультурные контакты на рассматриваемой территории в первой половине X – конце VII – начале III – первой четверти II тыс. до н.э. (а с учетом дат для осиповской культуры, скорее всего, ранее):

1) новопетровская (первая половина X – конец VII тыс. до н.э.) – *ананси* (VII–VI тыс. до н.э.) – кондонская (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.) культуры;

2) *ананси* (VII–VI тыс. до н.э.) – *синъкайлю* (VI тыс. до н.э.) – кондонская (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.) культуры;

3) *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – *ананси* (VII–VI тыс. до н.э.) – *яоцзинцы* (VII тыс. до н.э.) – кондонская (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.) – Вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) культуры;

4) *синълэ* (начало VIII – конец VII тыс. до н.э.) – *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – *чжаобаогу* (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – *хуншань* (V – середина III тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) – Вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) культуры;

5) *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – *чжаобаогу* (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – *хоува* (V–IV тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) – Вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) культуры;

Рис. 84. Корреляция орнамента на керамике из нижнего Приамурья и Китая.

1, 8 – Кондон-Почта; 2, 9 – Вознесенское; 3–7 – Сучу; 10–12 – Синълэ; 13–16 – Синлунва; 17–19 – Чжаобаогу; 20 – Наньтайди; 21–23, 25 – Сишуцюань; 24, 26 – Нюхэлян; 27, 28 – Фухгоумэн; 29 – Хоува; 30 – Шамаши (8 – по: [Окладников, 1984, табл. XXXV, 2]; 10, 12, 13, 15–18, 20, 25, 26, 30 – по: [Алкин, 2007, рис. 53, 3; 54, 2; 8, 11, 14, 18; 17, 2, 6; 21, 1; 31, 8; 46, 2; 82, 17]; 11, 18 – по: [Сюй Чжиго, 1998, рис. 2, 1, 3]; 14, 19, 22–24, 27–29 – по: [Изучение..., 1991, рис. 2, 1, 7, 10–12, 14, 18; 3, 3]).

6) *синлунва* (последняя треть VII – рубеж VI–V тыс. до н.э.) – чжаобаогоу (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – хуншань (V – середина III тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) – вознесеновская (начало III – первая четверть II тыс. до н.э.) культуры;

7) чжаобаогоу (конец VI – середина V тыс. до н.э.) – хоува (V–IV тыс. до н.э.) – малышевская (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) культуры.

Подводя итоги сравнительного анализа орнаментальных комплексов нижнеамурских неолитических культур и материалов сопредельных территорий Японии и Китая, отметим следующее. Нами выявлены признаки сходства, которые прослеживаются на всех уровнях структуры орнамента в широком хронологическом и территориальном диапазоне. Культурно-стадиальными признаками являются: 1) рельеф (по большей части, негативный) – ведущий принцип декорирования поверхности сосудов; штампованием – доминирующая техника его нанесения; 2) оттиски гребенчатого штампа; 3) концентрическая (по преимуществу) структура орнамента; бордюр – принцип пространственного построения декора. Прочие признаки – плоскостной декор в технике окрашивания, орнаментальные моти-

вы во всем их многообразии – можно считать культурными.

Наличие культурных и культурно-стадиальных признаков объясняется миграционными процессами, происходившими на разных этапах существования рассматриваемых нами неолитических культур. Можно предположить существование нескольких миграционных импульсов. Наиболее вероятных зон контактов было две: 1) среднее и юго-западная часть нижнего Приамурья – место встречи носителей культур ананси и кондонской, чжоубаогоу и малышевской; 2) северо-восточная часть нижнего Приамурья – место соприкосновения осиповцев и носителей традиций начального дзёмана, малышевцев и населения памятников Тайсо-3, Даисинко и др. (Япония), культуры хоува Ляодунского п-ова, кондонцев и изготовителей керамики с валиками периода *соко* начального дзёмана, вознесеновцев (на раннем и позднем этапе) и мигрантов с территории северо-восточного Китая.

Сравнение орнаментальных комплексов неолитических культур нижнего Приамурья с материалами сопредельных территорий Дальнего Востока и Восточной Азии позволили установить черты сходства и различия, определить линии возможных миграций и контактов, а также степень взаимовлияния.

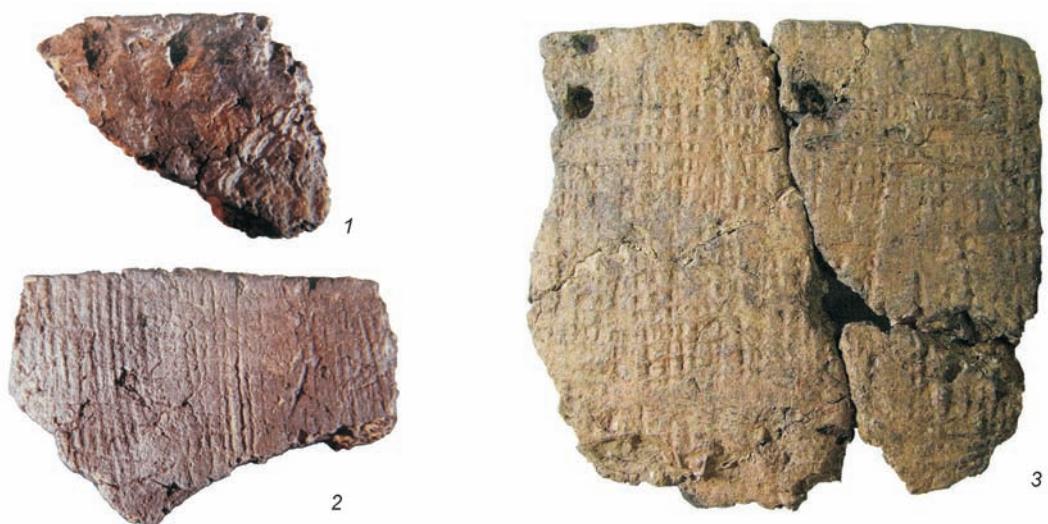

Рис. I. Фрагменты осиповской керамики с памятников Гася (1, 2) и Гончарка-1 (3).

Рис. II. Малышевская керамика с поселения Сучу.

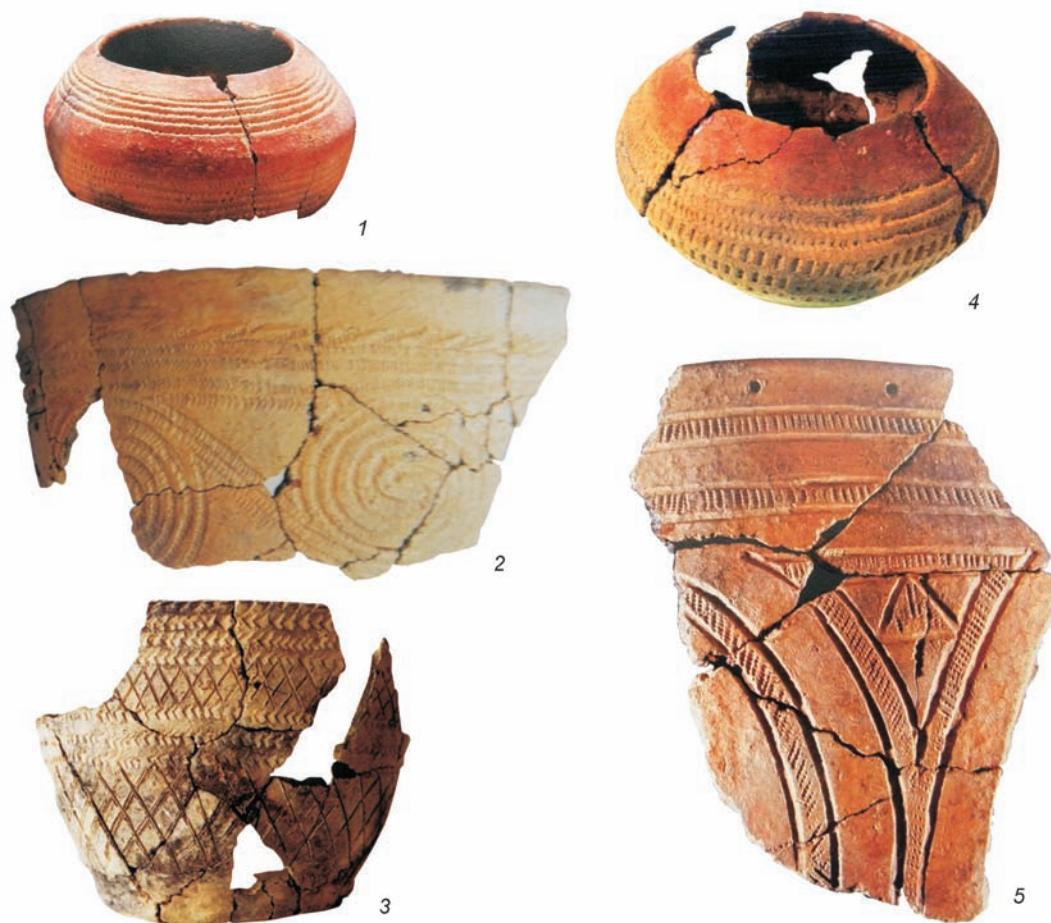

Рис. III. Малышевские сосуды и фрагменты керамики с памятников Гася (1) и Сучу (2–5).

Рис. IV. Кондонская керамика с поселения Кондон-Почта.

Рис. V. Вознесеновские сосуды и фрагменты керамики с памятников Вознесенское (1), Сучу (2, 5), Кондон (3, 6) и Тахта (4).

Рис. VI. Вознесеновская керамика с памятников Кондон-Почта (1, 6), Тахта (2) и Сучу (3–5).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало формирования орнаментальных традиций в гончарстве населения нижнего Приамурья связано с осиповской культурой. В ее составе типологически можно выделить три основные группы: раннюю, развитую и позднюю. *Ранняя группа* включает неорнаментированную керамику с памятника Гончарка-1, а также архаичные образцы сосудов с желобками на внешней и внутренней поверхности с поселений Гася (раскоп II) и Хумми. *Развитая группа* объединяет керамику с узкими желобками на внешней поверхности, составленными в сплошное поле или косую сетку, а также с оттисками гребенки на верхней плоскости венчика и сквозными отверстиями на горловине. Она представлена в материалах Гаси (раскоп I и II), Госяна и Харпичана-4. *Позднюю группу* составляет керамика с отпечатками гребенчатого штампа на верхней плоскости венчика и сквозными отверстиями на горловине, гребенчатыми поясами или гребенчато-пунктирным зигзагом по тулову. Найдена она на памятниках Гончарка-1 и -3, Новотроицкое-3 и -10 и др. Необходимо отметить, что орнамент осиповской керамики поздней группы имеет аналоги среди материалов мариинской, малышевской и кондонской культур региона.

Следующий этап развития традиций в орнаментике неолита соотносится с мариинской культурой (поселения Сучу и Кондон-Почта). Орнаментальный комплекс этой культуры отличается однородностью и архаичностью. Единственный принцип декорирования поверхности сосудов – негативный рельеф – выполнен гребенчатым штампом в технике штампованием и прочесывания. Орнаментальные мотивы в большинстве случаев – прямые горизонтальные линии. Встречаются также прямые наклонные линии и горизонтальный зигзаг. Структура орнамента концентрическая, а тип пространственного построения – бордюр. Зоны размещения декора – верхняя плоскость и внешний бортик венчика, а также горловина. Плечики, тулово и придонную часть оставляли

гладкими. Декор на мариинской керамике обнаруживает некоторое сходство с орнаментом на кондонских сосудах ранней группы. Прослеживаются некоторые параллели с руднинской керамикой из Приморья.

Дальнейшее развитие орнаментальных традиций связано с носителями малышевской и кондонской культур. Декор малышевской керамики основывался, в первую очередь, на создании рельефных изображений, в которых доминировала негативная разновидность рельефа. Позитивный рельеф служил дополнением. Использование плоскостного орнамента отличается некоторой спецификой. Негативный рельеф создавался всеми основными способами, однако ведущим следует считать штампованием. Штампованием наносились не только оттиски зубчатого штампа, но и круглые, овальные, прямоугольные, ромбовидные и пр. отпечатки. Технико-декоративные элементы компоновались в характерные для малышевской орнаментики мотивы – прямые горизонтальные линии и меандры. Структура орнамента по преимуществу концентрическая. Типы построения декора – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + розетка. Сопоставление выделенных нами в составе малышевского орнаментального комплекса хронологических и территориальных групп показало, что характерные и специфические признаки орнаментики обусловлены, по-видимому, логикой внутреннего развития. Однако переход от архаичных (Малышево-1) к более развитым (Гася, Вознесенское и Сучу) формам малышевского декора, вероятно, произошел не только в силу логики внутреннего развития, но и под внешним (хотя и эпизодическим) влиянием.

Единственным принципом декорирования кондонской керамики выступает рельеф (негативный и позитивный) при доминировании углубленной разновидности. Негативный рельеф создавался различными способами, но ведущим следует считать штампованием. В этой технике наносились наиболее типичные группы элементов – отпечат-

ки зубчатой гребенки, оттиски различной формы. Позитивный рельеф получали налепливанием и защищением. Ведущими технико-декоративными элементами в этом случае были прямые и волнистые валики, «зашипы». Все они лежат в основе характерных для кондонской керамики мотивов (прямая горизонтальная линия, сетка «плетенка», «каннелюры»). Типы пространственного строения декора – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + розетка. Структура кондонского орнамента в основном концентрическая, сетчато-концентрическая и радиально-концентрическая. Зоны размещения декора – венчик, горловина, плечики, туло и придонная часть сосуда. Сопоставление выделенных нами в составе кондонской керамики хронологических и территориальных групп показало, что, скорее всего, характерные и специфические признаки данного орнаментального комплекса обусловлены характером его формирования и развития.

Черты сходства культурных признаков орнамента малышевской и кондонской керамики наличествуют только на низшем и среднем уровнях структуры декора. Это говорит о возможных прямых и/или опосредованных контактах, скорее всего, на ранних и, по-видимому, средних стадиях развития орнаментальных комплексов. Вполне вероятно, что контакты с населением сопредельных территорий Приморья, среднего Амура, северо-восточного Китая и Японии тоже сыграли определенную роль.

Заключительный этап формирования орнаментальных традиций представлен материалами вознесеновской культуры. Орнамент на вознесеновской керамике основан на создании рельефных изображений, где негативная и позитивная разновидности задействованы примерно одинаково. Негативный рельеф создавался, главным образом, прокатыванием, протаскиванием, штампованием и накалыванием, позитивный – налепливанием и защищением, а плоскостной – окрашиванием. Ведущие технико-декоративные элементы – оттиски гребенчатого штампа и зубчатого колесика разнообразных форм, линии, желобки, прямые и волнистые валики – компоновались в «геометрические» (зигзаг, спираль и меандр) и «негеометрические» (личины) мотивы. Основные типы пространственного построения композиций – сетка, бордюр + сетка, бордюр + розетка, сетка + розетка, бордюр + сетка + розетка. Структура декора преимущественно концентрическая, хотя зафиксированы образцы с сетчато-концентрическим и радиально-концентрическим построением. Как и в кондонской культуре, особенности

обособления хронологических и территориальных групп, характерные специфические черты орнаментального комплекса вознесеновской культуры обусловлены, по всей видимости, не внутренней логикой развития, а характером ее формирования.

Вознесеновская культура, возможно, дважды испытала влияние мигрантов с территории северо-восточного Китая – на раннем и позднем этапах своего развития. На этапе формирования орнаментального комплекса это внешнее влияние могло обогатить орнаментальную традицию поздних малышевцев – ранних вознесеновцев. В конечном итоге, сформировалось характерное для вознесеновского декора сочетание вертикального зигзага и спирали, меандра, а также появились более реалистичные, чем в малышевской культуре, личины. На позднем этапе миграция привела к деградации орнамента. Он стал стилизованным, утратил характерные признаки (типа спирали и меандра).

Сходные культурные признаки малышевской и вознесеновской керамики фиксируются на всех уровнях структуры орнамента. Это свидетельствует о возможных прямых и/или опосредованных контактах не только на ранней, но и на поздней стадиях существования орнаментальных комплексов. Близость культурных признаков кондонского и вознесеновского декора отмечена только на среднем уровне структуры. Это указывает на вероятность прямых и/или опосредованных контактов на поздней кондонской и средней вознесеновской стадиях развития орнаментальных комплексов.

Таким образом, начало формирования нижнеамурской неолитической орнаментики связано с осиповской культурой, дальнейшее развитие – отчасти с мариинской, но в большей степени с малышевской и кондонской культурами, а заключительный этап – с вознесеновской культурой. Деградация вознесеновского орнамента нашла продолжение в комплексе керамики, который условно можно назвать *поздне- или финально-неолитическим*. Однако проблема финального неолита на нижнем Амуре пока еще находится в стадии разработки. Материалы т.н. «коппинской культуры», выделенной И.Я. Шевкуном [1998, 2004], нуждаются в серьезных дополнительных исследованиях.

Изученные нами материалы свидетельствуют, что центральная часть нижнего Приамурья (памятники Гася, Хумми, Вознесенское и Кондон-Почта) являлась внутренней контактной зоной для носителей всех нижнеамурских неолитических культур. Юго-западная (памятники Шереметьево, Казакевичево, Бычиха, Амурский Санаторий и Малышево) и северо-восточная (памятники Ка-

линовка, Сучу, Малая Гавань и др.) части нижнего Амура служили внешними контактными зонами.

Косвенным указанием на то, что юго-запад и северо-восток нижнего Приамурья были контактными зонами, является обнаружение инородной для нижнеамурского неолита белькачинской керамики на местонахождениях Шереметьево (юго-запад), Сучу и Малая Гавань (северо-восток). В центральной части алдано-ленская по происхождению керамика зафиксирована только на поселении Харпичан-4 [Малявин, 2008].

В нашем исследовании проблема присутствия мигрантов с территории современной Якутии не затронута. Это объясняется следующим: 1) характером публикаций о белькачинских материалах с нижнего Амура [Конопацкий, Милютин, 1989]; 2) эпизодичностью присутствия белькачинцев; 3) несущественным влиянием белькачинского декора на синхронные нижнеамурские орнаментальные комплексы, хотя некоторые признаки сходства имеются. Представляется, что сравнительный анализ неолитических материалов с нижнего Амура и белькачинского комплекса – предмет будущих исследований.

Первая контактная зона – юго-западная часть нижнего Приамурья, возможно, была местом встречи носителей различных культур на разных этапах их развития: осиповской и устиновской; мариинской и руднинской (сергеевский тип); малышевской и руднинской (сергеевский тип); кондонской и руднинской (руднинский и сергеевский типы); кондонской и веткинской; вознесеновской, осиноозерской и зайсановской. Отсюда же осиповцы и малышевцы могли проникнуть на территорию среднего Амура, а носители громатухинской культуры – в нижнее Приамурье, используя р. Амгунь, верховья р. Буреи и р. Селемджу в качестве магистрали.

Вторая контактная зона – северо-восточная часть нижнего Приамурья, вероятно, служила территорией соприкосновения малышевской и бойсманской культур, а также путем для про-

никновения осиповцев и малышевцев с материка на острова (Сахалин, Японские о-ва). Северо-восточное Приамурье могло быть контактной зоной и для носителей вознесеновской и зайсановской, вознесеновской и имчинской, вознесеновской и седыхинской культур, а также вознесеновцев (на раннем и позднем этапе) и мигрантов с территории северо-восточного Китая.

Черты сходства, выделенные при сравнительном анализе орнаментальных комплексов нижнеамурских неолитических культур с материалами сопредельных территорий, проявляются на всех уровнях структуры декора, в очень широком хронологическом и территориальном диапазоне. Несомненно, некоторые признаки следует считать культурно-стадиальными, т.е. характерными для орнаментики дальневосточной неолитической керамики в целом. К таковым следует отнести: 1) рельеф (по преимуществу негативный) как ведущий принцип декорирования поверхности сосудов, а штампованием как доминирующую технику его исполнения; 2) отиски гребенчатого штампа; 3) концентрическую (по преимуществу) структуру орнамента и бордюр как принцип пространственного строения. Плоскостной декор в технике окрашивания и разнообразные орнаментальные мотивы, вероятно, являются культурными признаками.

Обобщая все сказанное, отметим значительное сходство орнаментальных комплексов малышевской и вознесеновской культур. По-видимому, их следует считать компонентами единой орнаментальной традиции, сформировавшейся на основе процессов аккультурации и диффузии (частично). Мариинский и кондонский орнаменты могли развиваться в рамках иной традиции, хотя испытывали эпизодическое внешнее воздействие (прямое или опосредованное). В целом, формирование и развитие орнаментальных традиций нижнеамурского неолита носило сложный характер, что нашло отражение в исключительном разнообразии декора и специфической семантике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

- Алкин С.В.** Ранний неолит Северо-Восточного Китая // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 270–272.
- Алкин С.В.** Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.
- Андреев Г.И.** Некоторые вопросы культур Южного Приморья III–I тыс. до н.э. // МИА. – 1960. – № 86. – С. 136–161.
- Андреев Г.И.** Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 г. // КСИА. – 1961. – Вып. 93. – С. 106–113.
- Андреева Ж.В., Татарников В.А.** Пещера «Чертовы Ворота» в Приморье // АО 1973 года. – М.: Наука, 1974. – С. 180–181.
- Арсеньев В.К.** Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края // Соч.: В 6 т. – Владивосток: Примиздат, 1947. – Т. 4. – С. 227–323.
- Атлас Нижнего Амура: Хабаровск – Николаевск-на-Амуре.** – Хабаровск: [Б.и.], 1994. – 60 с.
- Байбурин А.К.** Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 63–88.
- Балакин Ю.В.** Керамический сосуд в космическом измерении // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 274–277.
- Барташевич А.А., Дягилев Л.Е., Климин Р.М., Перелыгина Л.Г.** Основы композиции и дизайна мебели. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 192 с.
- Батаршев С.В.** Руднинская археологическая культура в Приморье. – Владивосток: ООО «Рея», 2009. – 200 с.
- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Морева О.Л.** Платинчатые комплексы в неолите Приморья (генезис, хронология, культурная интерпретация) // Приоткрывая завесу времени: сб. науч. тр. к 80-летию Ж.В. Андреевой. – Владивосток: ООО «Рея», 2010. – С. 102–156.
- Батаршев С.В., Морева О.Л., Попов А.Н.** Керамический комплекс поселения Осиновка и проблема раннего неолита Приханкайской низменности // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 66–72.
- Батаршев С.В., Попов А.Н.** Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 2–13.
- Батаршев С.В., Попов А.Н., Морева О.Л., Крутых Е.Б.** Результаты археологического изучения неолитического памятника Гвоздево-3 на юге Приморского края // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 61–65.
- Бельды О.А.** Орнамент костюма шамана и его атрибуты // Орнаментальное искусство народов Дальнего Востока: сб. докл. и сообщ. регион. науч.-практ. конф. (17–19 окт. 1995 г.). – Комсомольск-на-Амуре: [Б.и.], 1995. – С. 27–31.
- Бидерманн Г.** Энциклопедия символов / Общ. ред. и предисл. И.С. Свеницкой – М.: Республика, 1996. – 335 с.
- Бобринский А.А.** О некоторых символических знаках, общей первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонова, 1902. – 12 с.
- Боднев И.А.** Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 11–41.
- Бородовский А.П.** К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды на керамике (по материала курганной группы Быстровка I) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1983. – С. 51–55.
- Бродянский Д.Л.** Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV–I тыс. до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами

- сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С. 179–185.
- Бродянский Д.Л.** Проблемы периодизации и хронологии неолита Приморья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 110–115.
- Бродянский Д.Л.** Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. – 276 с.
- Бродянский Д.Л.** Две экономические стратегии в неолите Дальнего Востока // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 240–242.
- Буткевич Л.М.** Орнамент как искусство. – М.: Искусство, 2005. – 245 с.
- Бутковская Д.А.** Орнамент и технология древнего гончарного производства // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1987. – С. 36–37.
- Валентин-Перешеек** – поселок древних рудокопов / Ж.В. Андреева, А.В. Гарковик, И.С. Жутиховская, Н.А. Кононенко. – М.: Наука, 1987. – 248 с.
- Васильевский А.А.** Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008а. – 412 с.
- Васильевский А.А.** Рубежи и контактные зоны в северном регионе островного мира Восточной Азии в эпоху неолита // Окно в неведомый мир: сб. статей к 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008б. – С. 118–123.
- Васильевский А.А., Грищенко В.А., Кузьмин В.Я., Орлова Л.А.** Хронология и периодизация эпохи неолита на Сахалине и Курильских островах (по данным радиоуглеродного датирования) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии: сб. ст. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 2009. – С. 74–79.
- Васильевский Р.С.** Некоторые вопросы генезиса и эволюции дальневосточного неолита // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 107–116.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.** Культуры каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.
- Волкова Е.В.** Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древнейшей глиняной посуде // Керамика как исторический источник: подходы и методы изучения: тез. докл. всесоюз. науч. археол. конф. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1991. – С. 7–13.
- Гарковик А.В.** Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 116–131.
- Гарковик А.В.** Поселение Евстафий-4 // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1987. – С. 185–186.
- Генинг В.Ф.** Программа статической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–136.
- Генинг В.Ф.** Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наукова думка, 1992. – 185 с.
- Герасимов М.М.** Новые стоянки доисторического человека в окрестностях г. Хабаровска // Изв. ВСРГО. – 1928. – Т. 53. – С. 135–140.
- Герус Т.А.** Исследования древних культур Нижнего Амура // Исследования по археологии Сахалинской области. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. – С. 38–53.
- Герчук Ю.Я.** Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. – М.: Галарт, 1998. – 356 с.
- Глушков И.Г.** О классификации значимости орнаментальных признаков // Экспериментальная археология: изв. лаб. эксперимент. археологии Тобол. гос. пед. ин-та. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1991. – Вып. 1. – С. 49–55.
- Глушков И.Г.** Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
- Голан А.** Миф и символ. – М.: РУССЛИТ, 1994. – 375 с.
- Горбунов С.В.** Археологические памятники Тымовского района // Вестн. Сахалин. музея. – Южно-Сахалинск: Изд-во Сах. обл. краевед. музея, 2000. – № 7. – с. 264–285.
- Горюнова О.И., Савельев Н.А.** Опыт разработки понятий для описаний форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 115–125.
- Гребенщиков А.В.** Опыт классификации орнамента древней керамики Приамурья (по материалам поселения раннего железного века на острове Урильском) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 130–144.
- Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И.** Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.
- Грищенко В.А.** Хронологические границы и археологические критерии раннего неолита острова Сахалин // Приоткрывая завесу тысячелетий: сб. науч. тр. к 80-летию Ж.В. Андреевой. – Владивосток: ООО «Рея», 2010. – С. 89–101.
- Грищенко В.А.** Ранний неолит острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. – 184 с.
- Деопик Д.В., Митяев П.Е.** Методика анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 121–149.

- Деревянко А.П.** Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.
- Деревянко А.П.** Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1972. – Ч. 1. – С. 38–66.
- Деревянко А.П.** Приамурье (I тысячелетие до н.э.). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хон Джон.** Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сёк, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хён.** Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зее в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 82–86.
- Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Филатова И.В., Медведева О.С., Хон Хён У.** Древние памятники Южного Приморья: отчет об исследовании поселения Буличка в 2003 году. – Сеул: Изд-во Гос. исслед. ин-та культур. наследия Респ. Корея, 2004. – Т. I–III. – 814 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Филатова И.В., Медведева О.С., Хон Хён У.** Древние памятники Южного Приморья: отчет об исследовании поселения Буличка в 2004 году. – Сеул: Изд-во Гос. исслед. ин-та культур. наследия Респ. Корея, 2005. – Т. I–III. – 822 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Ким Ён Мин, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.** Древние памятники Южного Приморья: отчет об исследовании поселения Буличка в 2005 году. – Сеул: Изд-во Гос. исслед. ин-та культур. наследия Респ. Корея, 2006. – Т. I–III. – 820 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Раскопки Амуро-Уссурийского отряда // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 229–230.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1975 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992а. – 29 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1976 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992б. – 38 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1986–1987 гг.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. – 95 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1989–1990 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995а. – 64 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Святилище идолопоклонников на о. Сучу – новый тип памятников на дальнем Востоке // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995б. – С. 225–227.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Остров Сучу – уникальный памятник археологии Дальнего Востока // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 214–221.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** К итогам раскопок на о. Сучу в 1995 и 1997 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН, посвящ. 40-летию СО РАН и 30-летию ИИФИФ СО РАН, декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 52–57.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) // История и культура востока Азии: мат-лы междунар. науч. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. II. – С. 53–66.
- Деревянко А.П., Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Волков П.В., Кудрич О.С., Канг Чан Хва, Ли Хон Джон, Ким Кён Чжу, О Ён Сук, Ли Вон Чжун, Ян На Рэ, Ли Хе Ён.** Материалы археологического изучения памятника Новопетровка-III в 2003 году. – Новосибирск; Чечжу, 2004. – 116 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Ким Сон Тэ, Юн Кын Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Краминцев В.А., Кан Ин Ук, Ласкин А.Р.** Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края в 2000 г. – Сеул: Изд-во «Мунхва чжечхон», 2000а. – 564 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Краминцев В.А., Ласкин А.Р., Кан Ин Ук, Филатова И.В.** Исследования первой совместной российско-корейской археологической экспедиции на Амуре в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000б. – Т. 6. – С. 105–111.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын Ил, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.** Раскопки совместной российско-корейской экспедиции на о. Сучу в 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий:

- мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 79–85.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.** Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году. – Сеул: Изд-во Гос. исслед. ин-та культур. наследия Респ. Корея, 2002а. – Т. I–III. – 1081 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.** Раскопки совместной российско-корейской экспедиции на о. Сучу в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – Т. 8. – С. 76–83.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.** Неолитические поселения в низовьях Амура (отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг.). – Сеул: Изд-во Гос. исслед. ин-та культур. наследия Респ. Корея, 2003. – Т. I–III. – 1117 с. (на рус. и кор. яз.).
- Деревянко Е.И.** К вопросу о состоянии исследований керамики в Дальневосточном регионе // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 43–54.
- Долуханов П.М., Фоняков Д.И.** Опыт применения многомерных процедур в исследовании древних орнаментов // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 49–61.
- Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения:** сб. ст. / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин и др. – М.: Изд-во ИА РАН, 2010. – 257 с.
- Дьяков В.И.** Раскопки многослойного памятника Рудная Пристань в 1983 году // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 25–50.
- Дьяков В.И.** Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.
- Дьяков В.И.** Динамика археологических культур каменного века Приморья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2002. – Т. 3. – С. 30–37.
- Дьякова О.В., Дьяков В.И., Сакмаров С.А.** Археологические памятники поселка Кондон на Нижнем Амуре // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 151–190.
- Дьякова Т.С.** Некоторые данные по керамике кондонской культуры (по материалам многослойного памятника Харпичан 4) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии: сб. ст. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 2009. – С. 95–99.
- Евсюков В.В.** Мифология китайского неолита по материалам росписей на керамике культуры Яншао. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1988. – 127 с.
- Жущиховская И.С.** Неолитическая керамика с органической примесью на памятниках юга Дальнего Востока // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 2. – С. 150–155.
- Жущиховская И.С.** Гончарство первобытных культур юга Дальнего Востока как палеоэкономическое явление // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. – М.: Наука, 1994. – С. 148–208.
- Жущиховская И.С.** Древнее гончарство юга Дальнего Востока России (история производства): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1996а. – 42 с.
- Жущиховская И.С.** Системный подход к изучению древнего гончарства // Керамика как исторический источник: тез. докл. и мат-лы конф. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1996б. – С. 9–11.
- Жущиховская И.С.** Миграции и культурные контакты в древности в контексте традиций производства // Вестн. ДВО РАН. – 1997. – № 1. – С. 48–53.
- Жущиховская И.С.** Керамика поселения Бойсмана 1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. – С. 123–196.
- Жущиховская И.С.** Археологическая керамика как индикатор миграций на юге Дальнего Востока // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 125–127.
- Жущиховская И.С.** Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2004. – 312 с.
- Жущиховская И.С.** Древнейшая керамика: пути технологической инновации // Вестн. ДВО РАН. – 2011. – № 1. – С. 101–110.
- Жущиховская И.С., Шубина О.А.** Периодизация имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1987. – С. 7–11.
- Жущиховская И.С., Шубина О.А.** К вопросу о периодизации имчинской неолитической культуры Северного Сахалина (по материалам керамики) // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения): тез. докл. конф. по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. – Уссурийск: Изд-во Уссур. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 21–23.
- Золотарев А.М.** Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 208 с.
- Иванов С.В.** Орнамент народов Сибири как исторический источник // Вопросы истории Сибири

- и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 345–351.
- Иванов С.В.** Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. – М.; Л: Наука, 1963. – 500 с.
- Иофан Н.А.** Керамика дзёмон как феномен искусства неолита и энеолита (некоторые замечания к характеристике орнамента дзёмон) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С. 165–171.
- Кашина Т.И.** Керамика культуры Яншоа. – Новосибирск: Наука, 1977. – 168 с.
- Кильневская Э.В.** От изобразительности к орнаменту. – М.: Искусство, 1968. – 154 с.
- Клейн Л.С.** Проблемы преемственности и смены археологических культур // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Л: Наука, 1981. – С. 33–38.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В.** Новые данные о неолите Приморья (по материалам исследований 2000-х годов) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: мат-лы междунар. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова (17–18 марта 2008 г.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 85–97.
- Клюев Н.А., Пантихина И.Е.** Новые памятники раннего неолита Приморья (стоянка ЛЗП-3–6) // Пятые Гродековские чтения: мат-лы межрегионар. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Изд-во ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2006. – Ч. 1. – С. 84–87.
- Клюев Н.А., Яншина О.В.** Финальный неолит Приморья // Россия и АТР. – 2002. – № 3. – С. 67–78.
- Клюев Н.А., Яншина О.В., Кононенко Н.А.** Поселение Шекляево-7 – новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. – 2003. – № 4. – С. 5–15.
- Киабе Г.С.** Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной археологии // СА. – 1959. – № 3. – С. 8–17.
- Ковалевская В.Б.** Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки: сб. ст. – М.: Наука, 1965. – С. 286–301.
- Ковалевская В.Б.** К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии: сб. ст. – М.: Наука, 1970. – С. 144–165.
- Кожин П.М.** Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 54–70.
- Кожин П.М.** О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 129–151.
- Кожин П.М.** Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 428 с.
- Коломиц С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А.** Итоги полевых исследований памятника Глазовка-горошище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 143–155.
- Кононенко Н.А.** Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плеистоцена – начале голоцена (Устиновский комплекс, Российский Дальний Восток) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 40–59.
- Конопацкий А.К.** Обследование на Нижнем Амуре памятников неолита // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 209–210.
- Конопацкий А.К.** Работы на Нижнем Амуре // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986а. – С. 178–179.
- Конопацкий А.К.** Разведочные работы на Нижнем Амуре // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986б. – С. 50–83.
- Конопацкий А.К.** Разведывательные работы на Нижнем Амуре // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1987. – С. 173–174.
- Конопацкий А.К.** Керамика эпохи неолита в памятнике Сусанино-4 (Нижний Амур) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 9–18.
- Конопацкий А.К.** Памятник Малая Гавань и проблемы неолита Нижнего Амура в свете современных исследований (предварительное сообщение) // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1993. – С. 47–52.
- Конопацкий А.К., Милютин К.И.** Шнуровая керамика в неолитических памятниках Нижнего Амура // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 92–103.
- Конопацкий А.К., Мыльникова Л.Н.** Основные проблемы изучения неолита Нижнего Амура // «Съезд сведущих людей Дальнего Востока»: мат-лы науч.-практ. ист.-краевед. конф., посвящ. 100-летию Хабаровского краеведческого музея (Хабаровск, 17–18 мая 1994 г.). – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 1994. – Т. 2. – С. 11–14.
- Копытько В.Н.** Разведка на Нижнем Амуре // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 239.
- Копытько В.Н.** Некоторые результаты археологической разведки на р. Амгун // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 167–172.
- Копытько В.Н.** Разведывательные работы на Нижнем Амуре // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 177–178.
- Кузьмин Я.В.** Переход от палеолита к неолиту и возникновение керамики на Дальнем Востоке Рос-

- сии: геоархеологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 16–26.
- Кузьмин Я.В.** Возникновение древнейшей керамики в восточной Азии (геоархеологический аспект) // РА. – 2004. – № 2. – С. 79–86.
- Лапшина З.С.** Комплекс с Венерой на поселении Хумми // «Съезд сведущих людей Дальнего Востока»: мат-лы науч.-практ. ист.-краевед. конф., посвящ. 100-летию Хабаровского краеведческого музея (Хабаровск, 17–18 мая 1994 г.). – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 1994. – Т. 3. – С. 27–28.
- Лапшина З.С.** Ранняя керамика на поселении Хумми (Нижний Амур) // Вестн. ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 104–106.
- Лапшина З.С.** Керамика раннего горизонта поселения Хумми в нижнем Приамурье // Историко-культурные связи между коренным населением Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии: к 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: мат-лы междунар. науч. конф. (Владивосток, 1–5 апр. 1998 г.). – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. – С. 191–200.
- Лапшина З.С.** Древности озера Хумми. – Хабаровск: Изд-во Приамур. геогр. общ-ва, 1999. – 206 с.
- Ларичев В.Е.** Неолитические поселения в низовьях р. Уссури (с. Казакевичево) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 255–268.
- Лерх Н.** Нахodka каменных орудий близ устья Амура: по поводу изв. газ. «Восточное Приамурье» // ИРАО. – 1868. – Т. 6, вып. 10, отд. 2. – С. 209–211.
- Леви-Стросс К.** Неприрученная мысль // Первобытое мышление / Пер., вступ. ст. и прил. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – С. 111–336.
- Ли Цзян.** Предварительное изучение керамики с резным орнаментом из восточной части Дунбэя // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1994. – С. 77–82.
- Лосан Е.М.** Исследования в Николаевском районе Хабаровского края // АО 1983 года – М.: Наука, 1985. – С. 223.
- Лосан Е.М.** Итоги археологических изысканий на побережье озер Чля и Орель в Приамурье // Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). – Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1989. – С. 19–25.
- Лосан Е.М.** Исследования на поселение Старая Ка-корма в Николаевском районе Хабаровского края // Краеведческий бюллетень. – № 2. – Южно-Сахалинск, 1991. – С. 73–83.
- Лосан Е.М.** Об археологических раскопках на поселении Старая Ка-корма // «Съезд сведущих людей Дальнего Востока»: мат-лы науч.-практ. ист.-краевед. конф., посвящ. 100-летию Хабаровского краеведческого музея (Хабаровск, 17–18 мая 1994 г.). – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 1994. – Т. 2. – С. 15–17.
- Лотман Ю.М.** Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С. 14–285.
- Лынша В.А.** Сергеевка-1 – новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения): тез. докл. конф. по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. – Уссурийск: Изд-во Уссур. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 41–43.
- Лю Цзинвэнь.** Поселение Яонзинцзы и некоторые проблемы неолита провинции Цзилинь // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1994. – С. 67–76.
- Малявин А.В.** Ансамбль археологических памятников на р. Девятке // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – Т. 2. – С. 167–170.
- Малявин А.В.** Памятники р. Девятки: археологическая локаль (на материалах древних памятников р. Девятки) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: мат-лы вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29–30 апр. 1999 г.). – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 1999. – С. 165–170.
- Малявин А.В.** Харпичан-4: многослойный неолитический памятник (Приамурье) // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 150–155.
- Маркарян Э.С.** Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 78–96.
- Марр Н.Я.** Язык и письмо // Изв. ГАИМК. – Т. VI, вып. VI. – Л., 1930. – 24 с.
- Маршак Б.И.** К проблеме критериев сходства и различия керамических комплексов // Археология и естественные науки: сб. ст. – М.: Наука, 1965. – С. 308–317.
- Машукова Т.К.** Первобытная керамика как художественно-эстетический феномен (сосуды Южной Сибири эпохи бронзы): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1991. – 22 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // АО 1993 года. – М.: ИА РАН, 1994. – С. 177–178.
- Медведев В.Е.** К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995а. – С. 228–237.
- Медведев В.Е.** Раскопки на Нижнем Амуре // АО 1994 года. – М.: Наука, 1995б. – С. 289–291.
- Медведев В.Е.** Исследования на острове Сучу // АО 1995 года. – М.: Наука, 1996. – С. 150–151.
- Медведев В.Е.** Новое о неолите Нижнего Амура // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год.

- сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 174–180.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. – № 3 (3). – С. 56–68.
- Медведев В.Е.** Поселение Перевал на юге Приморья // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000б. – С. 40–48.
- Медведев В.Е.** Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 4 (8). – С. 76–94.
- Медведев В.Е.** Раскопки на Амуре // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001б. – С. 270–271.
- Медведев В.Е.** Амурские чуринги // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 2002. – № 3. – С. 11–15.
- Медведев В.Е.** Академик А.П. Окладникова и неолит Нижнего Приамурья: развитие идей. // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003а. – С. 164–171.
- Медведев В.Е.** Когда и как была открыта на Дальнем Востоке древнейшая керамика. // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003б. – С. 38–43.
- Медведев В.Е.** Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005а. – С. 234–267.
- Медведев В.Е.** Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005б. – № 5 (24). – С. 40–69.
- Медведев В.Е.** О культурогенезе в эпоху неолита в Нижнем Приамурье // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 288–291.
- Медведев В.Е.** Общее и особенное в неолите юго-западной и северо-восточной частей Нижнего Приамурья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы всерос. конф. с междунар. уч., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.М. Герасимова. – Иркутск: «Оттиск», 2007а. – Т. 1. – С. 419–424.
- Медведев В.Е.** О хронологии малышевской культуры: новые радиоуглеродные даты для поселения Гася // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН, 2007б. – Т. XV. – С. 130–135.
- Медведев В.Е.** Из коллекций керамики осиповской культуры поселения Гася // Окно в неведомый мир: сб. статей к 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008а. – С. 156–162.
- Медведев В.Е.** Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока // Тр. II (XVIII) всерос. археолог. съезда в г. Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008б. – Т. I. – С. 244–248.
- Медведев В.Е.** Об экспедиции ак. А.П. Окладникова на нижнем Амуре в 1968 г. // Homo eurasicus в глубинах и пространствах истории. – СПб.: Астерион, 2008в. – С. 36–42.
- Медведев В.Е.** О начальном неолите Приамурья и керамике осиповской культуры // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: мат-лы междунар. археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова (17–18 марта 2008 г.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008г. – С. 115–125.
- Медведев В.Е.** Двухслойный памятник Амурзет и некоторые вопросы археологии Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследований древностей востока Азии: сб. ст. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 2009а. – С. 199–228.
- Медведев В.Е.** Неолитический комплекс памятника Амурзет (Еврейская автономная область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – Т. XV. – С. 164–169.
- Медведев В.Е.** Материалы памятника у с. Осиновая Речка на Амурской протоке // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: мат-лы регион. конф. (Владивосток, 26–27 апр. 2010 г.) / Отв. ред. Н.А. Клюев. – Владивосток: ООО «Рея», 2011. – С. 11–18.
- Медведев В.Е.** Амурский бассейн в эпоху неолита // 21 сегный хангук когохак [Корейская археология в 21 веке]. – № 5. – Сеул: Чурюсон, 2012а. – С. 785–833.
- Медведев В.Е.** О некоторых памятниках осиповской культуры начального неолита (Приамурье) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: РОССПЭН, 2012б. – С. 113–116.
- Медведев В.Е., Мыльникова Л.Н.** Штампы для орнаментации керамических сосудов из неолитических поселений Нижнего Амура // Археологические исследования на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1993. – С. 63–68, 95–98.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** О соотношении керамики из культурных слоев поселения у с. Вознесенского (Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН,

- посвящ. 40-летию СО РАН и 30-летию ИИФФ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 117–122.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Об орнаментации глиняных сосудов из жилищ эпохи неолита у с. Малышево в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 134–139.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Керамика из поселения у с. Иннокентьевка // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2001а. – Вып. 3. – С. 62–67.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Многослойное поселение у с. Калиновка на Нижнем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001б. – Т. 7. – С. 170–175.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** К характеристике орнамента неолитической керамики Вознесенского поселения // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 42–57.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Неолит Нижнего Амура и Приморья: элементы сходства и отличия (по материалам керамики) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 170–176.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Неолитические объекты на поселении Буличка (Приморье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 82–86.
- Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б.** Технико-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 94–107.
- Мифы народов мира:** В 2 т. – М.: Сов. энцикл, 1991. – Т. 1. – 671 с.; 1992. – Т. 2. – 719 с.
- Михайлов Ю.И.** Орнамент андроновского керамического комплекса (проблема анализа и интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 22 с.
- Молдин В.И.** К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 76–80.
- Моран А. де.** История декоративно-прикладного искусства от древнейших времен до наших дней. С приложением статьи Ж. Гассио-Талабо о дизайне / Пер с фр. Н.И. Столяровой и Л.Д. Липман. – М.: Искусство, 1982. – 380 с.
- Морева О.Л.** Относительная периодизация керамических комплексов бойсманской археологической культуры памятника Бойсмана-2 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 172–175.
- Морева О.Л.** Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.
- Морева О.Л., Батаршев С.В.** Культурные контакты в неолите Приморья и Приамурья (по результатам исследования керамики) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии: сб. ст. – Хабаровск: Изд-во ХКМ, 2009. – С. 147–152.
- Морева О.Л., Батаршев С.В., Клюев Н.А.** Налепной орнамент в керамических традициях среднего неолита Приморья // Дальневосточно-сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 73–80.
- Морева О.Л., Батаршев С.В., Попов А.Н.** Керамический комплекс эпохи неолита с многослойного памятника Ветка-2 (Приморье) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: мат-лы междунар. археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова (17–18 марта 2008 г.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 131–160.
- Морева О.Л., Клюев Н.А.** Средненеолитические традиции в позднем неолите Приморья (к интерпретации гребенчатой керамики памятника Шекляево-7) // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: мат-лы региона. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. Ж.В. Андреевой (Владивосток, 26–27 апр. 2010 г.) / Отв. ред. Н.А. Клюев. – Владивосток: ООО «Рея», 2011. – С. 19–34.
- Морева О.Л., Попов А.Н.** О некоторых особенностях орнаментации бойсманской керамики // Произведения искусства и другие древности Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – Вып. 12. – С. 76 Ж.В. Андреевой 85.
- Морева О.Л., Попов А.Н.** Культурная принадлежность остродонной керамики Бойсмана-2 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11 Ж.В. Андреевой 25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 176–179.
- Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М.** Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья //

- Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 57–68.
- Мочанов Ю.А.** Археологическая разведка по реке Амгун и Чукчагирскому озеру // По следам древних культур Якутии. – Якутск, 1970. – С. 154–182.
- Мыльникова Л.Н.** К характеристике орнамента неолитической керамики поселения Сучу // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 83–88.
- Мыльникова Л.Н.** Гончарные традиции в неолитической керамике поселения Сучу // Технология древних производств Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1988. – С. 10–12.
- Мыльникова Л.Н.** Эволюция спиралей в орнаментации неолитической керамики Нижнего Амура // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытного строя. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1989. – С. 58–60.
- Мыльникова Л.Н.** О двух гончарных традициях в неолитической керамике Нижнего Амура // Экспериментальная археология: изв. лаб. эксперимент. археологии Тобол. гос. пед. ин-та. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1991. – Вып. 1. – С. 78–82.
- Мыльникова Л.Н.** Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 159 с.
- Мыльникова Л.Н., Варенов А.В.** Взаимосвязь неолитических культур Нижнего Амура с Северо-Восточным Китаем // Общество и государство в Китае: тез. докл. 23 науч. конф. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1991. – С. 97.
- Мыльникова Л.Н., Несторов С.П.** Физико-химическое исследование керамики памятника Косанни: к проблеме происхождения гончарства // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: мат-лы междунар. археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова (17–18 марта 2008 г.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 161–169.
- Мыльникова Л.Н., Несторов С.П.** Анализ ранне-неолитической керамики Востока Азии: Россия, Республика Корея // 21 сегный хангук когохак [Корейская археология в 21 веке]. – № 5. – Сеул: Чурюсо, 2012. – С. 863–899.
- Неолит юга Дальнего Востока: древнее поселение в пещере Чертовых Ворота / В.П. Алексеев и др.** – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Несторов С.П.** Стратиграфия и хронология неолитических культур Западного Приамурья // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 295–298.
- Несторов С.П.** Черниговка-на-Зее – поселение громатухинской культуры в западном Приамурье // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: мат-лы междунар. археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд.
- акад. А.П. Окладникова (17–18 марта 2008 г.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 170–181.
- Окладников А.П.** К археологическим исследованием в 1935 году на Амуре // СА. – 1936. – № 1. – С. 275–277.
- Окладников А.П.** Неолит Сибири и Дальнего Востока // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Кн. 1. – С. 72–80.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. – 1941. – Вып. 9. – С. 5–14.
- Окладников А.П.** К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // СЭ. – 1946. – № 4. – С. 11–33.
- Окладников А.П.** У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. – М.: Госкультпросветиздат, 1954. – С. 225–260.
- Окладников А.П.** Далекое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края). – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1959а. – 292 с.
- Окладников А.П.** Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // СЭ. – 1959б. – № 2. – С. 38–46.
- Окладников А.П.** Археологические раскопки в районе Хабаровска // Вопросы географии Дальнего Востока. – Хабаровск: Б.и., 1963. – Т. 6. – С. 255–282.
- Окладников А.П.** Неолит Нижнего Амура // Древняя Сибирь (макет 1 тома «Истории Сибири»). – Улан-Удэ: Изд-во СО АН СССР, 1964а. – С. 195–214.
- Окладников А.П.** Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии // Вопросы истории. – 1964б. – № 1. – С. 44–58.
- Окладников А.П.** Поселение у с. Вознесеновка вблизи устья р. Хунгари // АО 1966 года. – М.: Наука, 1967. – С. 175–178.
- Окладников А.П.** Из предыстории искусства амурских народов (петроглифы на р. Кия, Уссури) // СА. – 1968а. – № 4. – С. 46–57.
- Окладников А.П.** Лики древнего Амура: петроглифы Сакачи-Аляна. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968б. – 236 с.
- Окладников А.П.** Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 172–193.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971а. – 336 с.
- Окладников А.П.** Раскопки в Сакачи-Аляне // АО 1970 года. – М.: Наука, 1971б. – С. 191–192.
- Окладников А.П.** Новое в археологии Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. – 1972а. – № 3. – С. 97–117.
- Окладников А.П.** Отчет о раскопках древнего поселения у с. Вознесенского на Амуре, 1966 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1972б. – Ч. 1. – С. 3–35.

- Окладников А.П.** Новые данные по неолиту Нижнего Амура // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 232–233.
- Окладников А.П.** Археология // Разрез новейших отложений Нижнего Приамурья. – М.: Наука, 1978. – С. 78–81.
- Окладников А.П.** Археологические коллекции Л.Я. Штернберга с Нижнего Амура // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1979. – № 6 (2). – С. 70–76.
- Окладников А.П.** О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.) – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3–52.
- Окладников А.П.** Древнее поселение Кондон. – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.
- Окладников А.П.** Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). – Новосибирск: Наука, 1984. – 123 с.
- Окладников А.П., Бродянский Д.Л.** Майхэ (Олений). Памятники мезолита и неолита в Приморье. – Владивосток: Издат. дом Дальневост. федер. ун-та, 2013. – 190 с.
- Окладников А.П., Бродянский Д.Л., Чан Су Бу.** Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1980. – 103 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 285 с.
- Окладников А.П., Медведев В.Е.** Раскопки в Сакачи-Аляне // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 201–203.
- Окладников А.П., Медведев В.Е.** Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1983. – № 20 (1). – С. 93–97.
- Поляков О.В.** Разведка Хабаровского краевого краеведческого музея в долине р. Обор // АО 1993 года. – М.: Изд-во ИА РАН, 1994. – С. 182.
- Попов А.Н.** Неолит на Приханкайской низменности: по результатам исследований в Центральном Приморье в 2000–2002 году // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 183–185.
- Попов А.Н.** Средний неолит в Приморье // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 302–304.
- Попов А.Н.** Новые материалы по неолиту Приморья (веткинская археологическая культура) // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рожд.
- акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 170–173.
- Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С.** Памятник Сергеевка-1 в Юго-Западном Приморье: стратиграфия и общая характеристика культурно-хронологических комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 161–167.
- Попов А.Н., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорofеева Н.А., Малков С.С.** Археологические исследования на Приханкайской низменности в Юго-Западном Приморье в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 179–184.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Путятин П.А.** Орнаментация древнего гончарства // Тр. VI археол. съезда. – Одесса: Б.и., 1886. – Т. I. – С. 71–85.
- Рындина О.М.** Комплексная природа орнамента и методика ее исследования // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 97–105.
- Рындина О.М.** Генезис орнамента обских угров и саамоидцев в контексте их истории: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 42 с.
- Рындина О.М., Леонов В.П.** Опыт структурного анализа орнамента // ЭО. – 1992. – № 1. – С. 61–71.
- Сайко Э.В.** Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. – М.: Наука, 1982. – 212 с.
- Саладзе Л.** Семантика древнего орнамента // Декоративное искусство СССР. – 1980. – № 9. – С. 5–13.
- Сапфиров Д.А.** Проблема руднинской культуры Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения): тез. докл. конф. по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. – Уссурийск: Изд-во Уссур. гос. пед ин-та, 1985. – С. 68–70.
- Сапфиров Д.А.** О различиях в неолитических материалах поселения Кондон // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения): тез. докл. конф. по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. – Уссурийск: Изд-во Уссур. гос. пед ин-та, 1989. – С. 53–56.
- Семенов С.А.** К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. – М.: АН СССР, 1955. – № 57. – С. 137–144.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – 253 с.
- Сензюк П.К.** Композиция в декоративном искусстве. – Киев: Рад. шк., 1988. – 78 с.

- Скарбовенко В.А.** Возможности метода симметрии применительно к дескриптивному анализу орнамента археологической керамики // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. пед. ун-та, 1988. – С. 22–44.
- Скарбовенко В.А.** Использование некоторых геометрических понятий для описания орнамента археологической керамики // Теория и прикладные методы в археологии. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1994. – С. 60–73.
- Скарбовенко В.А.** Структурные уровни орнамента // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 199–212.
- Степаненкова З.В.** О механизме определения значимых орнаментальных признаков // Экспериментальная археология: изв. лаб. эксперимент. археологии Тобол. гос. пед. ин-та. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1992. – Вып. 2. – С. 85–93.
- Степанов Ю.С.** Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 147 с.
- Такаси Такеучи, Мыльникова Л.Н., Несторов С.П., Кулик Н.А., Деревянко Е.И., Алкин С.В., Кадзюки Накамура.** Электронно-микрозондовый анализ формовочных масс керамики с памятников Дальнего Востока // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1 (37). – С. 39–51.
- Татарников В.А.** К вопросу о выделении памятников кондонской культуры в Приморье // Археология и этнография в Восточной Сибири: тез. докл. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – С. 66–68.
- Топоров В.Н.** О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М.: Наука, 1988. – С. 3–24.
- Трессидер Дж.** Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
- Филатова И.В.** Орнамент как система: опыт структурного анализа (на материалах орнаментальной традиции малышевской неолитической культуры Нижнего Амура) // Теоретические и методологические проблемы современного гуманитарного знания: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (14–15 дек. 2000 г.). – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. – С. 139–141.
- Филатова И.В.** Мотивы-инварианты и их семантика в орнаментике нижнеамурского неолита // Художественно-эстетическое образование: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы регион. науч.-практ. конф. / Под ред. С.Н. Скоринова. – Хабаровск: Изд-во Краев. науч.-образов. творч. объед. культуры; Дальневост. гос. науч. б-ка, 2007. – Ч. I. – С. 179–183.
- Филатова И.В.** Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008а. – № 2 (34). – С. 88–95.
- Филатова И.В.** Глиняные сосуды с окрашенной поверхностью в гончарной традиции неолита Нижне-го Приамурья // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008б. – № 13 (114), вып. 8: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – С. 75–81.
- Филатова И.В.** Орнамент на керамике вознесеновской культуры неолита Нижнего Приамурья: результаты структурного анализа // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / Отв. ред. И.Я. Шевкомулд. – Хабаровск: [Б.и.], 2009. – С. 158–164.
- Филатова И.В.** Об «археологических университетах» и керамике марийской культуры (орнаментальный аспект) // Дальневосточно-сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 16–20.
- Филиппов А.В.** Построение орнамента с большим числом вариантов. – М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1937. – 86 с.
- Фокина Л.В.** Орнамент. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 150 с.
- Цетлин Ю.Б.** Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) // Тверской археолог. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 1996. – Вып. 2. – С. 39.
- Цетлин Ю.Б.** Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археолог. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 1998. – Вып. 3. – С. 50–63.
- Цетлин Ю.Б.** Гончарство как система // Тверской археолог. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2000а. – Вып. 4. – С. 245–250.
- Цетлин Ю.Б.** Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде // Тверской археолог. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2000б. – Вып. 4. – С. 251–259.
- Цетлин Ю.Б.** Происхождение графических способов декорирования глиняной посуды (постановка проблемы) // Тверской археолог. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. – Вып. 5. – С. 231–240.
- Цетлин Ю.Б.** Предметная изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание // РА. – 2004. – № 2. – С. 87–95.
- Цетлин Ю.Б.** Современное состояние и некоторые задачи изучения древней керамики // РА. – 2005. – № 3. – С. 69–75.
- Цетлин Ю.Б.** К разработке системы описания графического орнамента на керамике // Тверской археолог. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2006. – Вып. 6. – С. 316–327.
- Цетлин Ю.Б.** Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.
- Чан Су Бу.** К периодизации неолита Хоккайдо // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С. 203–208.
- Чан Су Бу.** Искусство позднего дзёмана Хоккайдо // У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 173–182.

- Чард Ч.С., Марлан Р.Е.** Абсолютная хронология каменного века Японии // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 109–138.
- Чистов К.В.** Традиция и вариативность // СЭ. – 1983. – № 2. – С. 14–22.
- Шарапова С.В.** Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – 4 (20). – С. 123–134.
- Шевкомуд И.Я.** Новые данные по неолиту Нижнего Амура // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1993. – № 3 (1). – С. 65–66.
- Шевкомуд И.Я.** Керамика начального неолита Приамурья: некоторые данные к проблеме ее исследований // Россия и АТР. – 1998. – № 1. – С. 80–89.
- Шевкомуд И.Я.** Памятники Хехцирского геоархеологического района и проблемы переходного периода от палеолита к неолиту в Приамурье // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 178–182.
- Шевкомуд И.Я.** Кондонская неолитическая культура на Нижнем Амуре: общий обзор // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 214–218.
- Шевкомуд И.Я.** Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2004. – 156 с.
- Шевкомуд И.Я.** Археологические комплексы финала плейстоцена-начала голоценов в Приамурье и проблема древнейшей керамики // Вестн. КРАУНЦ. Сер. Гуманит. науки. – 2005. – № 2. – С. 3–18.
- Шевкомуд И.Я.** Древнейший неолит Хоккайдо (по материалам памятника Тайко-3) // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 324–327.
- Шевкомуд И.Я.** Пластиначатые комплексы и культурные традиции в каменном веке Нижнего Приамурья (общий обзор) // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 174–182.
- Шевкомуд И.Я., Горшков М.В.** К вопросу о кондонской культуре в Нижнем Приамурье (исследования поселения Князе-Волконское 1 в 2006 г.) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы всерос. конф. с междунар. уч., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.М. Герасимова. – Иркутск: «Оттиск», 2007. – Т. 2. – С. 306–310.
- Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В.** Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии: сб. ст. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 2009. – С. 7–46.
- Шевкомуд И.Я., Фукуда Масахиро, Онуки Сидзуо, Кумаки Тосиаки, Куникита Даи, Конопацкий А.К., Горшков М.В., Косицына С.Ф., Бочкарьева Е.А., Такахаси Кен, Морисаки Кадзуки, Учida Кадзунори.** Исследования поселения Малая Гавань в 2007 г. в свете проблем хронологии эпох камня и палеометалла в Нижнем Приамурье // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: мат-лы междунар. археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова (17–18 марта 2008 г.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 247–253.
- Шевкомуд И.Я., Яншина О.В.** Переход от палеолита к неолиту в Приамурье: обзор основных комплексов и некоторые проблемы // Приоткрывая завесу тысячелетий: Сб. науч. тр. к 80-летию Ж.В. Андреевой. – Владивосток: ООО «Рея», 2010. – С. 50–72.
- Шевкомуд И.Я., Яншина О.В.** Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. – 270 с.
- Шейкин А.Г.** Язык культуры // Культурология. ХХ век: энцикл.: В 2 т. / Под ред. С.Я. Левита. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 2 – С. 423–424.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1899. – Т. 2. – 314 с. + XLI табл.
- Штернберг Л.Я.** Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
- Шубин В.О.** Новые неолитические памятники на Северном Сахалине // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С. 186–189.
- Шубин В.О., Шубина О.А.** Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Сахалинской области // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 95–103.
- Шубин В.О., Шубина О.А., Горбунов С.В.** Неолитическая культура на Южном Сахалине. – Южно-Сахалинск: Изд-во СОКМ, 1982. – 41 с.
- Шубина О.А.** Каменный век Северного Сахалина (имчинская неолитическая культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 18 с.
- Шубина О.А., Жущиховская И.С.** Периодизация имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО АН СССР, 1987. – С. 7–11.
- Шубников А.В.** Симметрия (законы симметрии и их применение в науке и прикладном искусстве). – М.; Л.: Наука, 1940. – 243 с.
- Шубников А.В., Кожин В.Д.** Симметрия в науке и искусстве. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
- Шубников А.В., Копчик Б.А.** Симметрия в науке и искусстве. – М.: Наука, 1986. – 347 с.
- Яншина О.В.** К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археоло-

гия и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: мат-лы XI сес. археологов и антропологов Дальнего Востока. III междунар. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 109–121.

Яншина О.В., Гарковик А.В. О результатах петрографического исследования древнейшей керамики Приморья // Радловский сборник: науч. исслед.

и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2008. – С. 244–249.

Яншина О.В., Лапшина З.С. Керамический комплекс осиповской культуры поселения Хумми-1 в Приамурье // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций: сб. ст. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 1: Археология: адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии (сырье и приемы обработки). – С. 154–171.

На других языках

Абэ А. Дифференциация форм сосудов Дзёмон (предварительные наблюдения). О территориальных особенностях керамики с фланцами и отверстиями // Сравнительные исследования неолитических культур Восточной Азии и Японии. Неолитическая культура Восточной Азии и Япония: отчет по археолог. исследованиям за 2002–2003 гг. Программы 21-й Век СОЕ Ун-та Кокугакуин. – 2004. – Т. 2. – С. 166–181 (на яп. яз.).

Изучение происхождения банок цилиндрической формы с плоским дном (на северо-востоке Китая) // Бэйфэн Вэнью – 1991. – № 4 (28). – С. 28–42 (на кит. яз.).

Ито С. Рудничная культура юго-запада внутреннего российского Приморья // Сравнительные исследования неолитических культур Восточной Азии и Японии. Неолитическая культура Восточной Азии и Япония: отчет по археолог. исследованиям за 2002–2003 гг. Программы 21-й Век СОЕ Ун-та Кокугакуин. – 2004. – Т. 2. – С. 149–161 (на яп. яз.).

Кадзивара Х. Переходный период от плейстоцена к голоцену в Сибири и на Дальнем Востоке и истики керамики // Симподзиуму: Косинсэй-Кансинсэй икоки-но-хикаку кокгаку [Симпозиум: Сравнительная археология переходного периода от плейстоцена к голоцену] (5–6 дек. 1998 г.). – 1998. – С. 28–31 (на яп. яз.).

Краткое сообщение о раскопках памятника эпохи неолита Байиньчанхань в уезде Линьси автономного района Внутренняя Монголия в 1991 году // Вэнью. – 2002. – № 1. – С. 4–15 (на кит. яз.).

Ли Гунду, Тао Мэйсюань. К вопросу о культуре Пяньпу // Бэйфэн Вэнью. – 1998. – № 2 (54). – С. 11–16 (на кит. яз.).

Масахиро Ф. Хронология неолитической керамики в российском Приморье // Сравнительные исследования неолитических культур Восточной Азии и Японии. Неолитическая культура Восточной Азии и Япония: отчет по археолог. исследованиям за 2002–2003 гг. Программы 21-й Век СОЕ Ун-та Кокугакуин. – 2004. – Т. 2. – С. 140–148 (на яп. яз.).

Нагамуна М. Период появления керамики в Нижнем Приамурье // Сравнительные исследования неолитических культур Восточной Азии и Японии. Неолитическая культура Восточной Азии и Япония:

отчет по археолог. исследованиям в Приморье за 2002–2003 гг. Программы 21-й Век СОЕ Ун-та Кокугакуин. – 2004. – Т. 2. – С. 129–139 (на яп. яз.).

Окладников А.П., Медведев В.Е. Неолит Южного Приморья: по материалам раскопок поселений // Асекагомунхуа. – Сеул: Хакён, 1995. – С. 601–619 (на кор. и рус. яз.).

Онуки С. Коллекции неолитической культуры ананси. Местонахождение Элсу // Сб. ст. – Токио: Изд-во Токийского ун-та, 1987. – С. 1–44 (на яп. яз.).

Онуки С. Первобытные культуры северо-восточных районов Китая (Северо-Восточной Азии) // Сб. работ в честь 55-летия археолог. деятельности Су Биньцзи. – Пекин: Вэньву Чубаньсиэ, 1989. – С. 38–64 (на кит. яз.).

Период сосо эпохи дзёмон: сб. мат-лов. – Ёкогама: Изд-во Ист. музея. – 1996. – 192 с. (на яп. яз.).

Сагава М. Новые археологические находки переходного периода от плейстоцена к голоцену в Китае // Симподзиуму: Косинсэй-Кансинсэй икокинихакаку кокгаку [Симпозиум: Сравнительная археология переходного периода от плейстоцена к голоцену] (5–6 дек. 1998 г.). – 1998. – С. 33–42.

Сакамото А. Керамика, украшенная валиками, со стоянки Ханамияма // Период сосо эпохи дзёмон: сб. мат-лов. – Ёкогама: Изд-во Ист. музея. – 1996. – С. 169–174 (на яп. яз.).

Сюй Чжиго. Первоначальные сведения о неолитических культурах севера провинции Ляонин // Бэйфэн Вэнью. – 1998. – № 2 (54). – С. 17–24 (на кит. яз.).

Шевкомул И.Я. Относительно керамики с петлевидными оттисками шнура // Кита но бунка корюси кэнкю дзиге тюкан хококу. – Саппоро: Хоккайдо кайтаку кинэнкан, 1998. – С. 101–108 (на яп. яз.).

Юй Цзянхуа. Гребенчатые узоры раннего периода и изучение вопросов, с ними связанных // Бэйфэн Вэнью. – 1987. – № 1. – С. 79–83 (на кит. яз.).

Ян Ху, Тань Инце. Археологический отряд по культурному наследию провинции Хэйлунцзян. Стоянка Синькайлю в уезде Мишань // Каогу сюэбао. – 1979. – № 4. – С. 491–518 (на кит. яз.).

Archaeological research at the Odai Vamomoto I Site: Inquiry into the question of the end of the Paleolithic culture and the beginning of the Jomon culture / Odai Vamomoto I Site Excavation Team, Editors. – Tokyo: Kokugakuin University, 1999. – 146 p. (Jap.).

- Archaeology** of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / Ed. Sarah M. Nelson, Anatoly P. Derevianko, Yaroslav V. Kuzmin and Richard L. Bland (BAR International, Series 1540). – Oxford: Archaeopress, 2006. – 191 p.
- Derevianko A.P., Medvedev V.E.** Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin) // Archaeology of the Russian Far East: Essays In Stone Age Prehistory (BAR International, Series 1540). – Oxford: Archaeopress, 2006. – Ch. 7. – P. 123–149.
- Gardin J.-C.** Code pour l'analyse des ornements. – Paris, 1978. – 325 p.
- Kajiwara H.** The Transitional Period of Pleistocene-Golocene in Siberia and Russian Far East in Terms of the Origin of Pottery // Symposium on the Comparative Archaeology of the Pleistocene – Golocene Transitional. – 1998. – P. 77–78.
- Kato H.** Neolithic Culture in Amurland: The Formation Process of a Prehistoric Complex Hunter-Gatherers Society Author(s) // Journal of the Graduate School of Letters. – 2006. – 1. – P. 3–15.
- Keally C.T., Taniguchi Y., Kuzmin Y.V.** Understanding the beginnings of pottery technology in Japan and neighboring East Asia // The Nature of the transition from the Paleolithic to the Neolithic in East Asia and the Pacific. – The Review of Archaeology: Special Issue. – 2003. – Vol. 24, № 2. – P. 3–20.
- Kobayashi T.** Jomon Reflections. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – 240 p.
- Konopatski A.K.** Malaya Gavan: multicultural settlement and the problems of Neolithic period of the Lower Amur region // Hanguk Sanggosa Hakbo [Journal of Korean Ancient Historical Society]. – 1993. – № 14. – P. 295–328.
- Kurishima E.** Insipient Jomon in Japan. Mikoshiba site [Культуры переходного периода на Японских островах: Роль культуры Микосиба в переходный период] // Сендай. – 1995. – №. – С. 117–121 (на англ. яз.).
- Medvedev V.E.** The Neolithic settlement of Suchu Island in the Lower Amur Region (The excavation of 1993) // Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1996. – Vol. 8, № 22. – P. 129–162 (на кор. яз.).
- Okladnikov A.** Ancient Art of the Amur Region. – Lenigrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.
- Peter Weiming Jia.** The problem of «Neolithic» in the archaeology of northeast China // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археолог. экспедиции РАН (Владивосток, 11–25 сент. 2003 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 252–255. (на англ. яз.).
- Shepard A.O.** Ceramics for the archaeologist. – Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington, Publication 609, 1965. – 414 p.
- Tan Ying-jie, Sun Xiu-ren, Zbao Hong-guang, Gan Zbi-geng.** The neolithic in Heilonjiang province // The archaeology of Northeast China (beyond the Great Wall). Edited by Sarah M. Nelson. – London; New York, 1995. – P. 118–144.
- Takahashi R., Toizumi T., Kojo Y.** Archaeology studies of Japan: Current studies of the Jomon archaeology // Nihon Kôkogaku [Японская археология]: Journal of the Japanese archaeology association. – № 5. – 1998. – P. 47–72. (на англ. яз.).
- Report of the Archaeological Investigations in Primorye.** Russia. Ustinovka 8 Site // Comparative Study on the Neolithic culture between East Asia and Japan. – Tokyo: Kokugain University, 2004. – Vol. 1. – P. 15–114 (на англ. яз.).
- Report of the Archaeological Investigations in Primorye.** Russia. Ustinovka 8 Site // Comparative Study on the Neolithic culture between East Asia and Japan. – Tokyo: Kokugain University, 2004. – Vol. 2. – P. 11–181 (на англ. яз.).

SUMMARY

The monograph is devoted to the research of ornamental aspect of late Stone Age ceramics of Lower Amur (Amur river with in flows from Ussuri river to mouth). In archeology of the region five late stone age cultures are determined: osipovskaya (initial, XII-IX thousand years BC), mariinskaya (initial, VIII-VII thousand years BC), malishevskaya (early – medium, second half VII – boundary IV-III thousand years BC), condonskaya (early – medium, middle VII – first half V thousand years BC), voznesenovskay (late, III – last quarter II thousand years BC). Two areas with essential nature and geographical differences are separated out in this territory: southwestern and north-eastern parts of Lower Amur.

In ancient times Lower Amur set out as the zone of active culturegenesis. In researches of ancient migrations and cultural contacts the most important role is given to ceramics as multiple material, which has complicated complex of characteristics which can be used for comparative and other kinds of analysis. Monuments of malishevskay, condonskay and voznesenovskay cultures are described by representative collections of ceramics with rich and various decor. Ceramics collections of osipovskay and mariinskaya cultures are informative enough too.

In modern science ornament is an object of special study by explorers of different profile: arts critics, culture experts, semiotics, ethnographers, archaeologist, etc. In ancient society ornament was one of the “culture tongue”, and used for communicative and transmission processes.

Chapter 1. «Lower Amur late Stone Age ornamental traditions: rising the problem». The history of source base forming of research ornamental traditions of late Stone age of the region is given, first of all, to the ceramics, and also to the historiography of the problem – are represented.

Three stages of forming source base can be separated out: 1) middle XIX – 1920s – middle 1930s; 2) 1950s – middle 1990s 3) end 1990s – 2000s. First stage – preliminary – is connected with expeditions work, mostly ethnographical character.

Second stage – the main in accumulation late Stone Age’ materials – is the period of active work of far eastern (lately Northern – Asian complex) archeological expedition. Nearly 50 year period of work expedition in Lower Amur were discovered hundreds of monuments late Stone age times, serious volume of materials (including ceramics) was collected. Third stage – is mainly connected with international archeological expeditions (explorers from Russia, Republic Korea and Japan). Nowadays we have wide source base of Low Amur Late Stone Age archeology with collections, which include ten thousand ceramics units and whole vessels.

There are 4 stages in development of explorers’ views to the ornamental traditions of Lower Amur late Stone Age: 1) middle XIX – begin XX century; 2) 1st half of XX century; 3) 2nd half of XX century; 4) end XX – beginning XXI. Stages’ isolation is determined by source base’ condition, by interpretation character, and by the degree of material summarizing. On the first stage main researches were leaded by scientist-ethnographer, which, learning traditional culture of native people of Priamure, attracted archeological sources. 2nd and 3nd stages are connected with activity of A.P. Okladnikov, his companions and pupils. They mark out as the main problem cultural and stage-chronological characteristics of ornaments late stone age of Lower Amur. Ceramics ornament was viewed as one of the main culture making features. On the 4th stage main research tendency is saved. It is oriented to the ornamental characteristics as the culture-stage feature; and attempts to solve genesis and evolutional Low Amur late Stone Age cultures, based on analysis of ornamental and technological traditions are undertook.

Today we have noticeable theoretical volume of knowledge according to this problem. But some questions are still unsolved.

Chapter 2. «Ornamental complexes of late Stone Age cultures of Lower Amur». General principles of research, main results of studying Lower Amur late Stone age ceramics ornament are presented.

Authors study ornament as complete system, which is characterized by exactly expressed hierarchy structure, by polysemantic inside and outside connections, by definite functions. We can separate out micro level in ornamental structure; its building unit is technic-designed element; we can separate out mega level; its building unit is ornamental composition. Connecting link between them is motive, macro level of structure. Ornament functions are semantic aesthetic and technic; they had inside and outside direction. At that his main function was semantic. The description according to offered model of analysis of ornamental semantic let complain the dictionary of motives; and find out their semantic characteristics.

Compared analysis of ornamental complexes of late Stone age cultures of Amur area let us watch the connections between them. Similar cultural-stage feature are fixed at each level of ornamental structure. It tells us about possible direct and/or indirect contacts between bearers at different stages of existing osipovskay and malishevskay, mariinskay and kondonskay, malishevskay and kondonskay, malishevskay and voznesenovskay, kondonskay and voznesenovskay cultures and at different stages of their ornamental complexes' development. Important similarity of decor of mariinskay and kondonskay, malishevskay and voznesenovskay ceramics, little of osipovskay and malishevskay, malishevskay and kondonskay, less of mariinskay and malishevskay, kondonskay and voznesenovskay ceramics.

Based on structural analysis results in 4 ornamental culture complexes (osipovskay, malishevskay, voznesenovskay, kondonskay) in chronological meaning we separate out early middle late groups. Besides, in two cultures (malishevskay and voznesenovskay) main locations are grouped according to territory principle in south-west, central and northern-east groups.

As a whole we can speak not only about considerable cultural proximity of ornamental complexes of osipovskay and malishevskay, cultures of malishevskay and voznesenovskay, but also we can learn them as components of unite ornamental tradition, formed, maybe, according to acculturation and partly, diffusion. Twiddle of mariinskay and kondonskay cultures developed, probably in frames of another tradition, thus latter tested episodically outside influence (direct or indirect) from bearers malishevskay and voznesenovskay cultures.

Semantic characteristics of ornamental complexes of learning cultures according to the model add our conclusion. Typical for each culture motives (more presentable in semantic meaning), probably, is con-

nected with totemic ideas of their bearers. The main image of god was dragon as a creature of fire, air and water. Main horizontal position of ornaments, invariant motives of water let us suppose that late Stone Age people of Lower Amur had horizontal "river" model of the world, that doesn't contrary to cultural-economic activity, connected with the biggest water artery, of the region.

Chapter 3. «Ornamental complexes of late Stone age cultures of Lower Amur and near by territories of Far East of Russia». Correlation of ornamental complexes of analyzing cultures with materials of nearby territories of Russian (Middle Amur, Primorie and Sachalin) and foreign (Japan, China) Far East is showed here.

As a result of comparative analysis similar feathers are separated out. They are at all levels of ornament structure in wide chronological and territory diapason. Some of these features can be watched as typical for ornamental of far eastern late Stone Age ceramics at all. They are: relief (mostly, negative) as main principle of decor surface of vessels and punching as main technic. 2) print of cristate punch; 3) concentrate (mainly) structure of ornament and border as a principle of space building.

Cultural and cultural-stage features can be explained by migration processes, which took place at different time in late Stone Age. For Russian Far East 2 regions could serve as possible zones of contacts. 1st contact zone – south – western part of low priamurie – probably was a place of meeting bearers of osipovskay culture and ustinovskay ceramics tradition, mariinskay, malishevskay, kondonskay and rudninskay, kondonskay and vekinskay, voznesenovskay and zaysanovskay culture at different stages of their development. From here osipovci and malyshevci could penetrate to middle Amur territory, and bearers of gromatuhino culture – to low priamure, using Amur river, head of Burea river and Selemdgu river as a main road. 2nd contact zone – northern east part of low priamurie could be the place where malishevskay and boismanskay cultures touched also the way of penetration of osipovci and malishevci, from continent to island zone. North-eastern zone of priamure could be contact for bearers of voznesenovskay and zaysanovskay, voznesenovskay and imchinskay, voznesenovskay and sedihinskay cultures.

For foreign part of Far East possible contact zones could be Middle Priamure and south-west part of low priamure (meeting place of anansi and kondonskay cultural bearers) and north-eastern part of low priamure (meeting of osipovci and bearers of ceramics traditions initial dzjemonia, malishevcev and ceramic bearers monument type of tayso-3, daisinso etc.

(Japan), culture of houva Lyodunskogo peninsula, condoncnev and ceramic bearer with roller of soso period of initial dzemona, voznesenovcev (at early and late stage) and migrants from north-eastern China. We can suppose some migration impulses of different directions. The comparison of ornamental complexes of late Stone Age cultures of Low Priamure with materials nearby territories of Far East let us learn some similar feathers and differences, to define lines of possible migrations, contacts and degrees of interference.

In conclusion general line of ceramics development in low Priamure in ornamental aspect is showed. The beginning of formation of ornament traditions in pottery of people of the region is connected with

bearers of malishevskay and condonskay cultural. The analysis showed main proximity of cultural ornamental complexes malyshevskay and voznesenovskay cultures. Evidently, they have to be learned as components of unite ornamental tradition, which formed on the base of accultural processes and partly diffusion. Culture ornament of mariinskay and condonskay cultures developed, in frames of another tradition thus it tested some outside influence (direct and indirect).

Generally formation and development of ornamental traditions of late Stone Age of Low Priamure had complex character, which was showed in exceptional variety and special semantic.

СПИСОК СОКРАШЕНИЙ

АмГУ	— Амурский государственный университет
АН СССР	— Академия наука СССР
АО	— Археологические открытия
АТР	— Азиатско-Тихоокеанский регион
ВСОРГО	— Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ДВАЭ	— Дальневосточная археологическая экспедиция
ДВГУ	— Дальневосточный государственный университет
ДВНЦ АН СССР	— Дальневосточный научный центр АН СССР
ДВО АН СССР	— Дальневосточное отделение АН СССР
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН	— Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИРАО	— Императорское Русское археологическое общество
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
КСИА	— Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
ЛОИА	— Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОИАК	— Общество изучения Амурского края
РА	— Российская археология
РАН	— Российская академия наук
СА	— Советская археология
СО РАН	— Сибирское отделение РАН
СЭ	— Советская этнография
ТГОМ	— Тверской государственный областной музей
ТИЭ	— Труды Института этнографии
УрО АН СССР	— Уральское отделение АН СССР
ХККМ	— Хабаровский краевой краеведческий музей

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Орнаментальные традиции неолита нижнего Приамурья	8
1.1. Археологические исследования и формирование источниковой базы	8
1.2. Историография исследования орнаментальных традиций неолита нижнего Приамурья	13
Глава 2. Орнаментальные комплексы неолитических культур нижнего Приамурья	22
2.1. Орнамент на керамике как система: принципы исследования	22
2.2. Структурный анализ орнаментальных комплексов	28
2.3. Сравнительный анализ орнаментальных комплексов	89
2.4. Семантика орнамента	98
Глава 3. Орнаментальные комплексы неолитических культур нижнего Приамурья и сопредельных территорий Дальнего Востока	111
3.1. Неолитические комплексы среднего Приамурья, Приморья и Сахалина	111
3.2. Неолитические комплексы Японии и Китая	131
Заключение	147
Список литературы	150
Summary	164
Список сокращений	166

Научное издание

**Медведев Виталий Егорович
Филатова Инга Владимировна**

**КЕРАМИКА ЭПОХИ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ
(орнаментальный аспект)**

Редактор *М.А. Коровушикина*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 09.04.2014 г. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. 19,53 л. Уч.-изд. 18,2 л. Тираж 300 экз. Заказ № 337.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.